

М.Н.ГЕРНЕТ

**ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ**

М. А. ТЕРЕТ

НЕСТОР

ЦАРСКОМ

ТЮРПМ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЧЕБНО-НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

В пяти томах

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Том первый

1762 - 1825

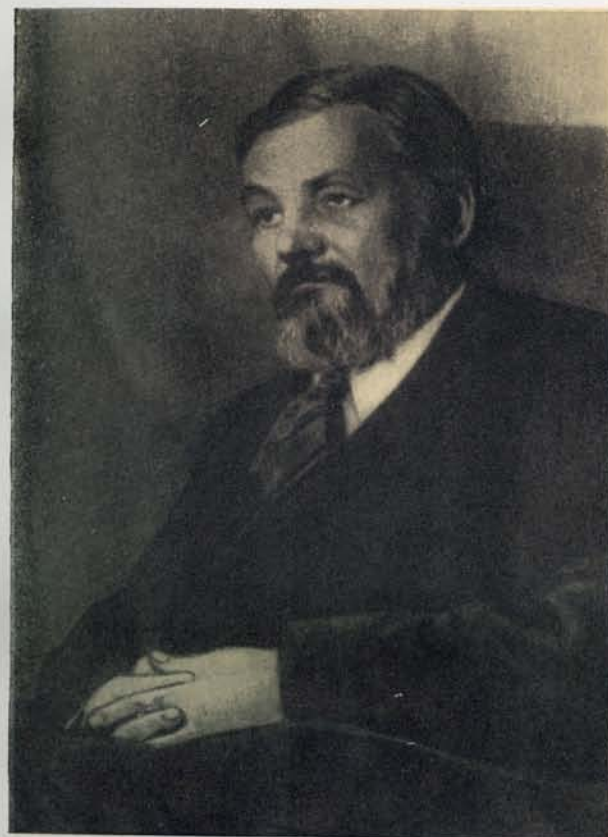
1960

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
*А. А. Герцензон, Ф. Н. Петров,
С. А. Покровский*

М. Н. ГЕРХЕТ

От редакции

ПЯТИТОМНЫЙ труд М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» широко известен советскому читателю. Давно уже разошлись два издания первых трех томов и издание последующих двух томов. Между тем интерес к этому капитальному труду по-прежнему сохраняется. «Историю царской тюрьмы» читают не только юристы и историки, но и очень широкий круг читателей, которые интересуются героической борьбой против царского строя трудящихся масс России, подвергавшихся массовым, кровавым репрессиям со стороны царских тюремщиков, палачей и карателей.

М. Н. Гернет работал над исследованием истории царской тюрьмы в течение нескольких десятилетий. Он собрал, систематизировал и обобщил огромный фактический материал, относящийся к истории царской тюрьмы почти за два века и до Октябрьской революции тщательно оберегавшийся царской властью от посторонних глаз.

С конца 30-х годов он работал исключительно над этой темой, опубликовал первые три тома, подготовил четвертый том и собрал материалы (частично обработав их) для пятого тома. Эти последние два тома были опубликованы уже после смерти М. Н. Гернета.

Труд М. Н. Гернета — это наиболее полное исследование царской тюрьмы, которое когда-либо выходило из-под пера русских дореволюционных и советских ученых.

М. Н. Гернет, один из прогрессивных ученых дореволюционной России и крупный советский ученый, является автором нескольких сот печатных работ по уголовному праву, процессу, криминалистике, уголовной статистике.

Еще в дореволюционное время М. Н. Гернет являлся одним из немногих профессоров Московского университета, связывавших уголовное право с классовой борьбой, стремившихся

вскрыть, обнажить общественные корни преступности в царской России, разоблачить террористический характер царской репрессии. Однако, не стоя на марксистских позициях, М. Н. Гернет в этот период отдавал дань идеям буржуазной социологической школы, и его представления о социалистическом уголовном праве были утопическими, далекими от марксистского учения о государстве и праве.

После Великой Октябрьской социалистической революции М. Н. Гернет одним из первых среди представителей старой профессуры пришел работать в советские государственные органы и в советские научные и учебные заведения. Ученый-патриот, он отдавал все силы на благо своей Родины и, несмотря на тяжелый недуг в последние два десятилетия своей жизни (полная потеря зрения), продолжал вести активную научную деятельность. М. Н. Гернет внес значительный вклад в советскую науку. Для советского периода научной деятельности М. Н. Гернета характерно его стремление идти нога в ногу с запросами жизни, с потребностями органов социалистического правосудия. Он стремился овладеть марксистской методологией и преодолеть узкий горизонт идей буржуазной юриспруденции, хотя и не прошел этого пути до конца.

Редакционная коллегия считает, что новое издание «Истории царской тюрьмы» принесет пользу советскому читателю. Этот труд знакомит читателя с карательной политикой царизма, с классовой сущностью царского законодательства. Он ярко показывает героизм политических борцов против царизма: и русских революционных демократов, и огромной массы революционных рабочих и крестьян, и профессиональных революционеров — членов большевистской партии, стойко сражавшихся с царизмом, несмотря на систему пыток, чудовищный тюремный режим и массовые казни.

Настоящее издание осуществляется под руководством редакционной коллегии в составе: А. А. Герцензона, Ф. Н. Петрова и С. А. Покровского. Сохраняя в неприкосновенности текст труда М. Н. Гернета, редакционная коллегия внесла в него лишь те небольшие коррективы, которые вызывались необходимостью устранить отдельные неточности.

Первому тому «Истории царской тюрьмы» предпослан очерк жизни и деятельности М. Н. Гернета, написанный проф. А. А. Герцензоном. К этому тому приложен указатель имен, составленный А. В. Гернет.

Редакционная коллегия

Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874—1953 гг.)

ИМЯ Михаила Николаевича Гернета неразрывно связано с прогрессивной русской дореволюционной и советской юридической наукой. Всю свою сознательную жизнь, более половины века, отдал М. Н. Гернет служению науке уголовного права.

Михаил Николаевич Гернет родился 12 июля 1874 г. в городе Ардатове Симбирской губернии. Его отец, привлеченный к ответственности по делу Каракозова, после заключения в Невской куртине Петропавловской крепости, был сослан в Вологодскую губернию, а затем переведен в Симбирскую губернию, где находился в качестве административно-ссыльного.

Во втором томе «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернет передает рассказ своего отца о тех преследованиях, которым он подвергался при содержании в крепости, в частности, «...председатель комиссии по расследованию дела Каракозова, усмиритель польского восстания Муравьев-вешатель, оставшись недовольным ответами отца на допросах, приказал ограничить его питание в крепости». Другое упоминание о революционном прошлом отца содержится в четвертом томе «Истории царской тюрьмы», где М. Н. Гернет рассказывает о своих впечатлениях при посещении в 1949 году той камеры Невской куртины, где когда-то содержался в заключении его отец. «Впервые я вошел внутрь Невской куртины, где в одном из казематов содержался в 1866 году еще совсем молодым человеком мой отец. Теперь я, семидесятипятилетним стариком, перешагивал через порог той куртины в качестве историка, где мой отец провел долгие месяцы в качестве политического заключенного. Я чувствовал какое-то особое отношение к крепости. Отец боролся против режима, который поддерживался этой крепостью, а сын его дожил

до счастья быть ее историком, чтобы по мере сил ознакомить читателей с историей политической борьбы, которую вели несколько поколений узников Петропавловской крепости». Эта незримая связь с революционными узниками — борцами за революцию постоянно ощущалась М. Н. Гернетом и наложила свой отпечаток на все его мировоззрение.

Воспитываясь в семье политического ссыльного-караковца, М. Н. Гернет с детских лет проникся глубокой симпатией к революционным народным массам, к идеям великих русских революционных демократов, к прогрессивной науке.

Тринадцати лет, в 1887 году, М. Н. Гернет поступает в Симбирскую классическую гимназию, а в 1893 году — на юридический факультет Московского университета.

В высшей степени ценные материалы о жизни и деятельности М. Н. Гернета содержатся в его «Речи», произнесенной в Московском юридическом институте в 1941 году, в связи со 185-летием юридического образования в Москве и 10-летием Московского юридического института. «Мое вступление в университет совпало с самой тяжелой реакцией. 1893 год был тяжелым годом, он был годом действия самого реакционного из университетских уставов — 1884 года, сковавшего мысль науки, не допускавшего никакого общения профессоров между собой и студенчеством, — устава, который вызвал оппозицию лучшей части профессуры и лучшей части студенчества. Именно на почве борьбы с этим уставом в 1887 году был подвергнут первому аресту студент Казанского университета Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Университеты и вообще высшие учебные заведения были важными позициями в борьбе на политическом фронте. Царизм это прекрасно сознавал, и это прекрасно сознавали и все противники царизма, начиная с либералов и кончая революционерами»¹.

Девятнадцатилетний юноша М. Н. Гернет сразу погружается в гущу общественно-политической и академической жизни Московского университета 90-х годов XIX века.

В университете он избирается председателем студенческой комиссии по заведованию факультетской библиотекой. В этой общественной работе уже тогда проявилась та безграничная любовь к книге, к библиографии, которая затем так ярко характеризует М. Н. Гернета — одного из лучших знатоков русской и иностранной юридической литературы и мастера библиографии.

¹ «Ученые записки Московского юридического института», вып. 3, 1941, стр. 111—112.

Но этот вид общественной работы не мог удовлетворить М. Н. Гернета. Он вступает в студенческую организацию Симбирского и сибирского землячества и становится ее активным участником. Землячество делегирует его представителем в союзный совет землячества. По инициативе М. Н. Гернета издается нелегальный, студенческий литографированный журнал «Студенческий голос», в котором он публикует ряд своих статей и осуществляет редакторскую работу.

Активная общественно-политическая деятельность М. Н. Гернета сочетается в годы студенчества с плодотворной, систематической академической работой. Он изучает политическую экономию у Чупрова; уголовное право, ставшее затем его специальностью, — у Духовского и Колоколова, видных русских юристов-криминалистов, занимавших в те годы прогрессивные позиции. Проф. Духовской явился первым из русских криминалистов, который в полном объеме поставил перед наукой уголовного права задачу изучения преступления и наказания не только как юридического, но прежде всего как социального явления. Задолго до официального появления на Западе так называемой социологической школы проф. Духовской выдвинул изучение преступности и ее причин как непосредственную задачу науки уголовного права. Его ученик М. Н. Гернет посвятил осуществлению этой задачи всю свою научную деятельность.

При окончании университета М. Н. Гернет выступает с сочинением на тему «О влиянии юного возраста на уголовную ответственность». Университет высоко оценил и общие академические успехи М. Н. Гернета, и это сочинение. Ему была присуждена золотая медаль и вынесено юридическим факультетом постановление об оставлении М. Н. Гернета при университете для подготовки к научной деятельности по кафедре уголовного права.

Однако препятствием для осуществления этой заветной мечты послужила общественно-политическая деятельность М. Н. Гернета в студенческих организациях. Будучи участником марксистского кружка, М. Н. Гернет оказался «на учете» у полиции, и после посещения полицейскими чинами собрания этого кружка на его квартире был произведен обыск. В департамент полиции поступило сообщение московского оберполицеймейстера следующего содержания: «Вышеупомянутый Гернет участвовал в студенческой союзной организации, а затем он был членом союзного совета и в названном кружке, как окончивший курс, играл руководящую роль».

Вспоминая об этом периоде своей жизни, М. Н. Гернет говорил:

«В 1897 году я окончил Московский университет и был оставлен при университете. Но мое утверждение в звании профессора было надолго задержано по причине, достойной быть отмеченной здесь для характеристики тогдашнего времени.

Дело в том, что я с несколькими товарищами, в том числе с нынешним членом-корреспондентом Академии наук т. Яковлевым (историком), решили организовать кружок для коллективного изучения Маркса. Мы собирались, но очень скоро на нас нагрянули жандармы, всех нас переписали, а через несколько дней после этого у меня на квартире был произведен тщательный обыск. К счастью, прежде чем полиция успела ворваться ко мне в комнату, я успел проглотить, запив мыльной водой из умывального таза, написанный на папиросной бумаге список студентов сибирского землячества, в члены которого я был избран. Но при этом обыске у меня был отобран реферат, который я должен был читать студентам. Таким инцидентом началось мое служение науке в Московском университете. Этот инцидент был не последним. Мне припоминается случай, когда меня вызвал к себе в правление помощник ректора университета Зверев и указал, что университетскому начальству известна моя близость к студенчеству и что такая близость недопустима для лица, готовящегося к профессорскому званию»¹.

Попечитель учебного округа признал М. Н. Гернета политически неблагонадежным и не утвердил постановление юридического факультета. Лишь при повторном ходатайстве факультета М. Н. Гернет был оставлен при университете. Январь 1898 года — дата официального вступления М. Н. Гернета на научное поприще. Следует отметить, что первая печатная работа М. Н. Гернета «Вопросы адвокатской этики» была опубликована годом раньше в 1897 году в «Юридической газете».

* * *

В последующие годы пребывания в Московском университете М. Н. Гернет деятельно готовится к магистрантским экзаменам. Одновременно он принимает активное участие в разработке проблемы борьбы с юношеской преступностью. На съезде представителей русских воспитательно-исправительных учреждений, происходившем в 1900 году, М. Н. Гернет выступает с докладом «Об устройстве особых приютов для неисправивших-

¹ «Ученые записки Московского юридического института», вып. 3, 1941, стр. 115.

ся преступников, достигших 18-летнего возраста». Этот доклад был опубликован в том же 1900 году. Тема о борьбе с преступностью малолетних и несовершеннолетних постоянно привлекает внимание М. Н. Гернета и в последующие годы.

Успешно сдав магистрантские экзамены и прочитав на юридическом факультете первые лекции по уголовному праву, М. Н. Гернет весной 1902 года получил звание приват-доцента. Перед ним открывалось широкое поле научной и педагогической деятельности. Он поставил своей задачей борьбу за развитие и продолжение лучших традиций прогрессивной русской науки уголовного права. Свою магистерскую диссертацию М. Н. Гернет посвятил вопросу об общественных причинах преступности. В русской литературе этому вопросу в тот период было уделено еще сравнительно небольшое внимание: большинство работ по уголовному праву было посвящено чисто догматическим вопросам. Но прогрессивные русские криминалисты стремились расширить горизонты науки уголовного права включением в нее уголовно-социологических проблем. В русскую литературу стали проникать публикации материалов уголовной статистики. Значение изучения преступности для развития науки уголовного права вынуждены были признать даже такие убежденнейшие представители чисто догматической разработки уголовного законодательства, как Таганцев, Сергеевский и другие.

В связи с тем, что вопросы методики изучения преступности оставались не разработанными в русской юридической литературе, М. Н. Гернет решает выехать в научную командировку за границу с целью изучения и сбора материалов для диссертационной работы. М. Н. Гернет сначала работает в Берлине в библиотеке Гейдельберга и в семинарии проф. Листа — главы германского направления социологической школы уголовного права. Затем он изучает специальную криминологическую литературу в библиотеках Парижа и Рима, слушает лекции Тарда — главы французского направления социологической школы уголовного права, лекции Ломброзо и Ферри — представителей антропологической школы уголовного права в Италии. Все это обогащает научный кругозор М. Н. Гернета, но вместе с тем он критически относится к идеям буржуазной социологической и в особенности антропологической школ уголовного права, в частности, к теории прирожденного преступника. Однако идеи социологической школы уголовного права в определенной степени воспринимаются М. Н. Гернетом.

Во время пребывания за границей М. Н. Гернет осматривает криминалистические музеи, посещает многие тюрьмы в

Италии, Франции, Швейцарии и Германии. Ознакомление с буржуазным тюрьмоведением значительно обогащает знания М. Н. Гернета в области карательной политики буржуазных государств.

В 1903 году М. Н. Гернет, находясь за границей, читает лекции для русских политических эмигрантов в высшей русской школе социальных наук в Париже и в новом свободном университете в Брюсселе. Эти лекции посвящены вопросам изучения преступности как социального явления.

Научная командировка М. Н. Гернета за границу была очень плодотворной. Возвратившись из нее, он обобщил обширные литературные источники, статистические материалы, а также свои личные впечатления о буржуазных тюрьмах.

В 1903—1904 гг. М. Н. Гернет публикует ряд статей, основанных на собранных им за границей материалах¹.

В 1905 году М. Н. Гернет защищает магистерскую диссертацию на тему «Социальные факторы преступности». Диссертация была издана в том же году и переиздана в переработанном виде в 1906 году под названием «Общественные причины преступности. Социалистическое направление в уголовном праве». Исследования М. Н. Гернета о причинах преступности имели большое значение в развитии прогрессивной русской дореволюционной науки уголовного права.

В этой связи необходимо вспомнить состояние университетской юридической науки в эпоху первой русской революции. «Господствующее направление в университете определяли кадетские профессора, рядом с которыми видные позиции занимали представители махровой реакции»², — указывается в «Истории Московского университета». Дальше отмечается, что «давление правящих кругов, усиленный полицейский надзор, преследования администрации делали невозможной разработку в стенах университета подлинно научных основ юриспруденции. Юристы университета не только вели в этот период ожесточенную борьбу с марксизмом, но и отказывались от лучших традиций науки того периода, когда буржуазия еще не была контрреволюционной силой»³. «В этих условиях, — указывается далее, — в университете появляется группа молодых ученых (Н. Н. Полянский, М. Н. Гернет), которые пытаются, хотя и непоследовательно, подвергнуть критике существующий строй

¹ См. «Французские тюрьмы», «Право» 1903 г. № 49 и 50; «Преступность в Бельгии», «Вестник права» 1904 г. № 4; «Преступность во Франции в 1881—1900 гг.», «Право» 1904 г. № 16, 17 и др.

² «История Московского университета», т. 1, стр. 464.

³ Там же.

и его правопорядок. Деятельность этой небольшой группы встречала ожесточенное сопротивление со стороны кадетской профессуры, не говоря уже о махровых реакционерах»¹.

Характеризуя указанную работу М. Н. Гернета, авторы «Истории Московского университета» отмечают: «Большое значение имели исследования профессора Гернета о причинах преступности. Он указывал, что источник преступности лежит в экономических условиях бедности, нищете, безработице. Гернет резко восставал против неравенства в наказаниях, против привилегий для имущих классов. В будущем уголовном праве, по его представлениям, «опорой порядка» будут не виселица, не тюрьма, а братство, свобода и равенство граждан»².

Необходимо более подробно остановиться на характеристике диссертации М. Н. Гернета.

Первая глава диссертации, посвященная методу науки уголовного права, не потеряла интереса и в настоящее время, как очень подробная сводка взглядов русских и зарубежных криминалистов на содержание и методы науки уголовного права. Глава эта представляет и тот интерес, что ярко характеризует основное положение автора об обязательном включении в науку уголовного права учения о причинах преступности, которое М. Н. Гернет вместе со многими другими криминалистами называл «уголовной этиологией». Конечно, нельзя было бы пройти мимо неправильной оценки автором учения социологической школы как прогрессивного в целом по сравнению с учением классической школы (подобного рода ошибка делалась многими криминалистами даже после Октября 1917 года). Но, думается, здесь было бы важнее подчеркнуть другой момент — попытку автора отделить от социологической школы уголовного права то направление, которое М. Н. Гернет в 1905 году осмелился назвать в стенах университета социалистическим, — и это в условиях, когда само слово «социалистический» являлось уже страшной крамолой для кадетско-монархического большинства университетской профессуры!

Впервые в русской уголовноправовой литературе прозвучали имена Маркса и Энгельса и была сделана первая, пусть и очень несовершенная, попытка преломить учение марксизма в области уголовного права. При рассмотрении истории науки уголовного права впервые приводятся имена и излагаются уголовноправовые взгляды Мора и Кампанеллы, Мелье и Руссо, Марата и Годвина, Бриссо и Фурье, Оуэна и Каба и других

¹ «История Московского университета», т. 1, стр. 464.

² Там же, стр. 465.

мыслителей. Впервые в русской уголовноправовой литературе было сделано указание на прямую зависимость преступности от экономической структуры общества, на классовую природу уголовного законодательства. Наконец, впервые с кафедры Московского университета прозвучало слово об «уголовном праве будущего», которое должно быть построено, как указывал автор, на началах равенства, справедливости и гуманности. И хотя М. Н. Гернет в рассматриваемый период еще весьма смутно представлял себе сущность «социалистического направления в науке уголовного права», нередко относя к нему и тех, кто к социализму не имел никакого отношения, хотя учение Маркса и Энгельса далеко еще не было воспринято автором, а действительные классовые корни преступности были им вскрыты лишь частично и самый метод изучения преступности и ее причин был далек от совершенства, — несмотря на все это, защита диссертации М. Н. Гернета и выход в свет его книги имели большое политическое, прогрессивное значение. Эта работа М. Н. Гернета представляет и поныне интерес как одна из первых попыток преодолеть официальную буржуазную науку уголовного права, противопоставить идеям буржуазных школ уголовного права новое, прогрессивное направление. Она проникнута глубоким сочувствием к народу, к эксплуатируемым массам.

Одной из главных задач науки уголовного права М. Н. Гернет считал разработку мер предупреждения преступности на основе изучения порождающих преступность причин и воздействия на эти причины с целью их устранения. Так как эти причины коренятся в социальных условиях жизни людей, то нужно добиваться коренного изменения их путем социалистического преобразования общества. Современная карательная система, основанная на устрашении, возмездии, применении смертной казни, телесных наказаний, бесцельного тюремного заключения, должна быть коренным образом перестроена на началах гуманизма, исправления преступников.

* *
*

Осенью 1904 года, еще до защиты диссертации, М. Н. Гернет начал чтение курса лекций по уголовному праву на юридическом факультете Московского университета. По его инициативе при факультете организуется музей уголовного права, где сосредоточивается обширная библиотека по всем отраслям науки уголовного права, помещаются многочисленные экспонаты по истории наказаний и тюремоведению, а также разнообраз-

ные наглядные пособия (диапозитивы, диаграммы и картограммы о движении и состоянии преступности), которые используются М. Н. Гернетом при чтении лекций.

В эти годы М. Н. Гернет руководит семинарием по уголовному праву, в котором учебная работа тесно переплеталась с самостоятельной научно-исследовательской работой студенчества. Студенты — участники этого семинария не только изучали литературу по различным вопросам уголовного права, но и под руководством М. Н. Гернета собирали и научно обрабатывали сведения о преступлениях и преступности. Результаты этой научной работы были положены в основу нескольких сборников, посвященных изучению преступности и ее причин.

Вот что говорил М. Н. Гернет о своей педагогической и общественной деятельности в дореволюционные годы в Московском университете:

«Моя преподавательская деятельность началась в Московском университете после 2¹/₂-летнего пребывания за границей.

В 1904 году приближалась революция, она пришла и в Московский университет. Коридоры и аудитории заполнились, как никогда, студентами. Учащаяся молодежь из других учебных заведений, лица посторонние приходили в университет. Лекции сменялись митингами, митинги сменялись лекциями. Появился целый ряд молодых преподавателей. На некоторых лекциях этих молодых преподавателей присутствовала аудитория не в сотни, а даже в тысячи человек. Мои лучшие воспоминания связаны с семинарскими работами в эти годы. Вокруг меня была молодежь, молодые головы, молодые смелые мысли, смелые речи, а кругом — обветшалое здание императорской власти, насквозь прогнившие политические устои, душная атмосфера старой рутины...»¹.

В период 1908—1911 гг. было издано пять сборников трудов студентов под общим заголовком «Семинарий по уголовному праву приват-доцента М. Н. Гернета»². Эти работы были написаны с прогрессивных позиций и способствовали вскрытию многочисленных причин преступности в царской России.

Под общим руководством и при непосредственном участии М. Н. Гернета слушатели семинара по уголовному праву подготовили в 1909—1911 гг. большой коллективный труд на тему «Детская преступность в Москве и меры борьбы с нею». Эта

¹ «Ученые записки Московского юридического института», вып. 3, 1941 г., стр. 115.

² Вып. I — 1908 г., вып. II — 1909 г., вып. III и вып. IV — 1910 г., вып. V — 1911 г.

работа была издана под названием «Дети-преступники»¹. В ней получили освещение такие вопросы, как ответственность юных преступников, организация детских судов и система мер борьбы с детской преступностью, характеристика детской преступности, социально-экономические факторы детской преступности, распределение детской преступности по возрасту, рецидиву, соучастию, алкоголизму и т. д. По существу, это было первое крупное исследование детской преступности в России, основанное на большом фактическом материале, собранном, обработанном и научно обобщенном по преимуществу студенческой молодежью. Из предисловия к этой книге, написанного М. Н. Гернетом, видна его большая организационная и научно-методическая работа при проведении комплексного изучения детской преступности в Москве². В своем семинарии по уголовному праву М. Н. Гернет сплотил большой коллектив молодых ученых, глубоко преданных тем гуманистическим идеям, к служению которым неустанно призывал М. Н. Гернет.

Подводя итоги проделанной работы, М. Н. Гернет писал: «Участники семинария и авторы напечатанных статей единодушно сходятся между собой на мысли, что детская преступность и проституция — явления, неразрывно связанные с социальным укладом нашего общества, и вместе с тем они согласно признают, что борьба с этими недугами должна вестись посредством воздействия на порождающие их причины (указ. соч., стр. 3).

Выход книги «Дети-преступники» имел политическое значение, так как приведенный в ней объективный фактический материал вскрывал язвы буржуазно-помещичьего строя в России. Необходимо отметить и большое научно-практическое значение

¹ «Дети-преступники», сборник статей с предисловием и под ред. М. Н. Гернета, М., 1912.

² Организуя изучение детской преступности в Москве, М. Н. Гернет разработал при участии своих молодых помощников обширную анкету из 50 вопросов, ответы на которые «должны были выяснить как юридическую, так и социологическую стороны детской преступности» (указ. соч., стр. 1).

В анкете, состоявшей из двух частей, подробно выяснялись такие вопросы, как возраст, сословие, образование, семейное положение, здоровье, занятие подсудимого, занятие его родителей, облик его семьи и другие; большое внимание в анкете было также уделено выяснению характера совершенного преступления, мере наказания, особенностям рассмотрения дел в суде и т. д. Собранные анкетные данные подверглись статистической обработке, результаты которой были использованы при написании соответствующих очерков, помещенных в книге «Дети-преступники». Помимо изучения уголовных дел и заполнения анкет, широко практиковались беседы с заключенными правонарушителями, а также проводились обследования условий их жизни до совершения правонарушения.

предложенной и осуществленной М. Н. Гернетом специальной методики изучения преступности — проведение индивидуального и массового изучения преступников силами научной общественности, по преимуществу студенчества юридических факультетов. В последующие годы М. Н. Гернет постоянно прибегает и совершенствует подобную методику изучения преступности.

* *
*

В годы политической реакции, когда царское правительство безудержно развернуло кровавую террористическую расправу с революционными массами, когда применение смертной казни к революционерам приобрело совершенно невиданные размеры, М. Н. Гернет предпринимает издание ряда работ, направленных на создание общественного мнения против смертной казни. В этой связи следует назвать сборник «Против смертной казни», вышедший тремя изданиями¹, сборник «О смертной казни»² и монографию «Смертная казнь»³.

Первый из названных сборников содержал статьи русских и зарубежных политических деятелей, писателей, литераторов, юристов-криминалистов, являющихся противниками смертной казни.

В сборнике «О смертной казни» была поставлена задача — «показать, насколько решительно и единодушно люди науки, русские криминалисты, осуждают смертную казнь». Русские ученые-криминалисты при всем различии их политических взглядов были единодушны в резко отрицательной оценке царской карательной политики. Издание этого сборника имело несомненно прогрессивное значение.

Обширная монография М. Н. Гернета «Смертная казнь» — лучший в русской дореволюционной литературе труд на эту тему, сохраняющий свое значение и в настоящее время для характеристики карательной политики эксплуататорских государств.

В монографии дан обстоятельный обзор общественных взглядов на смертную казнь в различные исторические периоды различных классов и партий. Автор подробно характеризует отношение законодательства более чем 30 стран к смертной казни и приводит подробные статистические данные о применении смертной казни.

¹ См. «Против смертной казни», сборник статей, изд. 1-е, М., 1906.

² См. «О смертной казни. Мнения русских криминалистов», М., 1909.

³ См. «Смертная казнь», М., 1913.

*
*
*

В 1911 году М. Н. Гернет покидает Московский университет.

Уход М. Н. Гернета вместе со многими другими прогрессивными учеными из Московского университета явился политической демонстрацией против действий царского правительства в области высшего образования. Как отмечается в «Истории Московского университета», «действия царского министра Кассо в отношении выборной администрации Московского университета послужили для лучшей части профессуры поводом к выражению открытого протеста против реакционной политики царизма в отношении высшей школы. В знак протеста против действий Кассо значительная часть профессоров и приват-доцентов университета демонстративно подала заявление об отставке. В течение десяти дней подали заявления об отставке 70 человек, к 20 февраля (1911 г. — А. Г.) — уже 108 человек, а всего было уволено из университета 130 профессоров, приват-доцентов и преподавателей, что составляло более трети всех работников университета»¹.

Уход М. Н. Гернета из Московского университета исключал возможность работы в любом ином государственном университете. Он временно прерывает педагогическую деятельность, уезжает за границу с научными целями, имея в виду вновь собрать обширные материалы о движении преступности, о карательной политике, о состоянии тюрем.

По возвращении М. Н. Гернет разворачивает большую, плодотворную научно-педагогическую деятельность в различных прогрессивных общественных организациях: в народном университете имени Шанявского, на женских юридических курсах, в обществе народных университетов (в Москве, Харькове, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Пензе, Новочеркасске и других городах). Затем он был избран профессором уголовного права Петербургского психоневрологического института.

Педагогическую деятельность М. Н. Гернет связывает с широкой пропагандой новых прогрессивных идей в области уголовного права. Он пишет раздел об уголовном праве в кратком пособии, которое трижды издается под названием «Основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права».

Университет имени Шанявского предоставил М. Н. Гернету широкую демократическую аудиторию для пропаганды про-

грессивных идей в области уголовного права. Основатель народного университета А. Л. Шанявский в следующих словах определял задачи организованного им учебного заведения: «В нынешние тяжелые дни для нашей общественной жизни, признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатии народа к науке и знанию — этому источнику добра и силы, — я желал бы по возможности оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребности высшего образования». А. Л. Шанявский ставил своей задачей обеспечить «широкую доступность университета для всех желающих учиться без различия пола, национальности и вероисповедания и без требования предъявления каких бы то ни было дипломов, свобода от формальных стеснений при приглашении лекторов; чтение лекций на любом языке; возможно умеренная плата за слушание лекций, со стремлением к полной бесплатности, как к идеалу»¹.

В 1913 году было издано написанное М. Н. Гернетом учебное пособие по уголовному праву. На титульном листе было написано: «Лектор Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского». В предисловии М. Н. Гернет указывал: «Настоящее издание моих лекций, читанных мною в аудиториях Московского общества народных университетов, преследует цели популяризации науки уголовного права».

Однако данная работа представляла собою не только популярное изложение основных положений прогрессивного направления уголовного права, но и попытку конкретного воплощения тех положений, которые были сформулированы М. Н. Гернетом еще в магистерской диссертации, — о включении в науку уголовного права в качестве ее органической составной части учения о преступности и ее причинах и учения о мерах предупреждения преступности.

Как известно, эти положения в общей, декларативной, форме разделялись в предреволюционные годы многими русскими криминалистами. Но ни в одном учебнике или пособии по уголовному праву не было сделано реальной попытки осуществить эти положения. А в официальной университетской науке уголовного права господствовал тот взгляд, что учение о преступности и ее причинах, как и учение о предупреждении преступности, не входит непосредственно в науку уголовного права, а образует «смежную» с ней отрасль знания. Несомненной заслугой М. Н. Гернета явилась попытка конкретно решить вопрос о соотношении

¹ «История Московского университета», т. 1, стр. 540—541.

¹ «Энциклопедический словарь Граната», изд. 7-е, т. 42, стр. 359.

«юридического» и «социологического» элементов в науке уголовного права.

Борясь против формально-догматического метода в уголовном праве и стремясь внести в науку уголовного права учение о причинах преступности и о предупреждении преступлений в качестве ее неотъемлемой, составной части, М. Н. Гернет являлся новатором в науке, мужественно боровшимся против затхлой атмосферы реакционной университетской науки предреволюционных лет.

Освещая историю уголовного права, М. Н. Гернет стремился раскрывать его классовую природу, служение интересам господствующих классов.

Учебное пособие по уголовному праву М. Н. Гернета имело несомненно прогрессивное значение. Оно было направлено против царской карательной системы, усиленно стремилось вскрыть несправедливость, жестокость, бесцельность этой системы. Оно было пронизано духом гуманизма. Автор в популярной форме пропагандировал новые идеи в уголовном праве.

*
*
*

В предреволюционные годы М. Н. Гернет опубликовал, помимо уже названных, ряд капитальных трудов по различным вопросам уголовного права.

Большую ценность представила монография «Детоубийство»¹, в которой М. Н. Гернет стремился воплотить не только общие принципы гуманизма в уголовном праве, но и ту методику научно-исследовательской работы в области юриспруденции, о которой он постоянно говорил и писал ранее: сочетание юридического и исторического анализа исследуемых правовых явлений с анализом социологическим.

В «Детоубийстве» М. Н. Гернет последовательно освещает историю борьбы с детоубийством в различных странах и в различные исторические эпохи, приводит подробную статистику детоубийства в России, Германии, Франции, Австрии, Италии и других странах, освещает различные причины, вызывающие или способствующие совершению детоубийства, а затем уже переходит к исследованию юридических признаков детоубийства, выясняя особенности законодательства в различных странах. В результате произведенного исследования М. Н. Гернет приходит

¹ См. «Детоубийство», социологическое и сравнительно-юридическое исследование, М., 1912.

к выводу, что причины детоубийства коренятся в самой природе капиталистического строя. «Порождаемое социальными причинами преступление слишком крепко вросло в общественный организм. Сколько-нибудь значительная победа над ним будет достигнута лишь победой над порождающими его условиями» (указ. соч., стр. 278).

Раскрывая социально-экономические причины детоубийства на основе исследования материалов, относящихся к российской действительности начала XX века, М. Н. Гернет в этой работе, как и в ряде других, сумел разоблачить всю жестокость и классовую направленность царской карательной политики, безжалостно обрушивавшей всю тяжесть репрессии на трудящихся женщин, понуждаемых к совершению детоубийства всей системой капиталистических отношений.

Особо следует остановиться на монографии М. Н. Гернета «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества»¹, которая была издана в 1916 году и удостоена премии Академии наук.

Это обширное исследование рассматривает проблему преступления и мер борьбы с ним на широком социально-политическом и историческом фоне — от зарождения первых видов преступлений и наказаний до начала XX века.

В работе М. Н. Гернет делает усиленную попытку раскрытия политической сущности карательной политики буржуазии, классовой природы так называемых политических преступлений, значения охраны частной капиталистической собственности. Особое внимание он уделяет выяснению роли экономического фактора преступности в капиталистическом обществе. М. Н. Гернет особо выделяет преступность «состоятельного класса» — буржуазии, помещиков и т. д., а не ограничивается лишь характеристикой преступности среди трудящихся, как это обычно делают буржуазные криминалисты.

По обилию фактического материала, подробному анализу статистических данных о движении преступности и о применении мер наказания, изложению различных направлений в науке уголовного права и тщательному обзору литературы XIX века — начала XX века эта работа М. Н. Гернета в известной мере не устарела и в настоящее время. Однако нельзя упускать из виду, что многие положения автора, сформулированные им во втором десятилетии XX века, уже не разделялись им самим после Октябрьской революции.

¹ Эта работа явилась составной частью многотомного издания под общим названием «Итоги науки».

Необходимо отметить активное участие М. Н. Гернета в работах русской группы Международного союза криминалистов, в которой он с некоторыми другими учеными примыкал к «левому крылу».

Позднее М. Н. Гернет избирается членом президиума русской группы. На общих собраниях русской группы М. Н. Гернет прочитал ряд докладов на актуальные темы (в январе 1909 года о новых исследованиях в области уголовной социологии¹, в апреле 1910 года — памяти А. Ф. Кистяковского², в 1912 году на тему — «Преступность и профессия»³, «Исключение аборта из числа преступлений»⁴ — в феврале 1914 года и другие).

Круг научных интересов М. Н. Гернета был очень широк. Он уделял большое внимание библиографии по уголовному праву⁵, организовывал и участвовал в издании систематического комментария к уставу уголовного судопроизводства⁶, участвовал в подготовке и издании трехтомной «Истории русской адвокатуры»⁷, помещал в русских юридических журналах статьи, опубликовал много рецензий.

Двадцать лет дореволюционной научно-педагогической деятельности М. Н. Гернета, его борьба против карательной политики царизма, неутомимая пропаганда новых, гуманных идей в области уголовного права — все это стяжало ему широкую известность. В этой научной деятельности М. Н. Гернета проявились лучшие черты и стремления передовой части русского общества, радикальной интеллигенции, которая из поколения в поколение боролась против царизма.

В своей дореволюционной научной деятельности М. Н. Гернет посылно стремился защищать интересы угнетенных масс и бороться против карательной политики царского самодержавия.

В области науки уголовного права М. Н. Гернет боролся против реакционных идей антропологической школы, против

¹ См. «Отчет русской группы Международного союза криминалистов», СПб., 1909.

² См. там же. 1911.

³ См. «Журнал уголовного права и процесса» 1912 г. № 4.

⁴ См. «Отчет русской группы Международного союза криминалистов», СПб., 1916.

⁵ «Библиографические указатели по вопросам уголовного права», СПб., 1913.

⁶ «Систематический комментарий к уставу уголовного судопроизводства», М., 1914—1916.

⁷ М., 1916.

юридического формализма и догматизма, выступал сторонником прогрессивных идей.

Хотя в своих дореволюционных работах М. Н. Гернет не стоял на марксистских позициях, но он явился первым русским криминалистом, для которого не были чуждыми попытки, хотя и робкие, материалистического объяснения причин преступности, раскрытия классовой природы уголовного права, разоблачения реакционной сущности уголовного права и карательной политики царизма и ряда западноевропейских государств. Разделяя многие положения социологической школы уголовного права, М. Н. Гернет все же стремился отделиться от нее, создавая «социалистическое направление в науке уголовного права», о котором он первым среди русских криминалистов заговорил еще в 1905 году.

Таким образом, в дореволюционные годы М. Н. Гернет не только сформировался в крупного русского ученого-криминалиста, но по сути дела возглавил самостоятельное направление в русской науке уголовного права. Вряд ли есть необходимость в настоящее время подвергать подробной критике созданное в дореволюционные годы М. Н. Гернетом направление в науке уголовного права и выявлять его непоследовательность, его недостаточно ясные представления о подлинно научных основах уголовного права, его недостаточную и непоследовательную критику социологической школы уголовного права, принципиально неправильное объединение в одной школе и либерального направления социологической школы, и социалистического направления, наконец, отнесение к этому последнему направлению и социалистов-утопистов, и революционных демократов, и правых социалистов Запада начала XX века. Такая критика в настоящее время, в условиях господства подлинно научного метода — метода марксизма-ленинизма во всех областях научных знаний, конечно, не представляет труда. Но именно поэтому, сохраняя историческую перспективу, учитывая состояние науки уголовного права в дореволюционной России, классовую расстановку сил в то время, нельзя не оценить дореволюционную научно-педагогическую деятельность М. Н. Гернета как несомненно прогрессивную, способствовавшую борьбе с царской карательной машиной, с царским строем в целом.

* * *

В Московский университет М. Н. Гернет вернулся уже после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1919 году он был приглашен на кафедру уголовного права.

Об этом периоде своей жизни М. Н. Гернет вспоминал с особенно теплым чувством:

«В Московский университет меня вновь вернула Октябрьская социалистическая революция, и вновь я в своей прежней аудитории, и вновь вокруг меня молодежь, на этот раз из рабочих и крестьян, из самой гущи народа, и вновь смелые мысли, более смелые и новые, чем когда бы то ни было. Мне помогали в моем преподавании мои ученики, ныне научные работники различных институтов Москвы и Ленинграда. На наших глазах росла наша смена тогда будущих, теперь настоящих профессоров, имеющих ученые степени, вплоть до степени доктора, сделавших уже крупные вклады в науку»¹.

М. Н. Гернет возобновил свою научную и педагогическую деятельность в Московском университете в очень трудных и сложных условиях. Несмотря на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, в период октября 1917 года — середины 1919 года на юридическом факультете Московского университета не произошло никаких изменений. «Не говоря уже о 1917 году, весь 1918 год прошел для юридического факультета все еще в обстановке дореволюционного уклада. Во главе факультета стоял по-прежнему в качестве его декана и идейного руководителя профессор полицейского права И. Т. Тарасов. Влияние революции не отразилось за эти годы сколько-нибудь существенно ни на составе профессуры, ни на учебных планах факультета. Почти без всяких изменений протекала жизнь факультета и в первые четыре месяца 1919 года, если не считать того факта, что на посту декана и идейного руководителя факультета представителя полицейского права заменил представитель церковного права проф. И. В. Гидулянов. Факультет оставался средоточием кадетской профессуры, с явно выраженной идеалистической идеологией, переходящей порой в прямую православно-церковную мистику (проф. Ильин, Булгаков и т. д.).

Все это определяло не только идеологическую, но и политическую позицию факультета, который продолжал выпускать воспитанных в духе буржуазной юриспруденции юристов, политических врагов пролетарской революции. Большинство студенчества, все еще рекрутировавшихся из непролетарских слоев населения, шло за буржуазной профессурой. Факультет в целом был враждебен Советской власти»².

¹ «Ученые записки Московского юридического института», вып. 3, 1941, стр. 116.

² «1 МГУ за 10 лет», М., 1927, стр. 60—61.

Некоторые сдвиги в деятельности юридического факультета Московского университета произошли весной 1919 года, когда был создан факультет общественных наук, куда вошло «юридически-политическое отделение». На этом отделении в числе других предметов читался и курс «криминальной социологии и политики»¹. Вести этот курс было предложено М. Н. Гернету. В последующие годы, в особенности начиная с 1921 года, резко меняется классовое, политическое лицо студентов университета в целом и факультета общественных наук в особенности, о чем с таким удовлетворением вспоминал М. Н. Гернет в приведенной выдержке из его речи.

М. Н. Гернет в эти и последующие годы читает в университете курс уголовного права, главным образом по общей части, а также ведет специальный семинар, по преимуществу разрабатывавший вопросы изучения преступности и ее причин, руководит факультетской библиотекой по уголовному праву и криминалистическим музеем. Помимо этого М. Н. Гернет преподавал в Институте детской дефектологии, на курсах подготовки практических судебных работников, на пенитенциарных курсах, во втором государственном университете и в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова. Опираясь на молодые научные кадры, на студенчество, в тесной связи с практическими работниками милиции, уголовного розыска, суда, исправительных учреждений, М. Н. Гернет развертывает большую работу по изучению преступности и ее причин по материалам, собранным в Москве.

Весной 1923 года один из руководителей Московского Совета обратился к М. Н. Гернету и другим видным московским ученым с предложением организовать всестороннее изучение преступности и ее причин в целях наиболее успешной борьбы с преступностью. Это предложение было принято. При ближайшем участии М. Н. Гернета была разработана подробнейшая программа индивидуального обследования заключенных в московских местах заключения. В работе приняло участие около 150 студентов факультета общественных наук. В результате обследования этого обследования был подготовлен и издан в 1924 году сборник «Преступный мир Москвы» под редакцией и с обширным предисловием М. Н. Гернета.

Оценивая этот сборник, необходимо сказать о его методологической основе, о его социально-политическом содержании,

¹ См. А. А. Герцензон, 185 лет юридического образования в Москве, «Ученые записки Московского юридического института», вып. 3, 1941, стр. 96—97.

с одной стороны, о собранном фактическом материале и самой методике изучения преступности и ее причин, с другой стороны. Несомненно, и сам М. Н. Гернет, и большинство участников сборника отдавали дань социологической школе. Но, оценивая методологическую основу проводившегося в то время изучения преступности, нельзя упускать из виду, что не только в те годы, но и гораздо позже вопросы марксистской методологии изучения преступности не были в достаточной мере разработаны в советской науке уголовного права, и это в полной мере сказалось на содержании сборника, и на предшествовавшем ему обследовании преступников. Ценным в проведенном обследовании была, так сказать, частная методика обследования преступников: изучение личности преступника, окружающей его среды, обстоятельств, способствовавших совершению преступления и т. д., а также последующая статистическая обработка собранных анкетных материалов. Ценным было и привлечение широкой общественности (в данном случае студенческой) к проведению массового обследования преступников. Собранные и обработанные статистические материалы представили несомненную ценность для характеристики уголовной преступности, в особенности профессионально-уголовной, периода напа. Наконец, ценность указанного обследования состояла в том, что одним из его результатов явилась организация в Москве и других городах, а затем и во всероссийском масштабе систематического изучения преступности. И в эти и в последующие годы М. Н. Гернет является самым активным участником и инициатором организации изучения преступности и ее причин.

* *
*

Вернувшись в 1919 году в Московский университет, М. Н. Гернет не только ведет большую научную и педагогическую работу, но и принимает активное участие в организации и развитии советской статистики. Декретом 25 июля 1918 г. за подписью В. И. Ленина было создано Центральное статистическое управление, на которое, в частности, возлагалось «ведение моральной статистики» (п. V § 6 Положения о государственной статистике). В системе ЦСУ (сначала РСФСР, а затем и СССР) был создан отдел моральной статистики. Было решено в ежегодных публикациях государственной статистики помещать и «данные судебной статистики». В декабре 1918 года было принято решение о том, чтобы в создаваемом статистическом институте читался курс «нравственной статистики», причем

«статистике уголовной соответствует приспособленное к ее целям учение об уголовном праве, уголовной политике и уголовной социологии». Месяцем раньше было принято решение, чтобы курс моральной статистики читался на статистических курсах, и чтение этого курса было поручено М. Н. Гернету с первого полугодия 1919 года¹.

С 1919 по 1930 гг. М. Н. Гернет работает в качестве заведующего отделом моральной статистики. На этот отдел ЦСУ и его местные органы была возложена задача научного обобщения, синтеза уголовно-статистических материалов милиции, прокуратуры, суда, исправительно-трудовых учреждений, комиссий по делам о несовершеннолетних правонарушителях. Отдел моральной статистики систематически вел статистику осужденных, статистику самоубийств, статистику аборт и статистику алкоголизма. Руководителем и организатором всех этих, тогда называвшихся «морально-статистическими», работ был М. Н. Гернет.

Огромной заслугой М. Н. Гернета явилось не только проведение плодотворной научно-организационной работы в этой области, но и подготовка и издание под его редакцией целой серии сборников статистических материалов по указанным вопросам². Кроме того, в издававшихся в те годы общестатистических сборниках постоянно помещались разделы по «моральной статистике», тщательно разработанные под руководством М. Н. Гернета³. Не будет преувеличением сказать, что все опубликованные в СССР в 1919—1930 гг. статистические сборники, содержащие материалы «моральной статистики», были выполнены под общим руководством М. Н. Гернета. Более того, все местные издания органов ЦСУ, содержащие в качестве своей составной части материалы моральной статистики, были выполнены по программам, разработанным под руководством М. Н. Гернета как заведующего отделом моральной статистики ЦСУ СССР.

¹ Приведенные сведения извлечены нами из журнала ЦСУ «Вестник статистики» 1919 г. № 1.

² См. «Статистика осужденных в СССР в 1923—24 гг.», изд. ЦСУ, М., 1927; «Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг.», изд. ЦСУ, М., 1930; «Аборт в 1926 г.», изд. ЦСУ, М., 1929; «Самоубийства в СССР в 1925—26 гг.», изд. ЦСУ, М., 1929; «Статистика амнистированных в ознаменование десятилетия Октябрьской революции», изд. ЦСУ, М., 1928.

³ Назовем только некоторые из этих общестатистических сборников. См., напр., «Статистический ежегодник за 1918—1920 гг.», «Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923», «Статистический справочник СССР за 1928 г.», «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах» и многие другие.

В этой связи уместно сказать, что М. Н. Гернет явился основателем советской научно-практической уголовной статистики.

Руководя отделом моральной статистики ЦСУ, М. Н. Гернет одновременно ведет обширную, плодотворную научно-исследовательскую работу в области обобщения материалов уголовной статистики СССР и капиталистических стран. В 20-х годах он публикует большое число статей, посвященных изучению состояния и движения преступности в СССР и за рубежом.

Следует упомянуть здесь статьи: «Преступность в связи с классово-социальным составом осужденных в РСФСР»¹, «Статистика городской и сельской преступности»², «Голод и преступность»³, «Движение населения в местах заключения СССР»⁴, «Повторные и многократные аборт»⁵ и др.

Ряд статей М. Н. Гернета в эти годы посвящен изучению материалов зарубежной уголовной статистики. Таковы, например, статьи: «Преступность в Англии во время и после войны»⁶, «Преступность малолетних и борьба с нею во Франции, Германии, Англии»⁷, «Смертная казнь за границей»⁸, «Мировая тюрьма»⁹.

В 1922—1931 гг. М. Н. Гернет издает три капитальных труда по уголовной статистике: «Моральная статистика»¹⁰, «Преступность и самоубийства во время войны и после нее»¹¹ и «Преступность за границей и в СССР»¹². Они составили своеобразную энциклопедию уголовной статистики. Эти три книги — результат огромного, кропотливого, многолетнего труда, свод сведений о преступности и репрессии в различных странах за весь период существования уголовной статистики, начиная с 20-х годов XIX века и кончая 20-ми годами XX века. Это вместе с тем первый и наиболее полный свод статистических сведений о преступности и репрессии в СССР за период 1917—1928 гг. В этих книгах, кроме того, приводятся

¹ См. «Вестник статистики» 1924 г. № 1—3.

² См. «Проблемы преступности», вып. 2, 1927.

³ См. сб. «Влияние неурожая на народное хозяйство», ч. 2, М., 1927.

⁴ См. «Статистическое обозрение» 1928 г. № 5.

⁵ См. «Статистическое обозрение» 1928 г. № 12.

⁶ См. «Вестник статистики», октябрь — декабрь 1924 г.

⁷ См. «Статистическое обозрение» 1927 г. № 12.

⁸ См. «Статистическое обозрение» 1928 г. № 1.

⁹ См. «Статистическое обозрение» 1930 г. № 5.

¹⁰ См. Изд. ЦСУ, М., 1922.

¹¹ См. Изд. ЦСУ, М., 1927.

¹² См. Изд. «Советское законодательство», М., 1931.

обширные сведения по истории уголовной статистики, освещаются ее организационные формы, методика собирания первичных уголовно-статистических сведений, приводится подробная библиография русской и иностранной уголовно-статистической литературы.

Правда, эти труды М. Н. Гернета не безукоризненны со стороны методологической, ибо в объяснении причин преступности он все еще придерживается в значительной мере «теории факторов преступности» и тем самым оказывается далеким от раскрытия подлинных закономерностей движения преступности в СССР. Но в них дана глубоко продуманная подборка статистических материалов, их систематизация и группировка, широко использованы самые разнообразные статистические источники. Они, несомненно, сохраняют свою значимость и поныне как наиболее полный свод уголовно-статистических материалов.

«Моральная статистика», как справедливо отметил М. Н. Гернет в своем предисловии к этому труду, явилась первым в России (и дореволюционной, и советской) пособием подобного рода. Оно было предназначено для слушателей статистических курсов ЦСУ, а также и для студентов-юристов.

В книге содержится подробная характеристика организации уголовной статистики в ряде зарубежных государств, в дореволюционной России и в СССР. Особо автор рассматривает основные разделы уголовной статистики: тюремную статистику, военно-уголовную статистику, статистику уголовного розыска, судебную статистику.

Значительная часть книги посвящена исследованию материалов статистики преступлений и статистики наказаний. Автор характеризует состав преступников: возраст, пол, национальность, семейное положение, профессию, время и место совершения преступления (город, деревня, жилище), а также пьянство и преступность, экономическое и политическое положение и преступность (экономическое положение, войны).

Книга «Преступность и самоубийства во время войны и после нее» имеет подзаголовок «Второй выпуск Моральной статистики». Книга содержит подробную характеристику практической уголовной статистики, уголовного розыска и милиции, народных и верховных судов, военных трибуналов, мест заключения, а также статистики осужденных, разработка которой в те годы производилась непосредственно в ЦСУ. Особо автор рассматривает статистику несовершеннолетних правонарушителей.

Большая часть книги посвящена рассмотрению конкретных материалов статистики преступности и наказаний в капиталистических странах и в СССР в годы первой мировой войны и после ее окончания.

По такому же, в общем, плану была написана и третья книга М. Н. Гернета — «Преступность за границей и в СССР». В первой части автор исследует данные уголовной статистики ряда капиталистических стран, дореволюционной России и СССР. Во второй части, озаглавленной «Преступность в связи с различными условиями», рассматриваются такие вопросы, как юная преступность, пол преступников, классовый состав преступников, преступность в городе и деревне. Воспроизводя важнейшие данные прошлых лет из предыдущих своих книг, М. Н. Гернет приводит и новейшие данные. Хотя в этой книге автор по-прежнему разделяет многие положения теории факторов преступности, он все же стремился сделать шаг вперед в своей методологии изучения преступности. Если раньше автор приводил и анализировал материалы советской и буржуазной уголовной статистики, не противопоставляя их, не задумываясь о качественно различных закономерностях движения преступности в СССР и в капиталистических странах, то в данной работе он уже ставит эти вопросы, правда, еще лишь в плане общетеоретическом, не преломляя их при использовании конкретного статистического материала.

Далее автор с большой силой подчеркивает противоположные основания советского и буржуазного уголовного законодательства: «Различия материального и процессуального уголовного законодательства, советского и иностранного, так глубоко, что ни понятие, ни объем «преступного», ни содержание «наказания» или «мер социальной защиты», ни тем более характер классовой юстиции не могут быть отождествляемы» (указ. соч., стр. 5).

Должен быть отмечен и подготовленный М. Н. Гернетом «Сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах»¹, в который М. Н. Гернет в отличие от своих более ранних работ вносит гораздо больше материалов, разоблачающих реакционную карательную политику империалистических государств.

¹ См. литографированное издание Государственного института по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики, под ред. проф. А. А. Герцензона, М., 1935.

* *
*

В научной деятельности М. Н. Гернета проблема изучения преступности и ее причин всегда занимала ведущее место. Начиная с 1923 года, он принимает активнейшее участие в организации специальных научно-исследовательских учреждений, в задачу которых входит систематическое изучение преступности и мер борьбы с нею.

Упомянутое выше обследование заключенных в московских местах заключения, в котором М. Н. Гернет принимал участие, заложило основы организации первого в СССР кабинета по изучению личности преступника и преступности. В дальнейшем подобные же кабинеты были созданы в ряде других городов: в Ленинграде, Саратове, Ростове-на-Дону, Одессе, Киеве, Минске, Иркутске, Баку.

М. Н. Гернет проявил инициативу и в создании в 1925 году Государственного института по изучению преступности и преступника. Этот институт, находясь в ведении НКВД РСФСР, функционировал в составе социально-экономической, пенитенциарной, биопсихологической, криминалистической секций; при нем состояли экспериментальное исправительно-трудовое учреждение, криминологический музей, бюро уголовной статистики. М. Н. Гернет руководил социально-экономической секцией, ведавшей изучением преступности и ее причин, а также направлял деятельность статистического бюро.

При активном участии М. Н. Гернета было издано четыре сборника под общим названием «Проблемы преступности»¹, в которых были помещены многочисленные статьи по различным вопросам изучения преступности, ее причин и мер борьбы с нею, сборники, посвященные изучению отдельных видов преступлений², а также два сборника, в которых обобщались данные всероссийской переписи заключенных³, и некоторые другие работы.

Не останавливаясь здесь на серьезных методологических ошибках, допущенных в работе упомянутых кабинетов и института, о чем не раз уже указывалось в нашей печати, отметим, что положительной стороной работы этих учреждений являлась попытка систематического изучения состояния и движения

¹ Вып. I — 1926 г., вып. II — 1927 г., вып. III — 1928 г., вып. IV — 1929 г.

² См. «Растраты и растратчики», «Хулиганство и хулиганы».

³ См. «Современная преступность», вып. I—II.

преступности по отдельным ее видам, собирание и обработка большого фактического материала.

М. Н. Гернет опубликовал ряд работ по вопросам о задачах и приемах изучения преступности¹. Рассматривая эти работы, необходимо отметить, что в 20—30-х годах М. Н. Гернет не уделял большого внимания решению коренных методологических вопросов, связанных с изучением преступности. В течение многих лет он разделял взгляды «левого крыла» социологической школы, придерживался «теории факторов преступности» и соответственно этому решал не только общие, принципиальные, но и организационно-практические вопросы изучения преступности. Но под влиянием критики в печати и в публичных диспутах М. Н. Гернет начинает пересматривать некоторые из своих взглядов, корнями уходящие в дореволюционную русскую науку уголовного права, и на основе этого пытается по-новому оценить и прошлую деятельность института и кабинетов по изучению преступности и преступника, и задачи изучения преступности, и коренные вопросы методологии этого изучения. Так, в своей работе, посвященной историческому очерку изучения преступности в СССР, опубликованной в 1945 году², М. Н. Гернет говорит о грубых методологических ошибках, допущенных в прошлом при изучении преступности; он критикует ошибочные методы изучения преступности и призывает к такой организации этой работы, которая обеспечила бы подлинную связь науки и практики, являющуюся основным требованием марксизма о единстве теории и практики.

* * *

Работы в области уголовной статистики и изучения преступности заняли, таким образом, очень большое место в литературном наследстве М. Н. Гернета. Но, помимо этого, должны быть отмечены и другие его работы в области уголовного права и истории уголовно-политических идей, в особенности

¹ См. «Первая русская лаборатория по изучению преступности» («Право и жизнь» 1924 г. № 2); «Первые за границей и первая в России лаборатории по изучению преступности», сб. «Изучение личности преступника», М., 1925; «Изучение преступности и преступника», сб. «Реформа тюрем», М., 1929.

² См. «Изучение преступности в СССР», сб. «Проблема изучения преступности», М., 1945.

же в области тюремоведения. Упомянем некоторые из этих работ. В связи с изданием первого советского уголовного кодекса РСФСР М. Н. Гернет участвует в написании комментария к нему¹.

Большой интерес представляет очерк истории уголовно-политических идей под названием «От Томаса Мора до УК»². Используя и дополняя собранные еще до революции материалы, опубликованные им в «Общественных причинах преступности», М. Н. Гернет излагает уголовно-политические идеи Томаса Мора, Томаса Кампанеллы, Бриссо де Варвиля, Марата, Пестеля, Кабэ и некоторых других.

Особо интересуясь вопросами тюремоведения и исправительно-трудовой политики, он пишет ряд «очерков тюремной психологии», затем объединенных в книге «В тюрьме. Очерки тюремной психологии»³. В сборнике «Тюрьмы капиталистических стран» помещает обширный очерк «Царская тюрьма»⁴. Ряд статей М. Н. Гернет посвящает крупнейшим политическим процессам царизма (процессу декабристов⁵, расправе царизма над Чернышевским⁶, дуэли Пушкина⁷, расправе царизма с представителями утопического социализма в России⁸), явившихся фрагментами его будущей пятитомной «Истории царской тюрьмы», о которой мы далее скажем подробнее.

Наконец, следует отметить, что большое число статей М. Н. Гернета в эти годы было опубликовано в иностранных юридических журналах на французском, немецком, итальянском языках; это статьи, посвященные изучению преступности, абортон, тюремной психологии.

В 1928 году в связи с 30-летием научно-педагогической деятельности М. Н. Гернета Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет присвоил ему звание заслуженного деятеля науки.

В 1936 году Академия наук СССР присудила М. Н. Гернету в числе небольшой группы ученых степень доктора юридических наук без защиты диссертации.

¹ См. «Уголовный кодекс РСФСР. Практический комментарий», изд. «Право и жизнь», М., 1923—24.

² См. сб. «Проблемы преступности», 1928, вып. 111.

³ См. «Право и жизнь», М., 1925 г. № 1—3; изд. 2-е, юридическое издательство Украины, 1930.

⁴ См. «Институт уголовной политики», М., 1937.

⁵ См. «Проблемы социалистического права», сб. 4, М., 1938.

⁶ См. «Советское государство и право» 1940 г. № 10.

⁷ См. «Социалистическая законность» 1937 г. № 2.

⁸ «Советская юстиция» 1940 г. № 12, 13, 14.

* *
*

На протяжении всей своей научно-педагогической деятельности М. Н. Гернет всегда уделял особое внимание проблеме наказания, которую он разрабатывал в очень широком плане. Наибольший интерес вызывала у него история тюремного заключения. Выше мы уже упоминали ряд работ М. Н. Гернета, посвященных этим вопросам.

Начиная с 1937—1938 гг. он целиком посвящает свою научную деятельность исследованию истории царской тюрьмы. По мере собирания материалов публикует ряд статей о карательной политике царизма, основанных на первоисточниках. Постепенно вырисовываются контуры плана капитального труда, названного им «История царской тюрьмы».

С огромным воодушевлением и творческим подъемом трудится М. Н. Гернет над собиранием, систематизацией и научной обработкой материалов по истории царской тюрьмы почти за двухсотлетний период. Он изучает не только историческую и историко-юридическую литературу, относящуюся к этой теме, но и многочисленные воспоминания бывших политических заключенных, собирает статистические материалы о карательной политике царизма, посещает различные места заключения, сохранившиеся от царского строя и в своем большинстве превращенные в музеи. Он изучает в архивах подлинные дела заключенных различных эпох: дела Радищева и декабристов, Чернышевского и Писарева, Горького, Дзержинского и Орджоникидзе, дела многочисленных участников революционных рабочих организаций, революционных матросов и солдат, подвергавшихся беспощадной расправе со стороны карательных органов царизма.

М. Н. Гернет справедливо отмечал, что «историю царской тюрьмы можно писать только в условиях советского строя».

Только после Октябрьской социалистической революции стало возможным дать правдивую оценку тюремного заключения. Лишь эта революция открыла перед исследователем сокровенные тайники царских архивов тайной экспедиции, третьего отделения «собственной его величества канцелярии», министерства внутренних дел, Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, монастырей и т. д. Эти архивы дают нам богатейший материал и щедро вознаграждают нелегкий труд историка тюрьмы по розыску фактов и иллюстраций тюремного дела в России».

Первый том «Истории царской тюрьмы» был издан в 1941 году, второй том увидел свет в 1946 году, третий — в 1948 году.

В 1944 году Президиум Верховного Совета СССР наградил М. Н. Гернета в связи с семидесятилетием орденом Трудового Красного Знамени.

В 1947 году за первые два тома «Истории царской тюрьмы» Совет Министров СССР удостоил М. Н. Гернета звания лауреата Сталинской премии.

Все три тома были переизданы в 1951—1952 гг. Четвертый том был подготовлен М. Н. Гернетом, но издан уже после его смерти. Умер М. Н. Гернет 16 января 1953 г. После его смерти был подготовлен к печати и издан пятый том «Истории царской тюрьмы».

Из предисловия к четвертому тому «Истории царской тюрьмы», из неоднократных личных бесед с автором явствовало, что он, будучи полон творческих сил, рассчитывал продолжить свои исследования. Характеризуя содержание четвертого тома, М. Н. Гернет писал: «История нескольких других царских тюрем, имевших особое значение в XX веке, а также и история тюрем при Временном правительстве будет освещена в последующих томах моего труда». Можно не сомневаться в том, что если бы смерть не остановила его творческих исканий, М. Н. Гернет дополнил бы свой труд еще рядом томов.

Обратимся к общей характеристике «Истории царской тюрьмы».

В русской дореволюционной и отчасти в советской историко-юридической литературе можно назвать немало работ, посвященных проблеме наказания, отдельным видам наказаний, карательной политике царизма, в частности тюрьмам, тюремному заключению и т. д. Но «История царской тюрьмы» М. Н. Гернета занимает совершенно особое место в нашей литературе и по самому замыслу автора, по методу исследования, и по использованию таких архивных материалов, которые раньше вообще были недоступны для научного исследования.

Исходные, принципиально-политические предпосылки, положенные М. Н. Гернетом в основу его «Истории царской тюрьмы», были сформулированы автором в предисловии к первому тому. М. Н. Гернет писал: «Тюремная политика — очень большая и важная часть уголовной политики, а эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства... Политическое и экономическое состояние страны, борьба классов в ней ярко отражаются на организации всей карательной системы и в

особенности мест лишения свободы, на режиме и составе заключенных. С этой точки зрения история российского царизма с его многовековым политическим и экономическим гнетом самодержавия, со всем его феодально-крепостническим строем, с властью буржуазии, угнетением различных национальностей, стеснением свободы неправославных вероисповеданий есть история царской тюрьмы. Все этапы классовой борьбы отзывались громким эхом под сводами крепостей и тюрем, где в одиночку и стройными рядами проходили и умирали борцы революционного движения». Из приведенных слов М. Н. Гернета видно, в каком широком плане, на какой широкой социально-политической основе он строил свое исследование истории царской тюрьмы — в неразрывной связи с эксплуататорской, палаческой сущностью царского строя, с классовой борьбой.

Свой труд М. Н. Гернет начинает с екатерининской эпохи. На основе собранных материалов он ярко раскрывает сословно-классовый характер тюремной политики царизма, который обрушивал всю тяжесть своей безжалостной репрессии на трудящийся и эксплуатируемый народ, одновременно предоставляя всевозможные льготы преступникам из господствующих классов. «Наиболее тяжелый режим существовал в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и в монастырских тюрьмах. Но и сюда проникали классовые различия и давали себя знать, то отягчая, то облегчая положение заключенных. В этом отношении мы находим самые разительные примеры и знаем случаи, когда в одной и той же тюрьме одни страдали от голода, а другие составляли предмет величайшей заботы тюремной администрации... Фактические различия в положении отдельных заключенных в связи с их классовой принадлежностью и их социальным положением имели место повсюду: и в каторжной тюрьме, и в монастырской, и в Петропавловской, и Шлиссельбургской крепостях. Этого никогда не надо упускать из виду». На протяжении всей своей пятитомной «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернет никогда не упускает из виду задачи разоблачения классового характера царской карательной политики.

Исследуя историю царской тюрьмы, М. Н. Гернет вместе с тем широко освещает судебную и внесудебную репрессию царизма, в частности, всевозможные карательные экспедиции, военно-полевые суды и т. д., давая, таким образом, полное представление о характере и объеме царской карательной политики. Автор предпосылает каждому исследуемому им периоду истории царской тюрьмы подробный очерк развития уголовного законодательства, используя вместе с тем обширнейшие архивы тюремного ведомства, содержащие множество административных актов в об-

ласти тюремного управления. Наконец, автор широко использует данные уголовной и тюремной статистики, приводя их в качестве иллюстрации для характеристики подлинного размаха царской репрессии.

Для лучшей ориентировки в пятитомном труде М. Н. Гернета представляется целесообразным дать сжатую характеристику содержания каждого тома.

Первый том охватывает период с 1762 года до восстания декабристов 1825 года. В этом томе содержится характеристика уголовной политики царизма во второй половине XVIII — первой четверти XIX века. Автор раскрывает классовый характер репрессии в отношении дворянства и крестьянства, описывает судопроизводство и применение смертной казни и телесных наказаний, исследует уголовное законодательство, тюремное законодательство, систему тюрем, режим тюремного заключения. В первом томе дана характеристика Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, а также монастырских и общеуголовных тюрем. Автор подробно излагает уголовные дела А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и других выдающихся прогрессивных мыслителей XVIII века, подвергшихся царской репрессии.

В конце первого тома М. Н. Гернет писал: «Все наши материалы и, в частности, найденные нами архивные, за период второй половины XVIII — первой четверти XIX века характеризуют царскую тюрьму как находившееся в руках самодержавия средство произвола и всяческого угнетения и подавления революционного, общественного и национального движения в России...

Однако никакие репрессии не могли остановить движения революционного народа, и на смену Радищеву и другим борцам против самодержавия XVIII и первой четверти XIX века пришли декабристы, революционеры-разночинцы и как передовой отряд борцов с русским самодержавием — могучий рабочий класс».

Второй том охватывает период от 1825 года (восстания декабристов) до 1870 года. Характеризуя уголовную политику этого периода, М. Н. Гернет отмечал, что «вся уголовная политика царизма и его тюремная политика, в частности, определялись в это время разложением старого феодально-крепостнического строя под влиянием новых капиталистических отношений».

Во втором томе дан большой очерк истории уголовного законодательства и многочисленных актов тюремного ведомства. В период, охватываемый вторым томом, был издан, как известно, ряд крупнейших уголовноправовых актов царизма, проведена судебная реформа, построены новые тюрьмы. В этот же период

царизм осуществляет террористическую расправу с многими участниками революционно-освободительного движения. Во втором томе подробно излагаются следствие и суд над декабристами, их пребывание в Петропавловской и других крепостях, а также в сибирских тюрьмах.

Столь же подробно освещаются следствие, суд и тюремное заключение петрашевцев. В пятой главе, названной «Писатели — революционные демократы 60-х годов в Петропавловской крепости», излагаются материалы о суде и об отбывании лишения свободы М. И. Михайловым, В. А. Обручевым, Д. И. Писаревым, Н. В. Шелгуновым и Н. Г. Чернышевским. В шестой главе речь идет об узниках бастионов и куртин Петропавловской крепости — участниках холерных беспорядков 1831 года, агитаторах против крепостного права, заводских крестьянах, участниках студенческих волнений 1861 года. В двух последующих главах дается подробная характеристика узников Алексеевского рavelина и Шлиссельбургской крепости. Монастырским тюрьмам, их описанию, режиму в них, их узникам посвящена десятая глава. Наконец, в одиннадцатой главе исследуются общеуголовные тюрьмы, их строительство и содержание, режим, характеристика уголовных преступников и т. д.

Таким образом, второй том «Истории царской тюрьмы» дает глубокую и всестороннюю характеристику политической и уголовной репрессии царизма.

Третий том охватывает период с 1870 года до 1900 года. Характеризуя содержание этого тома, М. Н. Гернет указывал, что «хронологически работа полностью охватывает тот исторический период, когда центральной фигурой революционного движения был разночинец-народник, и начало нового исторического периода в истории революционного движения, когда на авансцену политической борьбы выдвигается новый класс — пролетариат».

Первая глава третьего тома посвящена подробной характеристике развития русского уголовного законодательства последней трети XIX века. Эта характеристика доведена до 1917 года, поскольку, как отмечал автор, в начале XX века не было сколько-нибудь существенных изменений в тюремном законодательстве.

Третий том содержит огромный фактический материал о судебной и внесудебной репрессии царизма. Автор освещает такие крупные процессы, как процесс нечаевцев, долгушинцев, «процесс 50», «процесс 193», процессы Южнороссийского и Северного союза рабочих, процесс Веры Засулич, ряд процессов народовольцев и т. д.

В третьем томе продолжается изложение истории Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, других политических тюрем, режима в них, а равно и характеристика содержавшихся в них узников. В последних двух главах подробно освещены монастырские и общеуголовные тюрьмы, изменения, происшедшие в установленном в них режиме, в составе и численности заключенных.

Четвертый том «Истории царской тюрьмы» имеет подзаголовок «Петропавловская крепость. 1900—1917». В этом томе, как и во всех других, автор поставил своей задачей «вскрыть перед советским читателем классовую сущность кровавой царской карательной политики». Несомненно, содержание четвертого тома шире его названия. И хотя в нем по преимуществу говорится об узниках Петропавловской крепости, по существу же речь идет об отражении в этой крепости репрессии царизма в связи с революцией 1905 года. Именно поэтому автор ввел в четвертый том обширнейший материал о военно-полевых судах, о военно-окружных судах и другие материалы, характеризующие размах репрессий царизма в период с 1900 по 1917 гг. Кроме того, автор подробно освещает нахождение в Трубецком бастионе А. М. Горького, подробно характеризует революционных матросов и солдат, явившихся узниками Трубецкого бастиона, и т. д.

Особо в четвертом томе излагается пребывание в Петропавловской крепости «высокопоставленных» заключенных, в частности, изменников и предателей родины — генерал-адъютанта Стесселя и военного министра Сухомлинова, для которых был установлен привилегированный режим отбывания «наказания». Четвертый том завершается главой, названной автором «Петропавловская крепость, превращенная Советской властью в музей».

Пятый том «Истории царской тюрьмы» имеет подзаголовок «Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ. 1907—1917». М. Н. Гернет собрал для этого тома обширнейший фактический материал и успел написать часть тома по заранее разработанному плану. Однако смерть прервала кипучую научную деятельность М. Н. Гернета в разгаре подготовки пятого тома и собирания материалов для последующих томов. Подготовили к печати пятый том кандидаты исторических наук О. А. Иванова и Ю. И. Корблев, написавшие незавершенные части пятого тома, и пишущий эти строки, осуществивший общее научное редактирование тома и написавший к нему предисловие.

Семь глав пятого тома посвящены Шлиссельбургской каторжной тюрьме: ее строительству, установленному в ней

режиму и политическим процессам, давшим узников в эту тюрьму. В этой связи характеризуются находившиеся в тюрьме матросы и солдаты — участники Севастопольского восстания 1905 года, большевики — участники боевой организации Рижского комитета РСДРП, участники «Горловского дела», участники ряда процессов Петербургской военной организации большевиков и другие. В четвертой главе повествуется об узниках Шлиссельбургской каторжной тюрьмы — Серго Орджоникидзе, Жадановском, Петрове и других. Подробно излагается идеологическая борьба политических заключенных с царизмом во время нахождения их в Шлиссельбургской тюрьме.

Для полного раскрытия классовой сущности царской карательной политики в пятом томе приведены материалы, характеризующие пребывание в Шлиссельбургской тюрьме особой категории заключенных — похитителя «чудотворной иконы» Чайкина и аристократа-убийцы де Ласси.

Изложение истории Шлиссельбургской тюрьмы завершается главой под названием «Конец Шлиссельбургской каторжной тюрьмы».

Обширная восьмая глава пятого тома посвящена истории Орловского каторжного централа. В ней приводятся данные о строительстве временной каторжной тюрьмы в Орле, статистические сведения о населении этой тюрьмы, подробные данные о режиме и т. д. В этой же главе приводятся подробные сведения о пребывании в Орловской каторжной тюрьме Ф. Э. Дзержинского и о его борьбе с царским произволом и беззаконием. Глава завершается параграфом, посвященным «концу Орловского каторжного централа».

Таким образом, пятый том «Истории царской тюрьмы» содержит обширный материал, характеризующий роль Шлиссельбургской каторжной тюрьмы и Орловского каторжного централа в борьбе с революционным движением в период с 1907 по 1917 гг.

Советская научная общественность высоко оценила монументальный труд М. Н. Гернета¹. «История царской тюрьмы» заинтересовала не только специалистов-юристов, но и историков, студенческую молодежь и вообще широкие слои читательской массы. Свидетельством этому явилось то, что понадобилось несколько переизданий этого труда.

¹ См. Исаев М. М. — «Советское государство и право» 1940 г. № 11; 1947 г. № 2; Максак В. — «Вопросы истории» 1947 г. № 6; Утевский Б. С. — «Социалистическая законность» 1947 г. № 8; Клейман А. Ф. — «Советская книга» 1947 г. № 4; Ошерович Б. С. — «Советская юстиция» 1941 г. № 2 и № 10.

* * *

Если попытаться найти наиболее характерные черты, присущие личности М. Н. Гернета, то их можно выразить словами: «вся жизнь в науке». Вне науки, вне творческой, исследовательской, кропотливой и систематической научной работы он не мыслил своей жизни. И в далекие дореволюционные годы, когда он, продолжая традиции передовой русской науки, вел борьбу с официальной уголовноправовой доктриной, с уголовным законодательством и карательной политикой царизма, и в послереволюционные годы, когда, невзирая на постигший его тяжкий недуг, он сумел в полном объеме развернуть свои творческие силы, свой талант ученого-исследователя и ученого-организатора, — всегда мы видели, знали и ценили М. Н. Гернета как ученого-гуманиста, ученого-патриота, любящего народ, помнящего те муки и страдания, которые трудящиеся массы переносили в дореволюционную эпоху.

Мы упомянули о тяжелом недуге, лишившем М. Н. Гернета зрения, но не лишившем его ни творческой энергии, ни жизненного оптимизма. Уже в начале 20-х годов зрение М. Н. Гернета сильно ослабло. Автор этих строк помнит, как в 1922 году, слушая лекции М. Н. Гернета в Московском университете, наблюдал, каких усилий ему стоило даже при свете яркой лампы прочитать выдержки из литературных источников. В конце 20-х годов М. Н. Гернет жаловался, что почти уже не различает силуэта своего собеседника, а в начале 30-х годов М. Н. Гернет окончательно ослеп.

В своей краткой автобиографии он писал: «Слепота крайне затрудняет мою работу, но стараюсь преодолеть трудность и продолжаю научную работу». Слепота не помешала ему готовить, помимо ряда работ по уголовной статистике, пять томов «Истории царской тюрьмы». Здесь уместно напомнить, что на первом листе первого тома этого труда М. Н. Гернет написал: «Посвящаю мой труд другу-жене Александре Васильевне Гернет в знак сердечной благодарности за постоянную помощь мне в научной работе».

Творческая энергия, преданность советской науке, глубокие патриотические чувства преодолели все трудности, которые стояли на пути ученого. Всего перу М. Н. Гернета принадлежит свыше 350 печатных работ.

Другой чертой, присущей личности М. Н. Гернета, явилось стремление оказывать помощь в научной работе всем тем, кто трудился в области уголовного права: своим товарищам-профессорам, аспирантам, студентам, а также практическим работникам

органов милиции и уголовного розыска, прокуратуры, суда и в особенности работникам исправительно-трудовых учреждений. Каждый обращавшийся к М. Н. Гернету за советом о выборе темы для научной работы, о методике научно-исследовательской работы, о литературе по любому вопросу уголовного права, уголовной статистики или исправительно-трудовой политики, всякий, просивший его прочитать рукопись и дать о ней отзыв или выступить с докладом перед аудиторией студентов, ученых или практических работников, всегда встречал у М. Н. Гернета самый радушный, самый дружеский прием. Это стремление щедро делиться своими знаниями, оказывать помощь молодежи в ее научных исканиях, привлекать молодежь к научной работе, выдвигать молодых ученых было характерно для М. Н. Гернета еще в далекие дореволюционные годы. И эта черта ученого-общественника с еще большей силой проявилась у М. Н. Гернета в послереволюционные годы, в его академической и практической деятельности.

Нужно указать еще на одну черту, присущую М. Н. Гернету, — его глубокую принципиальность, постоянное стремление к развитию своих научных знаний, своего мировоззрения, его стремление идти нога в ногу с советской наукой, с советской общественностью, его глубокий патриотизм.

В советскую науку М. Н. Гернет вошел уже зрелым ученым со сложившимся мировоззрением. Он одним из первых среди старой профессуры пришел в 1919 году в советский университет и в советские государственные органы для того, чтобы служить своему народу, на благо своей Родины. Ему пришлось во многом пересматривать свои взгляды, мировоззрение, пришлось во многом учиться заново. Однако ни годы, ни тяжкая болезнь не могли послужить препятствием для того, чтобы двигаться по пути овладения принципами советской науки. В этой коренной перестройке своего мировоззрения М. Н. Гернет встречался с немалыми трудностями, которые он упорно, мужественно преодолевал. Точно так же мужественно он воспринимал критику своих взглядов, прислушивался к этой критике, воспринимая здоровую ее основу. М. Н. Гернету пришлось убедиться в недостаточности, а порой и в несостоятельности тех принципов, которых он неуклонно придерживался в течение многих лет. Ему, представителю «левого крыла» социологической школы уголовного права, стороннику создания еще в дореволюционные годы «социалистического направления в науке уголовного права», пришлось убедиться в том, что подлинно социалистической является лишь советская наука. И убедившись в этом, он безоговорочно стал на служение этой подлинной науке.

М. Н. Гернету, и в дореволюционное время боравшемуся с реакционными идеями буржуазной науки уголовного права, стало ясным, что подлинная борьба с буржуазной наукой, с буржуазным правом, с буржуазной карательной политикой возможна только с позиций марксизма-ленинизма, и он в своей научной деятельности уделяет большое внимание критике и разоблачению реакционной, антинародной сущности уголовного права империалистических государств, в особенности же карательной политики и чудовищных преступлений германского фашизма.

Всю свою сознательную творческую жизнь провел М. Н. Гернет в науке, в научных исканиях, в развитии своего мировоззрения, в стремлении стать на подлинно верный путь научной деятельности — на путь марксистско-ленинской науки. И если ему не всегда удавалось находить правильное решение поставленных задач, то всегда кристально чистыми, безупречными в моральном отношении, строго принципиальными были его стремления к научной истине, которую он видел в советской науке и служению которой отдал свою жизнь.

Профессор А. Герцензон

Посвящаю мой труд другу-жене
Александре Васильевне ГЕРНЕТ
в знак сердечной благодарности
за постоянную помощь мне
в научной работе

Автор

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Предисловие автора ко 2-му изданию

ПЕРВЫЕ три тома «Истории царской тюрьмы», изданные Государственным издательством юридической литературы в период 1941—1948 гг., разошлись в ближайшие же месяцы после выхода в свет. Я принял предложение издательства о переиздании этих томов моего труда.

Продолжающаяся моя работа в архивах Москвы и Ленинграда привела к открытию таких материалов, которые в той или другой степени восполняют мое исследование. Поэтому, пересматривая опубликованные тома, я счел полезным пополнить их.

Так, в первом томе в параграфе о правовом положении крепостного крестьянства мною включены в добавление к очерку об «уложении» графа Румянцева для его крепостных такие же очерки об «уложениях» графа Орлова-Давыдова и графа Лопухина.

Заново написан параграф «Дело писателя-революционера Радищева». Празднование в 1949 году 200-летия со дня рождения Радищева и быстрое развитие советской науки обогатили литературу о нем и с новой силой выявили его значение в истории русского революционного движения, когда он пошел дальше своих современников — французских энциклопедистов и призывал к восстанию там, где энциклопедисты звали лишь к реформам. Мы впервые публикуем документ 1790 года, относящийся к заключению Радищева в Петропавловскую крепость.

Интерес представило дело 1797 года, восполнившее наши сведения о пребывании семьи вождя крестьянского восстания Емельяна Пугачева в Кексгольмской крепости, где одна из дочерей Пугачева сделалась жертвой гнусного преступления коменданта крепости.

Многу использованы материалы Тайной экспедиции об устройстве каменного здания знаменитой тюрьмы Алексеевского равелина.

В недавнее время в Военно-Историческом архиве Ленинграда были обнаружены несколько десятков дел по Шлиссельбургской крепости начиная с 1811 года. Они восполнили наши сведения о заключенных в эту крепость за первую четверть XIX века.

Глава о монастырских тюрьмах пополнена новым параграфом о тюрьме Кирилло-Белозерского монастыря.

Таковы наиболее существенные пополнения первого тома.

* * *

Считаю своим долгом принести глубокую благодарность Главному архивному управлению Министерства внутренних дел СССР и архивам Москвы и Ленинграда, Государственному историческому музею, музеям Революции СССР и РСФСР за предоставленную мне возможность использования материалов.

* * *

Мы сокращенно приводим наименование архивов: Центрального Государственного исторического архива древних актов — ЦГАДА в Москве; Центрального Государственного исторического архива в Москве — ЦГИА в Москве; Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде — ЦГИА в Ленинграде.

Предисловие автора к 1-му изданию

ТЮРЕМНАЯ политика — очень большая и важная часть уголовной политики, а эта последняя тесно и неразрывно связана со всей общей политикой государства. Классовый характер государства, политическое и экономическое состояние страны, борьба классов в ней ярко отражаются на организации всей карательной системы и в особенности мест лишения свободы, на режиме и составе заключенных.

С этой точки зрения история российского царизма с его многовековым политическим и экономическим гнетом самодержавия, со всем его феодально-крепостническим строем, с властью буржуазии, угнетением различных национальностей, стеснением свободы неправославных вероисповеданий есть история царской тюрьмы.

Все этапы классовой борьбы отзывались громким эхом под сводами крепостей и тюрем, где в одиночку и стройными рядами проходили и умирали борцы революционного движения.

Ленин говорил: «...монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых»¹. Такая политика самодержавия отражалась в полной мере на истории русской политической тюрьмы.

Верная служанка самодержавия, православная церковь строила свои специальные монастырские тюрьмы, где в подземельях и каменных мешках крепостных стен умирали «за веру» представители всех религиозных течений. Историк царской тюрьмы не должен забывать слова Ленина: «Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью», в частности»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 28.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 385.

Входили за стены крепостей и тюрем борцы за национальную независимость всех угнетенных национальных меньшинств России, начиная с убитого в Шлиссельбургской крепости в 1762 году Батырши, вождя восставших башкир, и кончая поляками, украинцами, представителями кавказских народностей.

Историю царской тюрьмы можно писать только в условиях советского строя. Только после Октябрьской социалистической революции стало возможным дать правдивую оценку тюремного заключения. Лишь эта революция открыла перед исследователем сокровенные тайники царских архивов тайной экспедиции, третьего отделения «собственной его величества канцелярии», министерства внутренних дел, Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, монастырей и др. Эти архивы дают нам богатейший материал и щедро вознаграждают нелегкий труд историка тюрьмы по розыску фактов и иллюстраций тюремного дела в России.

Надо признать, что этим правом свободного доступа к секретным материалам царских архивов еще никто для исследования истории царской тюрьмы не воспользовался. Опубликованные в значительном количестве после Октябрьской революции монографии и статьи в периодических изданиях по тюремному вопросу носят в большинстве случаев мемуарный характер. Использование в таких монографиях и статьях архивных материалов было исключительно редким явлением, а сами материалы относились к тому или другому отдельному месту заключения за недавнее прошлое время и преимущественно к периоду после революции 1905 года и отчасти к последним годам XIX века.

История царской тюрьмы неразрывно связана с историей царизма. Это побуждает нас поставить вопрос о выборе такого периода, за который мы могли бы дать историю царской тюрьмы как более или менее законченное целое, а не как отрывок истории или эпизод из истории. Свой выбор начального момента истории царской тюрьмы я остановил на 60-х годах XVIII века.

В политической истории России этот период представляет выдающийся интерес. Екатерина II, занявшая престол при поддержке дворянства, чувствует в нем свою опору, награждает его так называемой «грамотой о вольности» и превращает в крепостных еще более миллиона крестьян. Крестьянские возмущения разрастаются в крестьянское восстание, и вождь этого восстания Пугачев вписывает новые страницы в историю революционного движения в России и новые строки в историю царской тюрьмы. Передовая интеллигенция пытается с пером в руках протестовать против крепостного права, и среди узников Петро-

павловской крепости оказывается Радищев, а в казематах Шлиссельбурга — Новиков и Кречетов.

Французская буржуазная революция, как показывают архивные материалы тайной экспедиции, отражается на составе населения тюрем и на работе тайной экспедиции. «Либерализация» Екатерины до начала этой революции сказывается на уголовном и, в частности, на тюремном законодательстве. Из нашего очерка тюремного законодательства Екатерины читатель увидит, что ее «либеральные» фразы глубоко расходились с ее действиями. Сюда особенно применимы слова Ленина: «Так всегда бывало, так всегда будет с либеральными фразами. Они только прикрашивают узкую корысть и грубое насилие буржуазии; они только украшают фальшивыми цветами народные цепи; они только одурманивают народное сознание, мешая ему распознать его настоящего врага»¹.

В истории царской тюрьмы нет и не могло быть ни одного светлого периода хотя бы самой краткой продолжительности. Попытки некоторых авторов при помощи искусственного освещения сделать светлыми беспрерывные темные пятна очень слабы и редки. Девизом старой русской темницы было: «поменьше света во все места заключения». Этот же девиз был перенесен и в царские тюрьмы всего последующего времени. Наряду с этим девизом был и другой: «поменьше света из самой тюрьмы». Стены, окружавшие большинство царских тюрем до последнего дня их существования, как бы символизировали, что они строго оберегают тайну всего там творящегося. Архивные материалы отчасти раскрывают перед нами тайны царских тюрем.

В основу моей работы положены преимущественно архивные материалы, собранные мною в московских, а также и в ленинградских архивах и музеях, указанных в соответствующих примечаниях. Мною также использованы указы, напечатанные в Полном собрании законов, статьи в исторических журналах и имеющиеся очень немногие работы по истории царской тюрьмы.

Использованный нами материал разнообразен по источникам, из которых он исходит, по годам, к которым он относится, по месту его нахождения и по типам тюрем, описанных в этих материалах. В отдельных источниках и описаниях нет обобщения, но указанное разнообразие дает некоторое основание к обобщениям. Исходят ли описания из официальных источников (прокурора, сенатского указа, ревизора) или от самих заключенных и их стражников — всюду вырисовывается одна и та же

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 155.

картина, которая всегда написана в темных и мрачных тонах. Нет в этих картинах светлых пятен, и много в них тяжелого. В итоге получается картина однотонно-мрачная, а это и дает возможность делать обобщающие выводы о состоянии русских тюрем исследуемого периода.

Всюду, во всех тюрьмах отвратительно и тяжело, но, конечно, есть различия в режиме политической тюрьмы, монастырского заточения и общеуголовного острога. Наиболее тяжелый режим существовал в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и в монастырских тюрьмах. Но и сюда проникали классовые различия и давали себя знать, то отягчая, то облегчая положение заключенных. В этом отношении мы находим самые разительные примеры и знаем случаи, когда в одной и той же тюрьме одни страдали от голода, а другие составляли предмет величайшей заботы тюремной администрации, закармливавшей привилегированного заключенного дичью, соусами и пр. Фактические различия в положении отдельных заключенных в связи с их классовой принадлежностью и их социальным положением имели место повсюду: и в каторжной тюрьме, и в монастырской, и в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Этого никогда не надо упускать из виду. Приведу интересный пример из практики заключения в Шлиссельбургской крепости.

В архиве бывшей Шлиссельбургской крепости имеются относящиеся к 1807 году два дела, сведения о которых, по-видимому, в печать никогда до сих пор не проникали. В обоих делах речь идет о содержавшемся в Секретном доме Шлиссельбургской крепости графе Кирилле Алексеевиче Разумовском. В деле не указано, за что он попал в число узников Секретного дома, в который обычно заточались наиболее важные государственные, религиозные и уголовные преступники, как осужденные, так и без суда, но всегда «по высочайшему повелению».

В одном из названных дел имеются бумаги, проливающие яркий свет на тот режим, который был применен к этому «сиятельному» узнику, представителю аристократии. Особенно любопытно донесение из этой крепости с описанием камеры Разумовского и с указанием его питания. Привожу следующую дословную выписку:

«В комнате у него сухо и чисто, поставлен в его комнате образ распятия господня и горит лампада день и ночь завсегда. Страстную неделю потребовал постного кушанья и во всю неделю употреблял рыбу, свежую осетрину, вареный чернослив, швейцарские груши и мед белый с булками и прочее, вина выдается в день по предписанию доктора полбутылки, а водки

ничего... кушанье большей частью употребляет говядину, телятину, курицу, а иногда баранину и прочую дичину и все жареное, супов и соусов не употребляет, сколько ни предлагал...»¹.

Упоминание о скромной порции красного вина вызывает сомнения в правдивости рапорта в этом отношении, так как в этом же деле имеется бумага с сообщением о получении для графа Разумовского ни много, ни мало сразу ста бутылок красного столового вина². Такой запас не находится в соответствии со скромной порцией полбутылки в день. Впрочем, возможно, что граф Разумовский делился этим вином с тем самым комендантом, который был чем-то вроде его метрдотеля.

Не менее интересно и другое найденное нами в том же архиве дело с описью имущества заключенных в этой крепости.

Обращает на себя внимание «опись имущества», находившегося у графа Разумовского в крепости. Она составлена 8 марта 1807 г. Если бы я стал воспроизводить ее здесь полностью, то занял бы слишком много места, а потому ограничусь приведением из нее перечня только некоторых предметов. Поистине это «приданое», с которым прибыл граф Разумовский в каземат Шлиссельбургской крепости, находилось в полном контрасте с условиями пребывания здесь основной массы заключенных. Вот выписки из этой описи:

«Шуба медвежья — 1, тулупов суконных и на кроличьем меху — 2, халатов холодных — 4, фрак летний — 1, сюртуков суконных — 2, сюртук теплый на вате — 1, мыльница оловянная — 1, шпор серебряных — 4 пары, панталон лосяных — 3, панталон других — 11, панталон черных — 6, манишек 10, штиблет — 7, жилеток черных — 8, жилеток белых — 6, цветных шелковых — 4, фраков суконных — 3, шелковых чулок черных — 11, шелковых чулок белых — 14, скатертей — 4, салфеток — 12, наволочек — 14, простынь — 14, рубах фланелевых — 18, кастрюль медных — 8, пряжек башмачных золотых — 1 пара, пряжек башмачных серебряных — 3 пары, бритв — 12, кофейник — 1, сапогов — 7 пар, сапогов сафьяновых — 1 пара и т. д.»³.

Опись имущества других заключенных не идет ни в какой степени в сравнение с приведенной. А для контраста с этими условиями пребывания графа Разумовского в Секретном доме Шлиссельбургской крепости приведем сведения о положении

¹ ЦГИА в Москве. Дело Шлиссельбургской крепости. Разные бумаги по Шлиссельбургской крепости с 1798—1827 гг., листы 10 и 11.

² Тот же архив, то же дело.

³ ЦГИА в Москве. Дело Шлиссельбургской крепости. Опись имущества заключенных 1807—1835 гг., лист. 1.

в этом же самом доме целого ряда других арестантов. Эти сведения относятся к 1797 году, т. е. только на десять лет ранее времени пребывания там Разумовского. Я беру их из официального рапорта, посланного из Шлиссельбургской крепости на имя генерал-прокурора Куракина: «Зайцев и Сирский страждут цынгою и просят позволения курить табак, а Кречетов начал чувствовать боль в груди... Положение всех арестантов нашел я скучным, и все вообще жалуются на сырость воздуха в казематах... Купец Евсеев неутешно плачет... Все просят о прибавке порции». В этом же рапорте ревизор Попов добавляет, что у заключенных нет белья и от сырости их рубахи сгнили¹.

Сведения о положении графа Разумовского и других заключенных того же самого Секретного дома Шлиссельбургской крепости настолько ярко обрисовывают различие режима узников крепости, что прибавить к ним ничего не приходится. И в следующем, 1798 году вновь назначенный комендант доносил генерал-прокурору:

«Вступив в должность, осмотрев дом секретных арестантов, я нашел, что окна малы, почему от спертого воздуха бывает сырость, от коей арестанты претерпевают крайнее изнурение и заражаются цынготными болезнями».

В последующем изложении нам не один раз придется приводить примеры, когда различия социального положения или классовой принадлежности обуславливали различия режима заключенных. Это было общее правило, а исключения из него, конечно, бывали и объяснялись в отдельных случаях теми или иными конкретными условиями. Конкретные обстоятельства могли резко менять тюремный режим одного и того же заключенного.

Приведенная мною выше опись имущества Разумовского очень напоминает опись имущества другого осужденного из числа представителей высшего православного духовенства. Хотя случай, который я имею в виду, и не относится к рассматриваемой мною эпохе, но я приведу его, так как он предшествует ей всего на четыре десятка лет, а между тем имеет большое сходство с приведенным примером относительно Разумовского.

Это было в 1725 году. Пребывавший в Петербурге новгородский архиепископ Феодосий, близкий к Петру I, своим независимым поведением оскорбил Екатерину I и вступил в прере-

¹ ЦГАДА, VII, № 2940, 1797—1798 гг. Дело о хозяйственных распоряжениях по Шлиссельбургской крепости и о порученной сенатскому архитектору Патону переделке известного дома Шлиссельбургской крепости, листы 22, 23 и 72.

кания с тайной канцелярией. В результате он был осужден на вечное заточение в монастырской тюрьме в Карелии. При отправке его туда он получил следующее «приданое»: 14 бутылок разного питья, 6 венгерского, бутылка воды полынной, шляпа, четыре клобука, трость, два гребня черепаховые, пара ножниц, одиннадцать пар рубах с портками из немецкого полотна, эпанча черная суконная новая, сапоги, ряса черная банберексовая на лисьем черевьем чернобуром меху, шуба черная штофовая на лисьем чернобуром меху, одеяло лисье покрыто тафтою, штаны черные суконные, двое часов карманных серебряных, трость с золотой оправой. Было также взято белье столовое, кухонная посуда, запас разных круп и пр. Но наряду с этим Феодосий брал с собой в тюрьму и духовную пищу: 15 книг, маленький глобус, готовальню с циркулями и прочими инструментами. При наличии такого имущества, таких запасов и крупной суммы — триста рублей — можно было прожить «не скудно».

Современники, которым пришлось быть случайными очевидцами положения тех или иных заключенных в тюрьмах, отмечали, что это положение было не у всех одинаково. Если приведенные выше примеры относились к Шлиссельбургской крепости и к монастырской тюрьме, то мы имеем подобное же свидетельство и относительно общеуголовной каторжной тюрьмы в Рогервике. Описание этой тюрьмы оставил нам современник Екатерины II, Александра I и Николая I, писатель и издатель журнала Андрей Болотов. В качестве одного из офицеров военной команды, охранявшей каторжную тюрьму в Рогервике в 1755 году, он имел возможность наблюдать условия жизни в этой тюрьме. Отмечая, что население тюрьмы достигало тысячи человек, он говорит о разнообразном составе этой массы осужденных: «были тут знатные, были дворяне, купцы, мастера, духовные и всякого рода подлость... были тут французы, татары, черемисы. Те, которые имели более достатка, пользовались и тут некоторыми множайшими перед другими выгодами: они имели на нарах собственные свои отгородки и изрядные коморочки и, по благосклонности командиров, не хаживали никогда на работу». Чтобы оценить значение такой льготы, как освобождение знатного, или дворянина, или состоятельного каторжанина от каторжных работ, надо знать, насколько тяжелы были эти работы. Еще Петр I задумал устроить в Рогервике порт. В бытность Болотова в Рогервике каторжане были заняты очень тяжелым трудом по устройству мола, или широкой каменной насыпи, которая должна была соединить остров Рогервик с берегом; каторжане ломали камень в каменных берегах и сбрасывали его в воду. Это был настоящий Сизифов труд,

так как нередко разбушевавшееся море в один день уничтожало труды, затраченные здесь арестантами за пять лет¹.

Замечания Андрея Болотова о различии в положении арестантов каторжной тюрьмы для нас особенно ценны потому, что, во-первых, они сделаны современником-очевидцем, во-вторых, они сделаны не в отношении того или другого лица, а в отношении целой группы заключенных, обладавших материальным достатком.

Значение классового момента в режиме заточения особенно ярко сказывается в фактах, оставшихся мало известными или недостаточно подчеркнутыми теми, кто их сообщал. Эти факты возмутительны и вполне объяснимы классовой структурой крепостнической российской монархии. Я имею в виду случаи, когда в казематы Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, а также в монастырские тюрьмы попадали крепостные люди, относительно невиновности которых ни у кого не было ни малейшего сомнения, которые и принимались туда как заведомо невиновные. Это случаи, когда в места заключения крепостные люди поступали одновременно со своими арестованными господами для их обслуживания. Я встретил такие факты в архивных материалах относительно Алексеевского рavelина и Шлиссельбургской крепости в эпоху Екатерины и указания в литературе относительно Соловецкого монастыря.

Право дворянина брать с собою в места лишения свободы крепостного вытекало из права над «его» людьми, принадлежавшими ему на праве собственности. Дворянин мог взять его в тюрьму с собою так же, как он брал туда свои сапоги, платье.

За одними и теми же тюремными стенами находились разные представители крепостных: одни как жертвы религиозной нетерпимости за их отступление от догматов православия, другие в качестве обвиняемых или осужденных за «государственные» или уголовные преступления, а третьи только потому, что они были крепостные.

При Екатерине в Соловецкий монастырь был заключен помещик Жуков за убийство матери и сестры. Он был доставлен сюда вместе с двумя его крепостными, которых он отправил в Архангельск на заработки в его пользу. Когда такая посылка крепостных на заработки для заключенных была признана неудобной, Жуков нашел для себя более выгодным продать обоих крепостных и продал их «по 10 рублей за штуку»².

¹ См. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», «Русская старина», 1870, т. 1, приложения, стр. 338 и сл.

² Статья В. С. Иконникова в «Русской старине», 1888, стр. 760.

В архивном деле о содержании в Шлиссельбургской крепости писателя Николая Новикова мы встретили указания, что он содержался в каземате Секретного дома вместе со своим «человеком». Указания на это мы встречаем в деле дважды: в пояснениях к плану Секретного дома с перечнем арестантов каждого каземата, в общем списке заключенных за 1794 год. Характерно, что ни в одном из этих случаев ни имени, ни фамилии слуги Новикова не указывается. Он просто называется «человеком» Новикова¹. В том же архиве нам попало в руки дело: «Список арестантов, освобожденных при вступлении на престол императора Павла». В списке освобожденных первым поставлено имя Новикова «с человеком»². Для заключения под своды Секретного дома Шлиссельбургской крепости не требовалось знать имя этого крепостного слуги, так же как не потребовалось его назвать и при освобождении вместе с барином; было достаточно одного указания, что он принадлежит Новикову. В списке же заключенных этой крепости, с указанием причин заключения в тюрьму, под № 8 значится: «человек его (т. е. Новикова) — за что неизвестно».

Неизвестно также, за что последний фаворит Екатерины Платон Зубов прислал для заключения в Алексеевский рavelин в 1794 году француза Дю-Розуа. Конечно, совсем ни за что с этим французом были присланы в тот же рavelин и два его служителя³.

Известно, что «княжна Тараканова или принцесса Володимирская» была доставлена в Петропавловскую крепость вместе с ее слугами, а два поляка, захваченные одновременно с нею, заключены сюда же с их камердинерами⁴. Факт нахождения при пленнице собственных ее слуг подтверждается и мемуарами некоего Винского. Он попал в Алексеевский рavelин через четыре года после смерти «княжны Таракановой» и слышал от тюремного сторожа, что у неизвестной узницы-иностранки было много слуг⁵.

Закон строго разграничивал стоимость содержания в тюрьме не только людей разного сословия, но даже и разных чинов.

¹ ЦГАДА, № 2824, 1794 г. Дело об арестантах, содержащихся в Шлиссельбургской крепости: Николае Новикове, Багрянском и других, лист 7.

² ЦГАДА, VII, № 2900, 1796 г.

³ ЦГАДА, VII, № 2825, 1794 г. Ведомости об арестантах Петербургской крепости.

⁴ См. М., «Княжна Тараканова или принцесса Володимирская», «Русский вестник», 1867, август.

⁵ См. там же.

Питание слуги зависело от усмотрения его хозяина. От этого же привилегированного арестанта зависели и условия тюремного режима его слуги. К сожалению, по вполне понятным причинам до нас не дошло ни одного воспоминания этих невольных заключенных, сопровождавших своих господ в места их заключения. Имеются очень отрывочные и неясные указания относительно иностранки Франциски, сопровождавшей «княжну Тараканову» в Петропавловскую крепость. Но Франциска находилась в особых условиях, так как не была крепостной, а была наемной служанкой и притом заявляла о себе, что она дворянского происхождения. При выпуске ее на свободу, после смерти принцессы Володимирской, с нее было взято обещание ничего и никому не рассказывать о своем пребывании в Петропавловской крепости. В качестве вознаграждения за ее труд тайная канцелярия отдала ей небольшое имущество, оставшееся после смерти «самозванки-бродяги», и 150 рублей деньгами из средств тайной канцелярии. На таких же условиях были отпущены чех-богемец и два итальянца, служители той же «самозванки», получившие по 50 рублей¹.

Указанный классовый момент в истории царской тюрьмы еще не был выявлен в достаточной мере.

* *
*

Литература о русской тюрьме второй половины XVIII века и первой четверти XIX века не богата. Она носит исключительно описательный характер. Первыми исследователями состояния мест заключения интересующего нас периода были уже упомянутый нами Андрей Болотов, описавший каторжную тюрьму Рогервик, и англичане, а именно: в последней четверти XVIII века Кокс и Говард, а в первой четверти XIX века — Венинг. Работы двух первых англичан получили широкую известность и появились не только на английском языке, но также и на других языках. Результаты исследования Венинга были им изложены в особой записке, представленной Александру I.

Материалы, собранные каждым из этих трех иностранцев путем личного наблюдения, не имеют для истории русской тюрьмы исчерпывающего значения, так как их описания относятся почти исключительно к столичным тюрьмам.

¹ ЦГАДА, VII, № 2043. Именные высочайшие указы и определения по тайной экспедиции за 1776 г. Я нашел здесь подлинное дело об освобождении из крепости слуг «княжны Таракановой».

Кроме описаний Кокса, Говарда и Венинга, исследователи истории царской тюрьмы имеют в своем распоряжении еще лишь небольшой печатный материал в виде воспоминаний и писем современников и в виде указов из Полного собрания законов. Из исследователей, остановившихся подробнее других на описании русской тюрьмы второй половины XVIII и начала XIX века, следует назвать проф. П. И. Люблинского и Д. В. Краинского. Первый из названных авторов коснулся положения тюрем в интересной статье, напечатанной в Энциклопедическом словаре Граната, поскольку ему это позволили размеры статьи¹, а второй остановился лишь на положении тюрем в Черниговской губернии. Более ранние работы Филиппова и Фойницкого были написаны для правительственных комиссий по реформе тюрем. Такое состояние литературы по истории русской тюрьмы дает основание говорить, что эта история до сих пор еще не была освещена.

Я сопровождаю свое изложение приложением иллюстративных материалов, некоторые из которых появляются в печати впервые. Это — материалы, найденные в архивах или предоставленные мне различными музеями. Октябрьская социалистическая революция дала возможность воспользоваться иллюстрациями и рукописными документами бывших царских архивов. Сюда относится план Секретного дома Шлиссельбургской крепости 1794 года с обозначением на нем камеры, в которой был заключен Новиков. Впервые появляются в печати фотографии с подлинного плана московской Бутырской тюрьмы 1800 года, составленного известным архитектором Казаковым, и несколько более поздний план Казанского тюремного замка. Не появлялись также в русской печати фасады и планы петербургских и московских тюрем, которые мы перенесли из книги Говарда. Мы сделали снимки с очень редких подлинных орудий наказания в тюрьмах XVIII и начала XIX века, хранящихся в Московском государственном историческом музее. Очень интересными являются снимки с подлинных гравюр второй половины XVIII века с изображением различных наказаний того времени. Другие планы и рисунки взяты нами из печатных материалов, указанных в соответствующих местах.

В первом томе я довожу исследование истории царской тюрьмы до восстания декабристов в 1825 году. Только в виде исключения пришлось в немногих случаях коснуться материалов

¹ См. П. И. Люблинский, Главнейшие моменты развития уголовного права и суда в дореволюционной России, «Энциклопедический словарь Граната», т. 36, ч. V, стр. 534—572.

более поздних годов, ближайших к 1825 году, поскольку они были тесно связаны с предшествовавшим периодом.

В моем изложении я последовательно знаколю читателей с характером общегосударственной и уголовной политики исследуемого периода, с тюремным законодательством и с фактическим состоянием таких тюрем, как Петропавловская и Шлиссельбургская крепости, монастырские тюрьмы и общеуголовные места лишения свободы.

Я руководствовался мыслью, что подход к тюремному заключению как к одному из участков классовой борьбы представит общественный интерес и значение.

Глава первая

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

§ 1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ТЮРЕМНОЕ законодательство второй половины XVIII века и первой четверти XIX века есть лишь часть законодательства, и притом небольшая, в истории царской тюрьмы. Оно не исчерпывает тюремного вопроса уже по одному тому, что не вскрывает с достаточной полнотой ни действительного состояния мест лишения свободы, ни практики тюремного дела. Это замечание особенно справедливо по отношению к интересующей нас эпохе. Императорское правительство феодально-крепостнической России претендовало на активное участие в концерте европейских держав, хотя бы играя в нем и не первую скрипку. Для этого приходилось в той или иной степени отдавать дань европейскому либерализму, впрочем, часто с легкостью снимая маску, когда реакция брала верх, как это было с Екатериной II, а также и с Александром I. Уплата дани «либерализму» совершалась в виде обнародования некоторых манифестов, составления проектов, не получавших силы закона, в виде издания законов, иногда и прогрессивных для своего времени, но почти не проводившихся в жизнь.

Дань консерватизму и реакции всегда уплачивалась в более значительных размерах, и сама российская дворянская действительность принимала разнообразные акты реакции охотнее, чем

либеральные новшества. Феодално-крепостническому строю был свойствен старый упорный консерватизм и противен всякий либерализм. Именно такая политика была дорога господствующему классу дворян-крепостников, дворянство же было опорой трона.

Уголовная политика интересующего нас периода определялась общей политикой самодержавной империи второй половины XVIII и первой четверти XIX века. Крепостнический строй определял эту политику. Интересы дворян-помещиков были на первом месте. Стремление правительства направлялось на удовлетворение дворянских appetitов и вожделений. Отсюда происходил длинный ряд уголовноправовых мероприятий, носивших ярко выраженный классовый характер. Такие мероприятия относились и к законодательной области, и к судебной деятельности, и к тюремной практике. Без знакомства с ними нельзя дать правильной оценки царской тюрьмы.

В законодательной области «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 21 апреля 1785 г. явилась таким юридическим актом, который с наибольшей полнотой отражал положение дворянского сословия в государстве.

Во многих отношениях «жалованная грамота» лишь узаконила те преимущества, которыми уже и ранее фактически пользовались дворяне. Так, например, даже в случаях очень тяжких уголовных преступлений дворяне-преступники обычно освобождались от телесных наказаний. Так было и в таких наиболее шумевших процессах, как дело Салтычихи и дело Жуковых (читатель познакомится с этими делами ниже).

Жалованная грамота дворянству увеличивала значение этого сословия путем объединения дворян на почве их классовых интересов. Правда, Екатерина из осторожности не создавала единого дворянского центра, не объединяла всех дворян империи в одну общеимперскую организацию. Она не пошла далее создания дворянских обществ в губернском и уездном масштабе. Но и сами дворяне в массе были очень далеки от настроений их потомков — декабристов.

В законе 1785 года в главе «О личных преимуществах дворян» было дано несколько статей уголовноправового характера. В четкой и категорической форме эти статьи провозглашали: «да не судятся благородные кроме своими равными», «без суда не лишается ни жизни, ни имущества, ни чести», «телесное наказание да не коснется до благородного», с дворянами — нижними чинами в войсках «поступать во всех штрафах как по нашим военным правилам с обер-офицерскими чинами». Каждый

приговор, затрагивавший сословные имущественные права дворянина, подлежал утверждению Сената и императора. В отношении дворян специальная статья подтверждала десятилетнюю давность для погашения уголовной ответственности. Особые статьи (41—43) вверяли дворянам отправлению правосудия и административную власть на местах: «дворяне выбирают 10 заседателей верховного земского суда и двоих в совестный суд»; они выбирают также заседателей уездного суда и нижнего земского суда; эти заседатели фактически получают преобладающее влияние в суде; дворяне избирают также уездного исправника и т. д.¹

Почти за двадцать лет до издания закона 21 апреля 1785 г. дворяне в наказах своим депутатам в комиссию по составлению нового уложения уже требовали закрепления законом за их сословием различных преимуществ, предоставленных им фактически и раньше. Среди требований этого рода встречались откровенные, совсем неприкрытые вожделения поставить себя в исключительное положение даже и тогда, когда дворянин являлся виновным в каких-либо преступлениях. Как увидим ниже, бесстыдство многих требований об исключительном отношении уголовного закона к дворянину становилось еще более сильным в целом ряде случаев. Это были случаи, когда, например, требуя освобождения дворян от смертной казни и от телесных наказаний, дворяне предлагали усилить эти меры для других сословий. Самым же общим и беззастенчивым требованием было требование укрепления крепостного права. Впрочем, в этом отношении примеру дворянства следовали и другие сословия: об этом просили и купцы и духовенство. По словам историка Соловьева, в комиссии слышался дружный и страшно печальный крик: «рабов!»²

Из 565 депутатов в комиссии только один артиллерийский поручик Коробьин решился говорить об ограничении власти помещиков над имуществом крестьян, оставляя в неприкосновенности их права над личностью крепостных. Он указывал, что массовые побегі крестьян вызывались чрезмерными налогами и поборами помещиков, лишавших крестьян их собственности. Такое предложение вызвало бурю негодования, и из 21 голоса 18 было подано против предложения Коробьина. Шашков утверждает, что у дворян было намерение убить первого, кто осмелился бы говорить об освобождении крестьян³.

¹ См. «Полное собрание законов», т. XXII, № 16187.

² См. С. Соловьев, История России, т. XXXV, М., 1877, стр. 121.

³ См. Шашков, Собр. соч., т. II, СПб., 1898, стр. 278.

Кстати отмечу здесь, что представители господствующего сословия в комиссии по составлению уложения всегда спешили заткнуть рот депутатам от крестьянства и от угнетенных национальностей, когда те начинали говорить о своих нуждах. Так, например, депутат последних жаловался на «бесчеловечие и мздоимство попов, кои токмо грабят и мучить их приезжают». В ответ на это депутаты-дворяне голословно отрицали справедливость этих жалоб и заставили замолчать протестующих. Когда такие же жалобы «на притеснения и вымогательства попов» заявили депутаты одной провинции, дворянин-депутат обвинил их в раскольничьей интриге. В ответ на жалобы крестьян на тяжесть заводских работ депутат берг-коллегии доказывал, что такую работу нельзя считать тягостной. В ответ на указания крестьян, что они нищенствуют и изнемогают от податей, помещики-депутаты обвиняли их в лености и даже предлагали повысить подати и тем самым заставить крестьян старательнее работать.

Приведенные здесь слова представителей угнетенных национальностей, пахотных и заводских крестьян являлись попыткой найти у правительства помощь в их тяжелом положении и защиту от притеснений администрации. Депутаты из числа колониальных народов говорили это тогда, когда среди них еще жива была память об усмирении восстания в Башкирии и когда вождь этого восстания Батырша всего за несколько лет перед тем погиб в Шлиссельбургской крепости. Пахотные же и заводские крестьяне вскоре были взвслнованы крестьянскими восстаниями, с участниками которых мы встретимся дальше в нашем очерке о царских тюрьмах.

§ 2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Мы отметили преимущества дворян, дарованные им жалованной грамотой. Были «жалованные грамоты» и для крепостных. Жаловали такие грамоты крестьянам и императрица, и сами помещики. Интересно сопоставить содержание этих грамот и сравнить «права вольности дворянского сословия» с «вольностями крепостных». Сравнение имеет прямое отношение к уяснению правильного взгляда на историю царской тюрьмы.

Еще закон 13 декабря 1760 г. разрешил помещикам по собственному их усмотрению без всякого суда ссылать своих крепостных на поселение в Сибирь «за продерзостные проступки». Екатерина 17 января 1765 г. расширила это право дворян и разрешила им ссылать в указанных случаях крестьян даже и на каторжные работы на сроки по их усмотрению, с пра-

вом в любое время вернуть крестьян к себе обратно. Закон ограничивал это право условием, чтобы ссылаемый был в возрасте до 45 лет и годен к военной службе. Так как помещики получали за таких ссылаемых зачетные рекрутские квитанции, то они сделали из этого права доходную для себя статью: они отправляли в Сибирь стариков, калек и больных, а зачетная рекрутская квитанция давала им возможность оставлять у себя крепостных, годных для работ. При этом помещики отправляли крестьян в ссылку без жен и детей. Новгородский губернатор Сиверс на протяжении пяти лет дважды писал Екатерине об этих злоупотреблениях. Сибирский губернатор Чичерин также доносил, что к нему помещики шлют своих дряхлых и больных крепостных, покупая их по дешевой цене и выгодно используя зачетные рекрутские квитанции. Ссылка крепостных в Сибирь была приостановлена Екатериной лишь временно, на полтора года, и потом опять восстановлена. Ее внук, Александр I, последовал ее примеру, сначала запретив эту ссылку, а потом опять разрешив¹. Еще ранее отец Александра Павел подтвердил право дворян ссылать крепостных в Сибирь². Так по стопам бабки пошли и сын ее и внук. О широких размерах, в которых этим правом пользовались помещики, говорил рапорт Чичерина 1771 года, когда за один этот год было прислано до 6000 крепостных, которых нечем было прокормить. До 1772 года (по-видимому, с 1768 года) число крепостных, сосланных помещиками в Тобольскую губернию и Енисейский уезд, достигло 20 515 человек.

Жалованная грамота дворянству разрешала им коллективные обращения к правительству с просьбами. Что же касается крестьян, то правительство пожаловало их такою грамотою: «буде которые люди и крестьяне на помещиков своих челобитные, а наипаче в собственные руки императрицы подавать отважатся, то как челобитчики, так и сочинители их челобитень наказаны будут кнутом и сошлются в вечную работу в Нерчинск, с зачетом их помещикам в рекруты». Речь шла о наказании, граничившем со смертной казнью, за подачу жалоб на помещиков, хотя бы и совершенно основательных, — преступление состояло в дерзостной смелости просить защиты и справедливости.

Примеру монархини следовали помещики, запрещавшие под страхом наказания утруждать их жалобами на приказчиков. Семеновский сообщает распоряжение помещицы-генеральши Толстой

¹ См. В. И. Семеновский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 1, СПб., 1881, стр. 166.

² См. «Полное собрание законов», т. XXV, № 19157.

так наказать мирского челобитчика: сослать его в другую вотчину, обрить ему голову и бороду, надеть на шею рогатку, так ее заклепав, чтобы «не иметь ему покоя», заставить его постоянно работать на кирпичном заводе. Крепостные жаловались на приказчика за применение к ним именно тех наказаний, которым был подвергнут мирской челобитчик. Крестьяне писали ей: «го-ловы и бороды у нас, яко у иноверцев маховецкого закона, и бреет и железные рога на шею накладывает».

Издавали и сами помещики для своих крепостных своеобразные «жалованные грамоты» или нечто вроде уложения о наказаниях. Любопытнейший пример издания такого «уложения» был дан крупнейшим помещиком графом Румянцевым в 1751 году. Это «уложение» носило название — «Пункты, по которым имеют во всех низовых наших вотчинах управители, приказчики, старосты за разные преступления крестьян наказывать». К этому акту помещичьего законодательства была приложена особая инструкция, в которой имелась специальная глава о наказаниях для крестьян.

«Пункты» и инструкция к ним содержат перечень, с одной стороны, преступных деяний, а с другой — наказаний за эти крестьянские преступления.

В этом законодательном акте феодал-помещик выступал в роли полновластного владыки. Для своих вотчин он — неограниченный монарх. В своей личности он соединяет власть законодательную, высшую административную и судебную. На просторстве его обширных поместий должен был единообразно действовать этот его кодекс. К сожалению, осталось неизвестным, кто был творцом этого «уложения», чьи юридические познания были использованы при его выработке.

До сих пор криминалисты ни разу не останавливались ни на этом «уложении» графа Румянцева о наказании его крестьян за преступления, ни на других подобных же помещичьих законодательных сборниках. Нечего говорить, что эти помещичьи «уложения», специально составленные ими для наказания крепостных, дают большой материал для характеристики угнетенного положения крепостных.

Хранящиеся в рукописном отделе Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина «Пункты» Румянцева помещены вместе с другим законодательным памятником того же помещика в особой папке, украшенной семейным графским гербом Румянцевых с изображением двух львов, графской короны, щита и пр.

Каждый из «Пунктов» скреплен подписью графа. Содержание «Пунктов» довольно разнообразно, — несмотря на небольшое число статей и на краткую их формулировку, «законо-

датель» захватил широко жизнь своих крепостных, опугав ее угрозами «справедливого» помещичьего гнева.

В «Пунктах» десять статей. Кроме этих десяти статей, имеется еще двенадцать других статей, которые составляют содержание главы «О штрафах». Эта глава — одна из заключительных в очень обширном сборнике статей законодательного творчества того же графа. Сборник, носящий название «Наставление», предназначен главным образом для поддержания на надлежащей высоте хозяйства Румянцева. Он содержит в себе большое количество разделов, носящих, например, такие названия: «О рогатом скоте», «О козах», «Об овцах», «О гусях», «О курах и утках», «О конском заводе», «О стряпчем», «О приказчиках», «О бухгалтере», «О штрафах» и др. «Пункты» и глава «О штрафах» определенно говорят лишь о тех преступлениях крестьян, которые были подсудны помещику. Пятый пункт предписывает соблюдать царские указы и направлять преступников, куда надлежит.

Учитывая значение православной церкви для охраны всей полноты помещичьей власти, Румянцев берет под свою защиту интересы этой церкви и ее служителей. На эту тему составлены три «пункта» из общего числа десяти. Румянцев поддерживает благочестие в своих крепостных денежными штрафами и сажанием на цепь.

Статья 8 говорит: «Если кто в праздничные дни без законных нужд на моление церковное не явится, с такового брать по десяти копеек штрафу без всякого послабления и отдавать в церковь». Сгоняя в церковь угрозой наказания, граф также угрозой надлежащего возмездия стремится водворить в храме благочиние и благоговение. Статья 9 угрожает: «Будучи в церкви, если кто учинит какой крик или шум, или поведет разговор, с таковых брать в церковь штраф по две копейки, а не имеющего сажать в цепь на сутки».

Богатейший человек империи, владелец на праве собственности некоторой части пространства этой империи, предусмотрительно предвидел, что среди его крепостных окажутся такие нищие, для которых уплата двух копеек штрафа будет непосильным бременем. Тогда неуплата штрафа влекла за собою для этих бедняков лишение свободы на сутки, притом не простое лишение свободы, а с содержанием на цепи. В три раза повышался штраф против обычных его размеров, если «грубые поступки и оскорбление» были направлены против священника.

Вообще преступления против личности влекли за собой различные наказания в зависимости от положения потерпевших. Так, например, штраф повышался, если потерпевшим оказывался

крепостной другого помещика, а тем более если преступление было направлено против другого помещика. За обиду другого помещика приказывалось бить батогами, «пока тот доволен будет». Но и здесь не оставался в убытке и сам Румянцев, так как с виновного, избитого батогами, взыскивалось два рубля в пользу самого Румянцева.

Не оставался в убытке составитель «Пунктов» и в тех случаях, когда взыскивался штраф за преступления против личности его крепостных при их драках и брани. Половина взысканной суммы шла в пользу потерпевшего, а другая — в пользу Румянцева. Размеры штрафа зависели от тяжести проступка. Так, статья 7 главы «О штрафах» определяла:

«Между же собой, если дворовый и крестьянин поссорятся и один другого матерно или какими скверными словами обругает, брать по десять копеек, а за бой без знаку — по двадцати пяти копеек. Буде же окроважится — пятьдесят копеек и сверх того телесно наказывать батогами».

Не во всех случаях репрессия, установленная в «Пунктах», находилась в соответствии с репрессией, назначенной в статьях главы «О штрафах». Кстати сказать, название этой главы может породить предположение, что в ней идет речь лишь о денежном взыскании. Это неверно, так как в ней же назначаются и другие наказания. Что же касается несогласованности некоторых статей обоих названных законодательных памятников, то, например, пункт 1 за побои «без знаков» назначал штраф 30 копеек и содержание на цепи, а статья 7 главы «О штрафах» грозила только штрафом и притом в размере 25 копеек.

Особо сурово карались имущественные преступления. Здесь не было пощады. Если в разделе преступлений против личности Румянцева, включив особую статью об оскорблении другого помещика, не допускал даже мысли о возможности оскорбления его самого, то он иначе поступил в статьях об имущественных преступлениях. Здесь он с надлежащей определенностью учел возможность таких преступлений.

Три статьи (4, 6 и 7) говорили о кражах. Первая из названных статей предусматривала кражу, совершенную крестьянами не у помещика. Как бы незначительна ни была сумма украденного, наступала общая конфискация имущества похитителя; после удовлетворения потерпевшего остальное поступало в пользу помещика, сам же преступник направлялся «в первую работу, куда потребность будет, или сдавался в набор», т. е. в рекруты. Этим наказание не исчерпывалось, так как виновный подлежал еще и сечению плетью. Статья 7 «Пунктов» уже одной своей редакцией указывала на тяжесть преступления, если кража была

совершена у самого помещика. Эта статья начиналась такими словами: «От нашего же хотя малое что отважится кто украсть, то отписывать у таковых все их имение, заключать в железа...».

Статья 6 карала запашку чужой земли, покос и жатву чужого. Кроме возврата всего, что было неправильно захвачено, виновный подлежал наказанию плетью на том самом месте, где он совершил преступление. В «Наставлении» же приказано взыскивать в двойном размере, — таким образом, и здесь было противоречие между «Пунктами» и статьями главы «О штрафах».

Приведенным перечнем крестьянских преступлений против личности, собственности и церковного благочиния не исчерпывается объем преступных действий по кодексу Румянцева. Сюда должны быть присоединены такие «преступления», как лень и нерадение в работе, наказываемые очень высокими денежными взысканиями.

В системе наказаний по кодексу Румянцева денежные штрафы вообще играли большую роль. Эта часть доходов графа точно записывалась в приходо-расходные книги, как этого требовала статья 10 «Пунктов». Должны были записываться и другие наказания. В то время как размер штрафа всегда точно был определен статьями закона, число ударов плетью или батогами никогда не указывалось. Простор в нанесении числа ударов открывался словами: «бить жестоко или бить столько, сколько будет угодно обиженному». Недополученная или перебранная лишняя копейка штрафа расценивалась дороже, чем точная фиксация числа ударов плетью и батогами по оголенному телу крепостного человека. Это и понятно. Имущественные интересы помещика были связаны с имущественным положением крестьян. Лишние десятки и сотни ударов плетью и батогами или, наоборот, ослабление при порке менее затрагивали интересы расчетливого владельца крепостных душ. При этом кодекс Румянцева с его неопределенными санкциями телесных наказаний шел по пути общеперского законодательства, которое также не признавало нужным точно определять число ударов при телесных наказаниях.

Я противопоставлял жалованной грамоте дворянству эти румянцевские «Пункты» о наказании крестьян. «Пункты» не ограничивали произвол приказчиков, так как судьей являлся этот же приказчик, а его зуботычины не составляли преступления¹.

¹ Рукописный отдел библиотеки имени В. И. Ленина, № 355, «Покройного его сиятельства графа Петра Александровича учреждение по селу Чеберчину с деревнями»; см. также Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. 1, СПб., 1881, стр. 172.

Обширнее, чем «Пункты» графа Румянцева, является более поздний памятник помещичьего законодательства — «Уложение» графа Орлова-Давыдова. Текст этого «Уложения» появился в печати почти 90 лет назад. Тогда оно было названо «Уложением для Поречья». Поречье было именем графа В. Г. Орлова-Давыдова, владевшего им в период с 1784 по 1831 год. К этому периоду относится и составление названного «Уложения», точный год написания которого, однако, не указан. Впрочем, стиль языка и содержание дают основание думать, что составление «Уложения» относится к началу XIX века. Во всяком случае, «Уложение» было в действии в 1831 году. Таким образом, между «уложениями» двух крупнейших помещиков лежит период в несколько десятков лет. Имеется указание, что «Уложение» Орлова-Давыдова было предназначено не только для Поречья, а и для других его вотчин, и в одном случае встретилось его название в «Уложении для вотчины Семеновской». Поречье же находилось в Ростовском уезде Ярославской губернии и восхвалялось в крепостническую эпоху как образцовое.

«Уложение для Поречья» обширно как по объему его разнообразного содержания, так и по количеству помещенных в нем отдельных глав и по числу статей в каждой из них. Всего в этом «Уложении» 23 главы, 185 статей. Нумерация статей идет особо в каждой главе.

Расположение материала по главам дано в известной степени систематично. Наименование отдельных глав позволяет составить представление о содержании «Уложения». Названия этих глав следующие:

- Гл. 1. О бурмистре, о помощнике его и о должности их — 22 статьи.
- Гл. 2. О порядке, какой наблюдать при производстве дел, — 11 статей.
- Гл. 3. О мирских сходках — 3 статьи.
- Гл. 4. О выборе способных людей для разбирания дел — 3 статьи.
- Гл. 5. Об оброке — 14 статей.
- Гл. 6. О сборах денег на мирские расходы и о дельном употреблении оных — 6 статей.
- Гл. 7. О неподаче просьб, мимо бурмистров, в контору мою — 5 статей.
- Гл. 8. О рекрутстве — 12 статей.
- Гл. 9. О крестьянах худого жития и непрочных для вотчины — 8 статей.
- Гл. 10. О разделе семей — 4 статьи.
- Гл. 11. О делах тяжбежных, которые относятся до правительства, казенных и как вести себя с соседями — 5 статей.
- Гл. 12. О малолетних наследниках — 7 статей.
- Гл. 13. О не вступающих в брак — 14 статей.
- Гл. 14. О незаконнорожденных — 4 статьи.
- Гл. 15. О покупке людей — 9 статей.

Гл. 16. О паспортах, о запрещении держать посторонних в вотчине без виду, о ворах и всякого рода подозрительных людях — 12 статей.

Гл. 17. О порядке, который наблюдать для сохранения кредита, и о других обстоятельствах, относящихся до торговли, — 4 статьи.

Гл. 18. О порядке, который наблюдать при продаже напитков, и об отдаче земли в наем — 5 статей.

Гл. 19. О межевых признаках — 4 статьи.

Гл. 20. О предохранении от пожара и о порядке, какой наблюдать при строении, — 22 статьи.

Гл. 21. О прилипчивых болезнях между людьми и о падеже конного и рогатого скота — 4 статьи.

Гл. 22. О церкви божьей, об утвари и о церковных деньгах — 1 статья.

Гл. 23. О раскольниках — 8 статей.

Этот перечень 23 глав «Уложения для Поречья» Орлова-Давыдова показывает, что помещик охватил статьями своего кодекса самые разнообразные стороны жизни своего крепостного крестьянина. Сюда вошли статьи, относившиеся к области управления или административного права, семейного, наследственного, обязательственного, финансового, церковного, уголовного и др.

Систематика изложения, как дело очень трудное, конечно, не могла быть проведена правильно. Мы встречаем поэтому в различных главах такие статьи, которым было бы более подходящее место в других главах. Но нас интересуют не эти вопросы помещичьей законодательной техники и даже не подробности этого графского «уложения», а общий дух его и основные черты его содержания.

Основное содержание «Уложения» вызвано стремлением помещика ввести в своей вотчине такой твердый порядок, который обеспечивал бы владельцу вотчины спокойствие, доход, дальнейший рост крепостного населения и увеличение помещичьей прибыли.

Главным ответственным управителем в вотчине является бурмистр с очень широкими полномочиями, вплоть до права налагать различные наказания на виновных по собственному его усмотрению. В отдельных случаях окончательное решение постановляется конторой графа, на ревизию которой и поступают различные дела. Если бурмистр является распорядительной властью, то в помощь ему создаются различные выборные должности для исполнения различных обязанностей по сбору налогов и податей, по рассмотрению судебных дел, по рекрутскому набору, по местному крестьянскому хозяйству и пр.

Это «Уложение» графа Орлова-Давыдова отличается от «Пунктов» графа Румянцева не только обширностью и разнообразием своего содержания, но и некоторым «либерализмом». Оно, не отказываясь от мер репрессии в виде денежных

штрафов и телесного наказания, не знает общей конфискации всего имущества и исключает из орудий телесного наказания плети. Статья 15 первой главы предписывала «виновных наказывать розгами и батожем, а плетью не наказывать». Число ударов по-прежнему не определялось, но нигде не встречается требований подвергать виновного такому числу ударов, сколько этого захочет потерпевший, и т. п. Хотя и это помещичье «уложение» не забыло интересов «православного храма», но, не сгоняя в него народ угрозой наказаний, ограничивается предписанием «всем крестьянам, а паче бурмистру, иметь всякое попечение, дабы церковь божия ни в чем недостатку не имела, и все нужное в свое время исправлять» (гл. 22, ст. 1).

Заботясь об ограждении интересов православия, этот помещик посвятил в своем «уложении» целую главу раскольникам, но сам подчеркивает свой «либерализм». Хотя в первой статье этой главы он и записал, что «сколько церковь божия страдает от раскола, всякому известно», однако во второй статье предписал «оставить раскольников в покое и не принуждать их обратиться в церковь, но должно делать им увещания и подавать советы». А в следующей статье пояснил: «для обращения раскольников к церкви кроткие способы гораздо надежнее и действительнее, нежели противные». Сам составитель «Уложения» предлагал раскольникам не заниматься религиозной пропагандой и довольствоваться тем, что оставляет их «жить в покое». О всякой такой пропаганде раскола требовалось сообщать в контору для наказаний. В целях воспрепятствования распространению раскола предписывалось хоронить раскольников по ночам или рано утром и без пения. Также запрещалось православным обучать детей у последователей раскола.

Угроза наказанием встречается в различных главах «Уложения». К ней прибегает помещичий кодекс и для обеспечения роста крепостного населения, т. е. крепостного приплода. Этому вопросу было посвящено несколько статей. Одна из них предписывала начальству, «а паче всех бурмистру», склонять достигших брачного возраста ко вступлению в брак: «крайне нужно, чтобы девки, поспевшие к замужеству, и холостые, достигшие до зрелых лет, вступали в брак. Сие дело есть богоугодное, чрез это сохраняются нравы и многие пороки удаляются». В случае, если девка достигла 20 лет, старшему члену в семье предоставлялось полгода срока для приискания жениха. Такой же полугодовой срок предоставлялся и при наличии парня, достигшего 25 лет, для приискания ему невесты. Неисполнение этого требования влекло за собою наложение ежегодного штрафа в сумме 25 рублей с семьи среднего достатка, 50 рублей — с богатой.

Что же касается «бедняков, кои не в состоянии платить, то наказывать их по рассуждению начальства». Неспособность к браку освобождала от штрафа. Вместе с тем предписывалось следить, чтобы не было обманного уклонения от брака.

Если вступление в брак с последующим «приплодом» объявлялось «богоугодным делом», то те же помещичьи интересы продиктовали содержание 21 главы, носящей название «О прилипчивых болезнях между людьми и о падеже конного и рогатого скота». В этой главе крепостной поставлен рядом с конным и рогатым скотом.

Большой интерес представляет 9 глава — «О крестьянах худого жития и непрочных для вотчины». Содержащиеся в ней восемь статей относятся не к особенной, а к общей части, так как дают руководящие начала о борьбе с «крестьянами худого жития».

Эта глава начинается с короткой статьи: «невоздержанных крестьян унимать от всяких пороков». Для достижения этой цели «закон» разрешил начальству пользоваться различными средствами по собственному усмотрению, но вместе с тем требовал завести особую тетрадь для записей в ней всех случаев наказания с отметкой «за что, кто наказан и чем». В случае недостижения цели исправления мерами увещания, штрафом и телесным наказанием на обсуждение мирового схода ставился вопрос о сдаче крестьянина «худого жития» в рекруты, или ссылку на поселение, или о его продаже. Предположения схода об этих мерах наказания представлялись на утверждение в господскую контору. Конечно, за графом в полной неприкосновенности во всей полноте оставалось его право собственника. Блюститель же его интересов — бурмистр был наделен слишком большими полномочиями и всегда мог провести на сходе желательные ему постановления. Одна из статей 3 главы «О мирских сходах» предоставляла бурмистру право наказывать членов схода: она требовала от членов схода, чтобы они вели себя «тихо и учтиво», и добавляла: «а ежели кто из крестьян будет поступать неприлично, таковых бурмистр не только отлучает, да и должен наказывать, по усмотрению своему, дабы и другие, видя сие, удержались от беспорядка».

Таким образом, бурмистр мог всегда на вполне «законном основании» хозяйничать на сходе. Его широкая власть еще более упрочивалась этим же графским «Уложением», которое запрещало подавать в контору какие бы то ни было заявления и жалобы, помимо бурмистра (гл. 7, ст. 1), и грозило: «Объявляем всем просителям, что когда найдутся просьбы их недельными, то непременно наказаны будут...» (гл. 7, ст. 5).

Рассматриваемая нами 9 глава содержала своеобразное и интересное предписание учитывать при наказании виновного, является ли он «богатым крестьянином, ведущим торг немалый», или «бедным». Из статьи 4 этой главы видно, что богатый крестьянин, который вел значительную торговлю, подлежал в первую очередь денежному наказанию согласно русской поговорке: «лучше бить рублем, чем дубьем». Текст этой статьи позволяет предполагать, что телесное наказание рассматривалось по отношению к этим богатым крестьянам как более тяжелое, как исключительное. Совсем крайней мерой являлось исключение таких крестьян из вотчины, т. е. сдача их в рекруты, ссылка на поселение, продажа их. Все это говорит о том, что с интересами помещика не согласовывалось бы исключение такого богатого крестьянина из вотчины. После приведенных нами оговорок при наказании богатого крестьянина является лишенным значения требование той же статьи наказывать богатого строже, чем бедного, но мотивировка такого требования нельзя отказать в правильности оценки имущественной недостаточности. Приведем текст этой статьи целиком:

«Крестьян богатых, которые ведут торг немалый, а в пороках обретаются, наказывать сперва деньгами, дабы не подорвать их торгу. Но ежели начальство и мир усмотрят, что они непрочны и для вотчины вредны, то в страх другим позволяется наказывать и сих на теле, а смотря по винам их и представлять об отлучении их от вотчины и ожидать решения. Богатые, хорошим поведением своим, должны служить примером для других, и более еще наказаны быть, нежели бедные, ибо бедный часто от недостатку принимается за худые дела».

Но, высказав такое рассуждение о значении имущественного достатка крепостных крестьян при их наказании, «Уложение для Поречья» вновь спешит подчеркнуть необходимость неослабной карательной политики в деревне и значение принципа общего предупреждения преступлений. Об этом говорит статья 7 с такой мотивировкой: «Начальству и миру наказывается накрепко, чтоб крестьян худого и непрочного жития, и в которых к поправлению мало надежды, отнюдь не беречь, а представлять по винам их, чему кто достоин. Сей способ есть вернейший и надежнейший для удержания от пороков. Прочие крестьяне, видя такую справедливость, будут иметь страх и от пороков воздерживаться, да и вся вотчина, очистясь от таких негодяев, будет жить спокойно и в соседстве похвалена».

Приведенные статьи 9 главы относились к материальному уголовному праву. Статьи же, относящиеся к судопроизводству и вообще к порядку разрешения всяких дел, помещены в первой

и во второй главах «Уложения». С одной стороны, они определяют технику производства, а с другой — содержат общие руководящие начала. Конечно, наибольший интерес представляют эти статьи с руководящими началами.

При выработке общих руководящих начал процессуального порядка «Уложение для Поречья», очевидно, учитывало тогдашние органические пороки русского суда, его волокиту, судейское взяточничество и черную неправду. Поэтому статья 5 первой главы гласила: «Всякий суд и расправу делать беспристрастно, по совести и наблюдая сущую правду, а ежели откроются притеснения или нападки и за оное бурмистр и другие судьи подвергнут себя наказанию». Вообще деятельность судей была поставлена под контроль конторы, которая обязывалась рассматривать, не подлежат ли судьи наказанию, и сообщать об этом самому помещику.

Эта же контора должна была доставлять сельскому суду сведения о тяжущихся: «хорошей ли они совести, не были ли в каких пороках» (гл. 1, ст. 10).

Суду вменялось в обязанность стараться примирить тяжущихся. В числе судебных доказательств, кроме свидетельских показаний, принималась «очистительная присяга» (гл. 1, ст. 12).

В борьбе с обычной бесконечной волокитой «Уложение» предписывало решать дела без замедления и без отлагательства, а при невозможности скорого решения объяснять причину этого. Но, кроме того, оно же требовало (гл. 2, ст. 3) представлять каждые два месяца особую ведомость с перечнем нерешенных дел, времени их поступления и причин затяжки их разрешения. Контроль за постановленными решениями требовал указания тех статей «Уложения», на которых это решение основывалось.

Требую от судей подкрепления их решений ссылками на статьи «Уложения», кодекс графа Орлова-Давыдова предоставил полному усмотрению судей определение вида и размеров телесных наказаний и величины денежных штрафов и других мер наказания. В различных главах имеются статьи карательного свойства, но их содержание ограничивается требованием подвергать виновных взысканиям по усмотрению начальства, бурмистра или судей. Такие статьи, например, имеются в главе 20 о предупреждении пожаров, в главе 18 о продаже спиртных напитков, в главе 14 «О незаконнорожденных», где предписано «унимать впадших в прелюбодеяние», и т. д. Одна из этих статей помещена в главе 15 «О покупке людей». Такое название заставляет предполагать, что в этой главе идет речь о покупке людей помещиком, но в действительности эта глава предоставила богатым крестьянам право покупать себе в помощь других людей. Девять статей

этой главы определяют подробности этого права крестьян на владение людьми и, в частности, право наказывать их по своему усмотрению или через посредство бурмистра, который в этом случае не должен им отказывать¹.

Описанные нами два помещичьих «уложения» для крепостных и нижепомещенная заводская запись наказаний рабочих являются любопытными памятниками феодально-крепостнической эпохи: богатейшие люди своего времени, графы Румянцев и Орлов-Давыдов и заводчики Демидовы пытались установить в своих обширных владениях свою «барскую законность», ввести единообразие в хозяйственное распоряжение и дать единство судебной и внесудебной расправы с крепостными. Этого требовали их материальные интересы крупных собственников в целях проведения контроля за многочисленными управителями, приказчиками и бурмистрами, каждый из которых действовал по собственному усмотрению. Неизвестно, в какой степени была достигнута и вообще была ли достигнута намеченная цель контроля: слишком широка была установленная, например «Уложением для Поречья», власть бурмистра, помимо которого не могли быть поданы в контору ни заявления крепостных, ни их жалобы.

Если нам неизвестно, как применялись на практике эти помещичьи «уложения» для крепостных крестьян, то мы располагаем рукописными материалами с распоряжениями помещика графа Лопухина о наказаниях его крепостных. Этот исторический памятник большого интереса хранится в рукописном отделе Государственного исторического музея в Москве. Из него видно, как необъятно широко было понятие проступка крепостного человека и как широко применялась репрессия.

Почти каждое распоряжение назначало наказание самому виновному и тому лицу, которому давался приказ наблюдать за приведением этого наказания в исполнение, если бы он не исполнил приказа. Граф Лопухин широко применял вычеты из того продовольствия, которое выдавалось крепостным людям. Что же касается ответственности лица, не исполнившего в точности приказа о наказании, то здесь всегда ставилась угроза «сечь на дровнях, давая по сто ударов нещадно».

Насколько широко понимал граф Лопухин «проступок» крепостного, видно, например, из его распоряжения наказать конюха за то, что после наказания он пролежал больной вместо одной недели целых две: «У конюха Дмитрия Федорова за лежание им

¹ Текст «Уложения для Поречья» напечатан в «Ярославских губернских ведомостях» 1853 г. № 41—44 и частично в «Сборнике статистических сведений Московской губернии, Отдел хозяйственной статистики», т. V, вып. 1, М., 1879 (примечание на стр. 152—153).

от наказания лишних 7 дней, ибо надлежало только одну неделю, а он лежал две недели, и за одну неделю, т. е. семь дней вычесть у него из месячины муки ржаной 4 гарнца, круп гречневых четверть гарнца, конопель восьмую долю гарнца, указанного три фунта с половиной сверх того, что ему за пьянство давать оного указанного не велено год, да из жалованья вычесть за оную же неделю сверх того, что за пьянство же вычесть велено рубль еще вычесть восемь копеек».

Неизвестно, за какой проступок этот несчастный конюх был так наказан, что пролежал больным две недели вместо дозволенной одной недели. Должно быть, нещадно было это наказание, если его не поднимали с кровати, «великодушно» простив ему одну из этих двух недель¹.

В другом случае наказание обрушилось на повара только за то, что он не взял чесноку для кушанья. У виновного произвели вычет части его пайка за целую неделю.

Через 30 лет в рукописном памятнике 1795 года — «Журнале сельца Высокого с деревнями» имеются любопытные записи телесных наказаний крестьян и крестьянок за различные провинности. В записи от 1 февраля 1795 г. мы прочли: «Крестьянская женка Дарья Григорьева, на которую доказывал крестьянин Илья Семенов будто она Григорьева давала дочери его Семеновой для проворожу (вероятно, «привораживание»? — М. Г.) наговорные прянки, за что она наказана розгами и оный Семенов по тому ж делу был не прав, за что и он наказан».

Неясно, в чем оказался виноват обвинитель Семенов, также подвергшийся наказанию. Но еще более примечательно, что выпоротая Дарья через день, а именно 3 февраля, была вторично наказана розгами за то же дело².

Эти и подобные им архивные материалы еще ждут исследования советскими учеными.

Приведенные нами «Пункты» графа Румянцева и «Уложение для Поречья» графа Орлова-Давыдова определяли бесправное положение крепостных крестьян во второй половине XVIII и первой половине XIX века. До нас дошел материал, характеризующий такое же бесправное положение рабочих на тагильских демидовских заводах в конце XVIII и начале XIX века. Был найден и воспроизведен в 1927 году в печати очень интересный рукописный «Журнал на записку в Черноисточенской заводской

¹ См. «Журнал приказов помещика Лопухина», 1763—1765, стр. 71. Хранится в Государственном историческом музее в Москве, фонд 440 И. Е. Забелина, ед. хр. 579.

² См. «Журнал сельца Высокого с деревнями», 1795. Хранится в Государственном историческом музее в Москве, фонд 54 из собрания Щукина.

конторе если кто из находившихся при том заводе служителей от нерадения своего порученной должности, пьянство и другие продержности будет чем штрафован или наказан»¹. В журнале сделаны записи за разные годы периода 1798—1818 гг. с указанием имени, фамилии, должности наказанных и с обозначением их проступков и наложенных на них наказаний. По-видимому, эти записи не являются исчерпывающими и носят случайный характер, так как они встречаются крайне неравномерно: за некоторые годы совсем нет записей (1799, 1811, 1813, 1815—1817), за другие годы имеется очень мало, а за третьи — за каждый месяц. Поэтому число наказанных за отдельные годы колеблется в пределах от одного до 75 человек. Встречаются дни, когда число наказанных достигало почти двух десятков, но вообще записи по всем годам были довольно редкими. Тем не менее записи проливают свет на всю широту расправы заводской администрации со служащими и рабочими завода. В перечне отдельных наказаний мы встречаемся не только с очень распространенными телесными наказаниями — «вицами», т. е. прутьями, но также и с применением приковывания к стене или с наказанием «цепочкой» или «цепью» и такими позорящими мерами, какие не были известны законодательству того времени, как, например, стрижка волос на лбу наказанных и осрамительное наказание женщин. Это последнее было применено к 18 женщинам, которые были «вожены на лычагах по улице» за самовольную отлучку с завода. Кроме того, назначались денежные штрафы в размере 50 копеек, 1 рубля и 2 рублей. В одних случаях телесное наказание назначалось совместно со стрижкой волос на лбу, а в других, более многочисленных случаях — без соединения с нею. Число ударов никогда не определялось, и только в одном случае встретилась запись о том, что последовало «нещадное наказание вицами» за ограбление на дороге. Что касается наказания «цепочкой», или «цепью», то в записях или совсем не указаны сроки или указаны такие сроки: одни сутки, двое суток, три дня и семь дней. Телесные наказания назначались в соединении с денежным штрафом. Нельзя уловить те основания, по которым определялся тот или иной вид кары. Одни и те же проступки влекли за собою различные наказания. По-видимому, служащие конторы за служебные

¹ См. «Материалы по изучению Тагильского округа», вып. 1. Тагил, 1927. Статья под ред. А. Н. Слоцова «Штрафной журнал Черновозовского завода 1797—1818 гг.»; см. также статью Крутикова «Из истории Нижнетагильского завода и быта его рабочих», «Записки историко-бытового отдела», Государственный русский музей, 1932, лист. 2.

Автор дал снимок с помещения, где была заводская тюрьма, который мы и воспроизводим.

проступки наказывались преимущественно «цепочкой». В громадном большинстве случаев проступки заключались в нарушениях, связанных с работой на заводе. Тут были: самовольные отлучки с завода, «неприлежность к работе», «нерадение о должности», неисправная выделка железа, невыработка должного количества, нечистота на фабрике, излишнее сожжение угля, леность при господской работе и др. Сотрудники заводской конторы наказывались за ошибку в ведомости о провианте, за «неисправление в конторе письменных дел», за неисправное ведение шнуровых книг и др. Из других проступков укажем пьянство, неосторожное обращение с огнем, обиды, побои, кражи, «непотребные» слова, «блудное дело», грубиянство, битье стекол, накладка лишнего груза на хозяйскую лошадь, «дерзкие проступки», «худое в ночное время поведение», недозволенный обмен дворами, топка печей ночью, «непорядочные поступки» и др.

При таком большом разнообразии проступков нет никакой возможности выявить сравнительную их тяжесть в глазах заводской администрации: за одни и те же проступки назначались разные наказания, а одинаковые наказания применялись за разные проступки. Самое распространенное наказание «вицами» назначалось и за кражу, и за преступление против личности, и за пьянство, и за самовольную отлучку, и за другие проступки. В одном случае встретилось указание на наказание палками.

Наказание «цепочкой» предполагает существование заводской тюрьмы. Она была при заводе, и память о ней сохранилась. Мы воспроизводим фотографический снимок того этажа, где она помещалась в давно сгоревшем здании (рис. 1).

§ 3. ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ КРЕСТЬЯН

Жалованная грамота дворянству провозглашала: «телесное наказание да не коснется благородного». В отношении же «неблагородных» действовало правило: «да не избежит никто из неблагородных телесного наказания». Все крепостное право держалось на порке. Само правительство подавало примеры широчайшего применения порки. Так, за укрывательство в деревне кого-либо из беглых крепостных подвергался наказанию плетью старший член семьи с каждого двора. Помещик времен Екатерины Болотов рассказывал в своих воспоминаниях о помещице, отдавшей приказание перепороть сразу 80 женщин за то, что они не набрали земляники. Дальше мне придется напомнить дело Салтычихи, прославившейся не только жестокими наказаниями своих крепостных, но и убийством их. Салтычихи были не только

при Екатерине, но и при ее преемниках. Классовое правосудие ставило всяческие препятствия к выявлению виновных помещиков. Просматривая секретные доклады шефа жандармов Бенкендорфа за 20-е годы XIX века, я не один раз встречал сообщение о помещичьих зверствах, и лишь о таких, которые заканчивались смертью крепостных во время истязаний. О случаях же жестокой порки без смертельного исхода, конечно, никто никому не доносил: наказание такого рода было обыденным, ежедневным явлением и не запрещалось законом. Предание суду в отдельных случаях помещиков, запоровших крепостных насмерть, еще не означало их осуждения. Неизвестно, чем закончилось, например, предание суду помещицы Белоруковой, которая запорола насмерть розгами и просмоленной веревкою девятилетнюю девочку¹.

Помещица Лунина собственными руками забила насмерть двух своих крепостных женщин и симулировала их самоубийство, одну бросив в воду, а труп другой повесив. Только повторное следствие выяснило действительную виновницу².

Но и в тех случаях, когда дело доходило до суда над помещиками и до осуждения их за убийство крестьян, приговоры судов не шли ни в какое сравнение с приговорами к наказанию крестьян за преступления менее тяжелые. Примером такой юстиции является приговор по делу вдовы генерал-майора Елизаветы Эттингер в 1771 году. Было доказано, что по приказанию помещицы «таловыми длинными прутьями» был засечен насмерть ее крепостной. Помещица оправдывалась, что наказывала этого крестьянина «с умеренностью» за его неучтивость, за подговор крестьян к побегу от нее, за приют беглых и за подговор к воровству. При этом, по ее уверению, смерть последовала от «неумеренного питания» этим крестьянином капустного сока со льдом. Судебно-медицинская экспертиза установила смерть от истязаний розгами. Сенат приговорил помещицу к заключению в тюрьму на один месяц и к публичному церковному покаянию, а за непредание крепостного за его преступления суду отобрать имение помещицы. Екатерина утвердила этот приговор и предписала сообщить его в комиссию по выработке уложения для составления закона, «что с такими чинить, кои суровость против человека употребляют»³.

Но не подсказывала ли она этим приговором к заключению в тюрьму только на один месяц помещицы, запоровшей насмерть

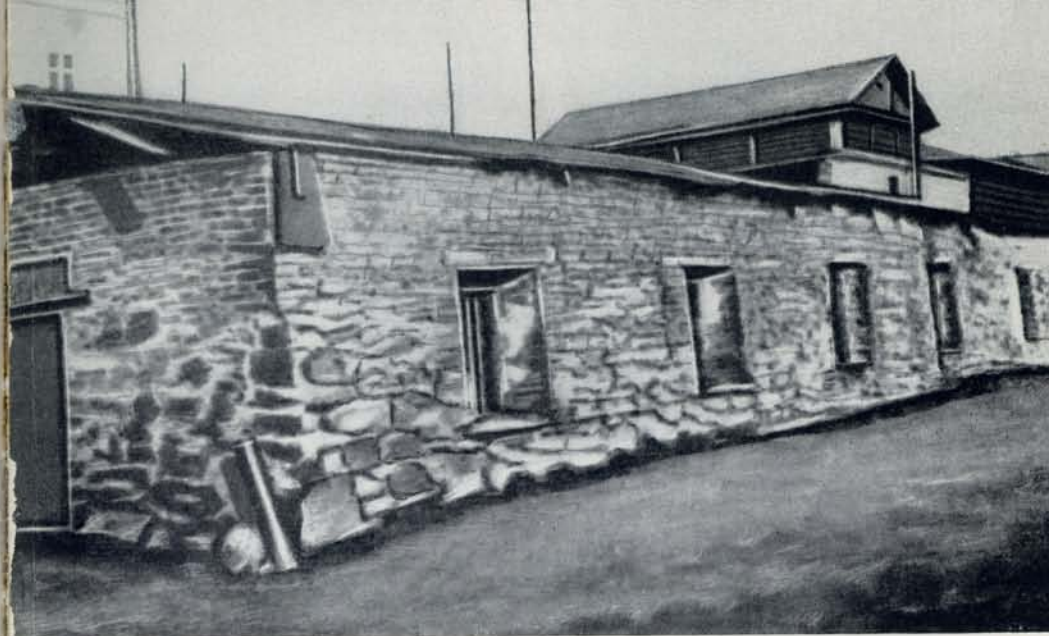

Рис. 1. Заводская тюрьма для рабочих завода Демидовых, построенная в 30-х годах XVIII в.

Из статьи Крутикова в «Записках Историко-бытового отдела» Государственного Русского музея, Л., 1932 г.

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданейшие доклады III отд. собст. его имп. велич. канцелярии за 1827 г., лист 152.

² Там же, лист 133.

³ «Полное собрание законов», 1771, т. XIX, № 13758.

ОБРАДЪ

По некоторому осужденных пь смерти убийц Лангеба Жунов и жину его в аресту вlenародно вести напoкнание

Керівник відомства отримавши Буклет під назвою «Що слід знати про
нашані безпечніші наступати і успішніші робіт» 2. підтримав
визначення 3. «визначення» 4. «визначення» 5. «визначення»
наслідки цієї

Исправлять свое положение, и, наконец, ввиду стремления
сего великого поэта к творчеству и к творческой деятельности,
быть в великой школе, дающей возможность, дающую

Повесить засухи в день города от паники в которой день,
важные часы и в фотосенсоров сизах и исподвосте будут все
народно свое подальше

Диакому там конь задез прилажен для латанья (?)
Об обнищенности-лягу линюрг? постандн дм преправдини
он символ прилажен в нутри цырюль на колотворный говорит

[illegible][illegible]

Въ обыкновенное время литургіи поставивъ два преподѣлника особыми символами придеваютъ внутрь церкви и на колѣняхъ говорить имѣть проповѣдь. Преподѣлники церкви никеи и вселенскаго собора поставивъ пришедъ

приложенію поді літерою Гі 7
по окончанні літургій убідою вторично став на місто і відступ же
словеса ісуси преді двіжжя, просіа недовіриати омаіти обіну
винодіші налові изі цівіоні. Р

Троїсенькім же передачі отримали імена: першакіс іврованіс нувіснкі
мелі, північні півдєснкіс іврованіс

своего крепостного, какой проект закона ждет она от комиссии? В общей системе уголовной репрессии месяц тюрьмы являлся совершенно ничтожным наказанием, но ни Сенат не устыдился так дешево оценить жизнь крепостного, ни императрица не постеснялась утвердить приговор дворянского суда. Очевидно, здесь не возникало даже и мысли о какой-нибудь неловкости утвердить явно неправосудный приговор, и без всяких колебаний сообщалось в комиссию по составлению уложения.

Из других примеров мы увидим, что картины классового правосудия царское правительство не стеснялось выносить на показ всему народу, прямо на площади и на улицы столиц, городов и селений. Стоит остановиться на описании этих картин уголовной политики, выставлявшихся всем напоказ.

§ 4. КЛАССОВАЯ ЮСТИЦИЯ

Рисуя картины «правосудия» и уголовной политики в екатерининскую эпоху, мы опишем два дела. Оба они — не политические и не религиозные, а чисто уголовные. В каждом из них в качестве обвиняемых предстали в одно и то же время дворяне-помещики и их крепостные. «Правосудию» XVIII века пришлось измерить вину дворянина и мужика за одно и то же преступление, и мера, которой определялось наказание виновным различных социальных групп, оказалась до бесстыдства различной в зависимости от классовой принадлежности осужденных. Другого, более подходящего выражения, кроме «бесстыдства», я не нахожу: публично, можно сказать, всенародно, под звон колоколов правосудие на улицах столицы показывало свое настоящее лицо. Оба дела были самыми крупными за вторую половину XVIII века. Ни одно другое дело не приковывало к себе общественного внимания в такой степени, и именно по этим двум делам исполнению приговоров была придана особая «пышность». Это нисколько не помешало показать народу, битком заполнившему площади и улицы, что у правительства — две различные меры наказания для барина и для холопа. Одно из этих дел было дело Жуковых, другое — дело Салтычихи.

Процесс Жуковых достался Екатерине, можно сказать, по наследству от Елизаветы. Еще в 1756 году вся Москва была взволнована убийством, совершенным в одном из барских особняков на Большой Никитской улице. Убитыми оказались помещица и ее четырнадцатилетняя дочь. Они обе были задушены в постели ночью. Вскоре выяснилось, что убийство было совершено с корыстной целью и непосредственными его исполнителями

Ровинский («Русские народные искусства» в Москве, в Музее изобразительных искусств, кн. V, СПб., 1881 г., стр. 319) дал такое описание народной картинки «Обряд публичного наказания за кражу»: «Преступники муж и жена, одеты в посконные свиты, сопровождаемые стражей и народом, проходят мимо Ивана Великого; они несут зажженные восковые свечи; босые ноги их закованы в кандалы. Лицо Жуковой закрыто спущенными волосами; при каждом из них по свещеннику».

были несколько крепостных дворовых людей, а подстрекателями к преступлению были молодые супруги Жуковы, из которых Жуков приходился одной убитой сыном, а другой — братом. Преступление было строго продумано, и Жуковы вовлекли в него для исполнения различных ролей при совершении преступления несколько дворовых крепостных. Одним из них были обещаны денежные награды, другим еще более дорогая награда — освобождение от крепостной зависимости, третьим — и то и другое вместе. Подговор вполне удался, и преступление совершилось. Раскрыть его не представляло особых трудностей, и виновные были вскоре арестованы, в том числе и супруги Жуковы. Допрос виновных сопровождался пыткой, от которой менее всего пострадали господа-подстрекатели Жуковы, но несколько крепостных и мать жены Жукова умерли от пыток. Виновные были приговорены к смертной казни, а некоторые из них, в том числе и супруги Жуковы, к четвертованию.

Приговор остался без исполнения вследствие отмены Елизаветой смертной казни. Жуковы содержались до 1766 года в отдельных камерах при полицмейстерской канцелярии, имея на себе стул на цепи (небольшой чурбан с цепью, надевавшейся на шею, — см. об этом ниже). Они получали на содержание вместо обычной копейки по три, а в случае болезни — по десять копеек.

Увеличение нормы денег на питание до трех копеек вместо одной было обычным для преступников благородного звания, но не обычным было увеличение этой повышенной выдачи еще в три раза (10 коп.) в дни, когда Жуковы были нездоровы. Это открывало возможность значительного улучшения их питания. В деле имеются прямые указания, что Жуковы находились в месте заключения в особых условиях не только в отношении питания. Так, Жукова имела в своем распоряжении ключ от того замка, который запирает кольцо шейной цепи стула. Однажды ее застали во дворе, когда она в солдатском плаще и солдатской шапке шла на свидание в камеру мужа.

Так продолжалось десять лет. По указу Елизаветы об отмене смертной казни приговоренные к ней подлежали нещадному битью кнутом, вырыванию ноздрей, клеймению и ссылке на каторжные работы навечно. Но этот приговор над осужденными Жуковыми и их соучастниками не приводился в исполнение до 1766 года, когда Екатерина полностью утвердила его в отношении крепостных людей, совершенно изменив его относительно Жуковых. Для Жуковых рванье ноздрей, клеймение, нещадное битье кнутом были заменены молитвой, публичным покаянием. Палачей заменили священниками, помост плахи — церковной па-

пертью, вечные каторжные работы — заключением в монастырь на 20 лет с зачетом 10 лет.

Обряд публичного покаяния был выработан духовенством, и в этом последнее играло первенствующую роль. Главным местом покаяния были назначены паперти четырех церквей в Москве на разных ее улицах (на Басманной, на Пятницкой, на Арбате и в кремлевском Успенском соборе). Обряд покаяния происходил четырежды в дни великого поста в 1766 году в следующем порядке. Накануне полиция оповещала по всему городу о дне и часе, назначенных для исполнения обряда. В назначенный день в 9 часов утра, перед литургией, преступники в сопровождении священника и военной команды шли к указанной церкви в посконных длинных рубахах, босые, в оковах, с распущенными волосами, держа в руках зажженные восковые свечи. Не впуская в церковь, их ставили у дверей и, окружив командой, читали во всеуслышание манифест. Потом, став на колени, супруги Жуковы должны были читать вслух покаянную молитву, специально для того составленную, и затем, стоя на коленях во время обедни, обращаться ко всем входящим в церковь и выходящим из нее со следующими словами: «возлюбленные во Христе, чувствуя мя тяжесть нашего беззакония и ужасаяся раздраженного нами бога, недостойных себя судим услышания его. Вас убо молим, спостраждите нам и возопийте к господу молитву...» — и так далее в том же духе. Во время службы диакон возглашал особую ектению о кающихся и священник говорил особую проповедь¹.

Я помещаю здесь фотографию народной картины тех лет, изображающую шествие Жуковых под конвоем стражи и в сопровождении священников (рис. 2). Улица заполнена народом. Осужденные идут в оковах со свечами в руках, в особом платье, с волосами, спущенными на лицо, как это было предписано приговором. Ровинский, из коллекции которого мы сделали этот снимок, утверждает, что гравюра была выполнена по приказу Екатерины. Она могла бы на этой же гравюре изобразить, как палачи нещадно бьют кнутами соучастников Жуковых из числа крепостных, как они рвут им ноздри, клеймят раскаленным железом их лица, искаженные болью. Но Екатерина предпочла не изображать этого на гравюре, и различие в наказании дворян и крепостных не было запечатлено художником. А сама Екатерина назвала в своем указе Жуковых «первыми виновниками»!

Победоносцев, из статьи которого я взял сведения, относившиеся к обряду публичного покаяния Жуковых, закончил эту

¹ См. К. Победоносцев, Исторические исследования и статьи, см. статью «Убийство Жуковых», СПб., 1876, стр. 269.

статью заметкой о неизвестности дальнейшей судьбы Жуковых. Но мне удалось найти дополнительные сведения о судьбе Жукова. Сосланный на покаяние в Соловецкий монастырь, он отправился туда не один, а прихватив с собою двух крепостных для оказания ему личных услуг. Но он предпочел эксплуатировать их труд не в форме личных услуг, а для добывания ему средств и потому посылал их на заработки в Архангельск. Впоследствии он продал их по 10 рублей за каждого. Попавшиеся мне в архиве дальнейшие сведения о жизни и смерти Жукова в Соловецком монастыре я сообщу в главе о монастырских тюрьмах.

Через два года после того, как Екатерина дала народу на улицах Москвы пышное зрелище ее классового правосудия, в Москве в 1768 году на Красной площади была повторена комедия «правосудия» по делу знаменитой Салтычихи.

По словам очевидца, несметные толпы народа и масса экипажей заполняла всю Красную площадь, даже крыши домов были заполнены народом. На Лобном месте была выставлена у позорного столба на один час дворянка-помещица Салтыкова. Императрица приговорила ее к этому наказанию и к пожизненному затем заключению в тюрьму при монастыре вместо смертной казни. Тут же, пока она стояла у позорного столба, палачи жестоко расправлялись с ее крепостными. Их били кнутами и клеймили раскаленным железом. Такому же наказанию подвергся и священник, скрывший преступление Салтычихи и схоронивший трупы замученных ею крепостных. В то время как осужденные одновременно с нею крепостные были лишь исполнителями ее бесчеловечных приказаний, сама она была признана виновной в убийстве 138 человек ее крепостных. Она собственноручно била их кнутом, поленом, скалкой, обваривала их головы и лица кипятком, жгла уши раскаленными щипцами, жгла волосы лучиной, ставила на мороз и т. д. Такие истязания применялись за ничтожные провинности, например, за не удовлетворившее Салтыкову мытье полов или белья.

Еще в 1874 году автор статьи о Салтычихе дал совершенно правильную оценку отношения императрицы к этому делу. Он писал: «Если, с одной стороны, надо было справедливым возмездием преступницы наложить узду на животные инстинкты некоторых других душевладельцев, то зато для новой государыни, опиравшейся главным образом на дворянство, нельзя было оставить без внимания, что виновная есть представительница самого родовитого дворянства, а многочисленные ее родичи стоят на высших ступенях дворянского сословия»¹.

¹ Г. И. Студенкин, Салтычиха, «Русская старина», 1874, июль, стр. 497—548.

Это дело является одним из самых ярких не только по проявленной помещицей жестокости. Оно является ярким показателем всего состояния правосудия в те годы. Первая жалоба на Салтыкову была подана еще в 1762 году, т. е. в год воцарения Екатерины.

Двум крепостным Салтыковой (у одного из них помещица забила насмерть одну за другой трех его жен) удалось подать жалобу императрице. Жалоба была передана в юстиц-коллегию в Москву, где проживала Салтыкова. Следствие тянулось шесть лет. Некоторых жалобщиков из крепостных возвращали Салтыковой, других ссылали. Взятка делала свое дело. Богатство и знатность спасали Салтычиху. Запуганные крестьяне при допросах отказывались давать показания. При опросе 100 человек в Москве 94 из них отозвались незнанием. При опросе крестьян в уезде 114 человек показали, что ничего не знают по делу, а 43 человека — что слышали об истязаниях.

Юстиц-коллегия предполагала пытать Салтыкову, но Екатерина придумала нечто другое. Она предложила произвести увещевание Салтыковой священником, чтобы она созналась, и предупредить ее, что в случае несознания к ней будет применена пытка, а если и это не подействует, то пытать не ее, а в ее присутствии кого-либо другого из преступников. В высшей степени интересно, что в проект такой резолюции Екатерина собственноручно вписала слово о пытке вместо Салтыковой в ее присутствии другого обвиняемого. Высочайшая резолюция была исполнена в точности. Салтыкова, зная содержание повеления, не созналась и присутствовала при пытке другого обвиняемого.

Следствие, однако, выявило если не все преступления Салтыковой, то во всяком случае очень большое число их — 138 замученных. Никаких сомнений в виновности Салтыковой не оставалось. Она постоянно хвалилась, что судить ее не могут. На этот раз она ошиблась, хотя шестилетняя продолжительность следствия должна была укрепить в Салтыковой уверенность в полной ее неприкосновенности. Но приговор в отношении Салтыковой с изъятием ее от каторжных работ и с назначением их для исполнителей ее барской воли, ее жестоких приказаний, конечно, находился в соответствии не с виной Салтыковой, а с ее привилегированным происхождением, богатством и знатностью родни. Ниже, в главе о монастырских тюрьмах, нам придется вернуться к Салтыковой, здесь же скажем, что наказание в форме пожизненного заточения было смягчено через 11 лет переводом в другое помещение монастыря.

Собирает народных картин Ровинский сообщает об издании гравюры с изображением Салтыковой у позорного столба. Ему не

удалось найти эту картину. Издание такой картины проводит еще одну черту сходства процесса Салтыковой с процессом Жуковых.

Не найденная Ровинским гравюра наказания Салтычихи и помещенная мною иллюстрация публичного покаяния Жуковых были картинами с натуры, прямо с улиц и с Красной площади Москвы, где публично демонстрировались задачи уголовной политики екатерининского времени и давались наглядные, показательные уроки этой политики.

В описанном покаянии Жуковых преобладал церковно-религиозный характер, но применялись и такие меры, которые были рассчитаны на оскорбление человеческого достоинства осужденного. Такие меры принимали иногда формы, граничащие с порнографией.

До каких пределов грубости могла доходить уголовная политика века «просвещенного абсолютизма», говорит случай из судебной практики в г. Царицыне. В 1772 году в Царицыне произошел бунт в связи с деятельностью самозванца Богомолова. Среди арестованных по делу оказалась солдатская жена Авдотья Васильева. Ее преступление было словесное. Она обвинялась в том, что «непристойные плодила разговоры» о самозванце. По приговору суда она подлежала жестокому наказанию кнутом, но «по матернему ко всем милосердию» императрицы эта государственная преступница подверглась грубейшему оскорблению: было повелено «учинить ей публичное, с барабанным боем, жестокое плетью наказание и сверх того, подрезав платье, яко нетерпимую в обществе, через профосов (т. е. через палачей.— М. Г.) выгнать за город метлами»¹.

Указанный приговор был рассчитан на оскорбление чести осужденной женщины. Если плетью били по обнаженному телу, то для Васильевой придумали еще и подрезание платья и дикую расправу с ней метлами палачей... Легко себе представить картину исполнения этого отвратительного наказания.

§ 5. ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ

(КАРИНЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПЛОЩАДЯХ)

Самыми обычными уличными картинами из области уголовной политики были телесные наказания. К ним так привыкли жители столиц, городов и селений, что на них не останавливалось внимание обывателей. Но подробно остановил свое внимание на картине публичного наказания кнутом Джон Говард. Для харак-

¹ Д. Мордовцев, Политические движения русского народа, т. 1, СПб., 1871, стр. 26.

теристики уголовной политики интересующего нас периода описание Говарда, напоминающее по своей форме протокол, ценно и интересно.

Описывая эту картину, Говард сообщал:

«10 августа 1781 г. я видел, как наказывали кнутом двух преступников, мужчину и женщину. Они были приведены из тюрьмы, примерно, 15 гусарами и 10 солдатами. Когда они прибыли на место наказания, гусары образовали кольцо вокруг места бичевания, в течение минуты или двух раздавался барабанный бой, затем были прочтены некоторые молитвы, и население сняло шапки. Женщина была взята первой. Ее грубо обнажили по пояс, привязали веревками ее руки и ноги к столбу, специально сделанному для этой цели; у столба стоял человек, держа веревки натянутыми. Палачу помогал слуга,— и оба они были дюжими молодцами. Слуга сначала наметил свое место и ударил женщину пять раз по спине. Каждый удар, казалось, проникал глубоко в тело. Но его хозяин, считая удар слишком мягким, оттолкнул слугу в сторону и стал наносить остальные удары сам, причем эти удары были, очевидно, более сильными. Женщина получила 25 ударов, а мужчина 60. Я протеснился через гусаров и считал числа, по мере того как они отмечались мелом на доске. Оба были едва живы, в особенности мужчина, у которого, впрочем, хватило сил принять небольшое даяние с некоторыми знаками благодарности. Затем они были увезены обратно в тюрьму в небольшой телеге. Несколько дней спустя я застал эту женщину в очень слабом состоянии, мужчину же я больше не мог найти».

Едва ли такое описание дает типичную картину телесного наказания кнутом. Может быть, эта церемония имела место в столицах и при наказании более крупных преступников. При громадном же числе случаев, когда судебная практика обращалась к телесным наказаниям разных видов, гусары, солдаты и барабанный бой являлись такой «роскошью», которая могла иметь место далеко не везде и не всегда. Возможно, что наказание кнутом как наиболее тяжелая форма телесного наказания обставлялось большей торжественностью, чем наказание плетью. Но наказание шпицрутенами или прогнание сквозь строй было также сопряжено с большой церемонией, остававшейся в силе несколько десятков лет и в XIX веке. Но прежде чем говорить об этой картине наказания, особенно распространенного при Павле, вернемся к наказанию кнутом и плетью при Екатерине.

Любопытному иностранцу Джону Говарду при наблюдении им наказания кнутом и при подсчете наносимых ударов не грозила опасность, которой мог подвергаться любой другой зритель из народа: при наказании плетью было обыкновение

хватать кого-либо из народа и насильственно превращать его в пассивного помощника палача, заставляя его держать на своей спине за руки приговоренного к наказанию. Только в 1788 году было запрещено пользоваться такой помощью посторонних лиц. В обиходной речи такая живая подставка при порке носила название «живого козла». 20 апреля 1788 г. был издан указ, который заменил «живого козла» особым деревянным станком.

Часто наказание кнутом было замаскированной смертной казнью. Современник Екатерины и Павла историк Щербатов как очевидец утверждал следующее: «Убийцы у нас осуждаются быть биты кнутом, а иногда счетом ударов от трехсот и более, но все такое число, чтобы несчастный почти естественным образом снести без смерти сего наказания не мог. Таковых осужденных, однако, не считают, что они были на смерть осуждены, возят виновных с неким обрядом по разным частям города и повсюду им сие мучительное наказание возобновляют. Некоторые из сих в жесточайшем страдании, нежели усечение головы или виселица или самое пятерение, умирают»¹.

Здесь особенно знаменательно утверждение очевидца о том, что замаскированное убийство кнутом совершалось палачом не на одном каком-нибудь месте в городе, а в разных его частях, куда приводили осужденного, по словам Щербатова, с каким-то особым церемониалом. Это делалось, очевидно, потому, что зрители не собирались на месте наказания в достаточном количестве, и, так сказать, для их удобства самого преступника приводили к ним.

Слова Щербатова не достигли цели. Их повторил с еще большей силой при Александре I либерально настроенный адмирал Мордвинов, внесший в Государственный совет в 1824 году предложение об отмене смертной казни, наказания кнутом и клеймения лица. Этот очевидец наказания кнутом называл его «мучительным орудием, которое раздирает человеческое тело, отрывает мясо от костей, мечет по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливает тело человека; мучение, лютейшее всех других известных, ибо все другие, сколь бы болезненны они ни были, всегда менее бывают продолжительны, тогда как для 20 ударов кнутом потребен целый час, и когда известно, что при многочисленности ударов мучение несчастного преступника, иногда невинного, продолжается от восходящего до заходящего солнца»².

Предложение Мордвинова об отмене кнута было принято лишь на бумаге, так как издания соответствующего закона не по-

¹ Щербатов, Рассуждения против смертной казни, «Чтения в обществе истории и древностей российских», т. 1, 1860.

² «Мнение адмирала Мордвинова о кнутах, орудии наказания», «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1859, кн. 4, «Смесь», стр. 23.

следовало. Здесь произошло то же самое, что и в более ранней московской комиссии. Она, несмотря на известное сочувственное тогда отношение самого Александра I к отмене кнута, также только на бумаге высказывалась за такую отмену, предложив отсрочить ее до составления нового уголовного уложения. Предложение отсрочки отмены кнута мотивировалось очень оригинальным опасением титулованных и нетитулованных дворян — членов комиссии, что русский народ кнута может принять за установление полной безнаказанности, за отмену всех наказаний. Дворяне забывали, что за несколько десятков лет перед тем, прося об избавлении дворян от всяких телесных наказаний, они тогда не опасались, что отмена для них телесных наказаний создаст неправильное убеждение об отмене всех наказаний вообще.

Как известно, отмена наказания кнутом происходила медленно и постепенно, начиная с дворянского сословия и распространяясь затем и на других лиц. Вносились ограничения порки в связи с возрастом, давались отсрочки вследствие беременности и кормления грудью, запрещалось наказывать телесно при больших морозах и пр. Поборники кнута держались за него очень крепко. Но были и повороты назад, выражавшиеся в восстановлении наказания для освобожденных от него. Так, Павел истолковал освобождение Екатериной дворян от телесного наказания в том смысле, что можно бить дворян кнутом и клеймить их, предварительно постановив о лишении дворянства. Роль кнута, плетей и шпицрутен вообще была Павлом возвеличена. Известен приговор по делу пастора Зейдера. Пастор содержал в Лифляндии публичную немецкую библиотеку. Через десять лет после ее закрытия он напечатал в газетах объявление с просьбой к своим бывшим подписчикам вернуть ему не возвращенные своевременно книги. Он был приговорен как государственный преступник за недозволенное содержание публичной библиотеки к наказанию кнутом и к ссылке на каторжные работы. Осужденный, — впоследствии возвращенный Александром из ссылки и восстановленный в правах, — оставил описание его наказаний. Описание наказания выставки у позорного столба производит тем более жуткое впечатление, что это описание сделал сам наказанный, образованный человек, доктор философии (физические страдания были в данном случае уменьшены, так как палач скользил кнутом по кожаному поясу брюк)¹.

Кнут и шпицрутен соперничали между собой на улицах российских городов. При Павле и при Николае I шпицрутен, по-видимому, брали верх над кнутом. Трудно представить себе в

¹ См. Евреин, История телесных наказаний в России, стр. 87—89.

настоящее время ту роль, которая отводилась тогда шпицрутенам. Я приведу для примера несколько цифр. Эти цифры представляют собою точное число приговоренных к разным наказаниям и число ударов, полученных осужденными. Я имею в виду только один приговор — по делу о холерном бунте в 1831 году.

Холерные волнения 1831 года в Старо-Русском крае Новгородской губернии были вызваны, с одной стороны, невыносимо тяжелыми условиями жизни военных поселян, а с другой, беспросветной темнотой крестьянства, верившего, что генералы и офицеры, начальники военных поселений с их каторжным режимом, являются истинными виновниками огромной смертности от холеры, так как отравляют воду в колодцах и источниках. Возникшие при таких условиях волнения сопровождались истязаниями захваченных военных начальников, поркой их, избиением и убийством. После усмирения волнения военных поселян арестованной оказалась очень большая часть нижних чинов различных полков из этих поселян. 3610 человек были приговорены к различным наказаниям.

Суд военной комиссии происходил в губернском городе Новгороде. Исполнение ее приговора было настоящей кровавой бойней. На площади кровь наказываемых розгами, кнутом и шпицрутенами лилась рекой.

К розгам было приговорено 150 человек, которые в общей сложности получили 44 750 ударов. К наказанию шпицрутенами было приговорено 1599 человек, которые в общей сложности получили 2 770 000 ударов. К наказанию кнутом было приговорено 89 человек, которые в общей сложности получили 2346 ударов. Итак, общее число приговоренных к телесному наказанию розгами, кнутом и шпицрутенами достигло 1838 человек, а число ударов — 2 817 096¹.

Наглядные уроки уголовной политики с публичными жестокими телесными наказаниями, рваньем ноздрей и клеймением были рассчитаны не только на устрашение, но и на возбуждение в народе чувства негодования и презрения к наказанным. Этого последнего правительство совсем не достигло. Только подавляющим жили арестанты в местах заключения, и нередко медными грошами к изуверенному, клейменому и исполосованному кнутом преступнику выражал народ свое чувство жалости. В те годы заплечные мастера уже вызывали к себе не только ужас, но и отвраще-

¹ Эту цифру общего числа ударов я вычислил по сведениям Слезкинского (см. «Бунт военных поселян»), но число наказанных в действительности было значительно выше, как это видно из работы П. П. Евстафьева «Восстание новгородских военных поселян» (М., изд. О-ва политкаторжан, 1934), — по его словам, число забитых насмерть превысило 200 человек.

ние. В этом отношении интересный случай произошел в Ярославле в 1769 году. В этом губернском городе заплечный мастер достиг такого преклонного возраста, что по слабости зрения и сил оказался не в состоянии производить телесные наказания. Ярославская губернская администрация не могла найти нового заплечного мастера. Ей пришлось расклеивать по улицам Ярославля следующее объявление:

«Объявляется во всенародное известие. Не пожелает ли кто из вольных людей в заплечные мастера и быть в штате Ярославской провинциальной канцелярии на казенном жаловании? И, если кто имеет желание, тот бы явился в канцелярию в самой скорости»¹.

На вызов никто не явился: в Ярославле не оказалось желающих занять штатную должность заплечного мастера. Тогда было предписано выбрать палача из купцов, «которые гуляющие и молодые». По-видимому, и это начинание не увенчалось успехом. Ощущалась нужда в палаче и в уездном городе Пошехони, воевода которого просил прислать палача для наказания арестантов, пойманных после их побега.

В этом же архивном деле имеются некоторые сведения об инструментах и орудиях телесного наказания. Во время пожара сгорели в ярославском остроге «снасти, подлежащие к учинению колодникам экзекуции», — кнуты, клейма, щипцы для вырывания ноздрей. Попытка Ярославля получить взамен сгоревших орудий другие из уездных городов не имела успеха. В конце концов выручила Московская розыскная экспедиция, приславшая 30 кнутов, стоимостью по 20 коп. каждый, и щипцы со штемпелем за 1 р. 20 к. Для уяснения этой стоимости кнута и щипцов скажем, что дневное прокормление арестанта в остроге стоило одну копейку.

§ 6. СОЖЖЕНИЕ „ПАСКВИЛЕЙ“

(КАРТИНЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПЛОЩАДЯХ)

Если наиболее частыми картинами правосудия на улицах были разнообразнейшие телесные наказания, то вторая половина XVIII века знает и другие, более редкие картины. Историками уголовного права было обращено мало внимания на эти картины. Сведения о них имеются в Полном собрании законов, и мне попалось такое же дело в архиве. Я имею в виду торжественные церемонии публичного сожжения на площадях так называемых

¹ Л. Трефолев, Заплечные мастера, «Русский архив 1868 г.», стр. 1064—1067.

«пасквилей», или «подметных писем». Содержание этих документов затрагивало интересы самого правительства или господствующего класса — дворянства, как это видно из найденного архивного дела, а также из двух случаев, имевших место в период царствования Екатерины.

Два случая сожжения «пасквилей», отмеченные в Полном собрании законов за время царствования Екатерины, изложены на страницах этого собрания законов так, что нельзя составить себе представление о содержании документов, преданных сожжению.

В одном из этих случаев речь идет о появившихся в Москве на французском и на русском языках каких-то «ругательных каталогов, в которых многих фамилий обоего пола персоны обижены». В чем состояла обида «персон обоего пола», — неизвестно, но, должно быть, они были задеты весьма чувствительно, так как было повелено «собрать сии под именем каталогов пасквили и, как чтения недостойные, публично на площади приказать чрез палача сжечь». Вместе с тем объявлялось, что, «если впредь еще найдутся такие вредные обществу пасквилянты, оные будут непременно изысканы и без всякого помилования ея императорского величества законам преданы будут».

Во исполнение этого указа в Московском сенате были собраны экземпляры этих «ругательных каталогов», и 19 января 1765 г. на Красной площади в Москве был дан народу спектакль сожжения «пасквилей». В указе Сената говорится, что сожжение было произведено «перед собранием народа». Сожжению документов предшествовало прочтение указа об их истреблении огнем через палачей. После такого оглашения указа было совершено и самое сожжение. Сенат особым указом опубликовал во всеобщее сведение о совершении сожжения¹.

Сожжению «пасквиля» предшествовал барабанный бой, этот обычный предвестник наступления момента исполнения приговора казни, телесных наказаний. В указе от 1 мая 1767 г.², когда последовало высочайшее повеление о сожжении одного «пасквиля» публично в г. Ярославле, было дано прямое указание на более ранний случай сожжения «пасквиля» на Сенатской площади в Петербурге во исполнение указа 16 марта 1764 г. В этом более раннем случае письмом было сожжено с барабанным боем: оно было «палаческою рукою предано огню». Так же было приказано поступить и в Ярославле. Однако здесь в данном народе зрелище число участников увеличивалось присутствием и самого осужденного за «пасквиль». Это был крепостной дворовый человек. Пре-

ступление его состояло в том, что он списал содержание неизвестного нам документа, получив подлинник от малолетнего сына дьячка. Преступление состояло только в списывании документа, а не в его разглашении, так как осужденный отрицал даже и присутствие кого-либо при списывании. Тем не менее он был приговорен к публичному наказанию плетьюми. На место наказания он должен был быть доставлен вместе со своим «пасквилем». После наказания плетьюми он подлежал, по желанию помещика, ссылке на поселение в Нерчинск. В указе не приведено содержание «пасквиля», но надо полагать, что оно затрагивало правительство и помещиков.

Неизвестно, в какой последовательности шло исполнение приговора: сначала ли сжигался «пасквиль», а потом били плетьюми осужденного, или наказание плетьюми предшествовало сожжению. Во всяком случае то и другое не могло совершаться одновременно, так как палач был один. Если судить по тому, что в приговоре ранее говорится о сожжении документа, а затем о наказании плетьюми виновного, можно считать, что в такой же последовательности этот приговор и выполнялся палачом. Для толпы же занимательнее была процедура сожжения документа, и, просмотрев ее, она могла разойтись, не дожидаясь слишком привычного для нее зрелища телесного наказания.

Случаи, отмеченные за разные годы в Полном собрании законов, и архивное дело, найденное нами, заставляют предполагать, что к сожжению документов на площадях городов правительство прибегало чаще при обнаружении автора «пасквиля».

Архивное дело конца царствования Екатерины (1794 г.) говорит о высочайшем повелении подвергнуть «пасквиль» сожжению перед народом именно в том случае, если предписанные императрицей меры «строжайшего» розыска преступника не приведут к желанным результатам. Так и случилось — преступник не был найден, а «пасквиль», «яко наполненный вредными выражениями», был публично сожжен на площади города Тихвина «перед лицом собрания всех тамошних жителей» (содержание этого «пасквиля» — о несправедливости дворян-судей — я привожу в другом месте этого очерка).

В этом архивном деле встретились указания, не встречавшиеся нигде в других источниках, о поведении толпы при сожжении «пасквиля». Для наблюдения за поведением народа, собранного на площадь к месту сожжения, губернатор командировал опытного чиновника, который и представил соответствующее донесение губернатору, а этот последний в Петербург.

Чиновник доносил: «Одна часть оного (т. е. народа), быв свидетельницею столь поразительного зрелища и считая себе то

¹ См. «Полное собрание законов», т. XVII, № 12313, 1765 г. 19 января.

² См. там же, т. XVIII, № 12890, 1767 г. 1 мая.

за несчастье, не могла воздержаться себя от слез; другая, негодуя на сочинителя того пасквиля, готова была не только сама всячески его изыскивать, но в ту же минуту наказать своими руками, если б то было ей позволено»¹.

Неизвестно, в какой степени соответствовало действительно сти это донесение специально командированного чиновника. Из его донесения получается впечатление о больших переживаниях народа при зрелище, которое сам чиновник называет «поразительным»: тут были и малопонятные слезы, и приятные для правительства выражения «народного негодования» с готовностью собственными руками расправиться с автором «пасквиля». Это вызывает у нас недоверие к донесению чиновника. Недоверие подкрепляется тем обстоятельством, что оглашение документа с обвинением дворян-судей во взяточничестве, с требованием уничтожения дворянского суда было бы совсем нежелательной антиправительственной агитацией.

§ 7. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

(КАРТИНЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПЛОЩАДЯХ)

Приведенные картины из области уголовной политики интересующей нас эпохи были описаны мною со слов очевидцев в том виде, в каком они видели их на улицах и площадях городов. На этом основании мы можем представить себе характер тех мер уголовной политики, которые осуществлялись не на глазах народа, не на площадях, а внутри стен зданий следственных и судебных органов и тюрем. Издевательства и мучения, совершавшиеся все-народно, не могли быть изолированы от общей уголовной политики. Они составляли ее неразрывную часть. И то, что творилось с глазу на глаз при допросах обвиняемых и свидетелей, и то, что совершалось внутри тюремных стен, не могло не отражать уже известных нам картин уголовного правосудия на улицах.

Чтобы довершить эту характеристику показательной уголовной политики на площадях, я должен упомянуть и о случаях исполнения смертной казни. Я имею в виду не те многочисленные случаи, когда она совершалась замаскированно кнутами палачей, шпицрутенами и кошками, но те, когда она совершалась без утайки во исполнение судебного приговора и высочайшего повеления автора «Наказа». Из этих случаев история наиболее полно сохранила описание казни Пугачева и его товарищей.

¹ ЦГАДА, № 512, 1774—1775 гг. Дело о сожжении публично пасквиля, найденного в Тихвинском монастыре.

Как известно, 9 января 1775 г. Пугачев был приговорен к четвертованию. Отрубленная голова его должна была быть воткнута на эшафоте на кол, а части тела разнесены по различным районам города, где они должны были быть выставлены на колесах и после там же сожжены. К четвертованию был также приговорен и яицкий сотник Перфильев. Казаки Шигаев, Падуров и Торнов были приговорены к повешению в Москве. Относительно Ивана Чики было постановлено отвезти его в Уфу, где и совершить над ним казнь через отрубание головы и воткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп сжечь вместе с эшафотом. Кроме того, восемь человек были приговорены к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке на каторгу, десять человек — к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке на поселение, четыре человека — к наказанию плетью.

Таким образом, разнообразие назначенных приговором наказаний исчерпывало значительную часть мер репрессий того времени. Были назначены судом и утверждены Екатериной четвертование, повешение, отсечение головы, кнут, плети, рванье ноздрей, и, кроме того, тела казненных подвергались надруганию.

Исполнение приговора в отношении Пугачева и его товарищей было назначено в Москве на Болоте за Большим Каменным мостом 10 января в 11 часов дня. Накануне население Москвы было оповещено об этом полицеймейстером Архаровым.

В день казни толпы москвичей с утра направились к месту казни и заполнили путь от Каменного моста до площади на Болоте и самую площадь. Здесь был воздвигнут обширный помост высотой в четыре аршина. Посредине помоста был укреплен столб с положенным на него колесом. К колесу была прикреплена острая металлическая спица. С трех сторон эшафота, на расстоянии сажен двадцати от него, были устроены виселицы. Войска оцепляли все место казни. Под виселицами стояли приговоренные к повешению и палачи. По словам очевидца, у подножья эшафота лежало несколько закованных в кандалы участников крестьянского восстания, приведенных для присутствия при казни. Пугачева и Перфильева привезли на особых санях с высоким помостом. На этих же санях напротив осужденных сидели священник с крестом и чиновник тайной экспедиции. У Пугачева, кланявшегося во все стороны народу, были в руках две толстые восковые свечи, воск с которых капал ему на руки. По словам Болотова, народ смотрел на Пугачева, раздавались тихий шепот и гул. Возведенные на эшафот Пугачев и Перфильев выслушивали довольно долго чтение приговора. Тут же, на эшафоте, находились священник и чиновник, читавший приговор. По прочтении приговора священник благословил осужденных и сошел с

эшафота вместе с чиновником. Поведение обоих осужденных было не одинаково. Перфильев отказался принять увещание православного священника, еще будучи в тюрьме, и здесь, на эшафоте, стоял неподвижно. Пугачев же на эшафоте после прочтения приговора положил земные поклоны и прощался с народом, говоря: «Прости, народ православный, отпусти мне, в чем я согрешил перед тобою; прости, народ православный». При этих словах по данному знаку чиновника палачи бросились стаскивать с Пугачева белый бараний тулуп и раздирать рукава его шелкового малинового полукафтана. Пугачев был опрокинут навзничь, голова его была быстро отрублена и воткнута на металлическую спицу над колесом на столбе. Отрубание рук и ног было произведено уже у трупа. По обряду четвертования, отрубание головы должно было быть совершено после отрубания рук и ног. Палач, начавший с отрубания головы, действовал так во исполнение секретного распоряжения Екатерины. Предположения о таком распоряжении Екатерины были высказаны в литературе давно. Правильность их подтверждена статьей Чулошникова¹.

Разрубленные на части трупы обоих осужденных оставались выставленными на колесах в четырех районах города двое суток, а 12 января была совершена публичная «кремация» этих частей трупа вместе с колесами, эшафотом и теми санями, на которых везли к месту казни Пугачева и Перфильева².

В приведенном описании казни главными действующими лицами были трое: чиновник тайной экспедиции, священник и палач. Священник с крестом и палач с топором соперничали между собой. Если палач действовал только на эшафоте, то священник, кроме того, сопровождал приговоренных к четвертованию на всем пути их от тюрьмы на Монетном дворе в Охотном ряду до Болота за Москвой-рекой. Во всем этом бесконечно много ханжества, обычного лицемерия и узаконенной лжи.

Очевидцы, сосредоточив все свое внимание на казни Пугачева, не описали подробностей четвертования Перфильева, повешения троих, наказания кнутом и рванья ноздрей 18 человек и плетью четырех человек.

Дирижером всего этого была сама царица, скромно укрывавшаяся за кулисами. В это время она еще находилась в переписке с энциклопедистами и с самим Вольтером, и еще не просохли чернила, которыми она писала свой знаменитый «Наказ» против жестокостей, против изуверства человеческого тела палачами. Но в

¹ См. Чулошников, Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г., «Русское прошлое», 1923, кн. 1.

² Описание казни Пугачева дано в книге Дубровина «Е. Пугачев и его сообщники», т. III, СПб., 1884, стр. 364—366.

то же самое время она слышала вой российского дворянства, жаждавшего как можно больше крови. Она учитывала и то, что восстание крестьянства потрясло ее трон и поколебало устои власти дворянства, опоры ее трона. Она разрешила стоявшие перед ней трудности тем, что, отдавая долг «гуманности», сделала распоряжение начинать четвертование Пугачева с головы, а не с ног и рук. Во всем остальном она не посчиталась со своим «Наказом».

Екатерины не трогала жестокая картина предстоящего исполнения приговора над участниками крестьянского восстания, ее беспокоило лишь мнение Европы. Это ясно видно из ее письма Сиверсу, которому она писала: «Все дело кончится вешанием, но каково мое положение, так как я не люблю вешания. Европа подумает, что мы еще живем во времена Иоанна Васильевича; такова честь, которой мы удостоимся вследствие этой выходки преступного мальчишки»¹.

Екатерина держала Вольтера в курсе всего хода восстания Пугачева. Она в своей переписке с французским философом иронически называет Пугачева то господином, то графом, то маркизом Пугачевым. Вольтер не отстает от нее, величая также иронически Пугачева господином Пугачевым, но неизвестно, насколько он принял на веру объяснение Екатериной первоначальных успехов восстания тем, что к Пугачеву присоединились башкиры, которые издавна были разбойниками, а долины Оренбурга заселены мошенниками². Однако Вольтер принял к своему сведению как должное сообщение Екатерины, что «граф» Пугачев готовит себе пеньковую веревку³, как и более позднее письмо, в котором Екатерина сообщает уже о совершенной казни, умалчивая, что вместо пеньковой веревки Пугачев нашел смерть в казни четвертованием.

Она постепенно готовила его к неизбежной казни Пугачева. Сообщая Вольтеру, что будто бы Пугачев надеется на ее помилование, она добавляет, что сама была бы готова простить его, но не имеет на это права, так как дело касается всей империи. Она оправдывает исполнение предстоящего приговора тем, что Пугачев вешал без разбора всех дворян — мужчин, женщин и детей, офицеров и солдат⁴.

¹ Чулошников, Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г., «Русское прошлое», 1923, кн. 3.

² Письмо от 8 (19) января 1774 г. — см. «Философская и политическая переписка Екатерины II с господином Вольтером с 1763 г. по 1778 г.», перевод с французского, чч. I и II, СПб., 1802.

³ См. Письмо от 4 (15) марта 1774 г.

⁴ См. указ. переписка, стр. 197.

Так вся империя была для императрицы только одной дворянской Россией. Слова о готовности простить того, кто потряс ее трон, звучат очень милосердно, но они лицемерны, так как у императрицы в действительности не было желания помиловать врага дворянства, на которое она опиралась.

В своем письме от 29 декабря 1774 г. (9 января 1775 г.) она писала Вольтеру: «Маркиз Пугачев, о котором вы мне в письме вашем от 16 декабря упоминаете, жил злодеем и умрет подлым трусом. Он в заключении своем оказался столь малодушным, что при объявлении приговора должно было взять некоторые предосторожности из опасения, чтобы он в ту же минуту от страха не умер».

Эти строки, в которых императрица не перестает глумиться над приговоренным к казни вождем крестьянского восстания, называя его маркизом, говорят о своеобразной заботе бережно подготовить Пугачева к мучительной казни, но эта забота проявлялась только для того, чтобы сберечь Пугачева для такой казни.

Эти же строки свидетельствуют и о стремлении императрицы изобразить трусом того, кто заставлял ее трепетать при своей жизни и кого после взятия в плен везли в Москву в особой клетке, а в Москве, скованного по рукам и ногам, приковали еще цепью за шею к стене. О последней мере предосторожности Екатерины было послано специальное донесение¹.

Отмечу здесь кстати, что слова Екатерины из ее письма к Вольтеру: «Пугачев жил злодеем и умрет подлым трусом» — повторил через 50 лет ее внук Николай I после казни пяти декабристов в письме к матери, в котором он писал: «Гнусные умерли гнусно без всякого достоинства».

В словах Николая было правды не более, чем в словах его бабки, а злобы ничуть не меньше. Очевидно, такие отзывы о смерти казненных политических врагов были семейной традицией в императорской фамилии.

Если судить по «Наказу», Екатерина не любила пыток, следствие же по делу о восстании Пугачева сопровождалось приме-

¹ ЦГАДА, VII, № 2389, 1774 г. Дело о пугачевском бунте, производившееся в тайной экспедиции в Москве под ведением князя Михаила Волконского, ч. 1 (на 488 листах), СПб., Госархив МИД.

На 34-м листе этого дела сообщается: «4 ноября 1774 г. в девять часов пополудни Пугачев с женою и сыном привезен в Москву и злодей посажен в уготованное для него весьма надежное место на монетном дворе, где сверх того, что он в ручных и ножных кандалах, прикован к стене, жена же с сыном в особом номере».

На 199-м листе этого же архивного дела имеются сведения о том, что в тайную экспедицию 14 ноября 1774 г. доставлены и экспедицие приняты две малолетние дочери Пугачева, привезенные сюда с нянькою.

нием пыток. Тимофеев в книге об истории телесных наказаний в России отметил, что Екатерина, отправляя в Казань Лунина и Маврина для производства там следствия по делу Пугачева, рекомендовала им, чтобы они «сколько возможно при следствии от пристрастных допросов воздерживались»¹. Такая рекомендация действий следователям при розыске и допросах далеко не отличается категоричностью и носит на себе явные признаки половинчатости, и слова «сколько возможно» открывали широкий простор их толкованию.

Имеются по этому вопросу и другие материалы. Екатерина узнала, что находящиеся в тюрьмах под следствием участники восстания Пугачева умирают там. Царица выразила желание, чтобы преступников не пытали, не изнурили и сберегли их. Но мотивировка, данная самой Екатериной, сводилась к практическим выгодам: необходимо сберечь колодников для публичного их наказания. Вяземский, ближайший исполнитель воли Екатерины, внес в это пожелание Екатерины разъяснение: «Было бы весьма неприятно ее величеству, если бы кто из важных преступников, а паче злодей Пугачев, от какого изнурения умер и избежал тем заслуженного по злым своим делам наказания»². В этом разъяснении подчеркнуто пожелание Екатерины сохранить для казни лишь Пугачева и других важных преступников. С прочими участниками восстания и особенно с второстепенными из них можно было не стесняться. В одном архивном деле мне встретилось прямое указание тайной экспедиции на применение пыток в деле Пугачева. Это дело носит такое название: «Об арестанте Федоре Неструеве, подвергшемся истязаниям при допросе о Пугачеве, и об отвращении подобных действий на будущее время». Тайная экспедиция отмечала на основании дошедших до нее дел, что при допросах применялись плети. Между тем допросы с пристрастием в провинциальных конторах экспедиции на основании указа от 11 ноября 1767 г. могли производиться лишь с разрешения губернаторов, которым рекомендовалось советоваться с десятой главой «Наказа». Екатерина 8 ноября 1774 г. вновь подтвердила прежний указ³.

На местах же действиями администрации руководило не только желание выслужиться перед начальством, но и чувство разнузданной классовой мести. Вся следственная, судебная и

¹ А. Г. Тимофеев, История телесных наказаний в русском праве, СПб., 1897, стр. 109.

² Н. Дубровин, Пугачев и его сообщники, т. III, СПб., 1884, стр. 356—357.

³ ЦГАДА, VII, № 2389, 1774 г.

административная власть находилась в руках дворянства, которому крестьянское восстание было особенно ненавистно.

В то время улицы городов и селений представляли кровавое зрелище. Карательные отряды шли кровавым смерчем по городам и селениям. Всюду воздвигались виселицы; на них вешали, а под ними резали уши, секли кнутом и плетью. Замешанных в восстании солдат прогоняли по шести и более раз шпиркутами сквозь строй в тысячу человек. Места заключения были переполнены. Заключенные умирали от голода. Над трупами умерших, заподозренных в руководстве местными восставшими крестьянами, совершалось особое глумление: трупы привязывали к хвостам лошадей и таким образом выволакивали их за город, не предавая погребению¹.

Такая расправа с восставшими крестьянами при Екатерине не была новостью и каким-либо исключительным явлением. Еще в 1768 году, посылая Чичерина на усмирение фабричного села Покровского, Екатерина дала ему такое руководящее указание: «Сие дело примерным надо сделать и для того поворотитесь попроворнее и покруче»².

Предписания расправиться «попроворнее и покруче» с полной готовностью воспринимались генералами-крепостниками, и то, что происходило при Екатерине, повторялось при ее преемниках. Образчиком этого служит такое верноподданное донесение генерала Репнина, усмирителя крестьянского восстания в Орловской губернии при Павле в 1797 году: «За упорственное сопротивление войскам вашего императорского величества наказаны силою оружия и преданы, яко изверги, огню и мечу; тела их, справедливо погибшие... недостойные погребения общего с верными подданными, зарыты в особую яму... дома их истреблены до основания так, что остатков оного не видно».

Всеподданнейшее донесение Репнина ясно показывает не только жестокость автора этого донесения, но и смакование всего им проделанного и надежду заслужить высочайшее одобрение за учиненную расправу.

Можно привести еще ряд подобных фактов. Если в приведенном случае генерал доносил о своих подвигах царю, то другие генералы-усмирители спешили порадовать помещиков своими сообщениями о победах над крестьянами и об их усмирении. В период восстания Пугачева такими «подвигами» прославился граф Панин, который, издеваясь над наказанными, писал помещику

¹ См. Мордовцев, Политические движения русского народа, СПб., 1871, т. I, стр. 200 и 201.

² А. Г. Тимофеев, История телесных наказаний в русском праве, СПб., 1897, стр. 111.

Шувалову шуточное извинение в том, что он «сделал поменьше ушей» у его крепостных, а попу отрубил голову. Тот же Панин не останавливался и перед совершением четвертования, совершая его по всем «правилам». В Тамбовской губернии в селе Перевоз он четвертовал крестьянина, провозгласившего с амвона, что нет императрицы Екатерины, а есть император Петр III, и избившего помещицу за протест против такого его провозглашения. Виновному отрубили сначала руки, потом ноги и наконец голову. Отрубленные части тела были воткнуты на колья для острастки крестьян.

Акты такой расправы совершались в глуши деревень помещичьих имений, и Екатерине не грозила неприятность, что весть о них дойдет до Европы.

Отношение массы дворянства к мерам жестокой уголовной и внесудебной репрессии над крестьянами видно не только из действий генералов по усмирению восставших и бунтовавших, но и из их наказов своим депутатам в комиссию по составлению нового уложения.

Требование усиленных наказаний встречалось во многих наказах. Так, например, верейские дворяне выражали пожелание «вовсе истребить» раскольников «богопротивных, святою церковью не терпимых и обществу зломыслящих». Они же требовали подвергать смертной казни разбойников и татей (т. е. воров). Суздальские дворяне выражали пожелание «приумножить истязания» убийцам и грабителям.

§ 8. КЛАССОВЫЙ СУД

Характеризуя уголовную политику второй половины XVIII и начала XIX века, нельзя обойти молчанием классовый суд с его беззаконием и взяточничеством. И то и другое не было специфическими особенностями только избранного нами периода. Наоборот, они как бы вросли в судебную и административную организацию царской России предшествующего и последующего длительного времени.

С сарказмом и горьким смехом указывали на это сатирики, со слезами писали о том страдавшие жалобщики в своих прошенях, с негодованием или безропотно сносил великие тягости беззакония русский народ на всем огромном пространстве страны и особенно на ее окраинах.

Однако относительно неправосудия и взяточничества интересующей нас эпохи можно отметить одну особенность, имеющую очень важное значение. В это время взяточничество начинает

осознаваться в широких народных массах как система государственного управления и неправосудия, как прерогатива господствующего класса дворянства. Такой рост сознания широких народных масс был чреват для правительства совсем нежелательными последствиями и беспокоил его более, чем неправосудие судей.

Доказательством осознания широкими народными слоями неправосудия и взяточничества являются приводимые нами ниже «подметные письма», или, как их тогда называли, «пасквили», и указы непривileгированного сословия в комиссию по составлению нового уложения, а также бунты и восстания. В истории массовых выступлений неправосудие не было никогда единственной побудительной причиной бунта или восстания, но оно правильно расценивалось как одно из звеньев государственной системы. При этом часто отделяли государственную систему от верховного ее представителя, считая, что он не знает ни о взяточничестве, ни о состоянии правосудия, ни о всех прочих беззакониях.

В обширных показаниях вождя башкирского восстания Батырши, о котором я буду говорить в очерке о Шлиссельбургской крепости, где он был убит в 1762 году, прямо сказано, что башкиры видели в своем восстании единственное средство своего национального освобождения. Они были уверены, что местные начальники скрывают действительно тяжелое положение Башкирии. Не один раз Батырша возвращался в своих показаниях перед тайной экспедицией к жалобам на полное отсутствие правосудия в его стране. По его словам, «дьявол и зломысленный генерал», в руках которого находилась вся Башкирия, «воров правыми делает, а правых — ворами». Башкиры говорили: «Когда подданных рабов утесняют, никакого добра быть не может. Когда государыня милость до рабов не равна, и злодеи по винам их штрафуют, а иноверным рабам милостивого призрения не будет, то впредь ожидать нам нечего и таким худым поступкам когда-нибудь конец да будет»¹.

Таким концом должно было быть восстание башкир, подавленное с беспощадною свирепостью. Сенат 12 сентября 1755 г.

¹ Н. Дубровин, Пугачев и его сообщники, т. 1, СПб., 1884, стр. 256—257.

Показания и поведение Батырши отличаются большой смелостью. Он отказывался отвечать на все вопросы, заявляя, что даст ответы только самой царице. Впоследствии он согласился дать свои показания письменно, с тем чтобы запечатанный пакет был передан царице. Батырша передал этот пакет обер-секретарю Хрущеву, заставив его дать клятву, что пакет будет распечатан только самой Елизаветой. Во время его заточения в каземате к нему по его просьбе был послан из собора Петропавловской крепости священник (ключарь) для диспута по вопросам веры.

постановил сечь кнутом и ссылат в Рогервик всех башкир, пойманных с оружием, а тех, которые годятся для военной службы, сечь плетью и отдавать в солдаты, а от 12 до 18 лет — во флот, женщин с малолетними детьми до 12 лет отправлять в Москву для распределения по фабрикам внутри государства, малолетних того же возраста, не имеющих матерей, раздавать в собственность желающим. Кроме того, было приказано всех этих женщин и детей обратить в православие. Их было отправлено в Москву более тысячи. Можно себе представить страдания такого громадного числа женщин и детей, лишенных отцов, мужей, семей, родного крова, во время их далекого пути в Москву и потом на фабриках и у частных лиц, рабынями и рабами которых они были сделаны. Так закончилось искание правды восставшим народом в Башкирии, а для вождя этого восстания настали годы заточения в Шлиссельбургской крепости и преждевременная смерть в ней.

Для характеристики российского правосудия интересующего нас периода особое значение имеют найденные мною в архивах анонимные письма. В этих документах сказываются настроение их авторов и отношение их к суду. Обычно подобные письма поднимали на ноги всю тайную экспедицию для поисков автора. Я приведу два таких письма. Одно из них было подброшено в Тихвинском монастыре и сильно взволновало Екатерину, приказавшую отыскать виновника «пасквиля», но это не удалось (см. § 6).

«Пасквиль» взволновал Екатерину потому, что он говорил не только о неправосудии, о взяточничестве судей, но и о сословном составе суда из господствующего класса — дворян. Если опустить из письма фразы, выдающие в авторе лицо духовного сословия, то надо признать, что критика автором дворянского суда не лишена силы и вдохновения. Стоит привести здесь этот документ хотя бы в выдержках, тем более что подлинник его по высочайшему повелению был предан всенародно сожжению в городе Тихвине. В документе автор писал:

«Будет великое потрясение Московскому всероссийскому государству на неправильных судей, что которые не слушают проповедей и поучений господнего, сделались разбойниками, душегубцами. Поели все государство... Кому надо богу молиться, тот не молится — называется судья, а хуже разбойника. Не можно ничем в нашем государстве сократить недобрых дворян, только сделать — купить на них волосяную свиту и заставить на все монастыри воду носить, и это наказание лучше, чем кнутом наказывать или сквозь строй гонять. Одна часть люди и другие не скоты и все одного отца называются... Каков будет праведный

суд, так ли станут судить, как здесь, всякий себе в карман. Чем больше разных судей, то меньше толку, и всякий судья идет к хлебу готовому, как свинья к корму и для разорения людей. Отрешить их от судов, лишить их чинов, а судить всякого человека духовным судом, как зеркало гласит...»¹.

Значение этого «пасквиля» еще более возрастает от того, что автор имел в виду не личные свои интересы, а общие, и говорил не об отдельном каком-нибудь случае, а делал обобщающий вывод о состоянии правосудия во «всероссийском государстве». Выражения «судья» и «разбойник» для него совершенно однозначны. Единственное средство борьбы с разбойниками-судьями он видел в отнятии у дворян права быть судьями. Но, отнимая у дворян это право, он передавал его духовному сословию, к которому, по-видимому, принадлежал и сам.

Также к 1794 году относится и второй документ, как указано на папке архивного дела, — «Письмо неизвестного к императрице Екатерине II о мерах к водворению правосудия в России». Автор этого письма остался также неразысканным. По слогу письма, это был, по-видимому, образованный дворянин. Принадлежность к дворянству давала ему возможность говорить, кто именно из дворян попадает в судьи. Он предлагал уменьшить число заседателей с тем, чтобы двое избирались от сельских жителей, а двое — из дворян. По словам автора, дворяне уклоняются от выборов, и приходится выбирать таких дворян, «которые на поле с собаками выросли и сами собой управлять не могут». Анонимное письмо указывало на распространение взяточничества во всех судах. Вместе с тем автор оказывался не полным противником пытки, так как допускал допрос с пристрастием по отношению к явно подозрительным. Его предложение о введении вместо системы трех судов единого суда выходит за пределы моей темы, и потому я на нем не останавливаюсь. Но у него было одно предложение, относящееся всецело к тюремной политике: он предлагал не сажать впервые обвиненных за воровство вместе с опытными ворами, «которые всему плохому их научат»².

На тему о несправедливости и о взяточничестве можно указать еще один «пасквиль», относящийся к 1764 году, т. е. к первым годам царствования Екатерины, приведенные же мною «пасквили» относились к последним годам этого царствования. Промежуток в 30 лет отделяет появление «пасквиля» 1764 года от

¹ ЦГАДА, VII, № 2833, 1794 г. Дело сожжения публично пасквиля, найденного в Тихвинском монастыре.

² ЦГАДА, VII, № 2826, 1794 г. Письмо неизвестного к императрице Екатерине II о мерах к водворению правосудия в России, листы 10 и 11.

Рис. 3. Пугачев в клетке для доставки его в Москву после ареста.

С гравюры на дереве Ю. Шоблера. Из собрания Дашкова в Государственном историческом музее в Москве.

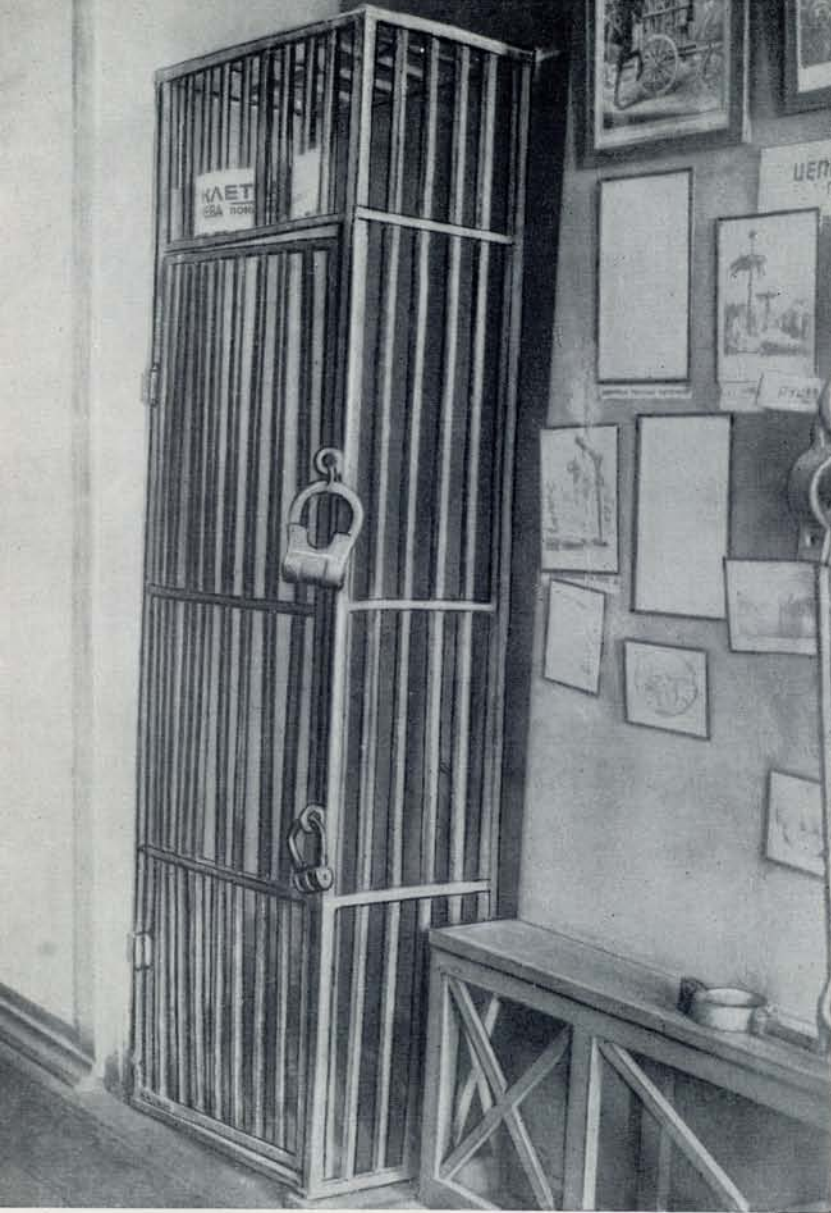

Рис. 4. Подлинная клетка, в которой везли арестованного Пугачева.

Хранится в Музее Революции в Москве.

«подметных писем» 1794 года, попавшихся мне в архиве. За эти 30 лет положение русского правосудия несколько не изменилось, и жалобы на взяточничество, на дворян-судей начала и конца царствования Екатерины — одни и те же. Но «пасквиль» 1764 года отличается курьезной особенностью: это — подложный указ, составленный от имени Екатерины об искоренении взяточничества. Подложный указ, составленный не без некоторого искусства, очень взволновал правительственные сферы и в том числе Сенат, этого блюстителя правосудия судей-взяточников. Сенат даже обещал награду в 100 рублей за указание составителя этого подложного указа. Определением Сената указ был сожжен палачом на Сенатской площади в Петербурге 17 марта 1764 г. В Полном собрании законов напечатано это определение Сената, но содержание «пасквиля» выпущено и лишь даны его начальные и конечные слова¹. Но Дубровину удалось найти полное содержание подложного указа и напечатать его в 1884 году². Я приведу из него лишь некоторые выдержки.

«Время уже настало, что лихоимство искоренить... Однако весьма наше дворянство пренебрегает божий закон и государственные права и в том много чинят российскому государству недобра... Ныне правду всю изринули, да и из России вон выгнали, да и слышать про нее не хотят... или дворянам оным не умирать, или им перед богом на суде не быть? — такой же им суд будет: в юже меру мерите — возмерится и вам». Содержание этого подложного указа очень напоминает содержание «подметного письма» в Тихвинском монастыре. Характерно подчеркивание в обоих «пасквилях» дворянского происхождения судей. Именно к этим словам подложного указа и относится выражение Сената, полное раздражения: «сочинение это собой доказывает, что оно происходит от самого подлого и глупого духа».

В приведенных мною документах 1794 года авторы их не решались открыто говорить о неправосудии и о взяточничестве классового дворянского суда. Не такие были для этого времена. Но за четверть века перед тем, в недолгие годы либерализма Екатерины, на заседаниях комиссии по составлению нового уложения можно было говорить на эту же тему без особенной опаски и оглядки. Этим правом и воспользовались представители того сословия, которое на самом деле особенно сильно ощущало всю тяжесть классового правосудия. По словам историка

¹ См. «Полное собрание законов», т. XVI, № 12089, 1764 г. 16 марта.

² См. Н. Дубровин, Пугачев и его сообщники, т. 1, СПб., 1884, стр. 316—317.

Соловьева, государственные, или черносошные, крестьяне выставляли общие требования об улучшении суда, в частности, о предоставлении им права выбора судей из их среды. Возражая против судей из дворян, они указывали на их незаконные поборы и добавляли, что когда крестьяне противятся этим незаконным поборам, то их бьют за «неучтивость»¹.

Судьи-взяточники от взяток никого не освобождали, и вслед за государственными крестьянами с жалобами такого же содержания выступали и представители городов (например, представитель г. Хлынова Карякин на 86-м заседании комиссии по составлению нового уложения)².

На заседаниях комиссии по составлению нового уложения сказывалось резкое различие в самом понимании справедливости и правосудия делегатами от различных сословий. Материалы комиссии в этом отношении еще ожидают изучения их советскими учеными. Я ограничусь только приведением нескольких примеров.

Хотя «Наказ» Екатерины и довольно определенно высказывался против пыток, но дворяне считали такую меру несвоевременной и высказывались или вообще против отмены пыток, или требовали ее отмены, так же как и отмены смертной казни и телесных наказаний, только по отношению к своему сословию. Наказы дворянским депутатам защищали пытку ссылками на ее устрашающее значение. Так, верейские дворяне писали в своем наказе, что без пытки «никакого злодеяния искоренить и в страх злодеев привести нельзя». Крапивинское дворянство подыскивало оправдание своего требования освободить от пыток только дворян в образованности дворянства, между тем как «подлый народ неучен и не знает закона».

В ответ на требование отмены смертной казни, телесных наказаний и пыток только для дворян представители некоторых городов указывали, что требование дворян противоречит естественному праву: «законы те истинные, которые основаны на правде и согласны с священным и естественным законом. Вор всегда вор, хотя подлый, хотя благородный»³.

Эти ссылки на священные и естественные законы, эти слова о равенстве перед законом показывают, что «ученые и знающие закон» находились не только среди дворян, претендовавших на это. Как различно звучат своекорыстные узко-классовые требования дворянского сословия и эти слова о священном естествен-

¹ С. Соловьев, История России, т. XXVII, 1877, стр. 115.

² «Сборник императорского русского исторического общества», т. XIV, СПб., 1875.

³ С. Соловьев, История России, т. XXVII, 1877, стр. 128.

ном праве и о равенстве, сказанные в защиту непривилегированных сословий!

Кстати отмечу, что претензия дворян на образованность далеко не отвечала действительности. Из подписей дворян на наказах депутатам в комиссию по составлению уложения обнаруживается полная неграмотность многих из них. Так, например, из 139 человек, подписавшихся под наказом Михайловского уезда, за 81 неграмотного подписались другие, из 64 человек судиславских выборных 13 оказались неграмотными, из 26 дворян Медынского и Калужского уездов — 10 неграмотных и т. д.¹.

Чего стоила даже очень высокая образованность некоторых из этих дворян, видно на примере вельможи того времени — Струйского, о котором рассказывает Ключевский. Оставив должность владимирского губернатора, Струйский поселился в своем огромном пензенском имении, выстроив себе здесь роскошный дворец. Он был большой любитель книг. Его кабинет был завален ими, и среди них красовались сочинения Вольтера. Сам он был поэтом, выстроил у себя в имении собственную типографию, в которой печатал только свои произведения. Будучи, по словам Ключевского, высокообразованным юристом, он устраивал у себя в кабинете правильно организованный по европейскому образцу суд над своими крепостными. «Мужика ставили в кабинете барина, сам барин читал обвинительные акты и произносил защитительные речи по всем правилам западной юриспруденции, только эпилог этих судебных заседаний был чисто в русском вкусе: обвиненного крестьянина он пытал по древнерусскому способу, для чего имелся у него в подполье огромный арсенал орудий пытки. Это был отвратительнейший цвет русско-французской цивилизации XVIII столетия»².

Этот пример образованного дворянина, пытающего своего мужика в антрактах между чтением французских энциклопедистов и занятиями поэзией, объясняет, почему в уголовной политике не только конца XVIII, но и начала XIX века продолжали господствовать кнутабойные воззрения. При таких воззрениях тюремное заключение не могло выделяться из общей карательной системы и неизбежно должно было отражать общий характер репрессий того времени.

Впрочем, среди российского дворянства были и другие почитатели Вольтера, оставшиеся более верными ему, чем сама Екатерина. Об одном из них рассказывает тот же Ключевский.

¹ См. С. С. Шашков, Собр. соч., т. II, СПб., 1898, стр. 271.

² В. Ключевский, Курс русской истории, ч. V, 1937, стр. 201.

Это был богатый ярославский помещик Опочинин. Искренне и глубоко воспринятые им воззрения французской философии заставляли его тяжело переживать разлад между своими убеждениями и русской действительностью. В неравной борьбе он оказался побежденным и кончил свою жизнь самоубийством. В предсмертном завещании он роздал весь хлеб крестьянам, освободил от крепостной зависимости две семьи дворовых. Перед самой смертью он перевел несколько строк из Вольтера и написал такие слова о своей библиотеке: «Книги, мои любимые книги! Не знаю, кому завещать их, я уверен, что в здешней стране они никому не надобны; прошу покорно моих наследников предать их огню; они были первым моим сокровищем, они только и питали меня в моей жизни, они были главным пунктом моих удовольствий напоследок»¹.

Опочинин, высказывая уверенность в ненужности никому его книг, в которых говорилось о равенстве всех людей и о свободе, обо всем том, чем жила буржуазная французская революция, очень ошибался. Эти книги были нужны новому дворянскому поколению, которое выдвинуло из своих рядов участников декабрьского восстания 1825 года.

Когда Опочинин кончил свою жизнь самоубийством, полный безнадежности от разразившейся екатерининской реакции, другие жертвы реакции — Радищев, Новиков, Кречетов — сидели за толстыми надежными стенами Петропавловской или Шлиссельбургской крепостей. А сама Екатерина, лицемерно писавшая когда-то Вольтеру, что его сочинения и его бюст украшают ее кабинет и что ее подданные, молодые люди, посетившие его в швейцарском изгнании, в восторге от него, теперь отдавала распоряжение сжечь обнаруженный перевод на русский язык сочинений того же Вольтера.

К концу царствования Екатерины, когда Радищев был в далекой ссылке, а Новиков — в Шлиссельбургской крепости, уже народилось молодое поколение, оказавшееся сторонником революционных методов в борьбе за свержение самодержавия. В истории царской тюрьмы это поколение составило новую смену узников Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, казни и ссылки.

¹ В. Ключевский, Курс русской истории, ч. V, 1937, стр. 202.

Глава вторая

ТЮРЕМНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

§ 9. ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ II ОБ УСТРОЙСТВЕ ТЮРЕМ

ИЗУЧАЯ историю царской тюрьмы в XIX и XX веках, мы начинаем ее с последней четверти XVIII века, когда тюремное заключение как наказание начинало играть более значительную, чем в предшествующее время, роль. Нам предстоит более подробно остановиться на вскрытии противоречий между законодательными предположениями и законодательными нормами, с одной стороны, и между законом и действительностью — с другой. Между предположениями тюремного преобразования и существовавшим тюремным законодательством нередко лежит целая пропасть.

В биографии известного исследователя тюрем различных европейских городов Джона Говарда рассказан, между прочим, интересный эпизод из его поездки в Россию в 1781 году. Желая застать тюрьмы в их действительном, неприкрашенном виде, он, не въезжая в город, вышел из экипажа и прошел по улице столицы пешком. Однако весть о его приезде быстро распространилась, и он немедленно получил приглашение на прием к императрице Екатерине во дворец. Он отклонил это предложение, мотивируя свой отказ тем, что он приехал в Россию не для посещения дворцов, а для осмотра тюрем. Вместо приема и аудиенции у самодержавной правительницы России Говард предпочел разыскать палача этой правительницы и из беседы с ним

убедиться, что, как он и предполагал, смертная казнь, считавшаяся отмененной в России, фактически не отменена и совершается в замаскированной форме и жестокими способами посредством кнута и плетей¹.

Так Екатерине и не удалось «обойти» Говарда с той легкостью, с какой она заручилась благорасположением Вольтера и Дидро. Говард проявил в данном случае такие свойства исследователя, которых совсем не обнаружило большинство авторов работ по тюремному вопросу. Они обычно не умели разглядеть наиболее темные стороны в положении мест лишения свободы и не учитывали, что слова законодателя, определяющие карательную систему, не совпадают с ее фактическим состоянием. У Екатерины же такое расхождение слова с делом принимало особые размеры. В погоне за славой и популярностью она была особенно склонна к мертворожденным проектам, громким, напыщенным фразам, прикрывающим самую тяжелую фактическую действительность.

В первые годы своего царствования Екатерина составила проект об устройстве тюрем. В него были внесены такие основные требования об организации тюрем, которые не только в России, но и в других странах были в полном противоречии с действительным положением мест лишения свободы.

Ко времени составления проекта Екатерины идеи Говарда уже были известны в России, а в 1791 году даже принимались меры к их популяризации. Этим занялся первый в России юридический журнал, носивший такое обширное название: «Театр судоведения или чтения для судей и всех любителей юриспруденции, содержащий достопримечательные и любопытные судебные дела, юридические исследования знаменитых правоискусников и прочие сего рода происшествия, удобные просвещать, трогать, возбуждать к добродетели и составлять полезное и приятное времяпрепровождение. Собрал Василий Новиков».

В четвертой части этого издания помещен перевод многих страниц из книги Говарда «О тюрьмах Англии и о мерах к их устройству». В статьях под заголовками «Всеобщее изображение бедствий, претерпеваемых в английских тюрьмах» (стр. 70—94), «Худые обычаи в английских тюрьмах» (стр. 94—103) и «Поправление, предложенное господином Говардом к строению и управлению темниц» (стр. 103—141) переводчик и издатель журнала описывает такое положение английских тюрем, которое имело место и в России. Есть все основания думать, что он при-

¹ См. «Говард, его жизнь и общественно-филантропическая деятельность», биографический очерк, СПб., 1891, стр. 65.

водил эти страницы не столько для того, чтобы познакомить русского читателя с состоянием английских тюрем, сколько для того, чтобы обратить внимание на положение тюрем в нашей стране. Он возлагал слишком большие надежды на императрицу Екатерину, которой он посвящал свое издание и следующие строки предисловия: «В дни благословенного Вашего державствования в стране, где царствует правосудие и торжествует невинность, где изгоняется порок и водворяется добродетель, где низится невежество и возвышается просвещение,— в сии дни блаженства я рожденный и воспитанный приемлю смелость повергнуть ко стопам виновнице оного посильный плод трудов моих, яко дань признательности и глубочайшего благоговения. Книга, научающая судей осторожности в заключениях, прозорливости в исследовании преступлений и уважению человечества, достойна просветлейшего имени простершей свое покровительство даже до Каласов и Сирвеннов».

Эти строки о правосудии, о торжестве человечности писались Василием Новиковым в то самое время, когда его знаменитый однофамилец сатирик Николай Новиков, клеймивший несправосудие и взяточничество, уже почти стоял на пороге Шлиссельбургской крепости, куда его заточила в 1792 году Екатерина.

Проект тюремной реформы ставил своей задачей дать подробные предписания такого устройства тюрем, которое учитывало критику Говардом состояния тюрем в разных странах.

Знакомство с этим проектом представляет несомненный интерес уже одним сопоставлением того, что императрица писала для своей рекламы и что в действительности создавала для народа: глубокая пропасть лежала между ее словом и делом. Для рекламы этого проекта на самом деле было сделано немало. Англичанин Кокс, осматривавший тюрьмы в некоторых русских городах при Екатерине и напечатавший описание своего путешествия в Россию и другие страны (это описание было переведено на немецкий, французский и другие языки), знакомит читателей с этим проектом. Через сто лет после того, как в России в 1873 году встал вопрос о тюремной реформе, проект Екатерины был извлечен из государственного архива и, трижды опубликованный в печати, преподнесен как вполне оригинальное творение «ее гения»¹, внесшего «великие начала любви и милосердия, которые были включены в наше уголовное правосудие великой

¹ М. Филиппов, Тюрьмы в России. Собственноручный проект императрицы Екатерины II, «Русская старина», 1873, июль, стр. 60—86. Ранее напечатан в приложении к «Записке о карательных учреждениях в России», составленной Филипповым под ред. В. Сологуба (проект напечатан также в «Тюремном вестнике» 1896 г. № 11).

преобразовательницею». В качестве доказательства того, что проект был самостоятельным и оригинальным произведением Екатерины, автор приведенных выше слов указывает, что книга Говарда «О тюрьмах и госпиталях» появилась на английском языке в 1777 году, а на французском — лишь в 1784 году и только после 1784 года ознакомила Европу с бельгийской тюрьмой в Генте, где находились в заключении бродяги и нищие, как в рабочих домах Екатерины.

Проект тюремного устройства был не творением гения, не актом любви и милосердия, а совершенно несбыточным фантазированием, в реальность которого, конечно, не верила и сама Екатерина, не сделавшая никаких попыток к реализации своего тюремного проектирования, если не считать того, что в Петербурге и Москве для показа иностранцам были устроены места заключения по ее проекту.

Мы называем проект плодом фантазии потому, что он исходил из полного отрицания русской действительности и совершенно не отвечал истинным намерениям Екатерины.

Главный интерес проекта заключается именно в полном его расхождении с состоянием тюрем не только при Екатерине, но, как мы говорили выше, и много десятков лет спустя. В пенитенциарной литературе он не привлекает к себе внимания. Если о нем вспомнили в 1873 году, то сейчас же о нем и забыли, потому что он к тому времени был так же беспочвен, как и за сто лет перед тем.

Беспочвенность проекта сказывалась и в намерении провести разделение заключенных по полу и притом с устройством отдельных тюремных зданий для мужчин и женщин, в разобщении следственных и осужденных, в создании особых тюрем для различных категорий осужденных вплоть до устройства особых тюрем для приговоренных к смертной казни, для содержания их перед казнью и пр.

Сто статей проекта распадаются на несколько разделов, из которых основных три: 1) о строении тюрем разного наименования для заключенных разных групп, 2) о содержании заключенных и 3) о тюремной администрации.

Особенностью первой части проекта об устройстве тюрем является размещение заключенных по их группам в специальных тюремных зданиях.

Так, проект намечал отделение уголовных преступников от заключенных за неплатеж долгов, а для первых создавал: 1) подстражную тюрьму, 2) приговорную и 3) тюрьму для осужденных. Под подстражной тюрьмой разумелась следственная тюрьма, т. е. для предварительно заключенных в целях вос-

препятствовать им уклониться от следствия и суда. Приговорная тюрьма предназначалась, с одной стороны, для приговоренных к срочному тюремному заключению, а с другой — для приговоренных к ссылке. При этом обе эти группы приговоренных также должны были содержаться отдельно. Тюрьма для осужденных в губернском городе должна была состоять из трех специальных подразделений: 1) для приговоренных к смерти, 2) для приговоренных к вечному заключению и 3) для приговоренных к каторге. Везде проводилось разделение заключенных по полу.

Таковы постановления проекта о классификации заключенных с делением их на группы по тяжести назначенного наказания. Законодатель был уже вполне знаком с положительными сторонами такой классификации заключенных, но из последующего нашего ознакомления с фактическим состоянием тюрем в России мы увидим, сколько времени потребовалось для того, чтобы хотя бы в незначительных размерах провести такую классификацию в жизнь.

С точки зрения противопоставления пенитенциарного екатерининского проектирования и тюремной действительности представляют интерес многочисленные статьи проекта об архитектуре, санитарии и гигиене тюремных зданий. Проект предписывал выбирать место для построения тюрем близ проточной воды и на «вольном воздухе». Определялись размеры помещений для арестантов, размеры печей и лежанок при этих печах, окон в тюремных зданиях (полтора аршина высоты). Предлагалось устилать тюремные дворы камнем. Особое внимание уделялось устройству тюремных больниц с койками, с тремя сменами белья на них, с большими халатами и колпаками, ночными столиками при койках и колокольчиками при них для вызова врачебного персонала.

Этих ночных колпаков и колокольчиков на ночных столиках заключенные не дождались ни от самой Екатерины, ни от всех ее преемников династии Романовых, но они тысячами умирали в сырых казематах за крепостными стенами, в монастырских тюрьмах, умирали от голода и холода, от пыток и истязаний за стенами тюрем, замков и острогов, и потому настоящейironией звучат эти предписания о вызове врачей и сиделок колокольчиками.

Говоря о режиме тюрем, проект устанавливал за неимущими заключенными право на бесплатное предоставление им одежды и пищи из общего котла с остальными заключенными.

Вопросы о дисциплинарном взыскании обходились полным молчанием, кроме права тюремщика перевести арестанта «в темную тюрьму замка», доведя об этом немедленно до сведения

высшего начальства тюрьмы. О телесных же наказаниях в проекте нигде совсем не упоминалось, как будто их не существовало и не должно быть по мысли самого автора проекта, между тем разнообразнейшие виды телесного наказания самым широким образом применялись Екатериной. Это лишний раз подтверждает, что проект тюремного устава был ее литературным творчеством для Вольтера, а не для России.

Как бы для того, чтобы еще лишний раз подчеркнуть либеральность своих законодательных мероприятий, Екатерина предписывает сотрудникам тюремной администрации перед их поступлением на службу принимать торжественную присягу и клясться, что они с арестантами «сурово поступать не будут, но человеколюбиво, без послабления», что будут доставлять им «пищу, питье, одежду и прочее содержание без малейшего ущерба».

Проект предусматривал устройство одинаковых тюрем в губернских и уездных городах, но в последних с меньшим количеством камер. Однако проект, устанавливая эти два размера тюремных помещений, не учитывал различия количества заключенных в разных городах. Размер камеры определялся в три сажени длины, столько же ширины и в две сажени высоты, но количество заключенных для такой камеры не определялось. Впрочем, от этих размеров были небольшие отступления в сторону увеличения или уменьшения. Так, например, для приговоренных к смертной казни предписывалось строить камеры-темницы с площадью в четыре квадратных сажени. Плодом чисто кабинетного творчества явилось проектирование особых зданий для каждой из трех групп, а именно: 1) для шельмованных (т. е. лишенных прав), 2) для скованных и 3) для тех, кои не скованы и не шельмованы.

В отношении тюремного режима предписывалось отбирать от заключенных орудия и ножи и давать каждому по «состоянию» одежду и прокормление. Приговоренный к каторжным работам лишался права сношения с другими. Каждого такого каторжного предписывалось «содержать от общества прочих людей совершенно в отлучении и ни с кем ему сношения письменного или словесного не иметь». Проект строго предписывал не давать приговоренному к вечной каторге «ни чернил, ни пера, ни карандаша, ни бумаги» без разрешения суда и следить за всем им написанным. Для общего надзора за местами заключения в губернии проект создавал специальную должность тюремного надзирателя и довольно широко и подробно определял круг его обязанностей. В числе этих обязанностей был и учет движения арестантов. Непосредственное же управление каждой тюрьмой ве-

рялось по проекту так называемому «тюремщику». Между прочим, проект обязывал его еженедельно доносить тюремному надзирателю в губернии о состоянии вверенного ему места заключения.

Проект допускал прием во все места заключения лишь при наличии письменного постановления городничего или исправника, в самой же тюрьме должна была вестись запись всех таких предписаний о заключении под стражу.

Статья 79 проекта требовала, чтобы арестантам «в горницы пища в определенное время приносима была, чтобы в студное время тюремные не претерпевали от стужи или в жары от духоты, чтобы по времени и состоянию пристойную одежду имели». К числу таких же статей, писанных «напоказ», относилась и статья 41, которая устанавливала обязанность тюремной администрации не позднее трех суток сообщать каждому арестованному причину его задержания. Неисполнение этого требования должно было влечь за собою увольнение от должности. Вообще ряд статей проекта устанавливал разные гарантии против неправильного лишения той «свободы» российских граждан, которая в действительности ни во что не ставилась и нарушалась всеми, имевшими хотя бы какую бы то ни было незначительную долю власти.

В изложенном мною виде проект Екатерины о тюремном устройстве в России является второй и окончательной его редакцией. Я разыскал в московском архиве ЦГАДА рукопись этой второй, окончательной редакции проекта Екатерины. Но в том же архиве найдены в особой папке и первоначальный проект «Положения о тюрьмах» (автограф императрицы Екатерины II)¹.

В печати до настоящего времени не сравнивались эти два проекта. Хотя при опубликовании екатерининского проекта и сообщалось, что он написан собственноручно Екатериной, но в действительности был опубликован проект, на котором имелась лишь собственноручная резолюция Екатерины.

В этой резолюции она поручала губернскому прокурору Петербурга ознакомиться с содержанием проекта, сравнить проектируемые статьи с действительным состоянием тюремного замка в столице и выявить, в чем именно проект лучше или хуже

¹ В этом архиве оба названные проекта хранятся в двух особых папках. Одна папка носит название: «№ 24. Дело — Положение о тюрьмах. Автограф императрицы Екатерины II, СПб., Госархив МИД». Другая папка озаглавлена: «1788 г. № 27. Дело — Проект о тюрьмах с собственноручной резолюцией императрицы Екатерины II, Госархив МИД».

существующего положения (резолюция помечена 10 марта 1788 г.). Собственноручный проект не имеет никаких пометок о времени его составления. Я сделаю об этом свои предположения ниже.

Оба проекта написаны на листах бумаги, перегнутых пополам; на одной половине такого перегнутого листа помещен текст проекта, а на второй против каждой проектированной статьи — короткие строчки с обозначением ее содержания. При этом в тексте первоначальной собственноручной рукописи Екатерины встречаются французские слова, а именно для обозначения тех или иных проектированных ею должностей в тюрьме. Очевидно, ее затруднял перевод этих терминов на русский язык. Первоначальная редакция проекта имеет много помарок, зачеркиваний, вставок, а вторая редакция их совсем не имеет.

Первоначальная редакция проекта занимает 70 пронумерованных листов, на которых не только отдельные статьи, но и целые разделы проекта написаны в различных вариантах. Имеются наброски плана тюрьмы. Во всяком случае, тот проект, который появился в печати, представляет собой большую обработку первоначальной рукописи Екатерины, а расположение материала в этом окончательном проекте совершенно иное, нежели в первоначальном. Однако текст статей в обоих проектах совпадает, за некоторыми незначительными изменениями.

Но для нас представляет интерес и сопоставление содержания обоих проектов для того, чтобы посмотреть, что из первоначальной редакции перешло и что не было включено в окончательный проект.

В появившейся в печати редакции екатерининского проекта (в журналах «Русская старина» и «Тюремный вестник») мы не находим добавления к восьмой статье, которого не оказалось также и в первоначальной редакции, но которое мы нашли в архивном деле с окончательной редакцией. Это добавление интересно для нас в том отношении, что оно подтверждает правильность моего предположения о неслучайной забывчивости Екатерины спроектировать статьи о мерах поддержания тюремной дисциплины. Это добавление предусматривает случай массовых беспорядков в тюрьме и гласит: «Внутри замка иметь набатный колокол для призывания на помощь в случае общего умысла и приготовления тюремных к побегу, или общего непослушания, ропота, скопа, заговора и возмущений».

В первоначальной редакции оказались такие статьи, которые, не будучи зачеркнуты автором проекта, тем не менее не перешли в окончательную редакцию. Но надо удивляться не тому, что редактор не перенес их в окончательный проект, а тому,

что они нашли себе место в первоначальной редакции: слишком очевидна была невозможность их практического осуществления и слишком ясна была полная их ненужность. К числу таких статей относится, например, статья об устройстве в губернском тюремном замке столько «горниц», или камер, сколько в губернии уездов (в другой редакции говорится: «сколько округов»). Если припомнить, что Екатерина проектировала разделение заключенных не только по полу, но и по приговору, с полным разобщением подсудимых от осужденных, то придется признать, что в своем стремлении классифицировать заключенных она заходила слишком далеко, когда предполагала вносить в эту классификацию еще и географический момент. Ясно, что сам по себе такой географический принцип ровно ничего не давал и создавал такое количество «горниц» в тюрьме, что превращал ее в настоящий лабиринт. Если, проектируя в своем «Положении о тюрьмах» отделение подсудимых арестантов от осужденных, она повторяла здесь статью 171 своего «Наказа», заимствованную из книги Беккариа, то разделение заключенных в камерах по уездам было плодом ее самостоятельного творчества.

Не нашла места в окончательном проекте и та статья первоначального проекта, текст которой Екатерина повторяла несколько раз и под разной нумерацией (в одном месте под № 14, в другом под № 33, в третьем под № 10 и т. д.). Эта статья предписывала чинам тюремной администрации «всякие три часа смотреть каждую часть, есть ли посаженные налицо и здоровы ли они». Эти справки каждые три часа о здоровье арестантов звучали так нелепо, что редактор не решился включить статью в окончательный проект. Эта статья также является самостоятельным творчеством Екатерины.

Не прошли в окончательный проект и некоторые другие статьи собственноручного проекта Екатерины, и надо признать, что от этого окончательный проект не проиграл. В окончательном проекте относительно обстановки тюремных камер лишь указано, что в них устраивается неподвижный каменный стол и такие же неподвижные каменные скамьи у стола. В рукописи же вместо скамей сказано в одном месте «каменные кресла», а в другом — «каменные стулья». Это проектирование каменных кресел способно вызвать улыбку; тюремная мебель в виде кресел слишком не подходила к острогу. Автор проекта, очевидно, хотел лишить арестантов возможности передвигать стол и скамьи с места на место по их усмотрению. Лишь позднее это было достигнуто путем вделывания столов в стену и приковывания стула цепью.

Интересно, что в первоначальном проекте вопрос об оплате питания арестантов разрешался иначе, чем в окончательном, а именно: проектировалось предоставление пищи бесплатно лишь немущим арестантам и требование, чтобы имущие заключенные содержали себя сами. Впрочем, в дальнейшей редакции немущим уже вменяется в обязанность отрабатывать стоимость их питания. Классовый момент находил здесь свое отражение в установлении различного питания для лиц разных состояний.

Знакомство с рукописью показывает также, что в окончательном проекте появились статьи, не находившиеся в первоначальной редакции. Видно, что составление проекта давалось автору с большим трудом: одни и те же статьи переписывались по много раз без сколько-нибудь существенных изменений. Приходится удивляться, что «муки творчества» затрачивались на статьи совсем несложного, очень простого содержания. И в то же время это творчество не простерлось на такие существенные стороны тюремной жизни, как труд и дисциплина, не говоря уже о воспитании.

Выше говорилось о том, что императрица поручила губернскому прокурору Петербурга ознакомиться с проектом и сравнить его с существующим положением. Он должен был оценить и проектированные штаты администрации с точки зрения правильности их и соответствия потребностям. Размах автора проекта оказался здесь несбыточно широким, и прокурор урезал количество предположенных должностей более чем на 33 процента.

Из архивного дела с проектом Екатерины можно почерпнуть сведения о количестве заключенных, содержащихся в том самом году в тюремном замке Петербурга. Во всем замке оказалось 133 арестанта. Прокурор сообщает не только поименно их список, но и сведения об их преступлениях, о сословии и о поле.

Сведения даны на 18 марта 1788 г. В тюремном замке арестанты были разбиты на следующие семь групп:

Первая группа. Чиновные и из дворян — 14 чел. (взятки, кража, убийство, продажа чужого человека, подлог и пр.).

Вторая группа. Разночинцы — 17 чел. (неповиновение помещику, паспортные преступления и рекрутские, кража и пр.).

Третья группа. Купцы и мещане — 14 чел. (мошенничество, подлог, укрывательство беглого, убийство и пр.).

Четвертая группа. Дворовые и крестьяне — 27 чел. (кража, убийство, побой).

Пятая группа. Подследственные — 21 чел. (побег).

Шестая группа. Несостоятельные должники — 33 чел.

Седьмая группа. Женского пола — 7 чел. (кража, неимение паспорта, побег).

Но возвратимся к проектированным Екатериною штатам уголовной тюрьмы в губернском городе. Эти штаты делают более ясным для нас тот состав администрации, который должен был обслуживать подследственных и осужденных в губернском центре.

Проект штатов был разбит на две части. Одна из них относится собственно к тюрьме, а другая — к тюремной больнице. Штаты тюрьмы и тюремной больницы исходят не из численности здоровых или больных арестантов, которая не могла быть одинаковой в различных губернских городах, а из числа основных подразделений тюрьмы. Поэтому число сотрудников тюремной администрации определяется в основном наличием трех частей тюрьмы (подстражная, приговорная и для осужденных).

По проекту тюремная администрация в губернии возглавляется «надзирателем тюрьмы» с окладом в 151 руб. в год. Это — предшественник губернских тюремных инспекторов, появившихся лишь на целое столетие позднее. Во главе администрации каждой губернской тюрьмы ставится должностное лицо, получившее в проекте официальное название «тюремщика». Хотя это официальное наименование и не было впоследствии признано, но оно твердо укрепилось позднее в разговорной речи для обозначения высших и низших служителей тюрьмы как представителей всякого насилия, гнета и жестокости во всех ее формах. Непосредственными помощниками главного тюремщика должны были явиться «три отделенных тюремщика», т. е. по одному в каждой из трех уже известных нам составных частей тюрьмы. Содержание «тюремщика» в год было предположено в 126 руб., трех его помощников — по 24 руб. Под начальством «отделенного тюремщика» проектировалось поставить по одному «старшему сторожу» (с окладом 15 руб. в год) и по два сменяющих один другого «младших сторожа».

Для ведения денежной отчетности и письмоводства проектировались должности «книгодержателя» (так перевела Екатерина немецкое слово «бухгалтер») и «кописта».

Для исполнения хозяйственных обязанностей проектировались должности, которые во все последующее существование царской тюрьмы выполнялись самими заключенными, а именно: кашевар, два его помощника, портомой, четыре работницы и два дровосека. Остальной штат приходился на больницу во главе с доктором, который должен был получать 300 руб. в год. В штат тюремной больницы, кроме того, входили смотритель, лекарь,

подлекарь, лекарские ученики, сторожа, «сидельники», «сидельницы» и др.¹

Статьи проекта о тюремных штатах, несомненно, вносили некоторое уточнение и некоторую стройность в хаотическое состояние дела управления местами заключения того времени и последующего, но и они не были осуществлены.

Я указывал выше на отрыв проекта от русской действительности, на полное игнорирование различия в численности заключенных по разным тюрьмам. Совершенно такое же критическое замечание мне попало в уже цитированном мною архивном деле из бумаг статс-секретаря Безбородко. Там имеется набросок неподписанной бумаги с указанием, что размер «ссылочных тюрем» не может быть одинаков во всех городах, откуда приговоренные к ссылке направляются в Москву, а отсюда в мае и августе — в предназначенные им места ссылки. Это обстоятельство постоянно вызывало особое скопление арестантов как в самой Москве, так и в городах по пути следования к Москве.

Итак, проект Екатерины оказался мертворожденным. Совершенно ясно, как относилась она сама к этому своему писанию: она, конечно, не задавалась целью провести его в жизнь, смотрела на него так же, как впоследствии сама расценивала свой знаменитый «Наказ», называя его болтовней.

Проект Екатерины, как и ее «Наказ», написан в мягких тонах. Мягкие слова звучали непривычно ново, ибо предшественники Екатерины говорили другим языком. Им не были свойственны упоминания о человеколюбии, о гуманности, выдвинутые французскими энциклопедистами и повторенные в начале последней четверти XVIII века в России. Предшествующему законодательству не приходилось стесняться, когда оно требовало «бить нещадно» и когда оно лозунгом своей борьбы с преступностью и с неугодными ему элементами ставило устрашение, «дабы другим было неповадно». Однако хорошие слова о человеколюбии, доходившие до слуха российских судей и администрации, ничего, кроме раздражения барабанной перепонки уха, не вызывали. Как и сама Екатерина, они ничего не сделали для того, чтобы отменить или существенно изменить тюремную практику.

Говоря слова о человеколюбии, законодатель не отменял ни кнута, ни плетей, ни розог, ни клеймения раскаленным железом,

¹ ЦГАДА, XVI. Дело № 205 — Вопросы с объяснениями о тюрьмах и положении об оных со штатом. Из бумаг графа А. Безбородко, СПб., Госархив МИД.

В этой же папке имеется каллиграфически переписанный экземпляр проекта Екатерины о тюрьмах (сто статей на бумаге с золотым обрезом).

ни рванья ноздрей. Не отменялось даже употребление в приговоре слов о нещадном битье кнутом. Смягчения репрессий не хотел господствующий класс дворянства, в руках которого целиком находилось все дело правосудия и борьбы с преступностью.

Итак, слова о гуманности, хотя и очень громкие, не заглушали ни свиста кнута и плетей, ни стонов истязуемых жертв судебной и административной расправы. Не могли всерьез принимать призывы к человеколюбию и чины тюремной администрации, видя принесенных к ним в тюрьмы полуживых людей, окровавленных и обезображенных палачами во исполнение приговоров по указу «ее величества». А те, которые направляли всю уголовную политику и которые близко стояли к законодательнице, не могли не знать, что она сама первая не следовала идеям своего «Наказа», опубликованного на четырех языках, и не останавливалась даже и перед казнью четвертованием, как она поступила с Пугачевым.

Я указывал ранее, что представители высшей власти, окружавшие Екатерину, знали истинную цену ее призывам к человеколюбию. Одним из самых близких и доверенных ее людей во всех делах расправы с политическими врагами был известный своей жестокостью Шешковский.

Декабрист Штейнгель приводит интересный эпизод из деятельности Шешковского. Он интересен для нас тем, что показывает, в каком направлении протекала практика Шешковского по розыскным делам и каким пустым звуком для него были слова его повелительницы о гуманности.

Бывший издатель журнала «Друг юношества» М. Н. Невзоров был послан от Новиковского общества путешествовать и во время казни короля Людовика XVI находился еще в Париже. При возвращении в Россию на самой границе он был схвачен и отвезен в Петропавловскую крепость. После многих тщетных вопросов о злонамеренных замыслах Новиковского общества Шешковский показал Невзорову записку, которую он назвал запиской самой императрицы. В этой записке было сказано: «Бить его поленом, если не признается». Невзоров отвечал: «Руки императрицы не знаю, но может ли быть, что та же рука, которая начертала божественный Наказ, способна была написать слова, приличные простой бабе? Вы клевете на государыню». Шешковский был смущен, но Невзоров, по словам Штейнгеля, оставался в крепости до смерти Екатерины¹.

¹ См. В. П. Колесников, Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату, ред. и вступит. статья Щеголева, СПб., 1914, стр. 4, сноска.

У нас имеется совершенно неоспоримое доказательство, что рука, писавшая «божественные слова Наказа», была способна писать слова, еще более резко расходящиеся с этим «Наказом», чем слова в записке на имя Шешковского. Я напоминаю об уже известной нам из первой главы «высочайшей» резолюции по делу Салтычихи, когда Екатерина повелела пытать вместо Салтычихи на глазах последней кого-нибудь другого¹.

Но возвратимся к проекту «Положения о тюрьмах», а именно к вопросу о времени его составления. В архиве (ЦГАДА) мною обнаружены три дела, в двух из которых хранятся два экземпляра проекта, начисто переписанные, а в третьем — черновые наброски этого проекта. Только эти последние писаны рукой самой Екатерины, и на них нет никаких сведений о времени их написания. На одном же из двух начисто переписанных экземпляров проекта имеется, как было указано выше, подпись рукой Екатерины с отметкою: «10 марта 1788 г.».

В литературе интересующий нас проект известен как проект именно 1788 года, но имеются все основания утверждать, что в какой-то его части он уже был составлен значительно ранее, хотя, может быть, и не в окончательной форме.

В иностранной печати упоминание об этом проекте я встретил в работе англичанина Кокса, который посетил Россию еще в 1778—1779 гг. Ему было разрешено осмотреть тюрьмы в нескольких городах, и он получил от императрицы через ее статс-секретаря письменные ответы на предложенные ей вопросы о тюрьмах и о больницах в России. В своей книге, напечатанной в Лондоне в 1784—1786 гг. и уже в 1786 г. изданной на французском языке, Кокс сообщает читателям сведения об изготовлении Екатериной проекта тюремного устава. Таким образом, уже ко времени посещения Коксом России был составлен проект о тюрьмах. Кокс сообщает краткие сведения о содержании этого проекта. Несомненно, что здесь приводятся сведения из известного уже нам проекта. Так, например, Кокс сообщает, что по тюремному проекту тюрьмы строятся отдельно для преступников и для несостоятельных должников. Уголовная тюрьма делится на три части: 1) для подсудимых, 2) для осужденных к срочной тюрьме и 3) для осужденных пожизненно и для каторжан. Каждая из этих частей делится еще на две, из которых одна предназначена для мужчин, а другая — для женщин. При тюрьме должна быть больница. Здание тюрьмы должно быть построено за городом и у проточной воды.

¹ См. Г. И. Студенкин, Салтычиха, «Русская старина», 1874, июль, стр. 497—548.

Свое короткое сообщение о тюремном проекте Кокс заканчивает комплиментом императрице: его читателям интересно будет узнать, что императрица входит в эти мелочи и старается прийти на помощь жертвам юстиции¹.

В своей другой книге, специально посвященной тюрьмам и больницам, Кокс дал такое описание состояния русских тюрем при Екатерине, которое находится в противоречии с его комплиментами о ее лицемерных заботах относительно жертв юстиции.

Приведенные мною ниже вопросы Кокса о состоянии тюрем в России и ответы на эти вопросы представляют тот интерес, что они относятся к постановке тюремного дела вообще, а не только к тюрьмам Петербурга или какого-нибудь другого города. Надо признать, что ответы представляли для Екатерины некоторые затруднения и что полная откровенность была здесь неудобна, так как положение карательной системы в России вообще и тюремной, в частности, не находилось в соответствии с требованиями гуманности и потому ожидания иностранца далеко не оправдывались. Вот почему в ответах сквозит стремление представить положение лучше, чем оно было в действительности.

Неизвестно, насколько полно и точно воспроизведены Коксом полученные им от Екатерины ответы на поставленные вопросы. Во всяком случае, эти напечатанные в книге ответы сильно разнятся с ответами, найденными нами в архивном деле.

Нет ни малейшего сомнения, что найденные нами в архиве вопросы и ответы относительно положения тюрем в России являются вопросами именно Кокса и ответами на них, хотя они и не носят нигде никаких указаний на фамилию Кокса. Это явствует из их сопоставления с текстом книги.

В то время как в книге Кокса напечатано всего восемь вопросов, относящихся к уголовным тюрьмам, в рукописи их 22, и они относятся частью к тюремному заключению несостоятельных должников, а частью к госпиталям.

Первоначально познакомимся с ответами, напечатанными в книге Кокса.

На вопрос, имеется ли общий план для постройки тюрем, Екатерина отвечала отрицательно.

На второй вопрос — о мерах для поддержания чистоты в тюрьме и для предупреждения заразных болезней — Кокс получил ответ: «В силу благоприятного для заключенных обыкновения им позволяют во многих местах ходить в баню».

На вопрос, имеются ли при тюрьмах больницы, Екатерина отвечала, что они имеются не везде.

¹ См. «Тюрьмы и госпитали в России в XVIII веке по наблюдениям Вильяма Кокса», «Русская старина», 1907, июль, стр. 24—44.

На четвертый вопрос — об отделении маловажных преступников от более тяжких — Кокс получил ответ, что хотя и существует закон о помещении приговоренных к смерти «в покаянную тюрьму», но таковая не повсюду имеется.

На пятый вопрос — о праве арестантов закупать в тюрьме съестные припасы и вино — последовал ответ, что в тюрьмах продаются всякие съестные припасы, но не водка.

На шестой вопрос, заковывают ли женщин в кандалы, последовал ответ: «Законы умалчивают об этом. Таким образом, повсюду, где это случается, следует это рассматривать как злоупотребления, которые должны быть отменены».

На седьмой вопрос — о возможности освобождения от дальнейшего заключения тех, которые исправились, — дан ответ, что это возможно в порядке частного помилования и общей амнистии, и здесь же указано, что каторжные направляются в ссылку, а убийцы клеймятся раскаленным железом на лице и некоторые идут в кандалах, другие — с вырванными ноздрями.

Следует отметить несоответствие ответа на третий вопрос действительному положению вещей, так как тюремных больниц в то время нигде не было. Точно так же неверен ответ на шестой вопрос, так как заковывание женщин в кандалы было общим правилом и применялось в России даже и в XX веке при последнем Романове. Сама Екатерина своим именным указом, заменив Салтыковой смертную казнь пожизненным заключением, повелела содержать ее в оковах.

Не отвечал действительности и ответ на вопрос об отделении тяжких преступников от маловажных, так как, во-первых, «покаянных тюрем» нигде не существовало и, во-вторых, такое выделение «смертников» и по старому закону применялось лишь на короткое время перед самой казнью для религиозного их напутствия.

Наконец, и ответ на вопрос о смягчении участи исправившихся арестантов вводит Кокса и его читателей в заблуждение, так как ни общая амнистия, ни частное помилование не применялись в целях избавления от наказания уже исправившихся, а вызывались соображениями иного рода. Вводит в заблуждение и такая формулировка ответа, которая заставляет предполагать, что клеймятся раскаленным железом лишь убийцы, между тем эта мера, как и рванье ноздрей, широко применялась при осуждении на каторжные работы за самые разнообразные преступления.

Таким образом, из рассмотрения напечатанных в книге Кокса ответов Екатерины на его вопросы о положении тюрем

в России вытекает неизбежный вывод, что ответы не соответствуют действительности, замаскировывают истинное положение русских тюрем и во всяком случае не отличаются прямоотой и искренностью. Найденная нами рукопись с ответами на вопросы Кокса показывает, что редакция этих ответов была иная, более подробная, но и в этой редакции ясно сквозит желание изобразить состояние тюремного дела в России в более выгодном свете. Так, например, в рукописи мы нашли дословно следующий ответ на вопрос Кокса о мерах для предупреждения болезней в тюрьмах: «Об оном точного законоположения нет, но зависит от попечения тех судебных мест, в чьем ведомстве состоят колодники, вследствие чего в 17-м пункте инструкции караульным офицерам при Московской розыскной экспедиции предписано с определенным лекарем осматривать больных колодников и их пользоваться»¹.

Такой ответ показывает явное желание ввести в заблуждение Кокса и его читателей-иностранцев, так как посещение арестантов лекарем в Москве совсем было не известно провинциальным тюрьмам и было таким исключительно местным московским явлением, которое не могло служить примером состояния врачебной помощи в местах заключения того времени. В рукописи ответ на шестой вопрос (о заковывании женщин) дан в иной форме, нежели в книге Кокса. В рукописи указывается, что узаконений относительно наложения оков на женщин или относительно запрещений такого наложения в России нет. Если суд налагает оковы, то с целью предупредить побег. Таким образом, в рукописи ничего не говорится о недопустимости заковывания женщин в кандалы, как решительно высказано в ответах, напечатанных в книге Кокса.

Точно так же и ответы на другие вопросы даны в рукописи значительно подробнее. В виде примера укажем, что в ответе на первый вопрос даны сведения о месте нахождения тюрем, полученные от губернаторов: «По присылаемым в сенат планам видно, что тюрьмы и остроги по удобности местоположения в некоторых городах построены внутри крепостей, где же крепостей нет, то и в предместьях, а главным образом близ текущей воды».

Мы уже знаем, что в проекте Екатерины устройство тюрем должно было производиться у «текущей воды». Можно сомневаться, чтобы большинство тюрем уже находилось «у

¹ ЦГАДА, XVI, дело № 205. Вопросы с объяснениями о тюрьмах и положении об оных со штатом. Из бумаг графа А. Безбородко, СПб., Государственный музей.

текущей воды»; нахождение тюрем даже в предместьях создавало бы затруднения для органов следствия и суда и для всего дела обслуживания тюрьмы.

В одном из вопросов, относящихся к содержанию в тюрьме несостоятельных должников, Кокс интересуется: «От заимодавцев ли имеют они пропитание и не содержатся ли в железзах?». Ему был дан ответ в очень решительной форме, что кандалы на таких лиц не накладываются, что они содержатся за счет заимодавцев и немедленно освобождаются, если плата за содержание не внесена.

Значительная часть вопросов Кокса относится к организации в России больниц и врачебной помощи населению, но это выходит за пределы темы нашей работы.

Мы увидим из последующего изложения, что от Кокса отнюдь не ускользнуло тяжелое положение русских колодников и он не скрывает его и от своих читателей. Он делает описание совершенно спокойным тоном, но отмечает и такие факты, к которым отнести спокойно едва ли мог и читатель последней четверти XVIII века.

Уклончивые ответы Екатерины на указанные выше вопросы Кокса не помешали английскому автору сделать общий вывод о всей русской карательной системе и отметить, что «уголовные законы в России далеко не так гуманны, как утверждают некоторые писатели»¹.

§ 10. „УЧРЕЖДЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГУБЕРНИЯМИ“ 1775 ГОДА. СМИРИТЕЛЬНЫЕ ДОМА

«Положение о тюрьмах», составленное Екатериной, не было ее первым словом по вопросу тюремного строительства в России. Такие же хорошие и еще более красивые слова она говорила перед тем в своем «Наказе» 1767 года. Статьи 159—166, 169—174 устанавливают основные принципы тюремного заключения, но преимущественно в форме предварительного заключения до судебного приговора. Они провозглашают свободу личности, гарантию ее от произвола судебной и администра-

¹ «Тюрьмы и госпитали в России в XVIII веке по наблюдениям Вильяма Кокса», «Русская старина», 1907, июль, стр. 29. Название этой книги Кокса такое: «Account of the Prisons and Hospitales in Russia, Sweden and Denmark, with occasional remarks on the different modes of punishment in those countries», London, 1781.

тивной власти, о вреде и ненужности излишних лишений и страданий. Зарудный, автор специального исследования о сравнении статей «Наказа» с текстом сочинения Беккариа «О преступлениях и наказаниях», показал, что Екатерина взяла эти красивые слова и хорошие мысли у известного итальянского автора. Однако для воплощения этих идей в жизнь ничего не было сделано, и через двадцать лет повторялись те же слова, провозглашались те же идеи и так же ничего не делалось. И от этого еще ярче должна была выступить тяжелая и неприглядная русская тюремная действительность.

У екатерининского проекта «Положения о тюрьмах» имеются предшественники, относящиеся к годам после опубликования «Наказа». Наиболее крупным из таких предшественников, и притом законодательного характера, является «Учреждение об управлении губерниями» 1775 года.

В этом законе имеются и статьи, относящиеся к местам лишения свободы. Эти статьи, как и некоторые другие статьи того же закона, отличаются пространностью и, конечно, предназначались не только для России, но и для заграницы; об этом свидетельствует тот стиль, которым написан этот закон. Недаром Екатерина пересылает Вольтеру для библиотеки его Фернейского замка экземпляр этого закона в переводе на немецкий язык. Получив этот перевод, Вольтер в своем письме от 5 декабря 1777 г. лгство писал ей: «Вчерашний день получил я один из залогов вашего бессмертия — «Уложение» Ваших законов на немецком языке, которым Ваше императорское величество изволили наградить меня... Оно будет переведено на китайский и на все вообще языки. Оно делается всемирным евангелием»¹.

Такая оценка закона 1775 года была совершенно неправильна. Она не могла быть правильной уже по одному тому, что Вольтер не мог за несколько часов после получения перевода ознакомиться с этим обширным актом в несколько сот статей, из которых некоторые занимают целую страницу и более текста. Ознакомление с этим «залогом бессмертия» показало бы Вольтеру, что новый закон широко попирает, топчет ту самую свободу человека, защитой которой обессмертил себя французский вольнодумец.

В самом деле, учреждение этим законом 1775 года смиренных и работных домов открыло новые просторы для

¹ «Философская и политическая переписка Екатерины II с господином Вольтером с 1763 г. по 1778 г.», перевод с французского, тт. I и II, СПб., 1802.

произвола административной власти помещиков над крепостными, хозяев над рабочими, родителей над детьми.

Статья 391 этого «Учреждения об управлении губерниями» возвещала о пользе смиренных домов для поддержания порядка в обществе: «Добро учрежденный смиренный дом ограждает общество от многих проделозостей». В смиренный дом могли быть направляемы лица, не совершившие никаких преступлений, но отнесенные представителями власти в очень неопределенно и широко очерченную названной статьей группу «лиц непотребного и невоздержанного жития». В статье перечислены семь групп таких лиц, но ни в одном из этих пунктов не дано ни малейшего указания, что в данном случае речь идет о заточении в смиренный дом за какое-нибудь преступление или проступок. Если припомнить, что закон совершенно не определял срока содержания в смиренном доме, а предоставлял самой административной власти, родителям, помещику и хозяевам заточать сюда на любой срок или даже пожизненно, то станет ясным значение этой меры борьбы в руках господствующего класса.

Представляет безусловный интерес самая формулировка текста статьи с перечнем семи групп лиц «непотребного и невоздержанного жития». Эти группы следующие: «1) Сыновья и дочери, кои родителям своим непослушны или пребывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны, 2) люди, которые впадут в непотребное житие, начнут расточать имение, долг накоплять вдвое против имени, дом разорять и чинить непотребности, противные чести, 3) люди, которые начнут без стыда и зазора иметь явное поведение, добронравию и благочинию противное, 4) рабы непотребные, которых никто в службу не принимает, 5) рабы ленивые и гуляки, кои все пропивают или проматывают, 6) люди, которые не хотят трудиться для своего пропитания, едят хлеб вотще, и сим подобные, и 7) непотребного, неистового и соблазнительного жития женского пола»¹.

Ссылка в смиренные дома производилась по статье 391 на основании приговоров судов, постановлений так называемых приказов общественных призрений, по просьбе родителей или трех родственников, по требованию помещиков и хозяев. Для родителей, помещиков и хозяев было достаточно только «прописать» причины отсылки в смиренный дом.

И Вольтер называл все это «всемирным евангелием», достойным перевода на разные языки!

¹ «Полное собрание законов» № 14392, 1775 г.

В статье 391 этого же закона мы находим отдельное предписание, которое Екатерина повторила в своем проекте «Положения о тюрьмах», а именно, здесь, как и в проекте, говорится, что смиренному дому надлежит быть на вольном воздухе, с крепкой стеною или высоким забором кругом, «чтобы утечки из оного дома отнюдь никто учинить не мог». Предписывается также иметь внутри все нужные строения и бани, вести реестры поступающих заключенных, разделять заключенных по полу и пр.

Точно так же, как и проект тюремного устава, закон 1775 года поручал прокурору надзор за смиренным домом, предписывая ему в статье 405, п. XIII, посещение тюрьмы не менее одного раза в неделю. Но в противоположность проекту, этот закон предоставлял тюремной администрации право телесного наказания заключенных за нарушения правил тюремной дисциплины. Орудием телесного наказания служили прутья, а число ударов за каждый проступок не могло быть более трех. Для применения такого наказания тюремный надзиратель не нуждался ни в каком разрешении и действовал по собственному усмотрению. Кроме розог, могли быть применены ограничение пищи хлебом и водой и заключение в темный карцер.

Статья 391 требует лечения больных арестантов и предписывает лишь одно ограничительное условие для приема в смиренный дом «рабов ленивых, рабов непотребных» от помещиков, рабочих от хозяев и детей от родителей: они должны предоставить средства для содержания заключенных ими в смиренный дом.

Это же «Учреждение об управлении губерниями», кроме смиренного дома, ввело еще и работные дома (ст. 390). Они предназначались для неимущих в целях предоставления им работы с оплатой ее содержанием в означенных работных домах и предоставлением им одежды и пищи. Помимо добровольной явки в них, могла иметь место и присылка властями, «имеющими на то право». В Москве в работном доме должна была производиться распиловка камней, а в других городах — пряжа льна и другие работы.

Нет никакого сомнения, что работные дома под флагом человеколюбия были направлены не на помощь неимущим, а на их эксплуатацию. Об этом можно судить и по содержанию сепаратного указа Екатерины московскому полицмейстеру от 12 августа 1775 г., т. е. изданного на три месяца ранее «Учреждения об управлении губерниями». Названный указ обращает внимание полицмейстера на то, что «в здешнем городе множество молодых лет ленивых, приобыкших лучше праздно шататься, прося бесстыдную милостыню, нежели получать пропитание работою». Для прекращения такой «развратной праздности» указ

и предписывает открыть в Москве работный дом под ведомством полиции. Ясно, что этот указ — предшественник статьи 390: «Учреждение об управлении губерниями» имеет в виду репрессивную борьбу с теми, кого он считает ведущим «развратную праздность». Такой первый работный дом для мужчин был открыт за Сухаревой башней в бывшем «Карантинном доме». Работа здесь состояла в нелегком труде распиловки камня. Для женщин было предоставлено помещение в бывшем Андреевском монастыре, и работа здесь состояла в пряже льна¹. Репрессивный характер работ в работном доме подтверждается и тем фактом, что при работах стража осуществляла надзор.

На содержание в работном доме отпускалось на человека по три копейки в день, но, очевидно, этих небольших средств на содержание не хватало, так как правительство продолжало пользоваться помощью частных лиц, принимая от них милостыню. Так, в 1781 году Екатерина, приказав открыть в Петербурге (на Васильевском острове) к 1 мая работный дом и направлять туда нищих, распорядилась выставить кружки для собирания милостыни на содержание помещенных в этом доме².

§ 11. ЗАКОН 1781 ГОДА О ТРЕХ ВИДАХ ВОРОВСТВА. „УСТАВ БЛАГОЧИНΙΑ ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ“ 1782 ГОДА

3 апреля 1781 г. был издан указ Сената, который расширял круг лиц, направлявшихся в работные дома. Этот указ установил три вида воровства: воровство — грабеж, воровство — мошенничество и воровство — кража. За кражу на сумму до 20 рублей предписывалось направлять в административном порядке в работные дома³. Указом Сената от 31 января 1783 г. было предписано открыть работные дома во всех губерниях и направлять туда «обличенных в краже, грабеже и мошенничестве».

Еще в своем «Наказе» Екатерина, заимствуя идеи у Беккариа, в целом ряде статей останавливалась на взятии под стражу как на способе воспрепятствования уклонению от следствия и суда. Она повторяла за Беккариа предложение осторожно пользоваться этой высшей мерой принуждения. Но как далеко ушел

¹ См. указ полицеймейстеру г. Москвы от 12 августа 1775 г., «Полное собрание законов» № 14357.

² См. «Собрание законов о судостроительстве и судопроизводстве уголовном с 1649 по 1825 гг.», т. XIV (сост. Хавские Петр и Тимофей).

³ См. указ Сената от 3 апреля 1781 г., «Полное собрание законов» № 15147.

от этих предложений ее «Устав благочиния или полицейский» от 2 апреля 1782 года!

Этот «Устав» в одно и то же время пытается перечислить случаи, когда допустимо предварительное взятие под стражу до суда, а с другой стороны, широко допускает взятие под стражу в виде меры репрессии за разнообразные полицейские нарушения.

Делая попытку перечислить случаи, когда допустимо взятие под предварительный арест, «Устав благочиния или полицейский» перечисляет в отдельных статьях преступления религиозные (своращение с православия, нарушение церковной службы и пр.), служебные преступления, преступления против личности, против собственности и др. При этом закон считается не с теми или иными обстоятельствами данного преступления, а исключительно с его родом, и, таким образом, на возможность ареста или на его недопустимость не оказывает влияния наличие определенного местожительства, занятий и пр.

Что касается полицейского ареста как наказания, то он применялся за ряд разнообразных проступков и притом часто как последствие неуплаты денежной пени. Таким образом, сюда приносился тот момент имущественного характера, который создавал наряду с сословными различиями еще и новое различие между состоятельными и несостоятельными правонарушителями.

Приведем некоторые из статей этого устава. Так, из соображений политической цензуры «Устав благочиния или полицейский» предписывает сажать на хлеб и воду за устройство без надлежащего разрешения «народных игр, забав и театральных представлений» (ст. 261, п. 1). За вход мужчины в женскую баню и за вход женщин в мужскую назначается пеня. Таким образом, этот вид «развлечения» карается мягче, нежели устройство без разрешения театрального представления. Интересно, что при неуплате пени налагается оригинальная обязанность топить баню в смиренном доме до тех пор, пока не будет уплачена пеня (ст. 262).

Открытие публичного дома «для непотребства» карается легче, нежели посещение такого дома, так как за открытие такого заведения полагается денежный штраф, при неуплате которого наступает заключение в смиренный дом (ст. 263), а посещение такого заведения влечет за собой отправку в смиренный дом. Нужно думать, что открывшие дома «для непотребства» всегда находили средства уплатить полиции нужную ей пеню.

Добавим, что «Устав благочиния или полицейский» не определяет срока содержания в смиренном доме и нередко ограничивается предписанием содержать в том доме до тех пор, пока виновный не уплатит наложенной пени. Конечно, такие

предписания ставили арестованных из неимущих классов в особенно тяжелое положение¹.

При таком содержании «Устава благочиния или полицейского» ясно видно, во что обращались фактически в русской действительности идеи «Наказа» и, в частности, восьмая его статья, рекомендовавшая «не приводить дух граждан в уныние казнями»².

§ 12. О ДОМАХ „ДЛЯ ИСПРАВЛЕНИЯ ЗЛОУПРАВНЫХ И ДЛЯ ПРИЗРЕНИЯ БЕЗУМНЫХ“

Законодательные акты, которыми были введены в последней четверти XVIII века в России смирительные и работные дома, были составлены под несомненным влиянием материалов, собранных за границей и обработанных еще в 1771 году. Именно этим годом помечено хранящееся в архиве (ЦГАДА) дело «О домах для исправления злоуправных и для призрения безумных»³. Впрочем, эти же материалы, может быть, оказали некоторое влияние и на проект тюремного устава Екатерины, так как и здесь предусмотрена классификация заключенных, разделение их по полу, по наказаниям и пр.

Особенно ясно сходство той части архивного дела с положением о смирительных домах, которая дает перечень групп лиц, направляемых в дома «для исправления злоуправных». В архивном деле намечено восемь таких групп, а именно: 1) приговоренные к смертной казни, замененной заключением, 2) обвиняемые в преступлениях, влекущих за собой смертную казнь, 3) приговоренные за воровство и другие преступления на разные сроки, 4) домашние воры, присланные их господами, 5) люди «развращенного жития» и пьяницы, 6) «дети, родителям своим непослушные и им досаждающие», 7) банкроты и 8) расточители своего имени.

Группы заключенных в этом перечне совпадают с группами, установленными в положении о смирительных домах и в неопубликованном проекте этого положения, хранящемся в архиве.

¹ См. «Устав благочиния или полицейский», ч. I, 1782, апрель.

² «Наказ ея императорского величества Екатерины II самодержицы всероссийские, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения, с принадлежащими тому приложениями. В С.-Петербургской типографии правительствующего сената 1820 года печатано с издания, напечатанного в СПб. при императорской академии наук, а в Москве — в сенатской типографии 1769 года».

³ ЦГАДА, XVI, 1771 г. Дело № 195 — «О домах для исправления злоуправных и для призрения безумных».

Ввиду несомненного интереса этих неопубликованных материалов остановимся на их содержании.

По-видимому, первые четыре листа названного нами архивного дела представляют собой попытку приспособления к условиям русской жизни материалов, собранных за границей и изложенных на пяти-десяти листах. В обеих частях проекта речь идет «о домах наказания и поправления преступников и превращенного жития людей». Эти дома каменные, в три этажа, из которых каждый этаж предназначался для особой категории заключенных. В первом, или нижнем, этаже, который с «землей наровень», заключены более тяжкие преступники. Эта часть тюрьмы выстроена под сводами из дикого камня, полы и стены настланы толстыми досками, перед окошками частые железные решетки, двери и замки «весьма крепкие». «Заключенные никогда вон не ходят и никого к ним не пускают, кроме священников. Женский пол от мужского отделяется. Ходят в железных оковах и колодках». Здесь обязательны «тяжкие работы».

В среднем этаже — небольшие покои, а между ними коридор. Имелись комнаты для работы и для еды. Именно этот этаж был предназначен для тех групп, которые перечислены в ст. 391 «Учреждения об управлении губерниями», — для небольших воров домашних, детей непослушных, слуг непокорных, игроков, пьяниц, ленивцев, мотов, банкротов и др. Здесь был менее суровый режим, менее тяжелые работы, более удовлетворительное питание, которое могло быть постепенно улучшаемо. Здесь же допускались свидания.

Третий этаж был предназначен для тех из заключенных по просьбе родителей и хозяев, оплата содержания которых взята на себя пославшими их сюда. Режим здесь наименее суровый. Надо отметить, что та часть материала, которая представляет собою набросок проекта о домах заключения в России, не включала упоминания различных способов отягощения положения заключенных, упомянутых в описании иностранных тюрем. Так, например, не перешла статья, говорящая о наказании заключенных нижнего этажа палками и кошками по утрам и вечерам и особо при их принятии в тюрьму. Такая встреча новоприбывшего палками и кошками носила название «добро пожаловать».

Знаменательно, что в названных нами архивных материалах в перечне тех работ, которыми были заняты заключенные, указаны, между прочим, работы, проектированные как для смирительных, так и для работных домов. Таковы прядильные работы и размельчение сандалового дерева (в самом начале XIX века при Московском тюремном замке существовала такая работа) для добывания ароматного порошка.

Отметим и некоторую разницу в проектировании тюремного устройства в России сравнительно с собранными зарубежными материалами. В описании зарубежной системы подчеркивается роль религиозного воздействия на заключенных, подробно говорится об устройстве церкви, служба в которой совершается для заключенных всех трех этажей, но для арестантов нижнего этажа слова молитв и священника должны доходить лишь по особым трубам, проведенным из церкви в этот нижний этаж и снабженным особыми затворами. Но в век Екатерины еще не помышляли об устройстве тюремных церквей, и автор тюремного устава ограничивался лишь проектированием развешивания образов и лампад в тюремных камерах. Однако уже с начала XIX века, одновременно с развитием в высших слоях столичного общества мистицизма и с началом «крестового похода» аристократии в российские тюрьмы, туда вступают во всеоружии и религиозная пропаганда, и ханжество. Но на этом этапе истории царской тюрьмы мы остановимся позднее.

Складывались ли приведенные наши выше узаконения об организации смиренных и работных домов под влиянием иностранных образцов или без такого влияния, закон о наказании за различные виды воровства, по-видимому, не дал того увеличения тюремного населения в этих домах, какого можно было бы ожидать. Есть основание думать, что этот закон о наказании за три вида воровства не встречал в практике судов должного приема, точно так же как выходили из употребления и соответствующие статьи Уложения царя Алексея Михайловича. Эти статьи грозили уже за первую кражу отрезанием левого уха, наказанием кнутом и двухлетним тюремным заключением с работой в кандалах. Для точного соблюдения предписаний этого Уложения в последней четверти XVIII века не было у правительства ни возможности, ни даже желания. Но не было возможности и для исполнения указа Сената 1781 года, расширявшего круг лиц, направляемых в работные дома, так как для этого не было соответствующих домов заключения. Поэтому практика, по-видимому, шла своим собственным путем. Доказательством этого может служить очень яркий пример — наказание одного рецидивиста. В 1788 году по распоряжению «кабинета ее величества» высланы из колыванских заводов в нерчинские рудники четыре преступника, бывшие горные рабочие, и в числе их Василий Брагин, 32 лет от роду, со следующей отметкой: «штрафован был в 1774 году за воровство у бергниера (горного чиновника) пожитков — плетью; у крестьянина овчинного тулупа — батожем; из торговой лавки сапогов — плетью и содержанием под караулом одну неделю; в 1776 г.: за кражу разных пожитков — плетью;

у крестьянина саней и войлока — батогами; в 1777 г. за полученную от неводержанности венерическую болезнь — батогами; в 1778 г. за воровство лошади — плетью; в 1779 г. за покражу с лошади хомута — кошками; в 1780 г. за воровство из лавки денег и товаров — гоняем шпицрутеном через тысячи человек восемь раз; в 1781 и 1782 гг. за побеги из службы, чинимые у разных людей воровства, по заключенной воинским судом сентенции, приговорен к наказанию кнутом, вырезыванию ноздрей и посылке в Томский завод на каторжные работы вечно, а по молодости наказание кнутом заменено полугодичным его содержанием под караулом скованного с употреблением в работу. За покражу у бергниеров Степанова и Завьялова денег и пожитков на 90 р. 21½ к. ассигнациями и за побег из-под караула по указу кабинета ее величества от 17 марта 1785 г. наказан прогнанием шпицрутеном через тысячу человек восемь раз, и в рассуждении, что он уже прежде находился в побегах и разных воровствах и за то наказан, отослать в каторжную работу вечно в нерчинские рудники»¹.

Таким образом, рецидивист Брагин испытывал на себе четырежды плети, трижды — батоги, дважды — шпицрутены в огромном количестве, по одному разу — кошки и кнут, был приговорен к вырезанию ноздрей, несколько раз к лишению свободы на разные сроки и дважды к вечной каторге. Этот человек (и не один он) был живой и ходячей рекламой всех мер карательной системы екатерининской эпохи, а вместе с тем и живым доказательством, как практика борьбы с воровством расходилась с провозглашенными требованиями человеколюбия.

Из указов, имеющих особое значение для всех мест заключения второй половины XVIII века, отметим мероприятия правительства, клонившиеся к ускорению рассмотрения дел о «колотниках» (таково наиболее часто встречающееся наименование заключенных в разных местах лишения свободы). Ускорение движения колотнических дел вызывалось необходимостью освобождения мест в тюрьмах для новых арестантов. Еще 10 февраля 1763 г. было повелено представлять в экспедицию Сената ежемесячные ведомости о тех из колотников, дела которых не решены, на комиссию же возлагалась обязанность принимать меры к ускорению рассмотрения этих дел. Впоследствии эти дела были переданы второму департаменту Сената, а указом от 10 марта 1777 г.² они переданы в первый департамент.

¹ В. И. Власов, Арестант Василий Брагин (1788 г.), «Русская старина», 1873, июль, стр. 86—87.

² «Полное собрание законов» № 14 718.

В пределах каждой области и губернии места заключения были подчинены наместникам, губернаторам и губернским канцеляриям. Они должны были представлять свои отчеты и ведомости о колодниках в Сенат.

Полномочия наместников и других высших представителей административной власти в губерниях были безмерно расширены известным законом 7 ноября 1775 г., когда наместникам и генерал-губернаторам было предоставлено даже право утверждения смертных приговоров, приостановки исполнения судебных решений и пр. Отдавая обычную для тех годов дань фразеологии и моде на лицемерные, лживые требования гуманности, этот закон предлагал генерал-губернаторам быть «заступниками утесненных и побудителями дел безгласных», пресекать «всякие явные злоупотребления, в особенности же безмерную и разорительную роскошь, обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тиранство и жестокость» и показывать «доброхотство, любовь и соболезнование к народу». Мы уже знаем из «Устава благочиния», какой простор открывал этот закон произволу администрации в деле лишения свободы. Вся бюрократическая машина могла существовать лишь в условиях безгласности, а потому для нее было неисполнимо «раскрытие дел безгласных». Вся эта машина, начиная от полицейского и кончая генерал-губернатором, держалась утешением, и потому так противно звучат слова о любви к народу.

Один из историков тюрьмы, уделивший особое внимание начинаниям правительства 1762—1796 гг., склонен придавать этой эпохе огромное значение. Он поет императрице хвалебные гимны, но в поисках доказательств «великих начинаний» в деле реформ тюрьмы становится прямо смешон, когда приводит ее высочайшие указы об отпуске 133 р. 20 к. на отопление Петербургского острога, 200 руб. в год — на медикаменты для тюрем столиц и пр.¹

Приведенные меры не могли иметь большого значения, во-первых, потому, что они касались только Петербурга, во-вторых, потому, что ассигнованные суммы были слишком ничтожны для оказания действительной помощи арестантской массе.

Не большее значение имели и те указы, которые делали попытки принять на счет казны предоставление колодникам пищи и одежды, в частности, при их ссылке в Сибирь и в каторжные тюрьмы. К числу таких указов, например, относится указ от

¹ См. М. А. Филиппов, История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России, СПб., 1873 (материалы комиссии по тюремному преобразованию).

2 марта 1775 г. о нормах пищевого довольствия и об одежде для колодников Таганрога, Ревеля и Риги, а также указ того же года № 17362 «О прибавке Полоцкой казенной палате на содержание и отправление колодников», № 18808 «О производстве ссылочным одежды, обуви, провианта и кормовых денег», № 20354 «О порядке отправления колодников и довольствия их платьем и обувью» и др.

Из распоряжений, относящихся к вопросам управления местами заключения, отметим передачу в ведение губернского правления в Петербурге всех арестантов, независимо от того, при каком учреждении или присутственном месте они содержались под стражей, и поручение прокурору столицы надзора за правильностью содержания этих арестантов (Полное собрание законов 1781 года, № 15256). Казалось бы, такое распоряжение должно было распространяться не только на Петербург, но и на все другие города, но Петербургу правительство всегда уделяло больше внимания.

Об учете колодников последовал указ от 30 июля 1775 г. «О присылке ежемесячно от всех военных команд в генерал-аудиториат статейных об арестантах списков».

Наше рассмотрение тюремного законодательства второй половины XVIII века приводит к выводам, что за эти десятилетия по вопросу о тюрьме было больше говорено, чем сделано, а то, что было говорено, не было серьезно, так как не шло дальше неопределенных фраз, лишенных практического значения.

§ 13. УЗАКОНЕНИЯ О ТЮРЬМЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Наступлению XIX века предшествовали годы царствования Павла. Русский криминалист Таганцев, излагая историю уголовного законодательства в России, называет эти годы циклоном, пронесшимся над Россией и в особенности над его интеллектуальной жизнью¹. Но этот циклон не был первым и не был последним в XIX веке. В истории же тюремного законодательства 1797—1800 гг. не было не только урагана, но и никакого движения, ураган же был порожден стихией «высочайшего усмотрения».

В своем движении высочайший произвол захватил тысячи людей, разнося их по тюрьмам, по крепостям и в ссылку. И лишь уничтожение в 1801 году тайной экспедиции сопровождалось

¹ См. Таганцев, Русское уголовное право, 1902, т. 1, стр. 205.

возвращением свободы 482 заключенным, томившимся в заточении по приговорам этой экспедиции; кроме того, были помилованы 12 000 человек, исключенных без суда с военной и гражданской службы.

В тюремном законодательстве начала XIX века не только не был бы страшен, но даже был бы желателен ураган, такой ураган, который снес бы все тюремное законодательство и уже развалившиеся от ветхости столетние тюремные остроги. Такого урагана не последовало. Только в 1817—1819 гг., как мы увидим ниже, были сделаны попытки тюремной реформы. До этого же времени был издан ряд указов, большая часть которых относилась к определению источников покрытия расходов по тюремной части¹.

¹ Было определено, из каких сумм пользоваться больных арестантов, — 31 августа 1804 г., № 21436, и 27 июля 1808 г., № 23280; повелено указом № 22730 от 30 декабря 1807 г. отпускать суммы на содержание детей арестантов; продовольствовать пойманных дезертиров, бродяг и беглых провиантом — 21 января 1809 г., № 23455; предписан порядок прокормления арестантов, содержащихся в петербургской тюрьме и полиции, — 4 мая 1810 г., № 24216; повелено прибавить денег на содержание заключенных в губерниях Петербургской, Лифляндской и Курляндской — 3 января 1814 г., № 25511; назначено по 20 коп. в сутки подсудимым по военным судам, оставшим и выключенным из военного ведомства чинам — 10 апреля 1814 г., № 25562; указан порядок содержания арестантов для уменьшения казенных расходов — 5 октября 1816 г., № 26450; велено отпускать добавочные деньги на содержание арестантов — 7 июля 1817 г., № 26910; прибавлено «кормовых денег» арестантам в Архангельске — 19 января 1819 г., № 27918; окончательно разрешен вопрос, что все заключенные должны содержаться на счет казны, — 28 декабря 1819 г. № 28040; сделано распоряжение о снабжении препровождаемых из одного места в другое арестантов нужною по времени года одеждою и обувью — 21 января 1820 г., № 28108; устроены особые богадельни для призрения преступников за старостью, слабостью или увечьем — 8 марта 1820 г., № 28190; назначены суммы на отопление и освещение тюрем в уездных городах Петербургской губернии — 6 июня 1821 г., № 28702; воспрещено начальникам арестантов употреблять их на свои работы — 25 июля 1821 г., № 28917; назначены прибавочные деньги на содержание арестантов по губерниям Херсонской, Витебской и Минской — 21 января 1822 г., № 28817; определен порядок хранения и употребления денег, жертвуемых для арестантов, — 26 февраля 1822 г., № 28944; облегчены цепи и ограничено их употребление для заключенных — 20 марта 1822 г., № 28984; детям арестантов повелено производить половину количества содержания, назначенного для взрослых заключенных, — 28 мая 1822 г., № 29046; определено, что кредиторы должны в Петербурге платить по 25 коп. в сутки на содержание должников, и если в течение недели они денег не внесут, то освобождать из тюрьмы их должников, — 26 октября 1822 г., № 29207; об отоплении и освещении тюрем из городских и земских сумм — 30 мая 1825 г.; предшествовавший указ о неоплатных должниках повелено распространить на московскую губернию — 30 сентября 1825 г., № 30515; назначены кормовые деньги чиновникам, содержащимся под стражей, — 30 октября 1825 г., № 30536. См.

Удивительно, что и законодательство первой четверти XIX века не поднимается до уровня понимания тюремного дела как общеимперского. По-прежнему издаются указы, относящиеся очень часто лишь к тому или другому месту лишения свободы. Можно привести много примеров таких указов. Так, в 1810 году был указан порядок прокормления арестантов в тюрьме и в полиции Петербурга, — как будто в этом же не было нужды и в других городах! В 1814 году прибавлено денег на содержание арестантов в Петербургской, Лифляндской и Курляндской губерниях, в 1819 году — в Архангельской губернии. В 1822 году такое увеличение денег распространено еще на три губернии. На этом улучшение содержания арестантов прерывается, как будто в нем не было нужды во всех губерниях России. Также и вопросы отопления тюрем урегулированы законом 1821 года только по уездным городам Петербургской губернии.

Более общий характер носили узаконения 1804 года о расходах на лечение арестантов, 1807 года — на содержание детей арестантов, 1819 года — о содержании арестантов за счет казны и др. Эти узаконения вносили некоторую определенность и улучшение в финансовую сторону тюремного дела. Однако эти узаконения не были крупными и не изменяли сколько-нибудь значительно общего положения тюрем в России.

§ 14. „ПОПЕЧИТЕЛЬНОЕ О ТЮРЬМАХ ОБЩЕСТВО“

1818—1819 годы занимают особое место в истории русской тюрьмы, так как в эти годы произошел заметный сдвиг в тюремной политике руководящих правительственных кругов. Это было тесно связано с тогдашними настроениями в русском обществе. Война с Наполеоном, походы за границу, знакомство с политическими и религиозными организациями за рубежом, с одной стороны, а с другой — противоречия между содержанием строем и ростом сознания более образованных слоев русского дворянства порождали стремление их к объединению на почве общих интересов. Именно к этому времени относится образование первых ячеек будущих декабристов. В менее либеральных или даже в консервативных кругах аристократии это стремление на почве общих интересов выразилось в учреждении различных религиозных кружков, иногда мистического характера. Здесь особое

М. А. Филиппов, История и современное состояние карательных учреждений за границей и в России, СПб., 1873, стр. 51—52.

место занимали не политические идеи, а задачи нравственного самосовершенствования. Одним из средств последнего считалась благотворительность. Если она всегда проповедовалась как могущественное средство спасения души, то ранее «милостыня» была делом частным и считалась лучшей, если она творилась втайне, теперь же для представителей аристократии, объединенных в разные религиозные общества, благотворительность являлась их общим делом, одной из форм общественной деятельности.

Под таким углом зрения надо рассматривать образование в 1819 году «Попечительного о тюрьмах общества».

Еще в 1814 году Александр I очень милостиво принимал членов Британского библейского общества. Этот прием породил в членах общества надежду на расширение их деятельности также и в России. Недаром один из англичан писал: «после любезного нашего отечества — России свыше предопределено быть наибольшей благотворительницею на земле: верховные начальники с честью для себя и с пользою для других — единодушно подвизаются на служении религии». Этими верховными начальниками были, конечно, сам Александр и окружавшие его лица, в частности, министр духовных дел и просвещения князь Голицын.

В 1817 году Венинг, обладавший значительными средствами, приехал в Петербург в качестве пропагандиста идей библейского общества и связанного с ним Английского тюремного общества. Проживание в Петербурге его брата, крупного владельца промышленного предприятия, давало ему возможность завести знакомства и установить связи с высшим обществом Петербурга. Он это и сделал. В результате его доклада царю об осмотре мест заключения Петербурга (об этом осмотре и впечатлении Венинга см. в главе о состоянии общеуголовных тюрем в России) и об учреждении и в России тюремного общества по образцу английского последовало 19 июля 1819 г. разрешение на открытие в Петербурге «Попечительного о тюрьмах общества».

Проект устава общества был трижды на рассмотрении у Александра, вносившего в этот проект свои исправления. Такая высочайшая цензура не предвещала для общества особого простора деятельности. Были приняты меры для того, чтобы самый состав Попечительного о тюрьмах общества представлял надежные гарантии его деятельности. Царь брал общество под свое покровительство. Ему принадлежало право избрания и назначения президента общества. Хотя общество и получало право выбора своих членов на должности 12 директоров комитета, но и сюда вмешивалась царская воля: общество избирало на каждую из этих 12 должностей по три кандидата, а царь делал соответствующий отбор по своему усмотрению.

Первая статья устава общества определяла его задачу как нравственное исправление преступников и как «улучшение состояния заключенных за долги и по другим делам людей».

Вторая статья устава перечисляла следующих пять средств исправления: 1) ближайший и постоянный надзор над заключенными; 2) размещение их по роду преступлений или обвинений; 3) наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на оном основанной; 4) занятие их приличными упражнениями и 5) заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенное место.

Эта статья находилась в полном противоречии с установившейся тюремной практикой, которая совершенно не знала ни одного из первых четырех перечисленных средств, а вместо пятого широко пользовалась рогатками, колодками, кандалами и цепями всякого рода и веса. Но, перечисляя указанные пять средств водворения нового тюремного режима, высочайше утвержденный устав оставлял в полной неприкосновенности весь старый режим тюрьмы со всеми его атрибутами. Поэтому неудивительно, что создавалось совершенно нелепое положение: нравственное воздействие должно было оказываться на людей, сидевших в тюрьме на шейных цепях, вделанных в тюремные стены, с кандалами, колодками и рогатками.

В полной неприкосновенности оставался и распорядок тюремного дня или, вернее, беспорядок тюремного режима, так как общей тюремной инструкции в то время не существовало, она не была издана вплоть до 26 мая 1831 г.

Для размещения заключенных по какому бы то ни было принципу и для занятия их «приличными упражнениями» нужны были соответствующие материальные условия и прежде всего наличие свободной площади в тюремных зданиях. Этих условий не было, и для создания их правительство ничего не предпринимало. Вновь учрежденному обществу приходилось по собственному почину и на собственные средства создавать эти материальные условия. Это могло быть осуществлено лишь кое-где и далеко не всегда.

Наиболее важным в уставе было разрешение членам комитета общества посещать места заключения во всякое время. Это открывало возможность личного ознакомления членов комитета с состоянием тюрем, и они могли увидеть совершенно новые для них картины тюремного быта. Картины же тюремной жизни не могли их не поразить.

В полном согласии с задачами библейского общества устав «Попечительного о тюрьмах общества» подробно останавливался на религиозном воздействии на заключенных. Предписывалось

вводить церковные службы, проводить воскресные и праздничные дни «в благочестивых чтениях, беседах и молитве». Впервые правительство говорило о тюремных библиотеках в этих общих местах заключения, но ограничивало подбор книг лишь книгами священного писания и духовного содержания».

Был установлен специальный параграф о запрещении употребления в тюрьме спиртных напитков; рекомендовалось на видных местах прибавить в тюрьмах «печатные правила», воспрещающие употребление таких напитков.

Таков был в основных чертах устав о деятельности первого в России тюремного общества. Первыми членами общества были лица, лишь лично знакомые министру духовных дел князю Голицыну, в числе 30 человек. Общество начало свою деятельность 11 октября 1819 г.

Первоначальный состав членов общества включал представителей родовой аристократии. Здесь было восемь человек титулованных, но вместе с тем сюда же вошли также митрополит, архиепископ и пастор. Среди членов общества оказались и оба брата Вениги. В дальнейшем число членов общества значительно увеличилось, но, представители высшей аристократии по-прежнему занимали в нем преобладающее место.

Состав общества определял характер его деятельности. Преобладающее значение было отведено религиозной пропаганде, как это и было предусмотрено самим уставом общества. Эта черта в деятельности общества старательно подчеркивалась в ежегодных печатных отчетах, начиная с первого отчета за 1819 год.

Я не буду приводить больших подробностей о религиозно-просветительной работе нового общества в тюрьмах и ограничусь приведением нескольких примеров. Они ярко обрисовывают настроение «пионеров» тюремного патроната и показывают, на какую «работу» в тюрьме они затрачивали часть своей энергии и своего времени. С другой стороны, эти примеры показывают, что сами заключенные прекрасно учли основной характер деятельности общества и использовали это в своих выгодах.

Наиболее яркий пример дан на страницах отчета общества за 1827 год. Он имел место в орловском тюремном замке. Здесь содержался среди пересыльных каменец-подольский житель нехристианского вероисповедания. По словам отчета, он находился в тюремной больнице «в безнадежном к жизни положении». Члены общества взяли его в обработку, под влиянием которой он пожелал обратиться в православие. Соответствующее место из отчета с повествованием об этом обращении в истинную веру и о чудесных последствиях этого так характерно, что стоит привести его дословно. Он «уверовал в Иисуса Христа и, по науче-

нию протоиереем Сахаровым догматам православной грекороссийской веры, принял святое крещение. Силы веры и действие благодати божией явным образом ознаменовались на нем. Был отчаянно болен горячкою, и имея на себе во многих местах раны, он пожелал тем более погрузиться в таинственную воду крещения и, исшед из купели, в то же почти мгновение почувствовал облегчение и исцелел»¹.

Последствия удачной религиозной пропаганды должны были влить в членов общества новые силы. «Чудесно» же исцеленный, ставший сыном господствующей православной церкви, а вместе с тем и рекламой для Попечительного о тюрьмах общества должен был «по заслугам» получить вместе со «спасением души» и здоровья также и свободу, так как оставаться далее в тюрьме ему было не совсем удобно.

О работе членов общества по «погружению в таинственную воду крещения» заключенных отмечалось и в других отчетах. При этом крестили не только некрещеных, но, как указано в отчете за 1822 год, и крестьянку 20 лет, не знавшую, была ли она крещена. В отчете сообщалось о числе арестантов, бывших на исповеди и удостоившихся «причастия святых тайн». (Обычай сообщать эту статистику ввел первый же отчет общества за 1819 год.) Очень интересно, что этот отчет одновременно вел учет исповедей, причастий и наказаний кнутом. Он так и сообщал: «240 человек арестантов разного пола исповедались и причастились в градской тюрьме; 36 человек, наказанные кнутом, также сего удостоились».

«Попечительное о тюрьмах общество», состоявшее под покровительством императора, было тесно связано с правительственными кругами. Хотя оно и было частным, но по своему составу носило в действительности официальный характер. Это сказывалось также и в его печатных отчетах. Вот в каких выражениях отчет за 1824 год описал посещение царем вновь выстроенного в Вологде губернского тюремного замка: «Узники, находившиеся в сии благоденственные минуты в остроге, от радости забывали горечь свою, наслаждаясь лицезрением кроткого и милосердного монарха»².

Я говорил, что открытие деятельности «Попечительного о тюрьмах общества» дало новое направление тюремной политике. Новшество выразилось не только в религиозной пропаганде среди заключенных. С этого же времени общественная инициатива делает попытки улучшения положения арестантов. Шаги, которые

¹ «Отчет Попечительного о тюрьмах общества за 1827 г.», стр. 59.

² «Отчет Попечительного о тюрьмах общества за 1824 г.», стр. 51—52.

были предприняты в этом направлении в столичных и провинциальных тюрьмах, несли для заключенных необходимую им для физического их существования пищу. Они же приводили в отдельных местах к улучшению тюремных помещений, к попыткам размещения арестантов по преступлениям, к организации в некоторых местах занятий трудом, к попыткам обучения арестантов грамоте (в том числе по совершенно непонятным причинам — немецкому языку).

Вместе с тем «Попечительное о тюрьмах общество» делало первые шаги по введению всего того, что позднее дало содержание так называемой тюремной дисциплине. Устанавливались определенные дни и часы для посещения заключенных их родственниками, вводились часы занятия работой, часы отдыха и пр. Одним словом, закладывалось основание всему тому, чему было суждено развиваться в регламентацию до мельчайших подробностей всего уклада арестантской жизни. Для введения разнообразнейших ограничений и прямых стеснений не требовалось особых материальных затрат, а потому развитие «тюремного режима» должно было пойти более быстрыми темпами, чем улучшение материальных условий существования арестантов царской тюрьмы XIX века.

Департамент полиции исполнительной министерства внутренних дел не мог не признавать, что дело улучшения тюремных помещений движется вперед очень медленно. В свое оправдание он выдвигал начатое в тюрьмах религиозное воздействие на арестантов и писал: «Благотворительное правительство, отнимая у злых способы к совершению злодеяний, удаляя порочных из общества добрых, лишая свободного наслаждения дневным светом, озаряет их, во мраке темницы, светом христовой любви»¹.

Нет никакого сомнения, что заключенные предпочли бы «свету христовой любви, озаряющему их», хотя бы немного солнечного света в их темницах. Но и само «Попечительное о тюрьмах общество» подчеркивало «свет христов учения» там, куда его члены захаживали светить этим светом только на короткое время и где постоянно проводили долгие годы заключенные. В отчете за 1821 год было сказано о заключенных: «все они, без различия, смешаны в сей темнице, где, по недостатку места и света, нельзя даже вести никакой другой работы, кроме делания корпии и развития канатов на паклю...», но «несмотря ни на какие неудобства, слово божие сеется и в сем месте заключения»². В этих словах отчета выявляется не столько тяжесть положения

¹ Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, СПб., 1862, ч. II, кн. 2, стр. 215.

² «Отчет Попечительного о тюрьмах общества за 1821 г.», стр. 10.

заключенных, сколько заслуга членов общества, сеющих слово божие в условиях, столь непривычных для этих аристократов-сеятелей, забавлявшихся игрой в благотворительность.

§ 15. ОБЩИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПЛАН ТЮРЕМ 1821 ГОДА

Впервые общий проект о плане устройства тюрем по всей империи был утвержден лишь 25 апреля 1821 г., когда министерство внутренних дел представило царю соответствующую записку об устройстве уездных тюремных зданий. Этот проект относился к устройству тюремных помещений в уездных городах. Министерство при выработке единого плана тюремных зданий по уездам руководствовалось планом губернских тюрем, по которому строились тогда тюремные замки в Харькове и Нижнем-Новгороде. Тюремные здания должны были быть каменные или деревянные на каменном фундаменте с железными крышами, «приспособленные к человеколюбивым правилам», с разделением арестантов по полу и преступлениям.

Конечно, грандиозный план тюремного строительства по городам империи не был и не мог быть осуществлен. Он не осуществился не только по той простой причине, что на такое строительство совсем не было денежных средств, но и потому, что содержал ошибки и несообразности. Требуя устройства по всем городам тюрем одного и того же размера, этот закон совсем не считался с очень большим различием населенности уездных городов и потребности в количестве арестантских мест в тюремных замках и острогах. Вот почему, прежде чем было начато строительство тюремных зданий, «приспособленных к человеколюбивым правилам», правительство уже било отбой. В 1823 году было решено строить тюрьмы по указанному плану лишь в городах с большим числом арестантов. Что же касается всей остальной арестантской массы, то для нее отказались строить здания, «приспособленные к человеколюбивым правилам», и было решено оставлять их в помещениях при присутственных местах, где таковые присутственные места уже имелись, а где предполагалось их строить вновь, там отводить помещения и для арестантов. Ниже, из главы, содержащей описание состояния общеуголовных тюрем, мы увидим, что арестантские помещения при присутственных местах были едва ли не самыми худшими тюрьмами. Из той же главы мы увидим, что и устройство тюрем в больших городах со значительным числом арестантов за редкими исключениями фактически не было осуществлено.

§ 16. ТЮРЕМНЫЕ ИНСТРУКЦИИ

В течение первых полутора десятков лет XIX века внутренний распорядок общеуголовной тюрьмы оставался почти не регламентированным. Наиболее значительной попыткой определения прав и обязанностей тюремной администрации является Положение о должности смотрителя тюремного замка в Москве и о должности караульного офицера в тюремном замке. Нам неизвестно с точностью время издания этого Положения (по-видимому, 1804 год)¹, но сведения о нем, как и об устройстве тюремного замка в Москве и острога в Калуге, стали известными более широко лишь в конце 1817 года. Александр I указом от 13 декабря 1817 г. управляющему министерством полиции предложил «поставить в пример для всех губерний найденные им устройство и порядок в острогах Москвы и Калуги».

Названное нами Положение относится, впрочем, только к тюремному замку в Москве. Тюремная администрация здесь была очень немногочисленна. Она возглавлялась квартальным полицейским поручиком, при котором состояло всего-навсего четверо полицейских унтер-офицеров и один рядовой. Кроме того, при тюрьме были свой церковный причт и свои же собственные заплечный мастер и лекарь. Такой незначительный штат мог справляться с 350—400 арестантами замка только потому, что все внутреннее и внешнее окарауливание лежало на военной команде с караульным офицером во главе. Положение определяет обязанности смотрителя в 27 статьях и офицера — в 22 статьях и пытается разграничить их между собой. Это ему не вполне удается. Но во всяком случае Положение представляет для нас интерес как одна из первых попыток установления тюремного режима. Ознакомимся с основными чертами этого режима.

На смотрителе лежало общее руководство тюремным замком. Являясь полицейским чином, он непосредственно подчинялся московскому обер-полицеймейстеру, которому и представлял ежедневные рапорты о численности арестантов и о событиях за истекшие сутки. Он отвечал за поддержание порядка, тишины, чистоты, а также за недопущение побегов. Он распределял заключенных по званиям, по преступлениям, по полу.

Особенно подчеркиваются требования, чтобы не происходило смешения заключенных разных состояний. Этот классовый момент упомянут в статье на первом месте.

¹ Именно этот 1804 год указан в бумаге московского губернатора в архивном деле № 277 ЦГИА в Ленинграде по именному указу 1817 года о лучшем устройстве тюремных острогов.

Такое выделение в особые камеры благородных и вообще лиц привилегированных сословий облегчало тюремной администрации проведение во всем режиме тюрьмы различий чисто классового характера. Примером таких различий являются даже меры дисциплинарного воздействия.

Инструкция предписывает смотрителю замка удерживать заключенных от нарушения дисциплины «кроткими средствами, как-то: благородных сажать в уединенные покои, а разночинцев употреблять в работу по замку и вне очереди для чищения нечистоты и проч. или давая умеренную пищу, хлеб да воду только».

Весьма условным является наименование «кроткими средствами» перечисленных мер в виде ограничения пищи хлебом и водою, назначения на грязные работы по очистке нечистот, но все это предназначено было лишь для «неблагородных».

В числе дисциплинарных мер употреблялись также и телесные наказания. Эта мера, не подходящая под группу «кротких средств», применялась также только к неблагородным. Назначение ее зависело от обер-полицеймейстера, назначение же других перечисленных выше наказаний зависело от усмотрения самого смотрителя.

Прием арестантов в тюремный замок обуславливался представлением соответствующего приказа. Такие же приказы требовались и для вызова арестантов к судебным властям. Статья 20 инструкции выявляет вместе с тем любопытные бытовые особенности тюрьмы первых двух десятилетий XIX века: конвоирам, сопровождавшим арестантов в присутственные места, предписывалось наблюдать, чтобы эти арестанты не просили по дороге милостыни, не останавливались для этого под окнами домов, не заходили в публичные места.

Инструкция смотрителю содержала очень много статей, относящихся к распорядку для заключенных. Предписывалось занимать их трудом, например, шипать перья, толочь сандал и др. (конечно, только непривилегированных арестантов). Особенно рекомендовалось занимать заключенных работой осенью и весной, когда они не посылались на публичные работы.

Запрещалось давать заключенным бумагу, перья и чернила.

Инструкция упорядочивала свидания заключенных, запрещая передачу недозволенных предметов, тайные разговоры и пр. Вместе с тем запрещалась непосредственная передача из рук в руки съестных продуктов и писем. Вообще устанавливался контроль смотрителя за перепиской заключенных.

Библиотек в то время в тюрьмах не существовало, но инструкция упоминает возможность чтения религиозных книг. Не один раз упоминается о посещении арестантами церковной

службы. Не совсем доверяя религиозному настроению арестантов, инструкция предписывает смотрителю следить, чтобы во время церковной службы не было со стороны арестантов никаких «непристойностей».

Одна из статей содержит также любопытные указания на тюрьму того времени. Оказывается, что некоторые заключенные (очевидно, более состоятельные) устраивали вокруг своих тюремных коек занавески. Инструкция это воспретила.

По непонятным причинам прогулки на тюремном дворе были запрещены осужденным арестантам, но дозволены прочим.

Выборный староста в каждой тюремной камере являлся ближайшим помощником смотрителя по наблюдению за порядком и чистотой. Чистота воздуха, между прочим, достигалась оригинальным способом — посредством сжигания кустов можжевельника. Статья так и предписывала «для уничтожения зловония» курить можжевельник, дым которого заглушал на время тюремное зловоние.

Смотритель тюрьмы являлся вместе с тем ответственным за правильное ведение отчетности, за надлежащее питание арестантов, за своевременный перевод заболевших в больницу.

Обязанности смотрителя были очень широки, и при отсутствии у него штата помощников они не могли быть исправно выполняемы.

В некоторых отношениях обязанности смотрителя были сходны с обязанностями офицера конвойной стражи. Особая инструкция возлагала на этого офицера заботы по окарауливанию арестантов. Осуществляя эту главную обязанность, офицер, кроме того, выполнял работу и по сохранению порядка внутри тюрьмы, как и сам смотритель тюрьмы. Так, например, он следил за тем, чтобы в тюремном замке не было шума и драк, игр в карты, собраний. Он расставлял по замку часовых.

И этому начальнику над арестантами преподаются правила «человеколюбия»: «с заключенными арестантами обхождение иметь строгое, однако же никогда не отступать от правил человеколюбия и обходиться без злобы, мщения и насилия». Однако состояние всего уголовного законодательства того времени настолько находилось в противоречии с человеколюбием, что эти предписания не могли иметь практического значения.

В инструкции караульному офицеру повторяются уже известные нам из инструкции смотрителю запрещения арестантам просить милостыню, заходить в распивочные заведения и многое другое.

Хотя офицер и обязывался не вмешиваться в распоряжения смотрителя по наблюдению за внутренним порядком, но точного

разграничения между ними обязанностей не было произведено, и это давало повод к их столкновениям.

Изложенные нами инструкции смотрителю и караульному офицеру не имели общего характера и относились лишь к определенным местам заключения одного города.

Несмотря на очевидную нужду в общей инструкции для всех тюрем, у центральной администрации еще не возникала мысль о выработке такой инструкции. Местные тюремные власти продолжали обходиться без инструкций или, как это произошло в Петербурге в 1819 году, вырабатывали специально для себя местные инструкции.

Петербургский губернский прокурор указывал на полное отсутствие правил внутреннего распорядка в тюрьме. При посещении «градской тюрьмы» он находил здесь пьянство и воровство из кружек, предназначенных для собирания милостыни, тюрьма была заполнена посетителями, навещавшими заключенных. Он составил проект инструкции, утвержденный военным губернатором.

В инструкции всего 15 статей, и сама она разработана кратко и поверхностно, не затрагивает многих сторон тюремной жизни. С этой точки зрения она менее удовлетворительна, чем московские инструкции 1804 года. В ней устанавливаются правила о свиданиях в тюрьме, об очередных дежурствах при тюремной больнице, об обысках при приеме арестантов, о порядке принесения жалоб.

О внутреннем распорядке в тюрьме эти правила ничего не говорят, ограничиваясь требованием, чтобы старосты собирали заключенных своей камеры на утреннюю и вечернюю молитвы и чтобы после утренней молитвы раздавали арестантам кормовые деньги на сутки; запрещалось курение в опасных местах; требовалась постановка наиболее надежных караульных при «татебном номере», т. е. при камере, где содержались воры; предписывалось убирать на ночь кружки для сбора подаваний и пр.¹

Эти правила были настолько просты и элементарны, что отнюдь не разрешали задачи о выработке тюремного распорядка. Нужда в правилах ощущалась по-прежнему, и лишь 14 марта 1828 г. было утверждено мнение комитета министров о составлении проекта тюремной инструкции смотрителям. Составление

¹ ЦГИА в Ленинграде, 1817 г. Дело № 277 — «О лучшем устройстве тюремных острогов и о соблюдении в оных чистоты и опрятности». Здесь помещены правила 1817 года, а инструкция 1819 года помещена в том же архиве в деле № 84 — «По рапорту петербургского прокурора о беспорядках в городской тюрьме и о сочинении инструкции для смотрителя».

такого проекта было поручено чиновнику Брусилову. Составленный им проект был переслан на рассмотрение «Попечительного о тюрьмах общества». Только 26 мая 1831 г. комитет министров принял к сведению сообщение министра внутренних дел о новой тюремной инструкции. Так как она на долгое время определила правила тюремного распорядка, то ознакомимся с ее содержанием подробнее.

Наименование двенадцати ее глав такое:

- I глава. Порядок при приеме людей в тюремный замок.
- II глава. Об имуществе принятых арестантов в тюремный замок.
- III глава. О содержании арестантов в тюремном замке.
- IV глава. О благочинии. Об опрятности.
- V глава. Об упражнении арестантов в тюремном замке; общие обязанности.
- VI глава. О препровождении арестантов в присутственные места по требованию оных.
- VII глава. О топчении печей.
- VIII глава. О освещении тюремного замка.
- IX глава. О посетителях.
- X глава. О церкви. 1) Попечение о церкви. 2) О должности священника.
- XI глава. О больнице. 1) Общие определения. 2) Прием больных. 3) Лечение и содержание больных. 4) Выпуск выздоровевших. 5) Инструкция по разным должностям при больнице; о должности врача; о пище.
- XII глава. О смотрителе. 1) О должности смотрителя. 2) О должностях арестантах. 3) Занятия по состоянию пола и возраста. 4) Наряд упражнений.

В архивном деле, кроме рукописного экземпляра инструкции, имеется также и печатный экземпляр в виде небольшой брошюры.

Приведенный выше перечень двенадцати глав инструкции говорит о том, что она охватывает разные стороны тюремной жизни. Здесь предусмотрены условия приема арестантов, хранение их имущества, доставка их в присутственные места, перевод в больницу, занятие трудом и пр.

Скажем о содержании некоторых статей из этих двенадцати глав.

Условия приема арестантов в места заключения разработаны с большей подробностью, чем в более ранних инструкциях. Двенадцать статей этой главы предусматривают прием арестантов в течение круглых суток, днем и ночью. Сравнительно с предшествующими правилами приема эти правила вводят новшества, не получившие практически своего осуществления до конца существования царской власти. Это новшество состояло в требовании медицинского осмотра доставленного арестанта и помещения его в зависимости от результатов осмотра в тюрьму или тюремную больницу.

Вторая глава (ст.ст. 13—31) определяет порядок приема арестантского имущества и его хранения. Это было тем более необходимо, что инструкция исходила из предположения о переодевании арестантов в казенную одежду, что также не осуществлялось и много лет спустя, несмотря на всю грязь и лохмотья белья и платья большей части вновь прибывших заключенных.

Глава третья (ст.ст. 32—50) повторяет требования, известные нам из предшествующих инструкций, не смешивать «чиновников и разночинцев с чернью». Здесь лишь употреблены другие термины: вместо «благородных» фигурируют «чиновники и разночинцы», которые противопоставляются «черни». Предписывается при размещении распределять заключенных по преступлениям и по полу, отделяя несовершеннолетних.

Все эти требования размещения арестантов отдельно по преступлениям и по полу, с выделением несовершеннолетних, оставались невыполненными не только в те годы, когда инструкция писалась, но и много лет спустя. С большой точностью исполнялось лишь правило о выделении привилегированных арестантов.

В этой же главе преподавались правила поведения заключенных: запрещались «всякого рода резвости», запрещалось «укорять друг друга, произносить проклятие и божьбу», «своевольство, ссоры, брань, разговоры соблазнительные, песни, хохот и тому подобные поступки», курение табаку, запрещались музыкальные инструменты, шашки, кости, карты, повторялся хорошо известный тюремной администрации давний запрет давать арестантам принадлежности для письма.

В этой же главе упомянуты в качестве необходимой принадлежности тюрьмы того времени «запечные мастера», т. е. палачи. В целях их безопасности — для ограждения их от убийства и насилия над ними — им отводилось особое помещение.

Регламентация всего тюремного распорядка столько же подробна, сколько смешна: все предусмотрено, все предписано, не забыто требование, чтобы арестанты, встав ото сна, умывались и причесывались, но при этом «забыто», что тюрьмы не были снабжены самыми простыми умывальниками и водой в достаточном количестве. Такой же нежизненный характер имели статьи о перемене белья, о мытье в банях, о чистоте и гигиене. Эти статьи были плодом канцелярского творчества и оставались только на бумаге, не уничтожая тюремной грязи и острого хаоса.

О занятиях заключенных трудом говорится мало, больше говорится о церковных службах. Подробно написано о

почти нигде не существовавших тюремных больницах (ст. ст. 161—204).

В качестве общего вывода отметим, что инструкция 1828—1831 гг. в некоторых ее частях очень напоминает екатерининский проект тюремного устава. В ней много такого, что не могли и не хотели осуществить¹.

Изложенная нами инструкция была первым шагом в сторону создания общетюремного кодекса. По объему своего содержания эта инструкция, конечно, далеко не охватывала всех сторон тюремного дела. Это вполне сознавали и составители Свода законов 1832 года, включившие инструкцию 1828 года лишь в виде приложения к одной из статей выработанного ими «Устава о содержащихся под стражей» (т. XIV Свода законов).

Остальное тюремное законодательство рассматриваемого нами периода состояло из разрозненных и не связанных между собой общей идеей указов, относившихся нередко лишь к отдельным местам заключения. Этим объясняется тот факт, что когда перед составителями Свода законов встала задача сделать сводку законоположений для «Устава о содержащихся под стражей», то в их распоряжении оказались лишь очень разрозненные материалы. Поэтому «Устав о содержащихся под стражей» является не столько сводом предшествующих законоположений, сколько плодом творческой их переработки. Его нельзя рассматривать как итог предшествующей вековой законодательной работы. Он — скорее программа для развития будущего тюремного законодательства, чем подведение итогов пройденного пути. Поэтому и я отвожу ему место не в этом томе моего исследования.

§ 17. ПРИМЕНЕНИЕ ТЮРЬМЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В нашем очерке тюремного законодательства следует сказать о роли тюрьмы по Соборному уложению 1649 года и по Воинскому уставу Петра I. Эти законодательные памятники продолжали оставаться действующими кодексами вплоть до издания Свода законов 1832 года. Хотя оба кодекса и оставались в силе не только во второй половине XVIII века, но и в течение первой трети XIX века, но нельзя на основании их составить себе правильное представление о действительной роли тюрьмы, начиная

¹ ЦГИА в Ленинграде. Дело № 356. Департамент полиции исполнительной 1828—1834 гг.

от эпохи Екатерины и кончая временем Александра I. Роль лишения свободы как наказания за различные преступления, предусмотренные Уложением 1649 года и Воинским уставом, была совершенно ничтожна. При этом истекшие годы внесли и в эти немногие статьи с санкцией лишения свободы глубокие изменения. С одной стороны, изменился взгляд на заключение в тюрьму как на какое-то малопригодное наказание, не отвечающее целям устрашения. С другой стороны, наряду с устрашающей ролью репрессии начали выдвигать и задачу исправления преступника. Поэтому нет никакой надобности подробно останавливаться на отношении к тюрьме обоих названных кодексов. Поскольку статьи Уложения, а тем более Воинского устава с санкциями лишения свободы потеряли свою силу уже к началу второй половины XVIII века, они для нас интересны лишь как уже отжившее прошлое. С этим отжившим прошлым интересующая нас эпоха была связана слабо и мало. Например, Уложение назначало за первую кражу отрезание левого уха, битье кнутом, заключение в тюрьму на два года с посылкою оттуда на работы в цепях, а после двух лет такого заточения — ссылку в окраинные города (гл. 21, ст. 9). Такое же наказание с отрезанием правого уха и увеличением срока заключения до четырех лет назначалось за вторую кражу (ст. 10). Мошенники подлежали наказанию как за первую кражу. Таким образом, за кражи и мошенничества к осужденным применялись увечные наказания в виде отрезания уха, телесное наказание, принудительный труд, тюрьма и ссылка. Такого обилия наказаний к одному и тому же преступнику за одно и то же преступление уголовная политика второй половины XVIII века не могла допустить, — это было бы слишком большой «расточительностью» и совсем не по средствам для того времени.

Отмерли те статьи Уложения с угрозою тюрьмою, которые определяли это наказание за нарушение закона о местничестве, за появление на государевом дворе с «пищалями или с луком» (ст. 7 гл. 3 определяла за это «вкнутить в тюрьму на неделю и батоги»), за бесчестие на том же дворе в присутствии государя (ст. 1 гл. 3 назначала за это две недели тюрьмы), за удар на государевом дворе, за удар с кровоизлиянием, за обнажение оружия на государевом дворе и пр.

По вычислениям Сергеевского, в Уложении 1649 года было более сорока статей, которые грозили преступникам тюрьмою большею частью в соединении с наказанием кнутом или батогами. Тюремное заключение соединялось также с увечными наказаниями и ссылкой. По исследованиям того же автора тюрьма сроком от одного дня до четырех лет назначалась

за самые разнообразные преступления. Сюда входили: «нарушение благочиния в церкви и на государевом дворе, многие проступки по службе, оскорбление чести, угрозы, сопротивление власти и преступные деяния против порядка управления, повреждение границ, подлоги, татьба, разбой, укрывательство вещей, добытых преступлением, чадоубийство (т. е. убийство родителями своих законных детей), убийство неумышленное, побои, увечье, кормчество». Тюрьма назначалась также за работу в воскресные дни, за непринятие мер предосторожности против пожара. Этот перечень — не исчерпывающий. Назначалась тюрьма (но большей частью на неопределенный срок и впредь до государева указа) и за религиозные и государственные преступления¹.

Широкий круг преступных деяний, допускавших тюремное заключение по Уложению 1649 года, отнюдь не говорит, что у законодателя был какой-нибудь определенный взгляд на это наказание, а соединение его с другими наказаниями только подтверждает расплывчатость этого взгляда.

Если Уложение 1649 года назначало тюрьму большей частью в соединении с другими наказаниями, то эти добавочные наказания нередко имели в глазах законодателя преимущественное значение. И в общей системе наказаний преобладающая роль принадлежала не тюрьме, а смертной казни, увечьям и болевым телесным наказаниям.

Военно-уголовное законодательство Петра I включало лишение свободы в систему карательных мер еще реже, чем Уложение 1649 года.

Савинков в своем исследовании «Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства» дал две очень наглядные таблицы. Одна из них выявляет во всей полноте характер уголовной репрессии по Военному уставу по каждой из 24 глав кодекса. Другая таблица дает те же сведения, но перечисляет наказания с меньшей подробностью, объединяя их в несколько групп².

Для того чтобы показать, какая ничтожная роль отводилась наказанию лишением свободы, я приведу конечные итоги второй из названных таблиц, не останавливаясь на воспроизведении мер репрессии по отдельным главам.

¹ См. Н. Д. Сергеевский, Наказание в русском праве XVII века, СПб., 1887, стр. 174.

² См. В. Савинков, Краткий обзор исторического развития военно-уголовного законодательства, СПб., 1869.

ТАБЛИЦА,
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ЧИСЛО СЛУЧАЕВ НАЗНАЧЕНИЯ
РАЗЛИЧНЫХ НАКАЗАНИЙ ПО ВОИНСКОМУ УСТАВУ ПЕТРА I

Смертная казнь	Легкие нарушения чести
а) расстрел 7	а) лишение чина 24
б) казнь мечом 11	б) „отсылка из полка без паса“ . . 6
в) виселица 25	
г) колесование 6	Обыкновенные телесные наказания
д) четвертование 8	а) ношение оружия (мушкета, седла) 4
е) сожжение 4	б) заключение 6
	в) заковывание в железо . . . 7
Тяжелое нарушение чести	Имущественные наказания
а) прибивание фамилии к виселице 8	а) конфискация 29
б) перелом шпаги палачом . . 18	б) вычет из жалования . . . 5
	в) штраф 21
Тяжелые телесные наказания	Испрашивание прощения 7
а) тяжелые заключения 8	Церковное покаяние 6
б) шпирутены 40	
в) кнут 1	
г) обрезание ушей 2	
д) отсечение руки или пальцев . 7	
е) каторга вечно 7	
ж) каторга на время 2	

Из этой таблицы видно, что наказание лишением свободы назначалось в виде бессрочных и срочных каторжных работ в девяти случаях, в форме тяжелого заключения — в восьми случаях и в виде обыкновенного — в шести случаях. Упоминаемое в артикулах заковывание в железо не могло осуществляться без лишения свободы. Оно упомянуто в семи случаях. Приведенные цифры дают в итоге только 30.

Проф. Филиппов, употребивший другой метод вычисления, определил, что в воинских артикулах на 200 артикулов Военного устава пришлось 69 с безусловной угрозой смертной казнью и в 30 артикулах смертная казнь была назначена как высшее наказание наряду с другими, менее суровыми мерами репрессии¹.

¹ См. А. Филиппов, О наказаниях по законодательству Петра Великого в связи с реформой, 1891, стр. 451.

Что касается лишения свободы по Воинскому уставу, то «тяжелое заключение» соединялось с заковыванием в железо и упоминалось в отдельных статьях перед шпицрутенами, т. е. как более тяжелое наказание. В некоторых статьях такое «тяжелое заключение» было предусмотрено для рядовых как единственное наказание. Сроки заключения не были длительными и были определены, например, в полгода (ст. 151), в 14 дней (ст. 6), в одни сутки (ст. 10). Кроме «тяжелого заключения», Воинский устав назначал какое-то «сносное заключение» (ст. 152), просто «заключение» (ст. ст. 21, 34, 85), тюрьму (ст. 203), арест у «профоса», т. е. палача (ст. 11), и др. Однако закон не определял, в чем именно состоял каждый из этих видов лишения свободы. Специальных тюрем для каждого из этих видов не существовало, и только каторга была распространенным наказанием.

Приведенные цифры в достаточной степени выявляют, что Воинский устав, так же как и Уложение 1649 года, строил репрессию не на тюрьме, а на смертной казни и на телесных наказаниях.

Оба названные законодательные памятника оставались в силе до введения в действие Свода законов. Истекшие почти два столетия со времени издания Уложения 1649 года и более ста лет со времени введения в действия Воинского устава расшатывали основные устои обоих этих кодексов; время делало свое дело, и лишение свободы фактически постепенно получало все большее значение, становясь на место других видов репрессий. Итоги этого исторического процесса подвел XV том Свода законов в 1832 году.

Таким образом, в исследуемый нами период и Уложение о наказаниях 1649 года и Воинский устав 1716 года уже установили как материал для выявления объема применения тюрьмы.

Свод законов в XV томе обновил материальное уголовное законодательство, отбросив устаревшие и отмененные статьи и смягчив меры репрессии. Если «Устав о содержащихся под стражей» 1832 года открыл довольно широкое поле для творчества составителей свода, то уголовные законы XV тома (часть I) воспроизводят многое из предшествующих крупных законодательных памятников и в большей степени отражают действовавшее тогда уголовное законодательство. С этой точки зрения XV том (часть I, 1832 г.) можно рассматривать как подведение итогов законодательной работы предшествовавших лет.

Сосредоточивая наше внимание на санкциях в XV томе, мы видим очень незначительную роль тюрьмы, смирительного

и работного домов и ареста среди довольно сложной системы карательных средств.

Как известно, в XV томе (часть I) всего 765 статей, составляющих содержание первой книги «О преступлениях и наказаниях вообще». Из них ст. ст. 182—765 относятся к Особенной части. На первом месте стоят угрозы каторжными работами в соединении с кнутом или без кнута, а также наряду со смертной казнью как замена ее. Около 60 статей имеют такую санкцию. Наказание тюрьмой упомянуто только в 18 статьях и притом обычно наряду с другими легкими наказаниями. В 13 статьях упомянуты смирительный и работный дома, в пяти статьях — полицейский арест и в таком же числе статей — арестантские роты. Иногда статьи совсем не говорят о наказаниях, ограничиваясь определением состава преступления или предоставляя назначение наказания суду (например, ст. ст. 306, 335 и др.).

При выборе наказания между тюрьмой и телесным наказанием XV том отдавал дань уголовной политике более раннего периода и предпочитал кнут, плети, шпицрутены и т. д. тюрьме. Это видно уже из одного перечня орудий телесного наказания в ст. 25: «Телесные наказания имеют следующие виды: 1) наказание кнутом, 2) наказание плетью, 3) наказание шпицрутенами, 4) наказание, производимое плеткой по одежде, также веревкою, хлыстом, палкою и розгами или лозами».

Даже и тогда, когда та или другая статья назначает тюрьму, она предоставляет суду возможность выбора между нею и телесным наказанием или штрафом и другими наказаниями. Так, например, тюрьма, телесное наказание и вычет из жалования назначаются за «богохуление по легкомыслию» (наказание в остальных случаях — каторга и кнут).

Из других преступлений, караемых тюрьмой, в Своде законов указаны нарушение благочиния в церкви, оскорбление чиновника словами, неосторожная порча указов, ослушание начальства и дерзость, неосторожное убийство, легкие раны, клевета, тяжкая обида, связь неженатого с незамужней и некоторые другие.

Смирительный и работный дома перешли в XV том как наказание за воровство и порочное поведение. За помещиками закреплено право отправлять своих крепостных в названные дома без суда. Подтверждено, что за мелкие кражи наказание лиц, не изъятых от телесных наказаний, производится полицией. За кражи на сумму от 20 до 100 руб. полиция наказывает виновных плетью. Городские обыватели, мещане,

купцы и дворяне подлежат наказанию за кражу лишь по суду (ст. 696).

Вообще классовое неравенство, отмеченное нами в предшествующем изложении, в полной мере отразилось и в XV томе. До каких пределов оно доходило, можно видеть из статьи 549: заводчик за утайку металла в горном деле подлежал лишению завода, а его приказчик за это же — каторжным работам.

Раздел об имущественных преступлениях (а именно, статьи о воровстве) воспроизводит постановления о смирительном и работном домах, определяет сроки заключения в них, порядок учета рабочих дней и пр. Эти статьи здесь помещены не к месту: более подходящее для них место было бы в «Уставе о содержащихся под стражей».

Как правило, сроки лишения свободы в тюрьме не указаны, они не указаны и в Общей части этого XV тома. В тех случаях, когда срок тюремного заключения указан, он большей частью краток: от трех до 14 дней, три месяца, не «долее трех заседаний суда» и полгода. Срок заключения в смирительный дом в одном случае достиг двух лет. За кражу и мошенничество от 5 до 20 руб. не изъятые от телесного наказания отдаются в работу на разные сроки в зависимости от размера украденной суммы, например, за кражу от 5 до 10 руб. на 90 дней. При оплате же стоимости похищенного время работы сильно сокращается, например, 15 дней вместо 90 (ст. 708).

Сроки лишения свободы не указаны ни в одной из статей Общей части. Общая часть вообще не определяла ни сроков того или иного наказания, ни количества ударов тем или другим из орудий телесного наказания. Не указаны даже и максимальные сроки лишения свободы и наивысшее возможное количество ударов кнутом, плетью и др.

Номенклатура наказаний лишением свободы не была выдержана в Своде законов. В статье 16, перечисляющей в десяти пунктах различные роды наказаний, лишение свободы занимает лишь третье место с конца. Нигде в Общей части не указаны отдельные виды лишения свободы; каторга и ссылка выделены в особые пункты. Встречается упоминание лишь о смирительном и работном домах в статье 34, в которой дается перечень работ, начиная от каторжных. В Особенной же части XV тома в отдельных статьях упоминаются не только тюрьма, арест, смирительный и работный дома, но и неопределенное содержание «под крепким караулом» (ст. 757) и арест в какой-то «черной комнате» (ст. 633). Эти последние названия являются чисто случайными. Вообще же тюрьме и другим более легким видам лишения свободы как мерам репрессии Свод законов отвел очень скром-

ную роль. Такая скромная роль уже известна нам из предшествующего изложения истории тюремного законодательства. Напоминаем, что рассмотренные нами постановления «Устава благочиния» расширяли применение лишения свободы как меры полицейского воздействия и как средства воспрепятствования уклонению от следствия и суда. Несмотря на это, никакого тюремного устава еще не было, и можно сказать, что тюремное законодательство еще только начинало складываться, готовясь занять важное место в общем уголовном законодательстве.

Отсутствие общего закона о тюремном заключении неизбежно должно было порождать большой произвол во всем тюремном деле. Он был связан с общим произволом власти в России, — как государственной, так и местной, — и ярко отражался на фактическом положении всех мест заключения. К ознакомлению с таким положением мы и перейдем, уделяя особые главы Петропавловской крепости, Шлиссельбургской крепости, монастырским тюрьмам и общеуголовным тюрьмам.

Глава третья

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 18. СВЕДЕНИЯ О СТРОЕНИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

КАК ИЗВЕСТНО, Петропавловская крепость расположена против Зимнего дворца на берегу реки Невы. Декабрист А. М. Муравьев, давая описание Петропавловской крепости, называет ее «гнусным памятником самодержавия на фоне императорского дворца». Они, по его словам, стоят один против другого «как роковое предостережение, что они не могут существовать один без другого».

Прошло более ста лет с того года, когда за стены Петропавловской крепости вошел декабрист, написавший слова, приведенные нами выше. Почти в течение целого века Зимний дворец посылал за стены этой крепости обвиняемых и осужденных. Только в 1917 году сбылись слова Муравьева. На смену императорского штандарта над Зимним дворцом развернулся красный флаг, — и прекратилось существование крепости как оплота царизма и власти помещиков и буржуазии. И дворец и крепость были превращены в музеи. Во дворце собраны несметные сокровища, произведения великих художников, свезенные сюда из дворцов императорской фамилии и знати и ставшие достоянием победоносного народа. Петропавловская крепость превращена в Музей Революции. Толпами идет в оба музея их новый хозяин — народ. Он идет во дворец, чтобы

восхищаться произведениями искусства, а в Петропавловскую крепость, — чтобы глубже осознать мировое значение победы пролетариата.

Петропавловская крепость была заложена 16 мая 1703 г. К началу интересующей нас эпохи крепость насчитывала всего 60 лет своего существования. Для крепости такой период существования — совсем небольшой, но и за такое короткое время крепость уже успела упрочить за собой славу страшного застенка.

Для более точного уяснения истории Петропавловской крепости приведем некоторые сведения из истории ее постепенного создания. Официальное ее название было «Санкт-Петербургская крепость». В Ленинградском Музее Революции имеется обширная рукопись неизвестного автора под названием «Летопись Петропавловской крепости с 1703 по 1879 гг.». В ней из года в год, с указанием месяца и числа, записаны наиболее важные события из истории крепости. Наибольшая часть этих записей относится к строительству крепости и ремонту отдельных ее частей. Наряду с этим записаны хронологические даты погребения членов царской семьи в Петропавловском соборе, дни иллюминаций в ней по случаю тех или иных торжеств, даты постройки зданий внутри крепости, в редких случаях даны сведения, относящиеся к истории крепости как места заточения обвиняемых и осужденных или их казни. При этом совершенно очевидно, что автор «Летописи», старательно отмечавший дни иллюминаций в крепости, не забывший ни разу за весь период указывать высоту воды в Неве, происшедшие пожары, обходит молчанием такое событие, как казнь декабристов, и дает неясные, иногда лишь косвенные указания о таких крупнейших событиях в жизни крепости, как восстание Семеновского полка в 1820 году и восстание декабристов в 1825 году. Тем не менее названная «Летопись» представляет для нас большое значение и интерес, так как дает точные сведения об отдельных частях крепости, служивших местом заточения, хотя эти сведения и относятся только к самим этим местам, а не к тем людям, которые в них были заточены.

Крепостные стены Петропавловской крепости представляют собой обширный шестиугольник, охватывающий кольцом весь остров по его берегам. В углах шестиугольника расположены бастионы. Стены, соединяющие эти бастионы, носят названия куртин. Эти стены не сплошные, а полые внутри, и это давало возможность использовать помещения, устроенные внутри стен. Обычно внутренние помещения носили названия казематов и служили то для склада военных припасов, то для размещения войска, то для заключения там арестантов. Для защиты крепости

были устроены рavelины, т. е. добавочные стены перед крепостью для защиты входов в крепость. Крепость была построена очень быстро и, по словам названной «Летописи», стоила жизни ста тысячам рабочих. Но быстро отстроенная крепость в течение долгого ряда последующих лет приводилась в лучшее состояние, в частности, ее стены постепенно обкладывались каменными плитами. Работы этого характера очень аккуратно отмечены в «Летописи», так же как и устройство деревянных крыш и каменных плит вместо земляных насыпей сверху стен.

«Летопись Петропавловской крепости» неизвестного автора является, как я уже сказал, на 80 процентов летописью стен этой крепости. Нельзя сказать, чтобы эта хронология превращения земляных стен в каменные, построек новых рavelинов, ремонта отдельных частей крепости, замены деревянных покрытий стен каменными плитами легко читалась, а тем более легко укладывалась в памяти. Но когда вспоминаешь, что за этими стенами царское правительство более двухсот лет держало своих врагов, то начинаешь чувствовать, что эти стены пропитаны кровью. История стен крепости оказывается историей живых людей, умиравших в крепости, или людей, дни жизни которых сокращали эти крепостные стены. Поэтому хотелось бы взять из «Летописи» все относящееся к крепостным стенам, ничего не упуская. К сожалению, это потребовало бы много места, а нередко сухой перечень хронологических дат утомлял бы своим однообразием читателя. Отказываясь от такой подробной истории стен Петропавловской крепости, мы ограничимся приведением лишь некоторых, более крупных событий из истории крепостных укреплений за период до начала 30-х годов XIX века.

Характерны наименования различных частей этой крепости. Эти наименования связаны с именами вельмож и приближенных Петра I и с именами царей и цариц. Первоначально данные названия, соединенные с фамилиями Меншикова, Трубецкого, Зотова, Головкина, Нарышкина и др., заменяются царскими именами Петра I, Петра II, Анны Иоанновны, Екатерины I, Екатерины II, царя Алексея Михайловича. Так, весной 1727 года одновременно с обкладкой каменными плитами «большерка Нарышкина» он переименовывается в «большерка Екатерины I», 7 июня 1728 г. «большерка князя Меншикова» переименован в «бастион императора Петра II». 20 июня 1733 г. помещена такая запись: «В память деда императрицы царя Алексея Михайловича заложен каменный рavelин перед полигоном, обращенным к Васильевскому острову, основание положено собственными руками ее величества». Эта запись для вас особенно

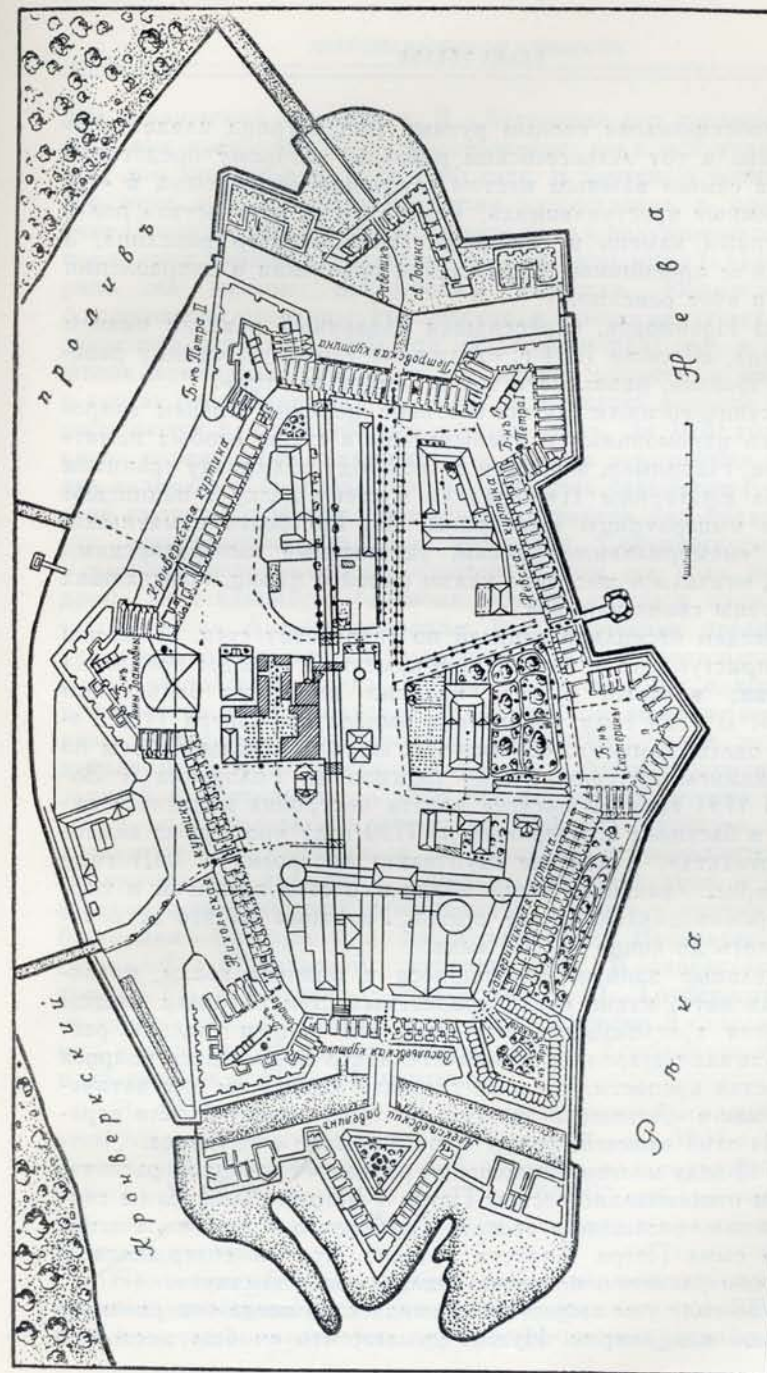

Рис. 5. План Петропавловской крепости.

Наименование бастионов в верхних углах шестиугольника слева направо: Зотова, Анны Иоанновны и Петра II. Бастионы в нижних углах шестиугольника слева направо: Трубецкого, Екатерины I и Петра I. Наименование куртин: между бастионами Зотова и Анны Иоанновны — Никольская; между бастионами Анны Иоанновны и Петра II — Кронверкская; между бастионами Петра I и Петра II — Петровская; между бастионами Петра I и Екатерины II — Невская; между бастионами Екатерины I и Трубецкого — Екатерининская; между бастионами Трубецкого и Зотова — Васильевская. Против Васильевской куртины — Алексеевский рavelин; против Петровской куртины — рavelин св. Иоанна.

важна: собственными своими руками императрица кладет первый камень в тот Алексеевский рavelин, которому предстояло сделаться самым важным местом заточения обвиняемых в «государственных преступлениях». Так «руки ее величества» положили первый камень в основание Алексеевского рavelина, а руки всех ее преемников подписывали повеления о направлении узников в этот рavelин.

Анна Иоанновна, окрестившая названный рavelин именем своего деда, 20 июня 1731 г. «заложила каменную одежду рavelина св. Иоанна, названного так в память ее отца».

Крестины того или другого бастиона царским именем сопровождались церемониями и врезыванием в стены особых памятных досок. Например, закончив в 1782 году облицовку гранитом «бастиона Екатерины II», врезали в стену доску с надписью: «Бастион императрицы Екатерины II». Но более памятными, чем эти «мемориальные» доски, украшенные императорскими именами, оказались жестокие указы царей и цариц, посылавших за эти стены своих узников.

Приведем несколько записей по устройству стен. «С весны 1717 г. приступлено к возведению каменной одежды бoльверка государева, который с того времени именуется бoльверком Петра I». В 1729 году «бoльверки императора Петра II и Головкина одеты камнем». «29 мая того же года начаты работы по одежде камнем куртины между бастионами Головкина и Зотова». В 1731 году «3 августа начата постройка каменного павильона в бастионе Екатерины». В 1750 году «построена каменная гауптвахта». Такая же гауптвахта построена в 1801 году в Кронверке. Указанная выше облицовка стен гранитом и кирпичом производилась долгое время. Указания на это встречаются вплоть до конца XVIII века.

Отдельные записи, относящиеся к разным годам, позволяют выяснить, какие части крепостных стен служили местом заключения арестованных. Конечно, эти записи нельзя рассматривать как материал для окончательного разрешения вопроса о тех местах крепости, которые служили казематом для заточения, так как в «Летописи» отмечается лишь ремонт их или переделка. Из этих записей, между прочим, видно следующее.

В 1718 году местом заключения назван «Трубецкой раскат». При этом относительно сестры Петра I Марии Алексеевны сказано, что она «посажена в раскате Трубецкого в палате», а относительно сына Петра Алексея сказано, что он содержался в «Трубецком раскате», но слова «палата» не упомянуто.

В 1738 году уже существовал неизвестно когда построенный дом тайной канцелярии. Нужно думать, что он был местом и

для заключения арестантов. В «Летописи» нет сведений, когда этот дом прекратил свое существование, но в ней указано, что этот дом занесен и на план 1746 года. Я допускаю возможность, что этот дом тайной канцелярии существовал и при Екатерине II под названием «Коммисского дома», находившегося в распоряжении тайной экспедиции (см. об этом ниже). При Екатерине же местом заключения служили Иоанновский и Алексеевский рavelины. Неизвестно, к какому месту заключения относится запись за 1807 год об отпуске 3000 руб. в распоряжение коменданта крепости на ремонт «покоев и казематов, в кои за неимением особого дома по комитету вышней полиции отсылаются для заключения разные лица». За 1820 год «Летопись» определенно указывает, что местом заключения служили два каземата в бастионе Зотова, а восемь казематов Кронверкской куртины служили помещением лазарета для больных солдат, арестованных по делу восстания Семеновского полка. Установка металлических решеток в этом же году на окнах, кроме двух казематов бастиона Зотова, и еще в пяти казематах бастиона Анны Иоанновны дает основание предполагать, что и эти пять казематов были отведены для арестованных солдат Семеновского полка. В 1825 году в связи с восстанием декабристов «в Никольской куртине 27 казематов приспособлены для номеров благородных арестантов; такие же номера находились в фазах бастионов Зотова и Анны Иоанновны». Из записей в «Летописи» за 1826 год мы узнаем, что из 69 казематов от Васильевских ворот до Невской куртины, бывших в ведении Монетного двора, 19 переданы в комендантское распоряжение для устройства арестантских помещений и для арестантов приспособлены помещения в казематах куртин: между бастионами Екатерины и Трубецкого — 10, Васильевской куртины — 4, Никольской куртины — 5, Кронверкской куртины — 35; в бастионах: Екатерины — 10, Трубецкого — 8 и «в горже» его — 9. Кроме того, было устроено 8 отдельных камер в казарме Монетного двора внутри Трубецкого бастиона и 33 камеры в Невской куртине.

За 1829 год указано, что в Невской куртине содержались в этом году «арестанты благородного звания», а в 1831 году отмечено вновь приспособление этой куртины для содержания арестантов. В 1832 году было отпущено 60 000 руб. на устройство 50 арестантских камер в Трубецком бастионе и правой половине Невской куртины.

Приведенный нами перечень мест заключения арестантов крепости показывает, что эти места находились повсюду. Большое количество казематов внутри крепостных стен позволяет

нам сказать, что эти стены на самом деле были жилыми помещениями.

Они были заселены не только одними арестантами. Из «Летописи» видно, что в других частях стен были устроены помещения для солдат, для инвалидов, для рабочих и даже для детей-сирот лиц военного ведомства.

Но и эти жилые помещения внутри крепостных стен носят в «Летописи» название казематов, т. е. именуются так же, как и арестантские камеры. Они сохранили это же название и тогда, когда были заняты под склады артиллерийских припасов, пороха или под архивы правительственных учреждений.

Иногда жилые казематы превращались в склады, иногда, наоборот, казематы, занятые складами, отводились под жилье. Из «Летописи» видно, что таким образом эксплуатировались следующие части крепостных стен: Никольская, Петровская, Васильевская, Кронверкская и Невская куртины, бастионы Анны Иоанновны, Зотова, Петра II, Екатерины I и рavelины Алексеевский и Иоанновский.

За период 1788—1826 гг. в Никольской куртине в разные годы помещались нижние чины армии, сироты воинского ведомства, архивы и арестанты; в Невской куртине за период 1802—1832 гг. помещались сироты, рота солдат и арестанты; в Кронверкской куртине за период 1809—1826 гг. — сироты, солдаты и арестанты.

То же самое происходило и с бастионами. Так, например, в бастионе Анны Иоанновны находились в 1807—1827 гг. пороховые склады, артиллерийский цейхгауз, архив, арестанты и т. д.

Таким образом, или в одной и той же куртине, в одном и том же бастионе разные казематы были заняты под разные помещения (под склады или под жилье), или одни и те же казематы служили в разное время разным целям, превращаясь из нежилых в жилые, из жилых в нежилые. Во всяком случае можно предполагать, что между этими казематами не было большой разницы, поскольку все они находились внутри полых крепостных стен с редкими и узкими амбразурами, служившими окнами (они были более широки с внешней стороны и более узки с внутренней). Но известны случаи, когда эти амбразуры расширялись для более значительного доступа света внутрь казематов. Так было в 1830 году с амбразурами в Кронверкском бастионе, отведенном для солдатских казарм.

Кроме малого доступа дневного света в эти казематы, у них была и еще одна общая черта — наличие в них большой сырости. Указания на это часто встречаются в «Летописи». От сырости

сти гнили склады припасов, архивы. Гнили и люди, обитатели этих сырых казематов, но о них заботились меньше, чем о порохе. С этой точки зрения интересен рапорт в 1807 году инженера генерал-майора, который писал: «Все казематы крепости столь сыры, что в них невозможно держать порох без его порчи». Так, указывая, что все казематы сыры, инженер был озабочен только порчей пороха, для хранения которого он приспособлял новое помещение в бастионе Анны Иоанновны.

Сырость была неизбежна уже вследствие того, что стены и крыша были земляные и вода просачивалась через земляные толки. В 1803 году было произведено «устройство над жилыми казематами левого угла Кронверкской куртины и прилегающего к нему фланга вместо земляных насыпей деревянной крыши, с переустройкой плитной брустверной покрывки для возможного улучшения и прекращения проникания сырости через своды».

Указания на сырость отдельных помещений встречаются очень часто в «Летописи». Отмечается сырость в помещении, занятом солдатами, но никогда не говорится о сырости казематов, занятых арестантами. Это не означает, что арестантские казематы были сухи. Наоборот, они были страшно сыры на всем протяжении двухсотлетнего существования крепости, об этом согласно говорят воспоминания всех заключенных, дошедшие до нас.

Сырость увеличивалась также после многих наводнений, заливавших крепостные стены, когда обильная вода проникала и внутрь помещений. Наводнения такого рода и большие разрушения, причиненные ими, аккуратно отмечены в «Летописи». В частности, имеются прямые указания на повреждения, причиненные помещениям «секретного дома Алексеевского рavelина» 21 января 1822 г. и 7 ноября 1824 г.

К сожалению, в «Летописи» мы почти не находим сведений об отоплении казематов. Только иногда встречаются указания на устройство печей и исправление труб. Но по этому вопросу сами заключенные, как мы увидим ниже, немало рассказали в своих воспоминаниях.

О размерах отдельных казематов можно судить лишь по некоторым косвенным указаниям «Летописи». В большинстве случаев, по-видимому, казематы были рассчитаны не на одного человека. Так, например, 50 солдат команды при Алексеевском рavelине были размещены в 1818 году в одиннадцати казематах Невской куртины. Встречаются указания о каземате на двенадцать инвалидов и о распределении двухсот человек гарнизона в семи казематах. В последнем случае на каждый каземат

приходилось около 30 человек. Одиночные помещения для арестованных называются в «Летописи» номерами.

Мы должны также отметить даты постройки в крепости таких зданий, в которых находили короткий или долговременный «приют» арестованные. В 1740 году была окончена постройка каменного комендантского дома, а в 1748 году над ним надстроен второй этаж. Через три года, в 1751 году, построен каменный одноэтажный дом для канцелярии коменданта.

Мы должны особо остановиться на той стройке внутри стен Петропавловской крепости, которая носит название тюрьмы Алексеевского рavelина. Именно с этой тюрьмой связана известность крепости как самого сурового места заточения государственных преступников второй половины XVIII века и за 80 лет XIX столетия. Мне посчастливилось найти в Архиве тайной экспедиции специальное дело о постройке в 1797 году каменного здания тюрьмы Алексеевского рavelина. Для исследователя истории царской тюрьмы оно дало новые материалы.

Тюрьма Алексеевского рavelина в том ее здании, в каком она просуществовала до 1884 года, была детищем Павла I. Можно даже сказать, что она была одним из первых творений его «державной» воли. 6 ноября 1796 г. Павел I занял престол, а через месяц, 8 декабря, повелел «для содержащихся под стражею по делам, до тайной экспедиции относящимся, изготовить Дом с удобностью для содержания в крепости»¹. Этому повелению предшествовало другое, сделанное, вероятно, через несколько дней после восшествия Павла на престол. По этому, более раннему повелению был произведен осмотр мест лишения свободы в Петропавловской крепости. Одно из этих мест названо в докладе «смирительным» домом, а другое — «домом комиссии проекта нового уложения» (по-видимому, это была тюрьма, встречающаяся в других документах под названием «казенного комисского дома»).

Состояние обонх этих мест заключения было крайне неудовлетворительным. Ревизор докладывал, что в доме комиссии проекта нового уложения «тесно, душно и неудобно», питание же заключенных поставлено неудовлетворительно, так как закупка провизии производится бесконтрольно тюремною стражею, злоупотребления которой едва ли раскрывают зависящие от нее узники. Эта тюрьма состояла в ведомстве тайной экспедиции. Среди заключенных ревизор отметил троих, арестованных по

¹ ЦГАДА, VII, № 2290, 1769 и 1796 гг. фонд Госархива. Дело об устройстве для секретных арестантов помещений в Алексеевском рavelине С.-Петербургской крепости.

делу какой-то «персидской комиссии», и, кроме того, одного по банковскому делу и одного (купца) по обвинению в вывозе русской монеты за границу.

В смирительном доме ревизор отметил среди заключенных Невзорова, арестованного за три года перед тем как масона по делу Новикова (о Невзорове будет сказано дальше). Другим узником оказался француз Ламанон, заподозренный в шпионаже. Его бессмысленные ответы «диким голосом» обнаруживали в нем сумасшедшего.

Ревизор заканчивал свой доклад предложением царю — не угодно ли будет ему повелеть устроить для заключенных тайной экспедиции дом, в котором они бы «имели по крайней мере порядочное жилище, повара и кухню для варения пищи». Обратим в этом предложении внимание на пожелание дать заключенным «порядочное жилище»; позднее мы увидим, как это осуществилось на практике.

Новая тюрьма Алексеевского рavelина должна была заменить собою прежнюю, деревянную¹. Такой проект и был представлен в январе 1797 года генерал-прокурору князю Куракину вместе с описанием этой тюрьмы. Автор доклада писал: «Деревянный дом находится в великой ветхости, для жительства не может более простоять, как год, а казематы, по освидетельствованию, к житию совсем не способны, поелику от вала земляного своды промерзают, проходит течь и находится великая черес сие сырость и тяжелый воздух, почему господин коллежский советник Макаров подал мнение, что сделать прожект каменного строения, на которое мною сделано на 26 покоев с особливим двориком и входом». Под этим докладом сделана приписка, помеченная 28 января 1797 г. и сообщающая о повелении Павла представить ему план новой тюрьмы и приступить к ее постройке.

Из представленной сметы на постройку видно, что она была проектирована в виде треугольного одноэтажного каменного

¹ Неизвестно, когда была воздвигнута эта деревянная тюрьма, обозначенная на плане Петропавловской крепости 1768 года под № 24. В цитируемом мною архивном деле имеется несколько листов о ремонте этой деревянной тюрьмы в 1769 году. Из представленного отчета от 28 декабря 1769 г. усматривается, что ремонт носил характер капитального: потребовалось исправление стен, дверей, оконных рам, печей и были произведены различные кузнечные работы. В этом же деле находится рапорт инженер-генерала Гербея на имя генерал-прокурора Вяземского от 6 ноября 1769 г. о работах, произведенных в «Кексгольмском Шлоссе». Здесь были устроены в башне три новых камеры: прибиты решетки, поставлена печь, под пол наслан мох и насыпана земля (см. указ. архивное дело тайной экспедиции 1769—1796 гг. «Об устройстве для секретных арестантов помещений в Алексеевском рavelине»).

здания, т. е. именно такого, которое было занято арестованными до 1884 года и снесено в 1895 году. Из сметы же видно, что было проектировано устройство помещения, рассчитанного на размещение в нем одиночных арестантов в числе около двух десятков. Так, например, предусматривалось устройство 24 оконных рам летних и такого же числа зимних и 48 железных решеток, дверных рам во всем доме 32 и каждая с железными слесарными замками. Помещение должно было отапливаться 24 голландскими печами. На постройку, кроме различного лесного материала, было предположено израсходовать 480 000 кирпичей.

Более ясное представление о вновь воздвигнутом здании дает обширная «Опись вещам нового казенного дома в Алексеевском равелине». Она дает основание предполагать об устройстве в здании тюрьмы, кроме одиночных камер для заключенных, также помещения для администрации, караульной комнаты, кухни и какой-то комнаты под названием «кухмистерской» в одно окно с изразцовой печью. В описи, кроме того, перечислены двадцать номерных помещений и четыре каземата без нумерации. Нет никакого сомнения, что из числа 20 пронумерованных комнат наибольшая их часть состояла из одиночных камер в одно окно за двумя рамами с форточкой и за железными решетками. Только первые два помещения (№ 1 и № 2) имели по два окна и, кроме того, по одному окну, заложенному кирпичами, при этом в № 1 эти окна были даже без решеток. В этих двух номерах было по одной изразцовой печи и при каждом номере по одной «прихожей комнате» также с изразцовой печью.

Ознакомление с описанием обстановки 20 пронумерованных помещений и четырех казематов приводит к установлению очень резкого различия в отдельных «покоях». Обстановка в первых пяти камерах резко отличается от обстановки в семи следующих (№ 6—12) и еще более резко — от обстановки восьми комнат третьей группы (№ 13—20) и не идет ни в какое сравнение с обстановкой в четырех последних помещениях, названных в описи казематами.

В исключительном положении находились покои под № 1 и под № 2, рассчитанные каждый на одного жильца, судя по нахождению в них лишь по одной кровати. Несомненно, их занимали начальники новой тюрьмы. Здесь было по одному стенному зеркалу в золоченых рамах, по ломберному столу, по два крашеных стола. В первом номере была кушетка (канapé). В первых двух номерах, а также в № 3 было по два кресла и по

мягкому стулу. По три мягких стула было в № 4 и 5. Туалетные зеркала в рамах красного дерева были в № 3—5.

Наличие в каждом из пяти первых номеров кроватей с полупуховыми перинами, с двумя такими же подушками, со стегаемыми ситцевыми одеялами дает основание предполагать, не служили ли не только два первых номера, но также и № 3—5 для размещения в них чинов администрации. Такое предположение подтверждается наличием во всех пяти номерах хрустальных чернильниц в жестяных ящиках, медных подсвечников, столовой посуды в виде мисок, тарелок, серебряных ложек, ножей и вилок, стаканов, рюмок, графинов, бутылок и пр. Только в этих пяти номерах были в каждом свои чайные приборы (подносы, чайники, сахарницы, молочники, чашки с блюдцами, ложки). Надо предполагать, что вторая группа камер, начиная с № 6 и кончая № 12, была предназначена для арестованных «благородного звания», привилегированных высшего класса. На кроватях лежали волосяные тюфяки и по две полупуховых подушки. Здесь было по два крашеных стола и по два-три стула. Подсвечники здесь были уже не медные, а железные, но столовый прибор был совершенно такой же, как в пяти первых номерах. Однако чайного прибора здесь не было.

Третью группу камер составляли № 13—20. На кроватях здесь были постланы тюфяки: на трех — волосяные, а на пяти — из оленьей шерсти. Мебель состояла из простого стола и стула. Вместо глубоких и мелких тарелок, стаканов и рюмок, вся обеденная посуда состояла из суповой миски, глиняной кружки и бутылки, а вместо серебряных ложек употреблялись деревянные. Вероятно, эти камеры были предназначены для заключенных среднего класса.

Самая скучная обстановка была в комнатах, не обозначенных каким-либо номером и названных «казематами». Здесь на кроватях лежали тюфяки из мочалы с подушками (по одной на кровати) и одеялами. Вместо свечей здесь были ночники. В каждой камере было по столу и по стулу. Очевидно, в этих камерах размещались заключенные низших сословий.

Различие в обстановке указанных нами групп тюремных камер было лишь одним из показателей резкого различия того тюремного режима, который проводился в Алексеевском равелине в зависимости от классовой принадлежности заключенного, тяжести предъявленного обвинения и политической опасности арестованного. Так, в названном архивном деле имеется роспись питания заключенных с указанием меню на каждый день недели. В ней предписывалось давать в первые двенадцать номеров хлеб

белый и пеклеванный, а в последние восемь номеров — лишь черный, заключенным в эти последние номера подавать лишь суп с говядиной и кашу с маслом, а для обитателей первых 12 номеров было разработано разнообразное меню с включением в отдельные дни на второе блюдо жареной говядины, поросенка, гуся, рыбы под хреном, жареных цыплят и пр. Впрочем, ни в одном из воспоминаний бывших заключенных начала XIX века мы не встречаем упоминаний о поросятах, гусях и т. п.; вероятно, ими питались чины администрации Алексеевского рavelина. Не поросятами и жареными гусями прославилась тюрьма Алексеевского рavelина. На всем протяжении своей истории, как это будет видно из последующего изложения, она была тюрьмой, где морили голодом, отравляли страшной сыростью, морозили холодом и всячески укорачивали жизнь узников. Именно так обрисовывали одиночные камеры Алексеевского рavelина декабристы, заключенные сюда в 1825—1826 гг., т. е. через 28 лет после открытия этой тюрьмы. Они были заключены в Алексеевском рavelине в количестве 19 человек. В воспоминаниях декабристов уже была отмечена страшная сырость казематов. Из посуды упомянуты металлические кружки с выгравированными на них буквами А. Р. (Алексеевский рavelин). Освещение производилось в одних камерах сальными свечами, а в других копилками-ночками. По словам автора воспоминаний, т. е. ночник ставился на один из двух стульев, находившихся в камере.

Очевидно, каменное здание за короткий срок своего существования пришло в антигигиеническое состояние и уже требовало капитального ремонта, но он был произведен лишь в 1838 году, когда в стенах образовались трещины, полы проваливались, балки провисали, оконные рамы сгнили и т. д. Об этом мы подробно скажем во втором томе нашего исследования.

Таковы важнейшие моменты и более характерные черты истории строительства крепостных стен до начала 30-х годов XIX века. Если арестантов размещали внутри этих стен, то внутри самой крепости, под защитой ее стен, были отстроены здания для содержания арестованных и для работы некоторых учреждений. Эти учреждения, которым была вверена высшая охрана существования государственного и общественного строя — юстиц-коллегия и тайная канцелярия — осуществляли судебную и внесудебную расправу с нарушителями и врагами этого строя. Через комендатуру проходили все вновь прибывав-

шие для заключения в крепости. Здесь же производились иногда и допросы обвиняемых и, как это было по процессу декабристов, даже объявление приговора суда¹.

Что касается узников Петропавловской крепости, то их перечень всегда начинают с сына Петра I царевича Алексея, стоявшего во главе противников реформаторской деятельности его отца. Так же поступает и цитируемая нами «Летопись». Первыми узниками с февраля 1718 года названы в ней приверженцы царевича Алексея Петровича: генерал-аудитор Кикин, Лопухин, В. В. Долгорукий и др. 25 мая того же года была привезена и заключена в крепость царевна Мария Алексеевна, заключенная в «раскат Трубецкого в палате». Здесь был заключен и «умер» царевич Алексей.

Таким образом, первыми узниками названы заключенные в 1718 году. Но история сохранила нам имена заключенных в Петропавловскую крепость одним годом раньше, а именно, в 1717 году. «Записная книга (журнал) С.-Петербургской крепости 1717—1725 гг.» сообщает имена 22 арестантов. Все они были присланы в крепость в один и тот же день — 19 сентября 1717 г., одним и тем же лицом, а именно, капитаном Синявиным с корабля «Ревель».

§ 19. СОСТОЯНИЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ В 70-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

Наряду со своими политическими врагами царское правительство направляло в Петропавловскую крепость и общеуголовных преступников из числа тех, которые казались ему более опасными.

Из года в год число заключенных здесь возрастало и являлась надобность в создании внутри крепости мест для заточения новых групп обвиняемых и осужденных. Случилось так, что Петропавловская крепость с ее высокими и толстыми стенами и специальными укреплениями, выстроенная для защиты против нападения внешних врагов, ни разу за все время своего существования такому нападению не подверглась. Вместо обороны от внешнего врага она повела борьбу с «внутренним врагом», не прекращавшуюся до 1917 года, т. е. до того самого момента, когда она оказалась бессильной перед напором революции.

¹ Приведенные выше сведения о строительстве крепости извлечены мною из дела № 111 Музея Революции в Ленинграде — «Летопись Петропавловской крепости с 1703 по 1879 гг.» (текст на 255 стр.).

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что к началу последней четверти XVIII века царское правительство располагало уже достаточно обширной площадью для размещения в стенах крепости в одиночках и в общем заключении арестантов всякого звания и чина.

Но нельзя сказать, чтобы площадь, отведенная для узников Петропавловской крепости, отвечала в какой-нибудь степени тем требованиям санитарии, гигиены и гуманности, которые были так громко провозглашены в уже известных нам проектах и законах представительницы верховной власти в России. До нас дошло жуткое описание Винского, узника Петропавловской крепости, перебивавшего в разных помещениях этой крепости. Он служил в одном из петербургских полков и был арестован 12 октября 1779 г. по подозрению в прикосновенности к подложному получению из банка довольно крупной денежной суммы. Это дело было искусственно раздуто, и придано ему политическое значение. Еще за два месяца до своего ареста Винский уже слышал, что в Петропавловской крепости в рavelине св. Иоанна «с великой поспешностью строят много чуланов».

Так как мемуары Винского являются одними из первых по тому времени, которое они охватывают, и так как автор описывает то, что испытал сам, то мы остановимся на его описании подробнее.

После доставки Винского в Петропавловскую крепость его повели вдоль стены крепости с редкими в них «дверцами и малыми оконцами». Его ввели через небольшую дверцу в помещение, и он увидел перед собой «огромный со сводами во всю ширину погреб или сарай, освещаемый одним маленьким окошечком»¹. Здесь с него сняли верхнее платье и стащили с ног обувь, а из его косы выплели ленту и тесемку. Все это делалось так грубо, что Винский ожидал начала порки и стрижки волос. Однако этого не произошло. Все деньги и вещи были отобраны. Камзол, верхнее платье и нижнее белье были тут же возвращены, но со срезанными пуговицами. Автор продолжает свои воспоминания: «Без обуви и штанов повели меня в самую глубь каземата, где, отворивши маленькую дверь, сунули меня в нее, бросили ко мне шинель и обувь, потом дверь захлопнули и потом цепочку наложили... Видя себя совершенно в темноте, я сделал шага два вперед, но лбом коснулся свода. Из осторожности простерши руки вправо, ощупал прямую мокрую стену; поворотясь влево, наткнулся на мокрую скамью, и на сей севши, старался собрать рассыпавшийся мой рассудок».

¹ «Записки Винского», «Русский архив», 1877, кн. 1, тетр. 1 и 2.

Солдатам-стражникам было запрещено разговаривать с заключенными. Темнота в камере была полная. Когда солдат вошел со свечой, то это освещение «начертало весьма явственно всю гнусность и ужас этой темницы: в мокром смрадном углу загорожен хлев досками на пространстве двух с половиной шагов, в котором добрый человек пожалел бы и свиней запирасть».

Сделав такое описание своей тюрьмы, автор спрашивает: «Кто же были сии люди, задумавшие и устроившие подобные убийственные узилища для своих братий, людей же, хотя бы и преступных? Ближайший вельможа, вернейший исполнитель повелений премилосердые Екатерины, провозгласивший торжественно во весь свет: «лучше оправдать десять виновных, нежели наказать одного невинного». А тут и сотни невинных, которым не объявлено даже, за что они воровски похищены из своих жилищ и, прежде всяких вопросов и суждений, преданы уже на тягчайшему тюремному наказанию».

Несомненно, горькие и полные иронии слова, которые автор говорит о ближайшем вельможе и исполнителе воли Екатерины, имеют некоторое отношение и к ней самой.

Винский три дня выдерживал в своей темнице голодовку, отказываясь от того пятака, который ассигновывался ему на ежедневное пропитание. Пища состояла из сбитня и копейной булки утром и из кашицы с говядиной в полдень.

Проходили дни и недели. Наступил уже ноябрь. От начавшейся топки в клетке чулана была такая жара, что заключенный сидел здесь в одной рубашке. Месячное пребывание в таких условиях отразилось на здоровье Винского самым плачевным образом, и в первый же день, когда его вывели из темницы на допрос, он тут же, за порогом, упал без чувств.

Допрос Винского производился в том самом помещении, где его подвергли обыску. Автор рисует и картину допроса, находящуюся в полном противоречии с принципом «Наказа»: «лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного». При допросе применялись всевозможные приемы: запугивание, требование сознаться, обещание «монаршего милосердия», уверения, что следственная комиссия сама все знает, что все соучастники сознались, и пр. Председатель комиссии, известный в Петербурге Терский, имел прозвище «багор» в отличие от его братии — «мелких крючков». Эти прозвища служат некоторым показателем характера допроса обвиняемых.

После допроса Винский был помещен в другой каземат, на этот раз сухой и светлый, с большим окном. Здесь он начал получать передачи, имел свидание с другими заключенными и с

женой. Из его денег ему выдавали на содержание по 25 копеек в день. Ему пришлось пробыть некоторое время в камере, в которой три года перед тем была, по предположению Винского, заточена княжна Тараканова. На одном из стекол окна этой камеры Винский прочел нацарапанные итальянские слова: «О, боже мой». Правильность таких предположений Винского была подтверждена тюремщиком.

Итак, за сравнительно короткое время своего пребывания в Петропавловской крепости Винский перебивал по крайней мере в трех местах заключения этой крепости. Очевидно, и режим менялся в зависимости от того или иного места заточения в этой крепости. Сколько в то время было там таких мест заключения, неизвестно. В архиве Петропавловской крепости нами найдено дело, в котором имеется довольно подробное описание одного из мест заключения, названного в бумагах «Коммисским казенным домом». Так как в печати не появлялось этого описания, то я воспроизведу его целиком, тем более, что оно относится к концу XVIII века и потому есть основание предполагать, что эта тюрьма существовала и в первой четверти XIX века.

Описание, о котором я говорю, относится к 1794 году. Оно не говорит ни о санитарных условиях заключения, ни о подробностях режима. Будучи сделано представителем тюремной администрации, оно лишено той красочности, которую мы нашли в описании Винского. Это описание «Коммисского казенного дома» сделано очень сухим языком и носит характер формального протокола. Тем не менее оно очень интересно и важно для историка Петропавловской крепости. К сожалению, из документа не видно точного местонахождения этой тюрьмы в пределах Петропавловской крепости, а наименование ее «Коммисским казенным домом» не встречалось в других архивных документах и в печатных работах о названной крепости. Но нет никакого сомнения, что это было здание, специально предназначенное для содержания в нем заключенных и включавшее в себя несколько камер.

Вот это описание:

«Опись покоям, состоящим под ведением господина коллежского советника и кавалера Александра Семеновича Макарова в «Коммисском казенном доме», а именно:

1) Со двора вход в нижние сенцы. Двери с палатенцем, где нутряной замок с ключом.

2) Взошедши на лестницу в правую сторону покой для нужного места, в коем одно большое окно с железной решеткой.

Рис. 6. Строительство Петропавловской крепости при Петре I.
Из книги Пилявского «Петропавловская крепость», Государственное архитектурное издательство, 1950 г.

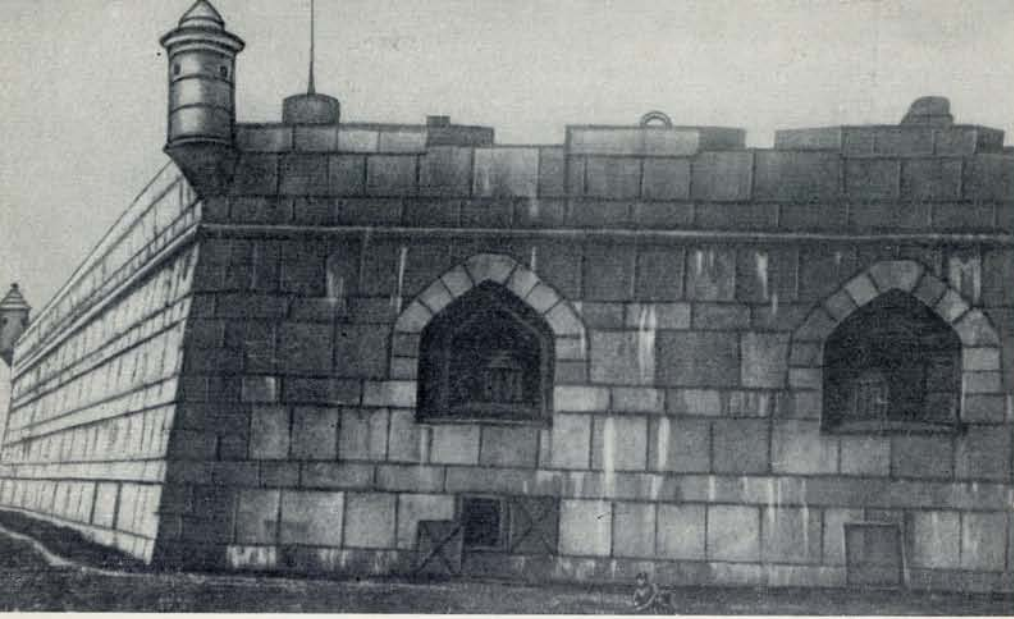
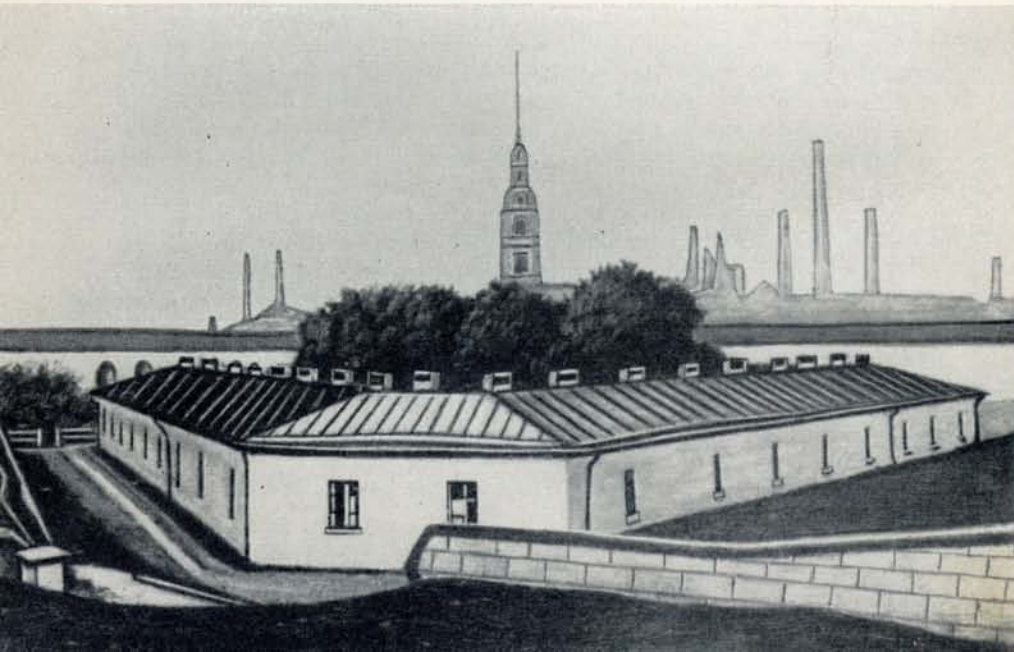

Рис. 7. Петропавловская крепость. Бастион Екатерины.
Фотография с оригинала, хранящегося в Музее Революции в Москве.

Рис. 8. Петропавловская крепость. Алексеевский рavelин.
Фотография с оригинала, хранящегося в Музее Революции в Москве.

3) Налево вход в коридор. Двери с палатенцем с нутряным железным замком и с ключом. В дверях просвет с железной решеткой.

4) Во всем коридоре пять покоев, у каждого двери с палатенцем с нутренними железными замками и с ключами. В каждом изращатая печь со всеми принадлежностями, как-то печные и трубные дверцы, железные выюшки с крышками чугунные; во всех окнах железные решетки и по две растворки с кольцами.

5) При выходе из коридора в солдатскую комнату дверь с палатенцем и нутренным железным замком и с ключом.

6) В солдатском покое одна русская печь с железной заслонкою и трубы, выюшка и крышка чугунная. В окне железная решетка.

7) Из сего солдатского покоя еще два покоя, в коих одна пропускная изращатая печь с печными и трубными железными дверцами, выюшки и крышка чугунные, двери створчатые, филенчатые с железными задвижками двери, у каждой двери по одному железному замку и с ключами; в четырех окнах фигурные железные решетки, у окончин железные задвижки и растворки с кольцами.

8) Из солдатской комнаты выход ко второй каменной лестнице, трое дверей — один с палатенцем и с железным замком и с ключом, а двое — створчатые филенчатые с железными по обе стороны задвижками и с железными замками и с ключами.

9) В малых сенцах перед лестницею одно окно с железною решеткою.

10) Из оных сеней вход в небольшой покой, у коего дверь створчатая с железными задвижками и с крючками, с нутренным железным замком и с ключом; у двух окон железные решетки.

11) Подле оного другой еще покой, в коем изращатая печь с железными и трубными дверцами. У трубы выюшка и крышка чугунные. У двух окон железные фигурные решетки, у окончин крючки, двери в оном покое филенчатые створчатые с железными по обе стороны задвижками с нутренным железным замком и с ключом.

12) По всему коридору просветы с окончинами и с железными решетками.

13) Во всех вышеописанных покаях у окон зимние переплеты¹.

Из приведенного описания можно сделать некоторые выводы о конструкции здания тюрьмы. Здание имело девять камер или «покоев», предназначавшихся для арестантов, и комнату для военной стражи, названную в описании «солдатской». Очевидно, арестантские камеры были неодинакового размера, так как об одной из них сказано, что она является «небольшим покоем». Однако в этом покое два окна. Видно, что по два окна имеется и в двух других камерах. Число окон в каждой из остальных шести камер нельзя установить на основании приведенного нами описания. В солдатском помещении всего одно окно, тоже за решеткой, как и все остальные окна в камерах, в сенях, в коридоре и в уборной. Может быть, окна в камерах и в «нужном месте», находившемся вне коридора, в сенях, не

¹ ЦГАДА, VII, № 2825, 1794 г. Ведомости об арестантах Петербургской крепости, лист. 19.

были одинакового размера, так как об окке в «нужном месте» определенно указано, что оно большое. Судя по тому, что в каждой камере (по крайней мере, в тех пяти, которые выходят в коридор) была своя особая печь, надо думать, что эти камеры не были маленькими и в них могло содержаться в случае необходимости несколько заключенных. Все двери в этой тюрьме были снабжены не только внутренними замками, но еще «задвигками, крючками и железными замками», очевидно, висячими.

Характерно, что караульное помещение с солдатами находилось внутри самой тюрьмы и по одну его сторону было пять арестантских камер, а по другую четыре. С этим фактом нахождения внутри тюрьмы помещения для постоянного пребывания стражи мы встретимся и позднее, в описаниях различных мест заключения конца XVIII и начала XIX века. Так было в Шлиссельбургской крепости, в монастырской Соловецкой тюрьме, в губернских и городских тюремных замках.

О составе заключенных в Петропавловской крепости этого периода имеются различные разрозненные сведения. Более полные списки заключенных мне попались за 1794 год¹. Эти списки относятся к различным месяцам, и в них повторяются часто одни и те же фамилии. В списках значится десяток имен. Только в некоторых случаях даны указания о причинах содержания в крепости. Из ведомости видно, что состав заключенных был пестрый. Там одновременно содержались представители нескольких народностей России. Кроме них, там содержались иностранец Беклер, у которого найдены масонские бумаги и книги, француз Дю-Розуа с двумя его людьми прислан сюда всемогущим фаворитом Екатерины II Платоном Zubовым (в бумагах так и значится «прислан графом Платоном Zubовым»), два француз без указания причин ареста, два студента — Колокольников и Невзоров, арестованные по делу Новикова, и француз Боно, арестованный за переписку с революционным правительством французской республики.

Фамилию Невзорова я встретил еще раз среди узников крепости 1796 года. В докладе царю сообщалось, что в крепости в «смирительном доме» содержится Невзоров, сошедший с ума. Он уже потерял способность воспринимать обращенные к нему слова ревизора, не реагировал «на слова милости и ласки», а накануне ночью «бился головой о стену» камеры². Так за четыре

¹ ЦГАДА, VII, № 2825, 1794 г. Ведомости об арестантах Петербургской крепости, листы 3, 4, 5.

² ЦГАДА, VIII, № 2290, 1769 и 1796 гг., назв. дело, фонд Госархива.

года заточения Петропавловская крепость сгубила молодую жизнь. Мы остановимся подробнее на некоторых из узников, занесенных в список заключенных в крепость.

§ 20. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как видно из приведенного списка, среди заключенных Петропавловской крепости было больше всего французов. О французе Боно мне попалось особое и весьма объемистое дело. Он был арестован в Варшаве. В своей переписке 1793 года он называл тиранами правителей тех государств, которые «не доброхотствуют» Франции. Интересно, что относительно времени и способа доставки его в Петербург и в крепость были даны «высочайшие указания»: «ее императорское величество высочайше указать соизволила, чтобы посланного арестанта, помянутого Боно, по приезде в город, как наивозможно в ночное время закрытого, чтобы его никто видеть не мог, привезти прямо в Петербургскую крепость». Сосланный в Сибирь, Боно был освобожден в 1796 году Павлом и передан прусскому правительству¹.

Вообще в годы французской буржуазной революции XVIII века в Петропавловской крепости и в местах заключения Москвы побывало, по-видимому, немало лиц, заподозренных в сочувствии этой революции. Известно, как были напуганы этой революцией Екатерина и чины ее администрации. В этом отношении они не признавали никаких границ. Примером может служить имеющееся в архиве дело под таким необычным названием: «Дело по доносу учителя Христиана Гаага на французов, сложивших в трактире шляпы наподобие Вавилонской башни»². Стоит хотя бы коротко рассказать сущность этого смехотворного дела.

В сентябрьский день 1795 года, накануне воскресенья, в трактире у Мясницких ворот веселая компания иностранцев распивала пиво. Здесь было их шесть человек — французской, итальянской и испанской национальности. По профессии они были: один — рисовальщик, другой — зубной врач, третий — гравер по дереву, четвертый — гравер по металлу, пятый —

¹ ЦГАДА, VII, № 2808, 1793—1796 гг. Дело об агенте французского правительства Жана Боно, переведенном из Польши в крепость, листы 2, 6, 9, 71, 156, 413.

² ЦГАДА, VII, № 2866, 1795 г. Дело по доносу учителя Христиана Гаага на французов, сложивших в трактире шляпы наподобие Вавилонской башни.

скульптор, шестой — учитель пансиона. Пришли они в трактир не сразу и, присаживаясь к столу с пивными бутылками, клали свои шляпы одна на другую. Смеясь, они говорили, что строят из этих шляп Вавилонскую башню, а окружающие эту башню бутылки с пивом — не что иное, как Красное море. Подслушавши это, услужливый доносчик педагог Христиан Гаг сей-час же отправил губернатору Москвы донос, в котором заявлял, что французы сложили свои шляпы одна на другую пирамидой наподобие «французского дерева вольности». Все заподозренные в таком строительстве были немедленно арестованы, начались допросы и переписка, доходившая и до самой Екатерины. При допросах выяснилось время приезда каждого иностранца в Россию и оказалось, что они работают в Москве от 6 до 20 лет. Они объясняли все шуткой, отрицали строение ими из шляп «французского дерева вольности», а некоторые с перепугу отрицали всякий разговор и про Вавилонскую башню и про Красное море. К счастью, дело кончилось для них благополучно: их поддержали и выпустили, так как, говоря словами документа, выяснилось, что у иностранцев «дальнейшего намерения, касающегося до нынешних политических видов, не было». Впрочем, Петербург остался таким решением Москвы не вполне доволен и приказал сделать иностранцам внушение, чтобы впредь они вели себя благоразумно и осторожно.

Кстати замечу, что дерево французской вольности не давало покоя российской администрации и после смерти Екатерины. В 1798 году архангельский губернатор не без некоторого ужаса доносил в Петербург, что в партии писчей бумаги, полученной «из чужих краев», оказались листы с изображением на них водяных знаков в виде дерева «пагубной французской вольности». Образчик такой бумаги был переслан самому Павлу. На листе писчей бумаги прекрасного качества имеется большое, сантиметров в двадцать, водяное изображение дуба, увенчанного фригийским колпачком, а под деревом — французское слово «свобода». Император Павел повелел всю эту бумагу «истребить огнем», и повеление было немедленно исполнено. Характерно, что архангельский губернатор пишет свое донесение на бумаге также с водяным знаком, но с изображением льва с короной на голове и с мечом в лапе. Может быть, это вполне благонадежное изображение коронованного льва несколько искупало промах архангельского губернатора, проглядевшего проникновение во вверенную ему губернию знака «пагубной французской вольности»¹.

¹ ЦГАДА, VII, № 3090, 1798 г. Дело об оказавшейся в Архангельске бумаге со знаками дерева французской вольности.

Число таких курьезов, за которыми, однако, скрывается политический гнет самодержавия, могло бы быть нами значительно увеличено, но ограничимся приведением еще только некоторых из них. Жертвами административной подозрительности явились два француза. Один из них тосковал по сбежавшей от него жене, которая, по его словам на допросе, любила богатство. С целью вернуть к себе сбежавшую жену он сочинил на свое имя письмо, будто бы присланное ему из революционной Франции, с предложением вернуться и принять дорого оплачиваемую должность. Это письмо переписал для него его друг, тоже француз. В результате оба они были привлечены к ответственности за сношение «с французскими революционерами» и оба были высланы за границу¹.

Приведу еще один пример. Действующими лицами этой небольшой, но в некоторых отношениях очень характерной истории являются два молодых сотрудника иностранной коллегии в Петербурге. Им обоим пришлось на некоторое время попасть в Петропавловскую крепость. Один из них — переводчик этой иностранной коллегии, переводивший с трех языков, а другой — архивариус. Действие происходило в разгар французской революции, с событиями которой оба друга были хорошо знакомы. Но, кроме того, они были прекрасно осведомлены и об отношении императрицы к этим событиям. Денежное содержание, получавшееся ими из коллегии, было недостаточно, а переводчик два года перед этим работал там совсем бесплатно и задолжал. Оба мечтали о продвижении по службе. Для достижения славы и денег они избрали путь, которым на их глазах шли многие. Но они внесли сюда некоторые варианты, решив учесть страх императрицы перед французской революцией и использовать его к своей выгоде. Они задумали составить записку на имя самой императрицы о способах устранения возможности влияния этой революции в России. Для более верного успеха своей записки решили сначала поугадать царицу. Для этого они сочинили письмо, как будто бы написанное каким-то иностранцем его другу и сообщнику. В письме автор его подчеркивает, что дело свободы во Франции имеет серьезного врага в лице Екатерины и поэтому необходимо ее устранить, подсыпав яду в ее любимое кушанье или напиток. За успешное выполнение этого плана будет выплачена крупная сумма. Смерть Екатерины устроит и других королей, врагов революции, и таким образом будет спасено дело свободы. Не сделав никакой подписи

¹ ЦГАДА, VII, № 2870, 1795 г. Дело о высылке за границу французов Деланже и Декаррье, подозревавшихся в сношениях с французскими революционерами.

на письме, один из соучастников доставил сфабрикованное письмо Плутону Зубову, объяснив, что нашел его на улице. Спасителям Екатерины от влияния французской революции в России не удалось доиграть до конца задуманную ими комедию, и они оба попали в Петропавловскую крепость. Пережить им пришлось немало; пришлось не один раз давать пространные показания, и они натерпелись немало страху, прежде чем были освобождены из крепости и отправлены тайной экспедицией на службу в один из городов Польши¹.

Вообще французская буржуазная революция конца XVIII века очень обострила внимание администрации российского самодержавия, в особенности деятельность тайной экспедиции и ее агентов. Я уже указывал выше, что среди заключенных Петропавловской крепости было немало французов. Очевидно, принадлежность к французской национальности того или другого лица заставляла администрацию быть настороже, а в ее агентах развивала особую охоту к доносам. Несомненно, что и сами эмигранты-аристократы, нашедшие себе гостеприимный приют в самодержавной империи, были готовы продолжать безопасную здесь для них борьбу со своими врагами. Так, например, представитель местной администрации из Митавы спешит в 1798 году сообщить в Петербург полученные им сведения об актере Шевалье и его жене. Эти артисты проезжали через Митаву, направляясь в столицу для игры в придворном театре. Рапорт указывает, что, по словам многих лиц из свиты французского короля, названные артисты «были весьма революционных мыслей» и сам Шевалье указывал в Лионе сторонников старого режима для расстрела их, а его жена исполняла при народных празднествах роль богини разума. Исход этого дела не известен².

К этому же 1798 году относится доклад минского губернатора Павлу. На этот раз под подозрение была взята дворянская девица Малишевская. На одном из пальцев ее руки был усмотрен перстень с изображением «силуэта Наполеона». Этот случай вдвойне интересен, во-первых, потому, что женщины очень редко привлекались тайной экспедицией, а во-вторых, и потому, что этот рапорт показывает, что имя Наполеона было известно в России уже в то время, когда он еще только совершал завоевание Египта и делал свои походы в Сирию.

¹ ЦГАДА, VII, № 2804, 1793 г. Дело о переводчиках коллегии иностранных дел Иване Стрелевском и Иване Буйде, сочинивших записку об опасностях от французской революции.

² ЦГАДА, VII, № 3144, 1798 г. Дело о французских актерах Шевалье и его жене, обвиняемых в революционных правилах.

Названная девица, вызванная к губернатору со своей матерью, объяснила, что она получила кольцо от своего приятеля, фамилия которого в деле не названа. Сама девица, по мнению губернатора, оказалась благонадежной, и Павел приказал прекратить дело¹. Надо добавить, что Малишевская была взята под подозрение не только в связи с обнаружением у нее кольца с изображением Наполеона, но и ввиду некоторого сходства ее фамилии с фамилией Малатшевского — секретаря соратника Наполеона генерала Бернадотта.

Одним из более ранних дел тайной экспедиции, создававшихся под влиянием страха русской администрации перед французской революцией, является дело 1794 года, возникшее в связи с тем, что на датском корабле, прибывшем в Кронштадт, была найдена модель французской гильотины. Выяснилось, что эта модель была изготовлена корабельным плотником в 1793 году во время пребывания корабля во Франции. По-видимому, такая находка на борту корабля, прибывшего в Россию, сильно взволновала не только местную власть в Кронштадте, но и Екатерину. Даже модель гильотины, под ножом которой был уложен французский король, наводила ужас на российскую императрицу. Последовало повеление сжечь эту модель «богомерзкой» машины. По-видимому, тот корабельный плотник, который сделал эту модель как современник и, вероятно, очевидец событий 1793 года во Франции, относился к ней совсем иначе².

Одновременно с моделью гильотины на датском корабле была найдена на американском корабле французская монета новой чеканки французской республики. Монета была также отобрана и отправлена на Монетный двор для исследования.

Говоря о политическом сыске времен Екатерины, нельзя обойти молчанием Шешковского. У современников с этим именем связывалось представление о полном беспределе всех, кто попадал в застенки подведомственного ему учреждения.

Шешковский начал свою службу по сыску в 1743 году в московской канцелярии тайных розыскных дел, а позднее перешел в такую же петербургскую канцелярию. Здесь при допросах применялись жестокие пытки. Карьера Шешковского началась с успехов, достигнутых им допросами под пыткой. От таких приемов он не отказывался и позднее, в течение всей своей службы

¹ ЦГАДА, VII, № 3108, 1798 г. Дело о перстне с силуэтом Наполеона Бонапарта, оказавшемся у девицы Малишевской.

² ЦГАДА, VII, № 225, 1794 г. Дело о привезенной в Петербург модели гильотины.

и после напыщенных фраз Екатерины о вреде пытки. Он прекрасно понимал, что эти слова остаются только словами, а успех получения признания пыткой заподозренных увенчает дело. Екатерина, создавшая взамен тайной канцелярии тайную экспедицию, оценила в Шешковском сыскные способности и быстро продвигала его вверх по ступеням служебной карьеры. Ему давались поручения по наиболее важным политическим процессам, как, например, по делу Мировича с его попыткой освобождения из Шлиссельбургской крепости заключенного там императора Иоанна Антоновича и по делу вождя крестьянского восстания Пугачева.

К концу 80-х годов Шешковский был уже полным хозяином в политическом сыске и надежным исполнителем воли самой царицы во всех более важных случаях. При входе в комнату присутствия тайной экспедиции Шешковский поместил большой портрет Екатерины в золоченой раме с надписью: «Сей портрет величества есть вклад верного ее пса Степана Шешковского». По словам биографа Шешковского, надпись под портретом соответствовала действительным качествам Шешковского: он был хорошей собакой-ищейкой. Его шпионы проникали всюду. От него самого не было спасения. Современники рассказывали, что комната, где он производил допросы, была сплошь уставлена иконами, «в речах его беспрестанно слышались тексты священного писания; когда же раздавались стоны и мольбы истязуемых, он с умилением читал акафист сладчайшему Иисусу и божьей матери»¹.

Смолоду воспитанный на практике тайной канцелярии, он был готов на все, и, по словам биографа, его верноподданнические энтузиазм и благодарность «благодетельнице» дорого обходились соотечественникам. Так перед иконами и перед портретом царицы и с ее ведома, под слова молитвы, творил свое гнусное дело Шешковский, которого А. С. Пушкин назвал «домашним палачом Екатерины»².

Слава палача крепко упрочилась за Шешковским у его современников, и вельможа Екатерины граф Потемкин при встрече с Шешковским спрашивал: «Каково кнутобойничаешь?» или «Сколько ты пересек кнутом в мое отсутствие?».

В лапы Шешковского попали наиболее крупные политические борцы екатерининской эпохи — Радищев и Новиков, на

¹ А. Н. Корсаков, Степан Иванович Шешковский, 1727—1794 гг., биографический очерк, «Исторический вестник», 1885, декабрь, т. 22, стр. 656.

² «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», изд. Академии наук, 1935, стр. 145.

которых обрушилась вся ярость Екатерины, перепуганной французской революцией. Сбрасывая с себя маску лицемерия, Екатерина стремилась жестокими мерами подавить всякое свободомыслие.

§ 21. ДЕЛО ПИСАТЕЛЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРА РАДИЩЕВА

Самой крупной фигурой екатерининской эпохи из числа заключенных в Петропавловской крепости был знаменитый писатель-революционер Радищев, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву», являвшийся, по словам Ленина, гордостью русского народа, дававший отпор насилию царизма¹.

В 1949 году вся общественность СССР широко отметила 200-летие со дня рождения Александра Николаевича Радищева. Это был глубокий патриот и писатель-революционер. У него не было в России предшественников по силе революционного пафоса. Императрица Екатерина успела в первые же дни после поступления в продажу сочинения анонимного автора «Путешествие из Петербурга в Москву» наложить свою державную лапу на книгу, арестовать книгопродавца, обнаруженного автора посадить в Петропавловскую крепость и очень скоро продиктовать суду страшный приговор борцу против самодержавия и против крепостного права, призывавшему народ к восстанию.

Д. Д. Благой, выясняя огромное значение Радищева как писателя-революционера, остро критиковавшего политический строй царской России конца XVIII столетия, писал: «Путешествие» Радищева является единственной в своем роде книгой по широте охвата явлений современной ему русской социальной действительности. Вопросы религии и права, этики и политики, экономики, отношений между сословиями, войны и мира, семейных отношений, положения женщины, воспитания и образования детей, просвещения и культуры (школа, печать, цензура) не только ставятся в его книге, но и получают замечательное революционное разрешение»².

Радищев со своей книгой «Путешествие из Петербурга в Москву» и одой «Вольность» резко отличался от французских

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

² Д. Д. Благой, Вступительная статья к книге А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», ГИХЛ, 1950, стр. 14 (подготовка текста и комментарий Л. Б. Светлова); см. также Д. Благой, Александр Радищев 1749—1949, Госполитиздат, 1949.

энциклопедистов. В то время как Вольтер и его единомышленники возлагали надежды на просвещенных монархов и кадили фимиами в своих письмах Екатерине, Радищев призывал к свержению трона, истреблению крепостников. В его «Путешествии» имеются следующие вдохновенные строки: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени, но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие!»¹. Здесь автор становился прозорливым, он видел в своих мечтах будущую действительность.

Эти и другие подобные строки из книги Радищева вызвали у Екатерины отзыв о писателе как «о бунтовщике хуже Пугачева».

Пугачев был приговорен к четвертованию, и труп его вместе с эшафотом был сожжен, а пепел развеян по ветру. К сожжению обречла Екатерина и творение Радищева. Но недаром русская пословица говорит: «Что написано пером, того не вырубишь топором». Сочинение Радищева распространялось в рукописях. Прямое указание на такое распространение сочинения Радищева (а также трагедии Княжнина «Вадим») мы встретили в показаниях декабриста Кюхельбекера следственной комиссии. Он говорил: «Их переписывают с жадностью и дорожат дерзким словом, которое находят в них»². Это показание устанавливает, что приговоренное Екатериной к уничтожению творение Радищева продолжало жить, действовать и распространяться. Радищев трагически погиб за 23 года до восстания декабристов, а голосу его внимали революционно настроенные представители русской интеллигенции первой четверти XIX века. Из пепла сожженных книг готово было разгореться пламя. Творение Радищева — бессмертно.

Екатерина решила расправиться с великим писателем-патриотом. Процесс Радищева был вызван, конечно, страхом Екатерины перед Французской революцией. На это имеются прямые указания в архивном деле, в котором сохранилась рукопись названной книги Радищева, показания его на допросах и копия его письма с отметкой мастера розыскных дел Шешковского.

¹ А. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, ГИХЛ, 1950, стр. 177.

² «Восстание декабристов», т. II, Госиздат, 1926, стр. 167.

ПУТЕШЕСТВИЕ.

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, спозвню.
и лаяй..“

Тилемахида. Томъ II Кн: XVIII. сти: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Рис. 9. А. Н. Радищев. „Путешествие из Петербурга в Москву“

В деле имеется копия с заметок, сделанных Екатериной на полях отпечатанной книги Радищева. Собственноручное ее примечание к тридцатой странице книги гласит следующее: «Намерение сей книги на каждом листе видно, сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выискивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства».

Здесь стоит припомнить некоторые строки из этой книги, заведшей Екатерину. Когда она говорит о попытках возмущения Радищевым народа против начальства, она имеет в виду прежде всего власть помещиков, которые были опорой ее трона. Слова Радищева были направлены против жестокости крепостного права, когда он писал: «Страшись, помещик жестокосердный, из челе каждого из твоих крестьян вижу я твое осуждение... Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец наша тощеты, насытител нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжаться тем, что обрабатывает, что производит»¹.

Он рассказывает об убийстве крепостными их помещика и его семьи за жестокое с ними обращение; помещик морил крестьян голодом, истязал их, заковывал в кандалы, надевал колодки на ноги, а на шею — рогатки; сыновья помещика истязали крестьян кошками и плетями, а дочери били по щекам и таскали за волосы женщин. Радищев вкладывает в уста асессора суда слова о вынужденности такого убийства, совершенного крестьянами как бы в состоянии обороны.

Обращаясь к жестокому помещику, Радищев восклицал: «Варвар, не достоин ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кои его производят, считаются наравне с вольным, определенным тяжкую вздирати борозду?».

Грозно звучит призыв Радищева к мщению: «Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалось им мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя».

Книга Радищева не могла дойти до неграмотных крепостных, но быстро дошла до тайной экспедиции и самой Екатерины. К несчастью, Екатерина оказалась одной из первых читательниц книги Радищева. Я говорю «к несчастью», потому что уже при чтении первых страниц «Путешествия» она преврати-

¹ А. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, ГИХЛ, 1950, стр. 52.

лась из читальницы в возмущенного цензора, а очень скоро и в свирепого судью автора. Недаром Храповицкий, личный секретарь Екатерины, в записях своего дневника отмечал, что императрица говорила о Радищеве «с жаром и чувствительностью», обвиняя его в распространении «заразы» французской революции¹. Первое упоминание в дневнике Храповицкого о гневе Екатерины, вызванном чтением «Путешествия», записано под 26 июня. Уже через три дня после этого, а именно 30 июня 1790 г., Петропавловская крепость поглотила автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Я воспроизвожу здесь дословно не появлявшийся, насколько мне известно, в печати документ, с которого началась короткая, но очень тяжелая история пребывания Радищева в Петропавловской крепости.

Этот документ гласит:

О Р Д Е Р

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ОБЕР-КОМЕНДАНТУ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ЧЕРНЫШЕВУ

«Посылается при сем с находящимся при мне дежур-подполковником и кавалером Горемыкиным коллежский советник и кавалер Радищев для содержания под стражею Санкт-Петербургской крепости в обыкновенном месте, которого ваше превосходительство изволите от того подполковника принять и во время содержания отнюдь никого к нему не допускать. Что же касается собственно до него, то изволите во всем поступать по наставлениям господина действительного статского советника и кавалера Шешковского»².

Кроме этого «ордера», в том же архиве имеется еще и другой «ордер» также на имя обер-коменданта Чернышева. Из этого второго документа видно, что для Радищева началась полоса допросов, для чего арестованный писатель препровождался в уголовную палату командированным этой палаты экзекутором, на обязанности которого лежала и обратная доставка Радищева в крепость. При этом снова подчеркивалось требование «содержать точно тем же образом и на том же основании, как о нем даны приказы от господина действительного статского советника Шешковского».

Неизвестно, в какое «обыкновенное место» в Петропавловской крепости был заключен согласно «ордеру» Радищев. К тому времени в районе Петропавловской крепости, кроме казематов в стенах крепости, находились три тюрьмы: смиренный дом, Коммисский казенный дом и деревянное здание внутри

¹ См. А. В. Храповицкий, Дневник, 1901, стр. 198—199.

² ЦГИА в Ленинграде, фонд 1280, оп. 2, д. № 43, 1790 г., лист. 116.

Алексеевского рavelина. Вероятнее всего, он был направлен в строжайшую по режиму из этих трех тюрем — в Алексеевский ravelин.

К сожалению, не удалось найти инструкции Шешковского о порядке заточения Радищева. Но в «ордере», сообщенном нами, кроме указания на предписание Шешковского, приводилось требование «относительно никого не допускать» к заключенному. Здесь, в одиночной камере тюрьмы Петропавловской крепости, Радищев переживал не только все тяжести тюремного заключения, но и мучения, связанные с допросами Шешковского, с волнениями судебного процесса и троекратным приговором к смертной казни.

Допросам Радищева членами уголовной палаты предшествовали допросы его самим Шешковским. Они производились в период от 26 июня до 12 июля 1790 г., вероятно, в тайной экспедиции. К этому времени Екатерина уже успела переслать Шешковскому свои замечания, записанные ею при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву».

Замечаний Екатериною сделано много. Они состоят или в отдельных словах или в целых фразах. Характер их показывает полную потерю Екатериною самообладания и ее ярость, которую ее личный секретарь почтительно назвал «жаром».

Историк В. Е. Якушкин, подробно рассмотревший замечания Екатерины на книгу Радищева, дал им правильную характеристику. Они показывают оскорбленное самолюбие Екатерины. Она даже подозревает автора в том, что не мстит ли он ей за какую-либо нанесенную ему обиду. Она отказывается разглядеть в горьких словах автора искренность и сводит все к его «амбиции», к стремлению прославиться. Но больше всего ее пугают страницы, которые напоминают ей события французской революции.

Екатерина превратила свои критические замечания в обвинительный акт против Радищева. Она горела мщением. Избранный ею в качестве следователя Шешковский уже не раз оправдывал доверие Екатерины по важнейшим политическим делам.

Теперь перед Шешковским лежали замечания Екатерины на книгу Радищева и сама книга. Шешковский выбрал из замечаний Екатерины несколько и составил так называемые «вопросные пункты», употребляя нередко буквально замечания самой царицы, — Радищев дал на них письменные ответы.

Следствие и суд заняли более двух месяцев. По тому времени это был краткий срок судебного разбирательства, но Радищев перенес его тяжело. Суд не сломил воли Радищева. Сви-

детельством тому служат слова Радищева, которые звучат в унисон со словами его «Путешествия из Петербурга в Москву». Они были написаны также во время «путешествия», которое совершал на этот раз Радищев из Петербурга в Илимский острог за 7000 верст от столицы. При проезде через Тобольск он написал следующие строки:

Ты хочешь знать: кто я? Что я? Куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истины я в страх
В острог Илимский еду.

Эти строки невольно наводят нас на мысль, что их автор вспоминал месяцы своего пребывания в Петропавловской крепости и сам ставил себе вопрос: не изменил ли он себе, остался ли он верен идеям, которые он развивал в своей книге? Он ответил на этот вопрос утвердительно и верил, что проложил дорогу смельчакам, «где не бывало следу».

Наиболее подробный очерк о судебном деле Радищева дал историк В. Е. Якушкин, получивший еще в 1882 году возможность изучения этого дела по архивным материалам и привлечший к своей работе многие другие материалы¹.

Допросы, произведенные Шешковским, преследовали цель выяснить преступный умысел Радищева и его возможных соучастников. Имеются указания на отсылку воспитательницею детей Радищева «гостинцев» Шешковскому и на получение ею от него успокоительных ответов. Он даже разрешил ей вместе с сыном Радищева свидание в крепости.

13 июля 1790 г. Екатерина издала указ на имя петербургского главнокомандующего графа Брюса о предании Радищева суду уголовной палаты. В этом указе преступление писателя было описано в выражениях, которые затем были повторены и в судебном приговоре: «Книга под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников

¹ См. В. Е. Якушкин. Суд над русским писателем в XVIII веке. К биографии А. Н. Радищева, «Русская старина», 1882, сентябрь, стр. 457—532. См. также Т. Шворина, А. Н. Радищев и его судебный процесс, «Проблемы социалистического права» 1932 г. № 2, стр. 122—129.

и начальства, наконец, оскорбительными выражениями против сана и власти царской».

Через день палата уголовного суда, получившая от Брюса копию означенного указа и экземпляр сочинения Радищева, приступила к судебному разбирательству. Согласно приказу Брюса она в закрытом заседании, не допуская в зал никого из сотрудников канцелярии, занялась прочтением книги Радищева. Никаких следственных материалов, и в том числе показаний самого обвиняемого, Шешковский в палату не переслал.

17 июля Радищев дал палате письменные ответы на предложенные ему вопросы. Он отрицал наличие соучастников, отрицал преступный умысел, объяснив издание книги лишь желанием получить известность как писатель. Он также указал фамилии тех лиц, кому он послал авторские экземпляры сверх 25-ти переданных книгопродавцу. Вместе с тем он заявил о сожжении им всего тиража его книги.

Конечно, слова Радищева об отсутствии у него умысла на поднятие восстания находятся в полном противоречии с его замечательным трудом. Правильно было отмечено в нашей литературе: «Анализ экономической и политической жизни России и Западной Европы, изучение тогдашних общественных порядков убедили Радищева в том, что ни царь, ни помещики-крепостники не захотят добровольно отказаться от своих сословных привилегий и угнетения народа, не захотят даровать ему свободу. Поэтому для угнетенного крестьянства нет иного выхода, как своими руками обеспечить себе свободную жизнь и безбедное существование»¹.

Палата, не доверяя Радищеву, вновь допрашивала его 19 июля, прибегнув к помощи священника, но обвиняемый остался тверд в своих показаниях. Однако палата продолжала искать сообщников и поэтому допросила некоторых из тех, кто получил от автора его книгу. В числе них оказался Царевский, преподаватель детей Радищева. В его экземпляре имелись поправки и помарки. Радищев подтвердил, что все они сделаны им самим при корректуре набора. Но члены суда в поисках соучастника составления «преступного» сочинения не нашли полного сходства в почерке Радищева и поправках в книге. Подозрения рассеялись только после того, как Радищев на особом листе написал слово, вызвавшее сомнения палаты. Это произошло 24 июля, и в этот же день был вынесен обвинительный приговор.

¹ И. Я. Шипанов, *Общественно-политические и философские взгляды А. Н. Радищева*, М., 1950, стр. 10.

Приговор уголовной палаты вместо какого-либо юридического обоснования дословно повторил уже известные нам слова указа Екатерины от 13 июля о предании Радищева суду. И как мог этот суд поступить иначе, если сама императрица установила вину автора «Путешествия». Осталось совершенно не известным, в чем именно состояли преступления Радищева, подведенные палатою уголовного суда под ст. ст. «Уложения 22 главы 13 пункта Воинских 20, 127, 135, 137, 149 артикулов и 101 толкования, а также морского устава 5 книги 14 главы 103 артикула и на оный толкования»¹.

По-видимому, Радищев считал, что жизнь будет оборвана руками палача. Показателями такого его настроения является написанное им 27 июля завещание и, вероятно, в то же время отправленное письмо Шешковскому. В первой из названных бумаг он делал распоряжения о своем имуществе, об освобождении на волю некоторых из крепостных, просил прощения у родителей за причиненное им горе, просил позаботиться о его детях и пр. Письмо к Шешковскому затрагивало эти же самые темы, в нем Радищев просил разрешить последнее свидание с родными. Общее впечатление от обоих этих документов тяжелое.

Мысль Радищева о неизбежной смертной казни должна была еще более укрепиться после утверждения 7 августа Сенатом приговора палаты уголовного суда. Сенат, передавая свой приговор на утверждение Екатерине, постановил: до воследования высочайшего указа о смертной казни заковать осужденного в кандалы и сослать его в каторжные работы в Нерчинск, чтобы таким образом отнять у него возможность вновь совершать «такие предприятия».

Екатерина, в удовлетворение воли которой постановили свои приговоры оба судилища, лицемерно предоставляла Государственному совету окончательно решить участь осужденного, заявив вместе с тем, что сочинение Радищева явилось нарушением присяги на верность престолу. Конечно, Государственный совет согласился с этим и подтвердил 19 августа осуждение виновного. В третий раз был вынесен смертный приговор.

После утверждения высшим государственным учреждением империи осуждения автора «Путешествия» императрица успокоилась. Необычная спешка судебного разбирательства прекратилась. Для осужденного же начались томительные дни ожидания санкции самой императрицы. Екатерина теперь уже

¹ В. Е. Якушкин, *Суд над русским писателем в XVIII веке. К биографии А. Н. Радищева*, «Русская старина», 1882, сентябрь, стр. 501.

не торопилась. Только через две недели, 4 сентября, она дала указ Государственному совету. Снова дословно приводилось обвинение Радищева из указа 13 июля с добавлением осуждения за нарушение присяги верности престолу и признания виновности в самовольном пополнении своего сочинения без разрешения цензуры. Подчеркивая свою милость, Екатерина заменила смертную казнь лишением дворянства, чинов и ордена и ссылкой в Сибирь в Илимский острог, на десятилетнее безысходное пребывание.

Писателя отправили в Сибирь закованным в кандалы. Их сняли лишь в пути благодаря хлопотам князя Воронцова, любившего Радищева и заботившегося о нем и после его осуждения. Однако никакие хлопоты не поколебали гнева Екатерины. Только после ее смерти Павел вернул 23 ноября 1796 г. писателя из ссылки для проживания в имении под негласным надзором. Через пять лет, 15 марта 1801 г., последовала полная амнистия осужденного, и он был призван к участию в «Комиссии законов». Здесь Радищев с жаром принялся за работу, но его намерения шли дальше, чем намерения умереннейших либералов-аристократов, рассчитывавших вовремя предпринятыми реформами отдалить от России опасность революционного потрясения. Радищеву же, вновь обнаружившему опасный образ мыслей, пригрозили Сибирью. Не выдержав гнета самодержавия, Радищев в 1802 году покончил жизнь самоубийством. «Потомство за меня отомстит», — сказал он перед смертью¹.

Невольно возникает вопрос, о каком отмщении говорил в своих последних предсмертных словах Радищев: за что, кто и кому должен был отомстить?

Автор протеста против гнета самодержавной власти и против крепостного права, призывавший крестьян к активным действиям, трижды выслушивал приговор к казни, постановленный крепостниками-судьями, — уголовной палатой, Сенатом и Государственным советом. Он жестоко обманулся, когда согласился работать вместе с этими крепостниками в либеральной комиссии законов Александра I.

В борьбе против крепостного права путем реформ Радищев снова потерпел поражение. Когда ему пригрозили второй ссылкой в Сибирь, его терпение истощилось. Он увидел, что путь реформ — не его дорога. И с новой силой воскресла прежняя его вера, что народ сам — кузнец своего счастья.

¹ См. «История СССР», т. II (Россия в XIX веке), изд. 2-е, исправленное и дополненное, под ред. проф. М. В. Нечкиной, 1949, стр. 45 и 46.

Так он умирал, потеряв веру в себя, но не в свои идеалы, не в свой народ, бедственное положение которого он так хорошо знал. Эта вера внушала ему, что сам народ явится мстителем за себя и за него и отомстит своим угнетателям¹.

§ 22. ДЕЛО САМОЗВАНКИ КНЯЖНЫ ТАРАКАНОВОЙ-ВОЛОДИМИРСКОЙ

В ночь с 24 на 25 мая 1775 г. яхта с командой Преображенского полка и Толстым прибыла в Кронштадт и отсюда доставила в Петропавловскую крепость захваченных в Ливорно графом Орловым посредством гнусного, вероломного обмана «княжну Тараканову», известную самозванку, именовавшую себя дочерью императрицы, служанку ее Франциску фон Мешедде, трех лакеев и поляков Даманского и Черномского с двумя их камердинерами. Здесь они были размещены по казематам. Допрос арестованной вел в ее камере четыре дня подряд князь Голицын. Он доносил царице, что самозванка не сознается, но пока он не сделал никаких ограничений в ее пище и оставил при ней служанку. Вместе с тем он добавлял, что «самозванка» больна чахоткой и харкает кровью.

В словах письма о том, что в пище больной, харкающей кровью узницы пока не сделано ограничений, уже слышится решение не остановиться перед ограничениями, чтобы ухудшенным режимом вынудить сознание пленницы. Режим действительно был ухудшен: Голицын приказал отобрать от заключенной все, кроме постели и самого необходимого платья, давать ей пищу, сколько нужно для поддержания жизни, не допускать к ней служителей. В камере днем и ночью находились офицер и два солдата. Эта мера была принята под влиянием письма Екатерины, рассерженной письмом к ней заключенной и требовавшей принятия мер строгости, чтобы «образумить» самозванку, «наглость» которой, по словам Екатерины, «выходит из всяких возможных пределов».

Присутствие мужчин в камере очень тяготило узницу, и она новым письмом умоляла Екатерину избавить ее от присутствия солдат у ее кровати. По-видимому, женщина-императрица прекрасно понимала тягость такого присутствия солдат у постели женщины, но она не была склонна изменить режим

¹ Наиболее полно процесс А. Н. Радищева освещен в книге Д. С. Бабакина «Процесс А. Н. Радищева», М.—Л., 1952. См. также Г. П. Макагоненко, Радищев и его время, М., 1956.—Ред. кол.

своей конкурентке на трон. Ненавистью и злобой дышат слова Екатерины в ее письме к Голицыну от 29 июня: «Распутная лгунья осмелилась просить у меня аудиенции. Объявите этой развратнице, что я никогда не приму ее, ибо мне вполне известны и крайняя ее безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоить чужие имена и титулы. Если она будет продолжать упорствовать в своей лжи, она будет предана самому строгому суду»¹.

Винский, заключенный в Петропавловскую крепость, как мы уже знаем, вскоре после заключения туда «княжны Таракановой», вспоминает в своих записках рассказ тюремного сторожа о посещении арестантки графом Орловым, на которого она кричала и топала ногами. Возможно, что он приходил сюда не только из любопытства увидеть свою жертву, но и для попытки получить от нее признание и новые показания. 4 декабря 1775 г. «самозванка-бродяга» умерла, и, по преданию, труп ее был зарыт во дворе Алексеевского рavelина. «Принцесса Володимирская» — одна из очень немногих женщин, о которых мы знаем как об узницах Петропавловской крепости за период последней четверти XVIII века и за несколько десятилетий XIX века. Надо признать, что в тюремном режиме этой женщины, может быть, самым тяжелым было то, что в ее камеру был поставлен наряд тюремной стражи из трех человек. Для целей охраны узницы от побега или самоубийства это было, конечно, совсем излишне, так как побег отсюда был невозможен, а самоубийство могло быть предупреждено наблюдением в иной форме. Увеличение числа стражи в камере арестантки до трех человек ничем не могло быть оправдано и было рассчитано именно на отягощение тюремного режима. В таком случае не только активная роль Екатерины, но и простое допущение этого средства ради того, чтобы вынудить показания арестантки, отличаются гнусностью и продуманной жестокостью.

§ 23. ДРУГИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В КРЕПОСТЬ В 90-х ГОДАХ XVIII ВЕКА

Из других заключенных Петропавловской крепости за екатерининский период мне попались имена узников за 1793 год. При осмотре крепости ревизор обратил внимание на шестерых

¹ М., «Княжна Тараканова или принцесса Володимирская», «Русский вестник», 1867, июль — август.

арестантов, из которых пятеро были доставлены сюда с театра военных действий против турок. Один из них — молдаванин, а четверо — донские казаки были взяты в плен у турок и поэтому заподозрены в государственной измене. Молдаванин, 80-летний старик, объяснял его арест случайностью и ошибкой, а донские казаки оказались потомками русских выходцев в Турцию. Все пятеро были освобождены. Шестой заключенный обвинялся в растрате крупной суммы казенных средств и был переведен отсюда для суда над ним в генерал-аудиториат. Этот случай является подтверждением того, что Петропавловская крепость была местом заточения и за уголовные преступления, направленные против интересов казны. Из таких преступников сюда часто попадали подделыватели ассигнаций и монет, иногда переводившиеся отсюда в Шлиссельбургскую крепость¹.

Галерея узников Петропавловской крепости этой эпохи была вообще разнообразна. Здесь побывал пользовавшийся в то время широкой известностью монах-«прорицатель» Авель. Его «прорицания» обошлись ему очень дорого, и он расплачивался за них своей свободой, пребывая то в крепостях, то в монастырских тюрьмах. По сведениям печатных источников, этот монах имел плохое обыкновение, очень не нравящееся носителям верховной власти (Екатерине, Павлу, Александру и Николаю), — предсказывать им день их смерти и другие неприятности². В подлинном деле, найденном нами в архиве, имеются сведения о пребывании этого «неприятного прорицателя» в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, в Соловецкой тюрьме. Он происходил из крестьян и был крепостным Нарышкина. Получив вольную, он постригся в монахи, совершил паломничество в Царьград. Он был не только грамотным, но и сочинителем мистических религиозных рукописей. На допросе он показывал, будто видел в небесах две книги и записал их содержание. Но это небесное писание не пришлось по вкусу ни православному духовенству, ни всероссийской правительнице. В рукописи, «списанной с небесной книги», нашли и отступление от православия и преступление против «величества». Приговор и указ Екатерины устанавливают, что сочинитель рукописи подлежал бы смертной казни, но, по милосердию императрицы, отправляется на вечное заключение в Шлиссельбургскую крепость. Отсюда его ненадолго освободил Павел.

¹ ЦГАДА, VII, № 2801, 1793 г. Дело об арестантах, в С.-Петербургской крепости содержавшихся: некрасовцах, Дмитриеве, Шаблыкине и др.

² См. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, т. 1, стр. 74.

Время от мая 1800 года по март 1801 года Авель провел в Петропавловской крепости, откуда был сослан Александром I в Соловецкую монастырскую тюрьму, но в том же году (17 октября 1801 г.) был переведен из арестантов в монахи¹. Как мы уже сказали выше, на этом еще не прекратились его странствования по разным местам заточения.

Эпизод из жизни Авеля-«прорицателя» очень красочен. Он накладывает новые штрихи на картину бытовой и политической жизни России времен от Екатерины до Николая I, который заточил Авеля в Спасо-Евфимьевский монастырь. Здесь этот не признанный царями пророк, но тем не менее страшный для них его предсказаниями, умер 78 лет от роду в 1831 году.

Итак, в галерее узников Петропавловской крепости интересующего нас периода мы видим заточенных за оскорбление «величества», за критику самодержавия и крепостничества, за религиозные преступления, за казнокрадство, за подделку денег. Но эти преступления не исчерпывают перечня тех случаев, которые приводили к заточению в Петропавловской крепости. Правительство в лице самой монархии заточало сюда и за дела любовные. Образчиком такого дела является обширное производство о графе Апраксине 1775 года². Он был заточен в Петропавловскую крепость за оскорбление чести императорского двора.

По неизвестным причинам Екатерина проявила непомерно большой интерес к делу графа Апраксина. Остается неизвестным, в чем состояло преступление Апраксина, за которое он попал в Петропавловскую крепость. По-видимому, оно состояло не только в какой-то «дерзости» по отношению к императорскому двору, но имело какое-то отношение и к семье Разумовского, так как Апраксин был освобожден из крепости с зачетом являться ко двору и видаться с семьей Разумовского. Несмотря на этот запрет, он имел тайные свидания и переписку с дочерью Разумовского Елизаветой, с которой и обвенчался тайно в сельской церкви. Екатерина пришла в сильнейшее негодование. Она собственноручно написала письма не только губернаторам с приказом поймать скрывшегося Апраксина с его молодой женой и посадить его до ее приказа «в крепкое место». При допросе пойманных беглецов Апраксина спрашивали, как он переписывался с Елизаветой, где

¹ ЦГАДА, VII, № 2881, 1801 г. Дело о крестьянине Василии Васильеве, находившемся в Костромской губернии в Побавском монастыре.

² ЦГАДА, VII, № 2410, 1775 г. Дело о генерал-поручике графе Апраксине, увезшем дочь графа Разумовского.

эти письма, сколько их было и т. д. Приговор по этому любовному делу был чрезвычайно суровым: Апраксин был сослан в тобольский Далматов монастырь на «безысходное там житие» под охраной специальной воинской команды из четырех человек. Ему были запрещены всякая переписка и свидание с кем бы то ни было. На таких же условиях была заключена в московский Новодевичий монастырь его жена Елизавета, но очень скоро была оттуда освобождена и сослана в деревню к своей сестре. После более чем двухлетнего пребывания в монастырской тюрьме Апраксину было разрешено (декабрь 1777 г.) проживание в Казани, а еще через четыре года — во внутренних губерниях, за исключением столиц, и только Павел в 1796 году снял это запрещение.

Описанное нами дело Апраксина интересно для нас как показатель того, до какой степени находилась под контролем семейная жизнь даже лиц господствующего класса и до какой степени дешево ценилась свобода российского подданного. Более двадцати лет прошло, прежде чем Апраксин с женой получили возможность свободного передвижения.

Как ни был разнообразен состав заключенных Петербургской крепости при Екатерине, Павел сумел внести новое разнообразие. Он нередко заключал в крепость представителей офицерства и высшего военного командования. Вина этих заключенных при отправке в крепость и даже в Алексеевский равелин или совсем не указывалась или указывалась в очень неопределенной форме, как, например, «за дерзновенные разговоры», «за неоднократно чинимые продерзости» и т. п. Так, полковник Елагин был по повелению Павла «заперт в крепость навсегда за дерзновенные разговоры». Впрочем, переходы от одного настроения к другому были у Павла обычным явлением, и поэтому пожизненно заключенный Елагин был освобожден уже через полтора месяца, а через одиннадцать месяцев вновь заключен в эту же крепость в кордегардию без указания срока заключения¹. Контр-адмирал Чичагов был посажен в Алексеевский равелин. Его дважды навещал здесь петербургский военный губернатор фон-дер Пален по повелению Павла, очевидно, для допросов, и через 11 дней Чичагов был освобожден из этого самого сурового места заточения². На четыре с половиной месяца попал в крепость барон Шпренгporten за

¹ ЦГАДА, VII, № 2915, 1796 г. Дело о заточении полковника Елагина в Петербургскую крепость, листы 1, 3, 4.

² ЦГАДА, VII, № 3398, 1799 г. Дело о заключении в равелин С.-Петербургской крепости адмирала Чичагова.

«неоднократно чинимые им продерзости», но этот срок не был установлен при заключении в крепость, и освобождение последовало так же внезапно, как и само заточение¹. Со специальным курьером мчали из далекой Сибири майора Агиянова для заточения его в Петербургскую крепость, но уже через 4½ месяца он был отпущен на свободу².

Опасность попасть в Петропавловскую крепость по повелению Павла открывалась перед каждым офицером по ничтожным поводам и просто по капризу царя, и отсюда проистекали боязнь за свою судьбу и ненависть этого офицерства, укоротившая жизнь Павла.

Более глубока была ненависть, которую питало к царю беспощадно эксплуатировавшееся крестьянство. Не случайно имелось обилие дел в тайной экспедиции по обвинению крестьян в оскорблении «величества». Один крестьянин на почве денежных расчетов с попадшей с горечью и негодованием сказал ей: «Курносый и плешивый велел на вас работать». Местное духовенство сейчас же об этом донесло своему начальству, а последнее сообщило военному губернатору, который и довел до сведения царя об этих малопривлекательных эпитетах; в результате было «высочайше повелено» о предании крестьянина суду³. Другой крестьянин назвал царя «царишкой», третий — «антихристом», а акцизный служитель, по сделанному доносу, будто бы сказал, что царь не стоит и хвоста селедки⁴.

Жертвой подозрительности Павла стал донской атаман Платов, ставший позднее во время войны с Наполеоном очень популярным командиром казачьих войск. В Петропавловскую крепость он был отправлен 9 октября 1800 г. из Костромы, где пребывал безвыездно по повелению Павла с конца 1797 года под надзором полиции⁵. Основанием для ссылки, а затем и для заключения Платова в крепость послужил ложный донос на него о его намерении стать во главе казачьих войск Дона и отделиться от Российской империи.

¹ ЦГАДА, VII, № 3256, 1789 г. Дело барона Шпренгпортена, который посажен в Петербургскую крепость.

² ЦГАДА, VII, № 3336, 1799 г. Дело о доставлении в СПб. крепость заключенного из службы майора Агиянова.

³ ЦГАДА, VII, № 3116, 1798 г. Дело о крестьянине Афанасии Федорове, отданном под суд за называние государя курносый и плешивый.

⁴ ЦГАДА, VII, № 3335, 1799 г. Дело об акцизном служителе Петре Габихте, говорившем, что государь не стоит сельдяного хвоста.

⁵ ЦГАДА, фонд тайной экспедиции, № 3068, 1797 г. Об отправлении в Кострому генерал-майора Платова и о надзоре за жизнью его там, лист 22.

О пребывании Платова в Петропавловской крепости имеются противоречивые сведения. Одни из этих сведений исходили от автора очень тенденциозной объемистой книги, опубликованной в 1821 году, уже через три года после смерти Платова, и посвященной императрице Марии Федоровне, жене того самого Павла, который заточил казачьего атамана в Петропавловскую крепость. Автор, превозносящий гуманность и справедливость Павла и обвинявший во всем завистливых врагов генерала Платова, изобразил последнего как смиренного узника крепости, проводившего там время за чтением священного писания. Когда же к нему в темницу явился вестник царя с приказом о его освобождении, он, умиляясь сердцем, повергся троекратно на землю, трижды облобызал возвращенную ему саблю «и, проливая слезы из померкших и ослабевших глаз своих», выразил свою готовность обнажить меч на того, кто дерзнет пойти против его государя¹. За все перенесенное Павел наградил Платова табакеркой со своим портретом и отправил во главе войск походом в Индию, стоившим России огромных жертв. Смерть Павла прервала этот поход и вернула Платова на родину.

Совсем другое описание пребывания казачьего атамана в Петропавловской крепости дал его биограф Тарасов, сославшийся на воспоминания самого Платова. По-видимому, эти строки заслуживают доверия, хотя и не подтверждены ссылкой на соответствующие источники.

В камере заключенного была холодная пронизывающая сырость, от которой узник заболел «жесточкой горячкой». По словам Платова, «от печей несло таким чадом, от которого глаза его ело, как от хрена. Стены были мокры и скользкие, а по полу бегали крысы. Сначала мне это казалось гадким, а напоследок я к этому гаду и он ко мне, друг к другу привыкли»². Такое описание камеры и переживаний заключенного не расходятся с уже известными нам описаниями Винского. Платов вспоминал не чтение священного писания, не свои земные поклонны, а свои болезни и крысы. Вспоминал он при выводе из камеры не радость освобождения, а страх — не ведут ли его на казнь. Перед доставкой во дворец пришлось заключенного мыть в бане, брить и стричь, переодеть в чистое белье и генеральскую форму. Перед выездом из крепости он попросил

¹ См. Н. Смирный, Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова, ч. 1, М., 1821.

² Е. И. Тарасов, Донской атаман Платов (1751—1818 гг.), СПб., изд. «Вестник казачьих войск», 1902, стр. 9.

дать ему подкрепиться, «а то в проклятом каменном мешке всегда впроголодь сидел». Совсем не о готовности «обнажить меч свой» за царя говорят его воспоминания о согласии идти походом в Индию: «хоть к черту на рога, к самому лукавому в пекло идти, а не в этот проклятый, гнилой каземат»¹.

§ 24. ДЕЛО ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Настоящие итоги безудержно широкой и беспредельно произвольной борьбы Павла с представителями различных классов и слоев населения путем заточения их в разные крепости, тюрьмы и ссылки были подведены в 1801 году, когда указом 2 апреля Александр I повелел закрыть тайную экспедицию, а заключенных и состоявших под надзором по разным городам и губерниям частью освободить, а частью передать в другие учреждения.

Закрытие тайной экспедиции произошло в первые годы либерализации Александра I и отвечало интересам того офицерства, представители которого возвели Александра I на престол.

Архивное дело о закрытии тайной экспедиции представляет выдающийся интерес, так как в нем собраны сведения о тайной экспедиции, о заключенных, ссыльных и высланных «под присмотр», с указанием их фамилий, социального происхождения и преступления. Составленный список показывает, что в той его части, где должны были даваться сведения о преступлениях, очень часто указано: «причина неизвестна», «за что прислан не сообщено». Одним из характерных примеров является случай с мастеровым Барнаульского завода Витязевым. Экспедиция сообщала, что он содержится в Екатеринбургском остроге с 1757 года, т. е. 43 года, а за что — неизвестно. И сам арестант причин его задержания объяснить не может вследствие «старости и помешанности в уме». В «колодничьем списке» лишь значилось, что Витязев прислан по указу «святейшего синода», на содержание ему отпускается по од-

¹ Декабрист Лорер вспоминал в своих записках, что в 1815 году ему пришлось слышать от самого атамана Платова, как тот говорил: «Крепко грустил я в крепости, не зная, чем кончится моя участь». Другой заключенный Ермолов, позднее главнокомандующий на Кавказе, ободрял его: «Не грусти, казак, — атаманом будешь» («Записки декабриста Н. И. Лорера», М., 1931, стр. 184).

ной копейке в сутки. Добавим, что арестант обходился правительству всего в 3 р. 65 к. в год, а за все 43 года — в 156 р. 95 к. При таких ничтожных расходах на содержание арестантов можно было не ограничивать себя в назначении пожизненного бессрочного заключения и забывать осужденного!

В присланных из разных губерний списках тех лиц, которые числились за тайной экспедицией, оказалось очень много сосланных, о вине которых не знали ни на местах, ни сама экспедиция. Пришлось завести обширную переписку для выяснения оснований высылки, ссылки или заточения разных лиц. Дело по такой переписке занимает несколько сот страниц.

Громадное большинство наказанных относится к периоду царствования Павла и в особенности к 1800 году. Каждое место заключения имеет свои особенности или по классовому составу заключенных, или по их преступлениям. Среди сосланных в разные города и селения преобладают лица дворянского сословия и особенно офицеры, а среди сосланных в Нерчинск — крестьяне и солдаты; с сектантами-«духоборами», являвшимися почти исключительно крестьянами, расправлялись в Динамундской крепости.

На первом месте в списках тайной экспедиции стоят Алексеевский равелин и Шлиссельбургская крепость. Алексеевский равелин из ведомства тайной экспедиции передан был в управление коменданта Петербургской крепости. Ко времени составления списков в нем и в Петербургской крепости было заключено 19 человек, и большинство из них было освобождено. Среди заключенных содержалось несколько человек военных из числа офицеров за несоблюдение формы, за грубость начальству, один за подачу просьбы царю во время «вахт-парада». Заключение обычно сопровождалось лишением чинов. Относительно многих причины их задержания были неизвестны. Так, например, Марков был заточен 17 июня 1798 г. без указания вины; освобожденный через полтора года, 24 декабря 1799 г., он через восемь дней был вновь заключен туда же и опять по неизвестным причинам.

В Шлиссельбургской крепости в списке было 49 человек, из них 23 человека с 1800 года. Самым старым заключенным был Савва Сирский, содержавшийся с 1776 года за подделку ассигнаций. На втором месте по времени содержания был раскольник Протопопов — с 1786 года. Немало было и военных. Из числа политических деятелей был освобожден после 6½ лет заключения писатель, боровшийся против крепостного права, — поручик Кречетов.

§ 25. ДИНАМЮНДСКАЯ КРЕПОСТЬ И ДРУГИЕ КРЕПОСТИ

В названном мною архивном деле об уничтожении тайной экспедиции встретились сведения, кроме Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, также о заключенных в Динамюндскую, Кексгольмскую и Ревельскую крепости. Ввиду того, что в печати об узниках этих крепостей не было до настоящего времени никаких сведений, мы уделяем им особое место. Но я даю эти сведения в главе о Петропавловской крепости, поскольку в использованном мною архивном деле даны материалы, кроме этой крепости, также и по другим местам лишения свободы, — при однородности этих материалов было бы неправильно разрывать эти сведения по различным местам заключения.

В Динамюндской крепости по спискам экспедиции состояло около 250 человек, из них 228 человек духоборцев, мужчин и женщин, и в том числе 40 человек сосланных ранее на поселение на остров Эзель, где они отказались платить подати и признавать правительство. В этой же крепости содержались четверо скопцов и трое за государственные преступления. Из этих трех один был дворовый человек, следовавший примеру Пугачева и выдававший себя за Петра III. Двое других были военные. Один из них, майор Пасков, исключенный со службы, был заточен сюда за литературное произведение противоправительственного содержания. Это произведение названо в списках «дерзновенным сочинением», в котором первые буквы каждой строфы составляют слова «Екатерина II».

Я разыскал архивное дело о майоре Паскове. Среди материалов дела оказалось очень большое и очень смело написанное стихотворение. В нем девять строф, в каждой строфе по восемь строк. Каждая строфа начинается с букв, из которых составляется имя Екатерины. Я приведу здесь целиком восемь строк первой строфы и несколько строк из другой строфы.

Если разум нам природа
К благу общему дала,
То почто одна порода
Над другою верх взяла.
Прав природы отступившись,
Варварства во след пошла.
Благом общим почитает
Прихоть выполнить свою.

Ересь всюду распростерла,
Будто бог ее послал,

Чтоб тому главу сотерла,
Кто прогив ее восстал.

Из сопоставления материалов этого архивного дела с материалом архивного дела об уничтожении тайной экспедиции выяснилась возмутительная подробность. Признание у майора Паскова (он же Пассек) было вынуждено обманом. Он упорно отрицал свое авторство. Ему это сделать было тем удобней, что стихотворение было переписано не его рукой. Сыскных дел мастер не постеснялся доносить, что вместо той суровости, которую применили при допросе к Пассеку, он решил добиться его признания мягким обхождением. Пассек признался. Ему было даровано помилование, оказавшееся обманом, так как вместо военной службы он попал в заточение в Динамюндскую крепость. Здесь он кричал о своей невинности. На соответствующий запрос начальника секретной бумагой было отвечено, что Пассек является автором дерзостного стихотворения и необходимо «зажать рот его». В секретной бумаге дословно были употреблены именно эти слова¹.

До нас дошло описание самим Пассеком условий его содержания в Динамюндской крепости, где он содержался в каком-то очень сыром помещении, называемом им самим «погребом»: «Я прислан был в Динамюнд под присмотр впредь до повеления, а меня с самого первого дня стеснили до того, что три года и до самой отставки коменданта Шилинга не позволялось мне выходить из сего погреба. Здоровье мое день ото дня повреждалось более, а к вящему разрушению оного, инженерный полковник Смольянинов по жестокости своей, не взирая на мои представления, приказал обречь жилище мое рвом. Со всей почти крепости стекала в оный дождевая вода и подходила под пол сей комнаты; из сухой и летом она сделалась необычайно сырой, более нежели на аршин плесень покрывала стены внутри, а зимой лед и снег и чад от того были почти непрестанно. Через полтора года потом сей ров зарыли, но сырость мне осталась уделом. Сердце мое обливается кровью при воспоминании ужасных картин сих»².

В этом деле сказались основные характерные черты той эпохи. Бесстыдный обман был применен как средство получить признание, которого не добились всей суровостью допросов того времени. Нисколько не постеснялись похвастаться

¹ ЦГАДА, VII, № 2846, 1794 г. Дело о Василии Пассеке или Паскове.

² «Отрывок из жизни Василия Пассека, им самим сочиненный в С.-Петербургской градской тюрьме в 1803 г.», «Русский архив» 1863 г., изд. 2-е, 1866.

удачей такого обмана. Не устыдились употребить в официальной переписке грубейшие слова, когда говорили о затыкании рта автору стихотворения. И, наконец, потеряв всякий стыд, объявив о милостивом прощении, заточили в Динамюндскую крепость смелого поэта. Не один раз придется нам встретиться с этой политикой Екатерины и ее преемников, политикой зажимания рта тем, кто выступал против них и их режима и кого они заточали в свои крепости, монастыри и тюрьмы.

Другой политический заключенный Динамюндской крепости — Каховский; он был заточен в Динамюндскую крепость «за вольные суждения и критику о службе, одежде, налогах и о прочем, клонящемся к развращению нравов, и читал французскую трагедию Вольтера о смерти Кесаря и, переведя по-русски, сказал: «есть ли бы это нашему». Нельзя сказать, чтобы такая мотивировка была грамотна, но нельзя не признать, что она довольно ясно выявляет политический облик вольнодумца-полковника.

В общем, население Динамюндской крепости было более однородно по характеру преступлений; здесь были заключенные за религиозные и политические убеждения и за политическое самозванство. Впрочем, сюда же попал и один помещик «за бесчеловечные и жестокие поступки».

Я черпал приведенные выше сведения из материалов, которые носят такое заглавие: «Списки по тайной экспедиции о всех вообще при разных местах содержавшихся арестантах и по деревням и городам живущих под присмотром людях». Список составлен на 12 марта 1801 г. Он не отличается исчерпывающей полнотой, и потребовались другие дополнительные списки. На основании этого списка можно составить такую цифровую таблицу о числе арестантов и лиц, высланных под присмотр тайной экспедиции:

Петербургская крепость	19 чел.	Костромская губ.	4 чел.
Шлиссельбургская "	41 "	Тульская губ.	1 "
Динамюндская "	250 "	Рязанская губ.	1 "
Рижская "	6 "	Нижегородская губ.	2 "
Петербургский ратгауз	18 "	Славотская Украинская	2 "
Соловецкий монастырь	14 "	Киевская губ.	12 "
Суздальский "	18 "	Эстляндская губ.	2 "
Московская губ.	21 "	Симбирская губ.	2 "
Саратовская губ.	2 "	Новгородская губ.	4 "
Тамбовская губ.	2 "	Вологодская губ.	5 "
Кексгольмская крепость	10 "	Пермская губ.	61 "
Казанская губ.	2 "	Лифляндская губ.	16 "
Смоленская губ.	7 "	Малороссийская губ.	3 "
Вятская губ.	2 "	Белорусская губ.	4 "

Калужская губ.	5 чел.	Новороссийская губ.	4 чел.
Тобольская губ.	41 "	Иркутская губ.	22 "
Каменец-Подольская губ.	4 "	Нерчинск	74 "
Оренбургская губ.	2 "		

Вслед за этим первым общим и основным списком стали поступать дополнительные списки на пропущенные фамилии и на дела, не законченные следствием. В первом списке пропущенных фамилий оказалось 47, кроме того, 12 по Петербургскому ратгаузу и пр.

Дополним приведенные нами сведения о заключенных Петербургской, Шлиссельбургской и Динамюндской крепостей сведениями о некоторых других местах заключения.

В Кексгольмской крепости к 12 марта 1801 г. в числе находившихся в крепости прежде всего отмечены пять человек семьи Емельяна Пугачева. Из подлинного дела Пугачева видно, что он был доставлен в Москву одновременно с первой женой и сыном. Все они были заключены в помещениях Монетного двора, но жена его и сын были заключены в особую камеру. Вскоре сюда же были доставлены с нянькой две маленькие дочери Пугачева от первого его брака и вторая жена Пугачева, которой было в то время 15 лет. После казни Пугачева все они были помещены в Кексгольмскую крепость. Первые сведения о них мне попались в деле 1796 года, когда был произведен осмотр крепости специально командированным Макаровым. Таким образом, прошел уже 21 год пребывания Пугачевых в крепости. Они все были живы, и Макаров писал о них в рапорте: «Софья и Устинья жонки бывшего самозванца Емельки Пугачева, две дочери девки Аграфена и Крестина от первой и сын Трофим с 1775 г. Жонки и девки содержатся в замке и особливом покое, а парень на гаупт-вахте в особливой комнате. Содержание получают от казны по 15 копеек в день. Живут порядочно. Жонки Софья (55 лет), Устинья около 36 лет. Девке одной лет 24, а другой лет 22. Присланные вместе от правительствующего сената. Софья дочь донского казака и оставалась во время разбоя мужа ее в доме своем, а на Устиньи женился он, быв на Яике, и жил с нею только десять дней. Имеют свободу ходить по крепости для работы, но из оной не выпускаются. Читать и писать не умеют». Павел не изменил судьбы членов семьи Пугачевых, и обе жены и дочери оставались в одной общей камере, где едва ли спокойно протекала их совместная жизнь, но сведений об этом мы не имеем.

Прошло более четырех лет, — и в списке заключенных в Кексгольмской крепости по-прежнему стоят имена всех этих

пятерых Пугачевых. Никакого распоряжения Александра I об изменении положения этих пятерых человек не последовало, но в 1803 году он перевел их под надзор полиции в Кексгольм. Если принять во внимание, что младшей дочери Пугачева в 1796 году было 22 года, а старшей — 24, то, следовательно, каждая из них буквально выросла в крепости, попав туда одна в возрасте одного года, а другая — в возрасте трех лет.

С именами двух дочерей мы встречаемся в той же крепости еще раз через 23 года. Декабрист Горбачевский был направлен в 1826 году в Кексгольмскую крепость вместе с двумя другими декабристами (Спиридовым и Барятинским). В своих записках он вспоминал, что был посажен вместе с товарищами-декабристами «в отдельную от крепости на острове башню, под названием в простонародии Пугачевой башни, где содержались две дочери Пугачева, которых через несколько дней выпустили жить на форштадт крепости Кексгольма под присмотр полиции, выдавая им по 25 коп. ассигнациями в сутки»¹. Это сообщение находится в необъяснимом противоречии с распоряжением Александра в 1803 году о переводе Пугачевых в Кексгольм.

Об одной из дочерей Пугачева сделал запись в своем дневнике 17 января 1834 г. А. С. Пушкин. На вечере у графа Бобринского царь Николай выразил А. С. Пушкину сожаление, что не знал об интересе Пушкина к бунту Пугачева, и добавил: «Я бы тебя познакомил с его сестрицей (царь ошибался, — это была не сестра, а дочь. — М. Г.), которая тому три недели умерла в крепости». Очень характерны те строки, которыми Пушкин сопровождает приведенную выше запись в своем дневнике. В этих строках просвечивается явное сочувствие к судьбе женщины из семьи Пугачевых: «Она жила на свободе в предместьи, но далеко от своей родной станицы, на чужой, холодной стороне». Указывая, что умершая пробыла в Кексгольмской крепости с 1774 года, Пушкин ставит знак восклицания и тем самым подчеркивает шестидесятилетнее проживание несчастной женщины в крепости².

Имя этой дочери Пугачева не указано. Может быть, это как раз была старшая дочь, на долю которой выпала тяже-

¹ «Записки декабриста И. И. Горбачевского», 1916, стр. 295.

² См. А. С. Пушкин, Полное собр. соч. (однотомник), Л., 1936, стр. 799.

Указанное выше распоряжение Александра I от 1803 года о переводе всех Пугачевых под надзор полиции в тот же Кексгольм я нашел в архивном деле III отд. собст. е. имп. велич. канцелярии, 1 экзпед., 1803 г. № 11.

лая участь быть изнасилованной комендантом Кексгольмской крепости Гофманом. Мне повелось об этом специальное дело. Оно носит такое название: «Дело об изнасиловании комендантом Кексгольмской крепости содержавшейся там дочери Пугачева Аграфены»¹.

Дело об изнасиловании комендантом крепости арестантки никогда бы не выявилось наружу, если бы не последовало перевода коменданта на другую службу. Все это дело — одна сплошная цепь преступлений. Для совершения их комендант, пользуясь неограниченной властью местного владыки, использовал помощь нескольких лиц, начиная от плац-майора, в квартире которого совершил изнасилование. Но этого мало. Для сокрытия своей вины он угрозой принудил Аграфену, как это достоверно выяснилось потом, объявить отцом новорожденного ребенка не его, коменданта, а одного из солдат.

В таком виде дело было доложено царю, и Павел приказал поместить ребенка в воспитательный дом, но генерал-прокурор Куракин разъяснил, что ребенка следует отобрать от матери после прекращения кормления его грудью. Несчастной матери не пришлось переживать тяжесть разлуки с сыном: через два месяца после рождения он умер.

Через месяц после родов комендант Гофман позаботился перевестись на службу в другое место. Тогда-то Аграфена набралась смелости и объявила новому коменданту, что сделала жертвой изнасилования. Соучастница преступления, доставившая девушку коменданту, говорила ей: «Он твой комендант и что захочет, то может и сделать». Эта же соучастница по приказу того же коменданта подговаривала забеременевшую девушку скрыть роды, а после рождения ребенка уничтожить его.

Нет надобности останавливаться на всех подробностях этого гнусного дела. Скажем только, что свидетели подтвердили правильность показаний Аграфены. Все следственное дело о преступлении коменданта Гофмана было сообщено Павлу. В деле имеется его резолюция сообщить ему, куда назначен на новую службу Гофман. В архивном деле нет ни ответа на этот вопрос, ни вообще каких-либо других сведений о коменданте-насильнике.

Но изнасилованная и все остальные члены семьи Пугачева

¹ ЦГАДА, фонд Госархива, VI раздел, 1797 г., № 526. Мне повелось это дело уже после сдачи в печать первого тома первого издания, а потому оно не было там использовано, но я писал о нем в моей статье «Прошлое финляндских крепостей», напечатанной в «Известиях» 30 июля 1940 г.

продолжали оставаться в той же крепости в заточении, как я уже сообщал выше.

Из других заключенных Кексгольмской крепости отметим также Бухарева. Среди осужденных за оскорбление «величества» не хватало только карикатуриста. Бухарев восполнил этот пробел. Он нарисовал карикатуру на Павла I и, должно быть, очень удачно, так как в списке указано, что карикатура переходила из рук в руки и люди, смотря на нее, надрывались от смеха и говорили: «Ах, как похож!» Если сам талантливый и смелый карикатурист попал в Кексгольмскую крепость, то веселые ценители его таланта, надрывавшиеся от смеха, попали в ссылку: один в Саратовскую губернию, другой в Тульскую, — тайная экспедиция поставила им в вину вольность их суждений и критику правительства.

Прекрасным образчиком того, к каким преимуществам в режиме заключенных приводила принадлежность к господствующему классу дворянства, является князь Кантемир, который за убийство своего крепостного числился за тайной экспедицией по Ревельской крепости, но проживал там в особой наемной квартире. Одновременно с князем Кантемиром в той же самой крепости, но не на квартире, а в страшной башне крепости содержался в 1785 году капитан флота, преступление которого было так же необычно и странно, как необычно жесток был вынесенный ему приговор. Он содержался здесь будто бы за пьянство, за ношение непристойной одежды и бороды и за просьбу отпустить его за границу, где он собирался перейти в магометанство. Только после шестнадцатилетнего заточения и полной неудачи увещаний священника он был переведен из башни крепости в монастырь.

Жизнь крепостного, убитого рукой его барина, помещика и князя, была оценена тайной экспедицией много дешевле, чем ношение бороды и просьба об отпуске за границу с намерением изменить православию; в этом усматривалось вольнодумство и нарушение верности престолу и церкви. Впрочем, за убийство своих крепостных помещики, как видно из ряда архивных дел, обычно отделялись вместо каторги монастырем или крепостью.

В списках приведены фамилии узников двух монастырских тюрем — Соловецкого монастыря и Спасо-Евфимьевского. В тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря содержались почти исключительно душевнобольные преступники, некоторые из них по обвинению в «государственных преступлениях». В Соловках же содержались большей частью крестьяне за отступление от православия. Сюда были переведены в 1801 году, после

уничтожения тайной экспедиции, некоторые заключенные из Шлиссельбургской крепости и, между прочим, раскольник Протопопов. Здесь, в Соловках, он должен был подвергнуться новым увещаниям со стороны монашеской братии. Сюда же был послан уже знакомый нам прорицатель Авель, освобожденный Павлом из Шлиссельбургской крепости, куда он попал, как мы знаем, по указу Екатерины; за новую его рукопись с предсказаниями и религиозными рассуждениями он был посажен тем же Павлом в Петербургскую крепость. С 1776 года в списках заключенных тюрьмы Соловецкого монастыря состоял на 12 марта 1801 г. и кошевой атаман Запорожской Сечи Кальнишевский, заточенный сюда навечно.

Просматривая списки осужденных тайной экспедицией по отдельным губерниям то в качестве заключенных, то живущих на свободе под присмотром, мы встретили большое разнообразие как среди привлеченных тайной экспедицией, так и их преступлений. Но и по губерниям чаще бросаются в глаза военные, провинившиеся перед Павлом по делам военной службы или оказавшиеся неблагонадежными. Однако тут же встречаем и карточных игроков, и самозванцев, выдававших себя один за побочного сына Петра I, другая — за дочь графа Орлова, фаворита Екатерины. Тут же в губерниях живут под присмотром неизвестно за что высланные дворцовые камердинеры. Среди «вольнодумцев» и оскорбителей царской чести оказалась и одна женщина (жена купца в Саратовской губернии).

Укажем, что всего в первом основном списке перечислено 35 губерний и свыше семисот человек со всех концов России¹. Александр, считаясь с общей ненавистью к тайной экспедиции, под флагом либерализма в том же 1801 году освободил очень многих, но очень скоро стал заполнять освободившиеся места. Перед ним встал вопрос об установлении для Алексеевского равелина особого режима и выработке специальной инструкции.

§ 26. ПЕРВЫЕ ИНСТРУКЦИИ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА 18 ОКТЯБРЯ 1797 ГОДА И 1812 ГОДА

Первая, дошедшая до нас, инструкция Алексеевского равелина является ровесницей открытому в 1797 году каменному зданию тюрьмы в этом равелине. Она датирована 18 октября

¹ Все вышеприведенные сведения по тайной экспедиции взяты в ЦГАДА, VII, № 3640. Дело об уничтожении тайной экспедиции и освобождении лиц, содержащихся по ведомству ее.

1797 г. и обращена к «стоящему в рavelине С.-Петербургской крепости на секретном карауле сенатского батальона поручику Иглину».

Инструкция начиналась особым вступлением, составленным витиевато, в пышных выражениях. Его целью было внушить начальнику караула сознание чрезвычайной важности порученного ему окарауливания узников рavelина. Я воспроизвожу это введение полностью, тем более, что инструкция оставалась до настоящего времени неизвестной.

«По высочайшему его императорского величества повелению откомандированы вы с достаточною командою в бессменный караул к секретным арестантам, в оном рavelине содержащимся, в таком намерении, дабы лучшим образом познав всю важность сего поста и сопряженные тут нужные обстоятельства, удобнее могли иметь необходимую осторожность и бдение к упреждению и самому недопущению покушения на побег или собственное погубление жизни вверяемых вам под присмотр людей, кои по таковому положению их на все отважиться и поступить в состоянии, и для того ни могущим клониться ко вреду ласкательным просьбам их, ни величавым угрозам внимания не делать, а исполнять только повеленное в точности. На каковой конец в непрерывное при сем надзирании правило предписывается вам следующее».

В инструкции лишь девять статей. Они устанавливали порядок окарауливания тюрьмы снаружи и внутри. Для этого определялись дежурные солдаты у ворот рavelина и у ворот тюремного дворика. На каждую камеру назначались по три нижних чина, сменявших один другого для непрерывного наблюдения за заключенным в течение всех суток с тем, чтобы он «никуда не выходил и себя не погубил». «Караульным приказать накрепко, дабы они не пересказывали содержащимся никаких вестей и вообще разговаривали с ними мало, кроме касательного до потребностей».

Самому начальнику караула предписывалось не менее трех раз посещать всех заключенных, не беспокоя их, однако, ночью, так как присутствие в камере дежурного солдата должно было гарантировать исполнение задач караула.

Не обошлась инструкция без лживого сентиментального напоминания о монаршем милосердии и о том, чтобы «жалость и человеколюбие входили и в самые темницы». Поэтому инструкция требовала обходиться с заключенными «снисходительно и с возможною ласкою, грубостей же и огорчений и насильств им не причинять» и внушать им «ласковым образом о умеренности и терпении».

Особые статьи инструкции предписывали обращение начальника караула в тайную экспедицию за врачебной помощью в случае болезни арестованного и определяли питание заключенных, а также меры соблюдения чистоты в здании тюрьмы. В последнем отношении инструкция доходила до таких подробностей, как требование не оставлять сора в углах, курить можжевеловым для приятного запаха в коридорах и пр.¹

Так знаменитая тюрьма начинала свое существование заботами о приятном запахе в коридорах и в камере, об уборке пыли и сора. Эти слова были повторены и после уничтожения в 1801 году тайной экспедиции. Они были повторены в инструкции 1812 года.

Инструкция 1812 года определяла обязанности караульного офицера и обязанности смотрителя этого рavelина.

Инструкция смотрителю содержала 13 статей, а офицеру — только шесть. Такое небольшое количество статей не могло определить обязанности смотрителя и офицера в деталях: статьи устанавливали общие принципы содержания арестантов и основной характер их окарауливания. Но в небольшом количестве статей очень многое предоставлено и тому и другому представителю тюремной администрации в рavelине и очень много лишены узники этой тюрьмы. Надо думать, что неопределенное и неясное в короткой инструкции восполнялось и определялось самой практикой на основе общего духа инструкции. А дух вновь изданного положения о рavelине не находился в противоречии с душной атмосферой сырых казематов, в которых задыхались узники.

Только знакомство с инструкцией 1812 года дает нам возможность понять, почему для окарауливания очень небольшой тюрьмы, находящейся внутри крепости и в полной изоляции от всех других зданий, требовалась целая рота солдат в 50 человек при одном обер-офицере и двух унтер-офицерах. Оказывается, что инструкция требовала помещения в камеру каждого заключенного отдельного солдата. Одинокое заключение превращалось как бы в совместное заключение с солдатом. Но инструкция строжайше предписывала солдатам не вступать ни в какое общение с заключенными, не передавать им каких-либо вестей и не вступать с ними в какие-либо разговоры. Устанавливался особый надсмотр над караульными и обыск их при выходе за какой-нибудь надобностью из рavelина. Такие караульные должны были находиться в камере днем и ночью. Инструкция требует

¹ ЦГАДА, VII, № 2290, 1797 г. Дела тайной экспедиции, фонд Государственного архива, листы 76—79 (обор.).

взыскивать с солдат «за малейшее упущение». Можно себе представить особую тяжесть положения узника от присутствия в его камере этого немом стражника. С одной стороны, заключенный чувствовал тягость от одного присутствия не сводящего с него глаз солдата, а с другой, он не мог удовлетворить свою потребность в речи, в каком бы то ни было разговоре, несмотря на наличие в камере живого человека.

Впрочем, и эта жестокая короткая инструкция «офицеру при команде Алексеевского рavelина» не обошлась без предложения «обходиться с содержащимися снисходительно, не причиняя им никаких огорчений или каковых-либо насильств под опасением строжайшего за то наказания». В случае же заявления арестантами несоответственных желаний предписывается отказывать в них «с пристойностью и скромностью». Эти слова звучат лицемерно, и практическое значение их не могло быть сколько-нибудь велико в этом месте, где весь режим был построен на насилии и где тюремные и крепостные стены могли скрыть всякую жестокость, убить всякую скромность и развернуть произвол во всем его просторе. Конвой находился в подчинении у смотрителя рavelина, а последний был поставлен в 1812 году под непосредственное подчинение военному губернатору. От него же получались суммы на расходы по рavelину.

Основное правило содержания арестантов заключалось в очень немногих словах: «иметь строгое бдение за содержащимися, дабы они не могли иметь никакого, ни друг с другом, ни с кем посторонним, ни словесного, ни письменного сношения. О каждом же вновь заключенном арестанте получите всякий раз от С.-Петербургского военного губернатора особенное словесное приказание, как с ним поступать» (статья 8). До нас не дошли словесные распоряжения генерал-губернатора о том, какой режим он устанавливал для того или другого заключенного.

Через 13 лет после издания этой инструкции не словесно, а собственноручными записками Николай I определял различный режим для каждого из многочисленных участников восстания 14 декабря 1825 г. Он определял его короткими словами: «содержать нанстрожайше, содержать строго, содержать строго, но хорошо, и т. д.». Надо думать, что и словесные распоряжения генерал-губернатора открывали возможность вкладывать то или другое содержание в расплывчатые формы приказа: «содержать строго, строжайше» и пр.

Инструкция, требуя производить ежедневно мытье полов в коридорах и кухне, обметание пыли со стен и мебели, разметание дорожек в саду, не оставляя сору в углах, ни слова не говорит ни о мерах дисциплинарного воздействия, ни о питании заклю-

ченных. В инструкции имеется лишь разрешение прогулок заключенных в одиночку в сопровождении караула по коридору рavelина или в «находящемся внутри стен садике».

Инструкция 1812 года упоминает о заведенной в рavelине библиотеке и рекомендует смотрителю выдавать из нее русские, французские и немецкие книги по выбору заключенных «для умаления у содержащихся неразлучной с их положением скуки». Неизвестно, насколько эта первая тюремная библиотека была способна своим подбором книг «умалить скуку» заключенных¹. Мы не встретили указания на содержание этих книг. В архивном деле имеется указание, что в 1818 году, т. е. через шесть лет после издания описанной нами инструкции, министерство полиции предписывает завести при рavelине «маленькую библиотечку» и обещает само прислать книги. Если через шесть лет пришлось повторять снова распоряжение об устройстве библиотеки, то, очевидно, библиотека, указанная в инструкции 1812 года, быстро прекратила свое существование или совсем не была открыта. Одновременно с этим распоряжением об открытии «маленькой библиотечки» министерство зафиксировало в особом акте то состояние, в котором оно нашло Алексеевский рavelин. Надо признать, что это состояние было из рук вон плохое. В акте было записано, что все, «начиная от первых потребностей до последних», должно быть вновь построено, так как прежнее все износилось и поломалось. Не оказалось ни постельного, ни носильного белья для арестантов, ни обуви для них, ни сколько-нибудь пригодной обстановки в камерах. Поэтому было сделано распоряжение завести вновь 18 стульев, 18 столиков, 18 кроватей, 36 подушек, 44 рубахи в добавление к 10 имеющимся и т. д.²

Повторение в нескольких случаях заказа тех или иных предметов в числе 18 дает некоторое основание предполагать, что в то время число одиночных камер Алексеевского рavelина достигало 18. Характерно почти полное отсутствие белья и обстановки в камерах в 1818 году, между тем как инструкция 1812 года с ее требованием стирания пыли с мебели каждый день может заставить думать, что эта мебель не была в состоянии разрушения. Впрочем, инструкция, надо думать, была плодом чисто

¹ См. П. Е. Щеголев, Алексеевский рavelин, М., 1929 (см. приложение к истории рavelина, документы).

² Эта же инструкция напечатана Сидоровым в «Красном архиве», 1925, т. 3 (10).

³ ЦГИА в Москве № 1/1, 1818 г. Дело Алексеевского рavelина СПб. крепости.

кабинетного канцелярского творчества, без всякого знакомства с действительным состоянием тюрьмы.

Таково содержание инструкции. Ее составление правительством показывало, что, несмотря на закрытие тайной экспедиции, оно отнюдь не думало отказываться от использования Алексеевского рavelина. Составление инструкции вместе с тем говорило, что правительство не хочет быть застигнуто врасплох в борьбе с врагами, с теми, кто шел против феодально-крепостнического строя. Однако эта инструкция имела слишком общий характер, не связывала рук тюремной администрации, и судьба отдельных заключенных всецело зависела от тех, кто их направлял сюда.

Предосторожность правительства оказалась не излишней: в 1820 году в Петропавловскую крепость были заключены батальоны лейб-гвардии Семеновского полка. В истории крепости это был первый случай, когда в качестве заключенного доставлялся сюда не один человек, а целый коллектив в виде разоруженного полка.

§ 27. СОЛДАТЫ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА — УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ 1820 ГОДА

В основе восстания Семеновского полка лежала ненависть крестьян-солдат к деспотизму крепостного права и к помещикам. Солдаты Семеновского полка были участниками Отечественной войны 1812 года, и по возвращении на родину они с новой силой почувствовали гнет помещиков-крепостников и всего царского режима.

Ближайшим же поводом к восстанию послужило жестокое обращение с солдатами командира полка Шварца, который рвал усы и плевал в лицо провинившимся солдатам, заставлял солдат плевать в лицо друг другу. Среди солдат распространились воззвания, возбуждавшие ненависть против дворян и против самого царя, которого воззвание называло «сильным разбойником». Предлагалось арестовать офицеров и выбрать своих начальников из числа солдат.

Для истории революционного движения важно и то небольшое, что мы узнали из секретных документов Алексеевского рavelина¹.

¹ ЦГИА в Москве, архив III отдела, 1 экспед., № 19, 1820 г. Дело о неповиновении, оказанном своему командиру гвардейским Семеновским полком. В том же архиве дело № 1/10, 1821 г., Алексеевский рavelин, входящие бумаги (внутренняя переписка). В том же архиве — дело № 10,

В рапорте царю никаких подробностей жестокого обращения с солдатами не было указано и лишь коротко отмечено, что поведение начальника полка было неосмотрительно и большие взыскания вызвали ослушание солдат. Полк исполнил приказание и сам без конвоя прибыл в Петропавловскую крепость к ранее заключенным туда товарищам первой роты.

Значительная часть солдат очень быстро была переведена в Свеаборгскую и Кексгольмскую крепости. Специальное дело Алексеевского рavelина дало нам возможность выявить фамилии двенадцати солдат полка, которые, как принимавшие наиболее активное участие в восстании, были заключены в Алексеевский рavelин¹.

Известно, что командир полка отделался за все его беззакония и издевательства над солдатами очень дешево: вместо смертной казни он был уволен в отставку. Наоборот, жестоко расправилась классовая юстиция с солдатами, наиболее активные из которых были прогнаны сквозь строй и сосланы в рудники. Нам известны очень немногие подробности о пребывании восставших солдат в Петропавловской крепости. 775 человек из них оставались в Петропавловской крепости до половины 1821 года. По словам современника тех событий А. И. Тургенева среди солдат развелись болезни вследствие сырости помещения и плохого питания. Случалось, что заключенные по нескольку дней не получали хлеб.

Переполнение помещения было таково, что солдатам приходилось по очереди сидеть на койках. Распространение болезней привело к необходимости открыть дополнительный лазарет на несколько десятков коек².

Упоминаемые в архивном деле ассигнования на лекарства для больных солдат, заключенных в крепость, служат

1821 г., Алексеевский рavelин. О заключении в оный нижних чинов. См. также «Столетие военного министерства», т. XII, кн. 1, ч. 2, стр. 82—91; А. С а з а н о в и ч, Из записок декабриста М. И. Муравьева-Апостола, «Голос минувшего» 1914 г. № 1.

¹ Эти двенадцать человек следующие: стрелки Петр Федоров и Василий Амосов, унтер-офицер Алексей Логинов, ефрейтор Дмитрий Петров, стрелок Прокофий Прошкин, стрелок Алексей Марков, гренадер Яков Хрулев, ефрейтор Никита Глухов, гренадер Егор Белорусьев, ефрейтор Архип Осипов, ефрейтор Петр Панкратов и стрелок Лесвяков. 31 августа 1821 г. последовало распоряжение исключить из списков арестантов Алексеевского рavelина восьмерых из числа перечисленных выше, а именно: Глухова, Осипова, Белорусьева, Хрулева, Панкратова, Федорова, Прошкина, Лесвякова.

² См. А. В. Предтеченский, Летопись Петропавловской крепости, М., 1931, стр. 18.

подтверждением широкого распространения среди заключенных заболеваний.

Приведенные мною сведения о заточении солдат Семеновского полка в Петропавловскую крепость относятся к 1820—1821 гг. В архивах имеются небольшие сведения об Алексеевском равелине за некоторые более ранние годы XIX столетия. Мы находим в них фамилии некоторых заключенных, но без указания причин их заключения в равелин. Так, например, в 1812 году в равелин прислан по высочайшему повелению Борис Богуш, и при этом было указано, чтобы его содержали «под строжайшим караулом в особом номере». В том же году в равелин были заключены титулярные советники: отставной Иван Постников, служащий в морском департаменте Сената Павел Яблонский и Демобургель, освобожденный через два года. В 1816 году был прислан титулярный советник Катов.

Об условиях содержания в равелине за эти годы имеются только отрывочные сведения. Так, например, в 1813 году на содержание двенадцати заключенных в равелине было приказано отпускать вместо 25 коп. по 50 коп. в сутки на каждого. В этом же году скончался в равелине арестант Збарбаро, на похороны которого было отпущено 10 руб. Его преступление нам не известно. Вообще и, в частности, в секретной переписке по Алексеевскому равелину соблюдается очень большая осторожность, и, как видно из одного дела, служащие по равелину давали особое письменное «клятвенное обещание» сохранить в тайне все, что им будет известно, и в точности исполнять инструкцию по равелину. А мы уже знаем, что эта инструкция ставила своей задачей изолировать арестанта от всяких известий с воли и от него на волю. Поэтому легко себе представить, что должны были переживать заключенные, когда, например, в июле 1814 года началась такая канонада из пушек, что в равелине от сотрясения воздуха полопались 15 стекол. Это была пальба по случаю победы над Наполеоном.

В этой главе мы приводили примеры очень резкого различия в режиме заключенных в связи с их классовой принадлежностью. Это происходило как во всей Петропавловской крепости, так и в Алексеевском равелине. Мы уже знаем, как голодали заключенные солдаты Семеновского полка и как они страдали от сырости, переполнения казематов и пр. А вот пример другого режима в Алексеевском равелине при том же Александре. На этот раз заключенными оказались секретари цензурного комитета Гуммель и Лерх. На их ежедневное содержание отпускалось до полутора рублей в сутки, а в описи вещей, поступивших с ними, значатся четыре бутылки красного вина,

бутылка мадеры, бутылка пива, кондитерский миндальный пирог, штопор, халаты, фуфайки, туфли, книги на французском и русском языках¹.

Конечно, этот сладкий пирог и вина едва ли могли в полной мере уничтожить горечь пребывания в Алексеевском равелине, но голодным солдатам было здесь еще горше не только потому, что у них здесь не было пирогов, а и потому, что они были солдаты.

По-видимому, с начала XIX века уголовные преступники уже не помещались в Алексеевский равелин, и он все более становится местом заключения за государственные преступления; но, кажется, сюда же попадали на менее продолжительные сроки за упущения по государственной службе.

По сохранившимся в архиве Алексеевского равелина делам можно составить лишь поименный список заключенных за период с 1812 по 1820 год. За самыми редкими исключениями, сведений о преступлениях этих заключенных в делах равелина не дано. В лучшем случае имеются указания на служебное положение этих арестантов, время их поступления и выбытия из равелина.

Так как все, что касается равелина и заключенных в нем, представляет интерес, то я приведу фамилии заключенных за каждый из названных годов.

В 1812 году в Алексеевском равелине содержались: Бек, Филипп, Пршилковский, Николаев, Дмитриев, Морович, Петров и Иванов.

Из дел видно, что Филипп был актером французской труппы и содержался только один месяц; Пршилковский обозначен как важный арестант и был предан военному суду как дезертир; Дмитриев — комиссионер, судился в военном суде; Иванов — крестьянин.

В 1813 году были заключены: рядовой Бубков, штабс-капитан Катаев, иностранец Моретти, купец Захаров, Честнейший и Калинин, граф Тили, поляк Мощинский и дворовый человек Яков.

В 1814 году в Алексеевский равелин поступили: Будницкий, титулярный советник Язвицкий, отставной майор Игнатович, Шесалкин, Воротилов, Бошняк. В этом году в равелине развивались серьезные болезни, приведшие к необходимости отправить троих заключенных в больницу. Один из заключенных умер.

¹ ЦГИА в Москве. Дело Алексеевского равелина № 13 о заключенных в оный Лерха и Гуммеля.

В 1815 году казематы рavelина приняли за свои стены иностранцев Дюполя, Бера, Турнеля, «девицу Салтан», Фризе, студента Шурдаковского и «девку Тимофееву».

Наше внимание привлекает к себе заключение в рavelини женщин. Это было явление исключительно редкое. К сожалению, в делах нет сколько-нибудь подробных сведений об этих женщинах. Относительно девицы Салтан имеется запись, что она была арестована 6 июня 1815 г. в мужском костюме, а через три недели, 2 июля, было приказано: «Девицу Варвару Крульковскую, называвшуюся поручиком Салтан, доставить немедленно в особую канцелярию министра полиции». Что же касается «дворовой девки» Ирины Тимофеевой, то она была прислана сюда главнокомандующим 14 декабря 1815 г. и вывезена из крепости 27 декабря 1815 г. (по-видимому, освобождена).

В 1816 году заключены: Строганов, Котов, Бальсани, заболевший и вскоре умерший в городской Обуховской больнице Канели.

В 1817 году в рavelине находились: Галлати, канцелярист Филиппович, Ланчинский, Дмитриев, Сурогонов, Строганов и действительный статский советник Скванчи. Последний очень часто вывозился из крепости в палату уголовного суда по производившемуся там его делу. Кроме того, в рavelине содержались какие-то четыре грека.

В 1818 году среди заключенных находились: помещик Градовский, Безобразов, Ланчинский, Скванчи и Строганов. Последний заключенный был сыном баронессы Строгановой, которая использовала свое положение для улучшения условий заключения сына. По ее просьбе к нему были допущены доктор, священник и для свидания с ним князь Трубецкой, а 15 августа 1818 г. он был освобожден. Значение классового момента сказалось и на условиях содержания помещика Градовского. Он прибыл в рavelин с тремя пуховыми подушками, коврами, скатертями, салфетками, халатами, чайной шкатулкой, медным тазом и пр. и пр., — всего в описи его имущества значатся 104 предмета 51-го наименования.

Обложка архивного дела за 1819 год носит такое название: «О заключении в оный Петрова, Небольсина, Зандера и Туманова и о заключенных Скванчи, Безобразове и Игналицком».

Отмеченные нами выше заболевания в рavelини продолжались и в этом году. Прапорщик Безобразов был отправлен в Обуховскую больницу в марте и возвращен лишь в конце мая, а 7 августа вновь отправлен туда, где пробыл два месяца; грузинский князь Туманов после семимесячного пребывания в крепости был отправлен в ту же больницу; упоминаемый в

1819 году Скванчи, заключенный в рavelин еще в 1817 году, умер в рavelине в 1820 году. Распоряжения о похоронах Скванчи дают основание предполагать, что сходные распоряжения делались и в других случаях смерти кого-либо из узников Алексеевского рavelина. Было приказано вынести тело Скванчи лишь после вечерней зари в особый покой, пригласить ксендза и отвезти затем гроб на Смоленское кладбище, а расходы на похороны принять за счет крепости.

Большинство названных нами заключенных, содержавшихся в рavelине в 1819 году, содержалось в нем и в 1820 году. Выше мы уже приводили список заключенных сюда солдат в 1820 году Семеновского полка. В этом же году последовало распоряжение о заключении нижнего чина команды при Алексеевском рavelине Уразова за содействие переписке какого-то заключенного в этом рavelине. Следует предполагать, что найденные и воспроизведенные нами списки заключенных рavelина не являются исчерпывающими¹.

На грани первой и второй четверти XIX века Алексеевский рavelин и различные другие места заключения Петропавловской крепости приняли за свои стены огромное число арестованных по обвинению в «важнейшем государственном преступлении» — в восстании с оружием в руках. Это были участники декабрьского восстания 1825 года. Их пребывание в Петропавловской крепости вписало новые страницы в историю царской политической тюрьмы. В крепость поступали многочисленные представители революционного движения, порожденного противоречием между развивавшимся в России капитализмом и усиливавшейся реакцией феодально-крепостнического строя.

¹ ЦГИА в Москве, дела Алексеевского рavelина № 65—73 о Петербургской крепости за 1812—1820 гг.

Глава четвертая

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 28. ОПИСАНИЕ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ крепость — старшая родная сестра Петропавловской крепости. Эти крепости роднит между собой общая их история на протяжении двух столетий. Одну из них Петр I завоевал, другую основал, — таким образом они обе связаны с именем Петра. Их двухвековая история связана с историей самодержавия, и его конец был их концом. Обе они, вместо того чтобы быть оплотом против внешних врагов, превратились в места заточения так называемых государственных преступников и важнейших уголовных преступников.

Они находились одна от другой всего на расстоянии 60 километров. Наличие на таком небольшом расстоянии двух тюрем говорит о том, что, когда дело касалось безопасности самодержавного строя, российские самодержцы никогда не останавливались ни перед какими расходами. В течение значительного периода времени каждая крепость была рассчитана на небольшое число заключенных, содержание которых обходилось само по себе дешево, но дорого стоили специальная администрация и охрана этих крепостей. Строгого разделения между назначением Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей большей частью не проводилось, но первая из них нередко оказывалась преддверием второй. В Петропавловской крепости было удобно

содержать обвиняемых до окончания дознания, следствия или суда над ними, после чего часть из них переправляли в Шлиссельбургскую крепость для казни там или заточения на бесконечно долгие годы. Впрочем, такого различия в распределении заключенных по крепостям долгое время строго не проводилось. Лишь за последние 90 лет существования царизма Шлиссельбургская крепость принимала за свои стены исключительно осужденных, а Петропавловская крепость продолжала «гостеприимно» открывать свои двери как подследственным, так и осужденным. Обе тюрьмы не соперничали между собой и имели одинаковую историю, но за последние тридцать лет царизма история Шлиссельбурга более «красочна».

Самым ранним описанием внешнего вида Шлиссельбургской крепости является статья «Прогулка в Шлиссельбург», помещенная в «Отечественных записках» за 1823 год. Неизвестный автор статьи посетил эту крепость (и даже провел в ней ночь) осенью 1822 года и был принят комендантом крепости Плуталовым. Он оставил описание, не отличающееся своей полнотой, но представляющее для нас интерес именно как наиболее раннее. Недостатки описания восполняются до некоторой степени гравюрой (Галактионова) вида этой крепости. Эта гравюра наряду с картинами и чертежами из альбома того же времени, хранящегося в Музее Революции в Москве, дает возможность составить очень полное и очень точное представление о Шлиссельбургской крепости¹.

Альбом, о котором я говорю, не имеет на своих страницах пометки о времени его составления. Но он относится к годам между 1821 и концом 1825 г. Он состоит из акварельных рисунков и чертежей крепостных башен, которые были выполнены с натуры инженером Масловым и поднесены им Николаю, когда он был еще великим князем (воспроизвожу здесь фотографии с гравюры из «Отечественных записок» и с акварели и чертежей Маслова).

Автор указанной статьи говорил о шести бастионах крепости и о восьми башнях, из которых он называл, впрочем, только шесть. Всего же было первоначально десять башен. Шакол, автор брошюры «Шлиссельбургская крепость-музей»², дает некоторые сведения об этих башнях. До настоящего времени³

¹ См. «Отечественные записки», издаваемые Павлом Свиньиним, 1823 г. № 33, январь, ч. XIII, СПб., «Прогулка в Шлиссельбург», стр. 1—35.

² См. А. Т. Шакол, Шлиссельбургская крепость-музей, Л., 1928.

³ Писалось до начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.—Ред. кол.

сохранилось шесть башен: Государева или Царская, Светличная, Королевская, Флажная, Головкина и Головина. Башня, находившаяся между башнями Головкина и Головина, была разрушена при осаде крепости Петром. Мельнишная башня и Княжия, названная так в честь князя Меньшикова, были разрушены за ветхостью в 1817 году, а Колокольная — в 1882 году. Неизвестный автор названной статьи в «Отечественных записках» ошибочно назвал Светличную башню Княжейей.

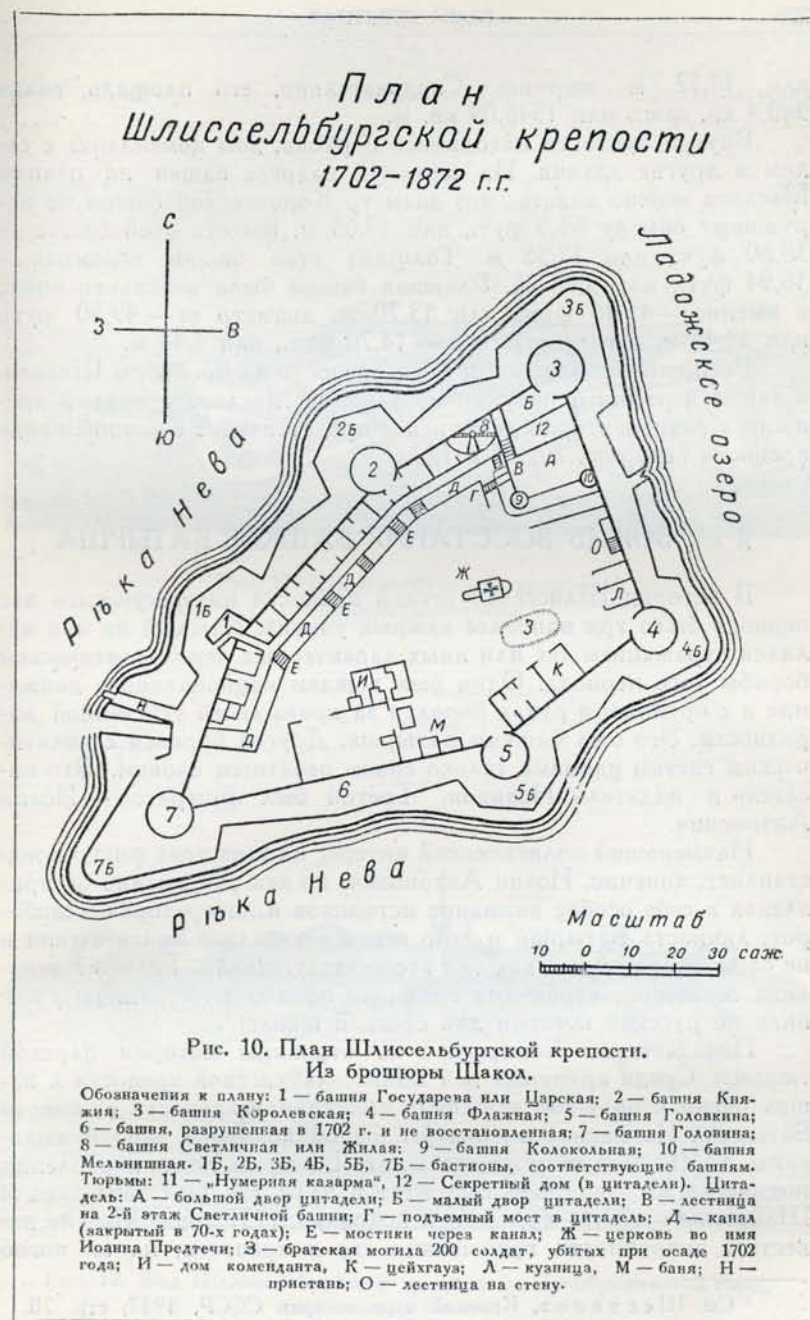
Мы воспроизводим здесь чертеж плана Шлиссельбургской крепости 1702—1872 гг. Он впервые был напечатан в названной брошюре Шакола (рис. 10).

Из рассмотрения этого плана, а также гравюры Галактионова, рисунков и чертежей инженера Маслова можно видеть, что за крепостными стенами, на некотором расстоянии от них и параллельно им, тянулся вал с выступами против бастионов, которых на плане шесть (с № 1 по 5 и № 7).

Внутри крепостной стены находились две тюрьмы, одна из которых носила название «Нумерной казармы», а другая — «Секретного дома». Последняя из названных тюрем примыкала к Светличной башне (на плане эта башня обозначена под № 8). Возле этого дома — лестница во второй этаж Светличной башни. Если использовать приложенный к плану масштаб, то длина Секретного дома оказывается 14,52 саж., или 30,93 м, а ширина — 5,50 саж., или 11,72 м. Следовательно, площадь каждого из двух этажей равна 79,86 кв. саж., или 362,50 кв. м. В нумерных казармах было по 14 камер, как это видно из найденного мною плана 1794 года (но на внутреннем описании дома я остановлюсь позднее).

Секретный дом был расположен так, что одной из своих двух более коротких стен он упирался в крепостную стену, а противоположной короткой стеной примыкал к лестнице, ведущей во второй этаж Светличной башни. Каждая из двух длинных стен выходила на дворы А и Б, один из которых назван большим, а другой — малым двором цитадели. Пользуясь масштабом, можно определить приблизительные размеры большого двора в 166,92 кв. саж., или 757,38 кв. м, а малого двора — 88,72 кв. саж., или 402,40 кв. м. На большой двор выходили башни Колокольная и Мельнишная (№ 9 и № 10).

Нумерная казарма тянется вдоль крепостной стены от Светличной башни за Государеву (между этими башнями Княжия № 2). Вдоль всей Нумерной казармы, замыкая ее, был вырыт канал, зарытый в 1870 году. Через канал было перекинуто несколько мостиков. Пользуясь масштабом, мы определили размеры этого здания в 61,89 саж., или 131,83 м длины и 5,50 саж.,

или 11,72 м ширины. Следовательно, его площадь равна 340,4 кв. саж., или 1546,04 кв. м.

Внутри крепости находились церковь, дом коменданта с садом и другие здания. Из чертежей разреза башен по планам Маслова можно видеть, что диаметр Королевской башни по наружному обмеру 65,5 фут., или 19,65 м. Высота этой башни — 58,60 фут., или 17,58 м. Толщина стен башни огромная — 16,94 фут., или 5,08 м. Флажная башня была несколько ниже, а именно — 45,16 фут., или 13,70 м, диаметр ее — 49,50 фут., или 14,45 м, и толщина стен — 14,70 фут., или 4,41 м.

Воспроизводимые нами план крепости из брошюры Шакола, а также чертежи и рисунки из альбома Маслова с видами крепости с разных сторон дают ясное представление о внешнем виде крепости (см. рис. 10, 11 и 12).

§ 29. ВОЖДЬ ВОССТАНИЯ БАШКИР БАТЫРША

В истории Шлиссельбургской крепости интересующего нас периода было три наиболее важных узника. Каждый из них являлся отражением тех или иных характерных черт политической борьбы того периода. Один был вождем национального движения и с оружием в руках боролся за права своей угнетенной народности. Это был башкир Батырша. Другой боролся с политическим гнетом царизма только своим печатным словом. Это писатель и издатель Новиков. Третий был император — Иоанн Антонович.

Наименьший политический интерес из этих трех фигур представляет, конечно, Иоанн Антонович, но как раз именно он привлекал к себе особое внимание историков и литераторов. Наоборот, личность Батырши и дело о нем оставались почти в тени и не были оценены так, как они этого заслуживали. Только в условиях советского строя имя Батырши попало на страницы учебника по русской истории для средней школы¹.

Попадает имя Батырши и на страницы истории царской тюрьмы. Среди архивных дел Шлиссельбургской крепости я нашел очень небольшое донесение коменданта крепости о смерти Батырши. Из нашего очерка уголовной политики второй половины XVIII века мы уже знаем, что Батырша после подавления поднятого им восстания был взят в плен. Он был заключен в Шлиссельбургскую крепость в половине 1757 года. Мне не известны подробности пребывания его в крепости, но он погиб

¹ См. Шестаков, Краткий курс истории СССР, 1937, стр. 70.

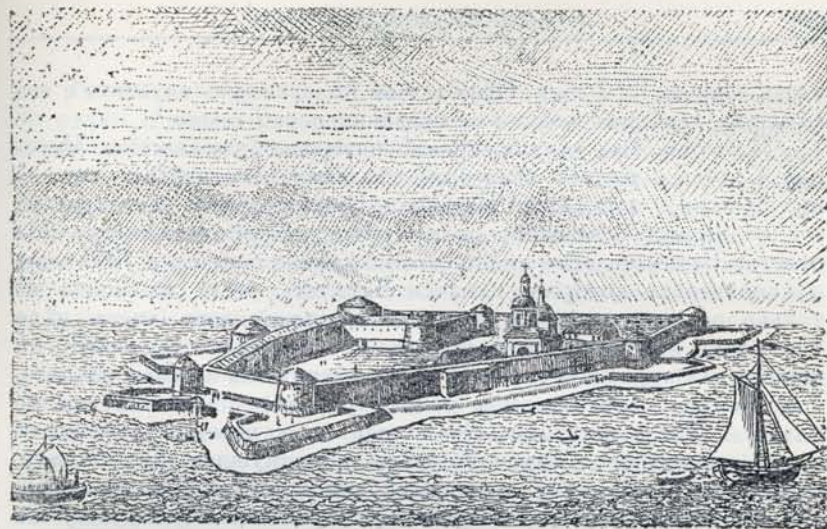

Рис. 11. Шлиссельбургская крепость.
С гравюры Галактионова.

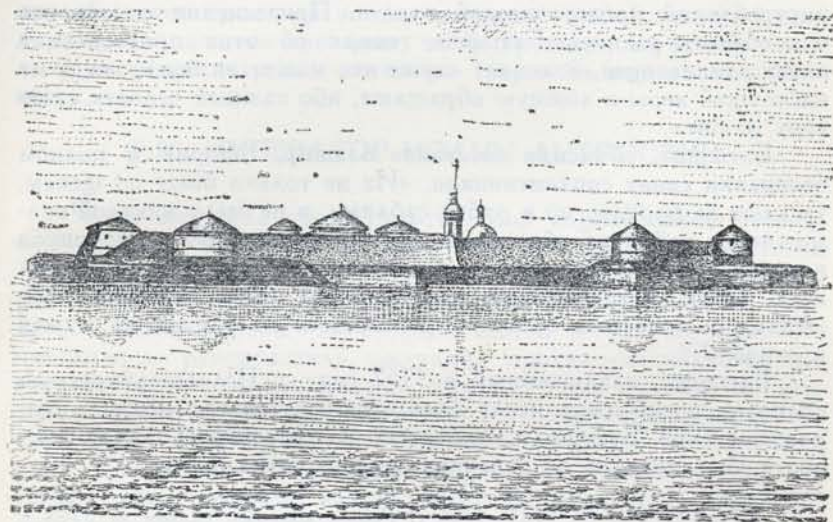

Рис. 12. Вид Шлиссельбургской крепости от Преображенской горы.
Из альбома Маслова.

здесь в июле 1762 года. Прежде чем познакомить читателя с его смертью, сообщим некоторые сведения о нем самом¹.

Батырша был исключительно интересной личностью. Историк Соловьев привел некоторые сведения относительно восстания башкир и о личности Батырши, поскольку она выявилась из его обширных показаний на допросах тайной экспедиции. Из ответов Батырши ясно видно, что восстание башкир в 1755 году, руководителем которого являлся Батырша, было на почве не только религиозного, но также и национального гнета. Для умирения восстания было приказано «не щадить ни людей, ни жилищ для внушения страха и уничтожения зла в самом начале». Уничтожить «зло» в самом начале царскому правительству не удалось. Когда восстание было подавлено, вождь его — «магометанское духовное лицо» Батырша — принужден был бежать, скрываясь целую зиму в вырытой яме и питаясь подавляниями, так как правительство обещало крупную денежную сумму за его поимку. Наконец, он был арестован и доставлен в Петербург в тайную экспедицию. Здесь на допросах он давал смелые показания, обличая всю религиозную и национальную политику царского правительства.

На допросах в тайной экспедиции он мужественно раскрывал картины невыносимо тяжелого положения башкир и злоупотреблений представителей власти. Притеснения относились и к области религии. Батырша, говоря об этих притеснениях своих единоверцев, пояснял: «хуже что может ли быть, когда из настоящей веры в ложную обращают, ибо каждый человек свою веру любит».

Батырша, объясняя восстание башкир, говорил о полном бесправии своих соплеменников. «Их не только бьют по щекам, таскают за бороды, но и рубят саблями, и не было никакой возможности найти на обидчиков суд и расправу. От взяточников и воров из числа русских, требующих незаконно подводы, бедный народ никакой себе надежды не имеет. Насилия над женами и дочерьми башкир происходили на глазах их мужей и отцов»².

Батырша, заключенный в 1757 году в Шлиссельбургскую крепость, погиб здесь после пятилетнего заточения. Житель широких степей Башкирии, запертый в одиночную камеру крепости, был доведен до отчаяния и решился на побег.

¹ ЦГАДА, VII, № 1781, 1756 г. Реестр именным указом за 1762 г. В этом же архиве имеются два очень обширных тома: «Дело о возмутителе в Башкирии мулле Абдулле Магзяльдине или Батырше».

² С. Соловьев, История России с древнейших времен, т. 23, стр. 294, и т. 24, стр. 107.

Комендант крепости 24 июля 1762 г. доносил, что скованный по рукам и ногам Батырша пытался освободиться из крепости, когда один часовой заснул: «Онный колодник взял принесенный солдатом Хомутовым топор, поодиночке у капрала Никитина тем топором голову разрубил и правый висок проломил; у Лазарева в двух местах брюхо пропорото; у Елифанова, который был на часах, в двух местах голову разрубил же. Онный же колодник и сам умер без всяких язв и побой»¹.

Совершенно невероятно, что Батырша умер «без всяких язв и побой». Возможно, что он был убит в происшедшей кровавой схватке или был забит насмерть. В архивном деле указано распоряжение не предавать суду конвойных солдат, из которых, по-видимому, двое остались живы, так как за свою неосторожность они уже поплатились, что же касается трупа Батырши, то именным указом повелено было «вора, злодея, возмутителя» Батыршу зарыть в яме за стеной крепости.

Так окончилась жизнь вождя национальной борьбы против царского гнета. Как ни краток этот кровавый эпизод, с которого начинается наш исторический очерк Шлиссельбургской крепости второй половины XVIII века, он очень интересен; с одной стороны, раскрылись некоторые подробности смерти Батырши, а с другой — этот кровавый эпизод открывает собой длинный ряд других эпизодов, то кровавых, то бескровных, но всегда тяжелых, рисующих картины того, что творилось внутри стен крепости.

§ 30. ИМПЕРАТОР ИОАНН АНТОНОВИЧ

Через два года после смерти героя национальной борьбы башкир был убит в той же крепости и второй узник — Иоанн Антонович. Он был заточен сюда шестнадцатилетним юношей в 1756 году, т. е. одновременно или почти одновременно с Батыршей. Таким образом, за стенами одной и той же крепости находились: руководитель восстания против российского правительства, и тот, кто должен был быть представителем верховной власти этого правительства, а стал жертвой дворцового переворота. Ему было всего два месяца, когда он был провозглашен всероссийским самодержцем как будто нарочно для того, чтобы показать, какую действительную цену имеет это «самодержавие».

¹ Н. Дубровин, Пугачев и его сообщники, т. 1, СПб., 1884, стр. 270, примечание.

Заключению Иоанна в Шлиссельбург предшествовало двенадцатилетнее его заточение совершенно секретно в особом здании в Холмогорах, где отдельно от него, тогда еще маленького ребенка, содержались его отец, мать, братья и сестры. Одна из этих сестер зарисовала обнесенную высоким забором с воротами, запертыми железными замками, усадьбу, в которой 36 лет (1744—1780 гг.) безвыходно содержались узники. Рисунок (рис. 13) хранится в Академии наук, но был воспроизведен в 1873 году в печати. Он сделан неискusной рукой, но, по словам Брикнера, передает зрителю «уединение, уныние, монотонность и скуку»¹. Отсюда Иоанн был вывезен ночью с соблюдением строжайшей тайны и доставлен в Шлиссельбургскую крепость под названием «безымянного колодника». Об условиях его содержания в Шлиссельбургской крепости до нас дошли некоторые сведения.

Как это делалось и в других случаях, была выработана особая инструкция о содержании узника. Надзор за ним поручался трем офицерам. Им предписывалось соблюдать в величайшей тайне все, что относится к узнику. Под страхом смертной казни они не должны были никому говорить, кто этот узник, «стар или молод, русский или иностранец». На время уборки помещения безымянный колодник должен был оставаться за ширмами. На обед и ужин ему предписывалось отпускать по пять блюд, вино и пиво. Но неизвестно, что из этих блюд и напитков доходило до Иоанна, а не съедалось офицерами, которые его караулили. Во всяком случае, имеются документальные указания, что офицеры дразнили и приводили в гнев узника. Старший офицер Овцын в своем донесении в мае 1759 года сообщал, что узник часто находился в возбужденном состоянии. Садиться на подоконник ему не позволялось, так как офицеры опасались, что арестант, разбив окно, может выброситься из него. Эта часть донесения дает основание предполагать, что в камере узника окно было без решетки и достаточно большое. Но, может быть, опасения офицера о возможности для узника «броситься вон» через разбитое окно были преувеличены. Отсутствие решеток на окне совсем не вяжется со строгостью режима, рассчитанного на соблюдение тайны пребывания узника в Шлиссельбургской крепости, а меры для предупреждения его побега или освобождения были

¹ А. Г. Брикнер, Император Иоанн Антонович и его родственники, М., 1874. Указанный в тексте рисунок помещен в январской книжке «Русской старины» за 1873 год в статье «Дети правительницы Анны Леопольдовны».

Рисунок и рукопись в одной общей переплетенной тетради принадлежали архимандриту Иосифу, который был одно время при детях Анны Леопольдовны. Его рукою и сделана имеющаяся на рисунке надпись.

приняты чрезвычайные. Мы встречаем указания на окно в камере узника также в воспоминаниях о посещении Иоанна Петром III в марте 1762 года. По словам одного из участников этого посещения, а именно Корфа, в комнате узника было одно окно, хотя комната и была большая. За окном лежали дрова, а потому, при больших размерах комнаты, в ней было «несколько темно». Этот автор воспоминаний рассказывал о жалобах арестанта на грубое обращение с ним офицеров. Офицеры забавлялись тем, что дразнили узника. Раздражить же его было, очевидно, нетрудно, так как старший офицер доносил в своих рапортах, что арестант сердится и жалуется ему, если кто-либо «в постели лежа, повернется или ногу переложит». Его также раздражали кашель и стук часовых «на галерее» и в сенях. Эти слова рапорта дают основание предполагать, что Иоанн Антонович был заточен, по крайней мере, в то время, когда писались эти рапорты, не в башне, а в каком-то другом помещении. В рапортах оно называлось казармой. Где-то тут же находились галерея и сени. Очень близко находилась комната, в которой старший офицер писал свои рапорты и из которой ему приходилось выходить по нескольку раз, чтобы успокоить узника. Поскольку узника раздражал даже легкий шум от перевертывания других на кровати, должно быть, дежурные офицеры спали в одной с ним комнате. В одном из рапортов 1761 года сообщалось, что для усмирения узника нашли средство. Ему перестают давать чай и выдают рваные чулки. По словам Корфа, при посещении узника Петром III арестант был одет просто, и кровать его была «совершенно простая», но он старался «содержать их опрятно и порядочно». Из привезенных ему подарков он более всего обрадовался шелковому шлафроку, который сейчас же положил под подушку.

Рапорты офицера позволяют предполагать, что узник находился в постоянном состоянии раздражения, а его стража устраивала себе забаву из того, что дразнила узника, разгоняя тем самым тюремную скуку. Старший офицер Овцын в своем рапорте от июня 1759 года высказывал свои сомнения о нормальности узника, но добавлял, что арестант «подкрепляет свою правоту ссылками на евангелие, апостол, минеи, пролог и на прочие книги, сказывает, в котором месте и в житии которого святого пишется». Это дает основание предполагать, что узник не был безграмотным, как об этом объявила в своем манифесте о его смерти Екатерина. Может быть, кто-то научил узника грамоте, — едва ли он мог изучить эти священные книги с чьих-либо слов так, что оказывался в состоянии ссылаться на определенные места в них.

Екатерина имела свои основания скрыть правду в манифесте о смерти узника, убитого ее офицерами так же, как ими же был убит и ее муж император Петр III. Ей было выгодно поведать народу, что Иоанн Антонович был «лишен разума и смысла человеческого», что он был косноязычен. В этом же манифесте Екатерина сообщала народу такие сведения об установленном ею режиме для узника, которые совершенно расходятся с донесениями караульного офицера более ранних годов. Указывая на свое «природное человеколюбие» и «чувствительность», императрица дословно объявила, что «ей не оставалось сему несчастно-рожденному, а несчастнейше еще взрослому, иной учинить помощи, как оставить его в том же жилище, в котором мы его нашли затворенного, и дать всякое человеческое возможное удовольствие, что и делом самим немедленно учинить повелели».

Настоящей иронией звучат эти слова манифеста о природном человеколюбии и о помощи узнику оставлением его в прежнем заточении, где он должен был получать «возможное удовольствие». Никакой смены в личном составе караула не последовало, и, вероятно, офицеры по-прежнему доставляли себе развлечение тем, что дразнили узника. Эти же офицеры и убили Иоанна Антоновича при попытке Мировича освободить его. Мирович был казнен, а убийцы-офицеры награждены. Кроме Мировича, были жестоко наказаны его соучастники: 48 солдат были прогнаны сквозь строй, в том числе один двенадцать раз и шестеро десять раз через тысячу человек, с последующей ссылкой навечно на каторжные работы.

Таков был приговор суда, образованного из представителей высшего духовенства, Сената и высших чинов администрации. Интересно, что представители духовенства требовали применения к Мировичу пытки, а при составлении приговора заявили, что они согласны на казнь, но не могут подписать приговора как духовные лица¹, — их двуличие сказало здесь во всем своем блеске. Указанное требование пытки мотивировалось бароном Черкасовым целями полного выявления виновных, так как по столице ходили слухи, что суд является машиной, действующей под посторонним влиянием, а судьи — «комедианты». Для 1764 года такая характеристика верховного суда по процессу первостепенной важности очень знаменательна. Она говорит, что и к верховному суду доверия не было.

¹ См. А. Г. Брикнер, Император Иоанн Антонович и его родственники, М., 1874, стр. 136 и 138. См. там же о деле Мировича статью Бильбасова «Шлиссельбургская нелепа», «Исторический вестник», 1888, т. XXXIII, стр. 265—301.

Рисовано Принцессою Скатериною Антоновною, родною сестрою Императрицы Иоанна III^{го}

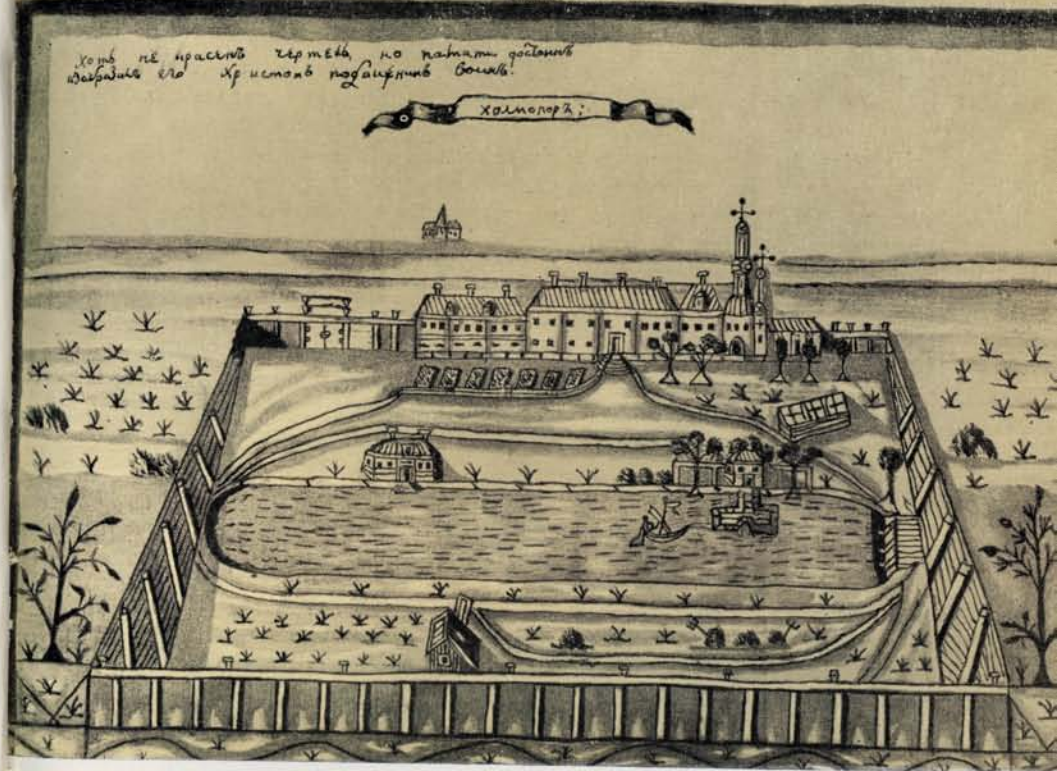

Рис. 13. Место заключения Иоанна Антоновича в Холмогорах.

Из «Русской старины» 1873 года, январь. Подлинный рисунок хранится в библиотеке Академии наук СССР.

§ 31. ЭКОНОМИСТ И АЛХИМИК БЕЛИКОВ

Прежде чем говорить о третьем названном нами узнике Шлиссельбургской крепости — о писателе Новикове, отметим современника Батырши и Иоанна Антоновича, экономиста и алхимика Филиппа Беликова. Он — настоящий старожил Шлиссельбургской крепости. В списке ее узников за исследуемый нами период мы не знаем никого другого, кто попал бы в эту крепость ранее его. Любопытна судьба этого человека, и жаль, что мы знаем очень мало о нем самом. Интерес к его личности тесно переплетается с интересом к его делу.

Еще в 1738 году Филипп Беликов, сотрудник монетной канцелярии, «за некоторую его вину» (неизвестно, за какую именно) был наказан плетью по именному указу императрицы Анны Иоанновны и сослан в Тобольск для службы. Будучи в Сибири, он в 1745 году объявил, что желает сделать тайной канцелярии заявление о важных для государства делах. С места ссылки он с женой и тремя детьми был доставлен в Петербург. Здесь он сделал, между прочим, предложение написать две книги — «Натуральную экономию» и алхимическую. Относительно первой из названных книг он пояснял, что она принесет «некоторую всероссийскую пользу», а о второй сообщал Сенату, что хотя она и не нова, но может дать дохода тысяч десять рублей. Кроме этих литературных предложений правительству, Беликов сделал еще совершенно незначительные и совсем маловажные доносы, которые были оставлены без внимания. Но его научно-литературные предложения привлекли к себе внимание.

Исход этих предложений Беликова был совсем необычный даже для тогдашней русской действительности, выдавшей всякие виды. Сенат «по довольному рассуждению в 21 день мая 1746 г.» определил позволить Беликову писать обе книжки, взял с него подписку, чтоб «ничего противу богу и ее императорского величества высочайшей персоны и высочайшей же ее величества фамилии и Российской империи отнюдь не писать, и о том, что будет писать, никому не объявлять»¹.

Будущему автору была обещана «высочайшая милость» и награда, если он напишет книги и они окажутся на пользу государству. Любопытнее всего, что Сенат местом для научной работы избрал для Беликова Шлиссельбургскую крепость. Сенат так и постановил: «Для лучшего сочинения оных (т. е. двух названных книг) его, Беликова, с женою и детьми послать за конвоем в

¹ ЦГИА в Ленинграде, 1716 г., № 558, Сенат, 1 департ., «О содержавшемся в Шлиссельбургской крепости Филиппе Беликове».

Шлиссельбургскую крепость, в которой отвесить ему два покая, и из той крепости никуда его не выпускать».

На содержание Беликова с семьей было определено по 25 коп. на день. Инструкция определяла условия режима Беликова. Ему было разрешено посещать церковь и навещать живущих в крепости, но при условии сопровождения его конвоем. Что же касается жены и детей, то было позволено отпускать их за стены крепости свободно.

Уже через год, в 1747 году, подневольный автор прислал в Сенат свою первую книгу — «Натуральную экономию». Из доклада Сената конца 1763 или начала 1764 года видно, что означенная книжка в то время сохранялась в тайной экспедиции, но мне не удалось ее найти. Книга не принесла ее автору ни свободы, ни награды. Он продолжал оставаться узником крепости. Вторая книга — алхимическая — подвигалась медленно, она привлекла к себе больше правительственного внимания, чем первая, так как сулила доход тысяч в десять рублей. Между тем экономист и алхимик претерпевал в крепости всякие невзгоды и лишения. Он писал из крепости письма, прошения и жалобы. Он страдал с семьей от холода и голода. Вместо свечей ему приходилось пользоваться лучиной. Семья его увеличилась рождением еще двоих детей, а ему продолжали по-прежнему выдавать по 25 коп. на день. Он писал Сенату: «смерть лучше такого житья». Но такое житье продолжалось 18 лет. Только 30 января 1764 г. появилась, по докладу Сената, резолюция Екатерины об освобождении Беликова с семьей. Сенат констатировал, что не приходится ждать от Беликова второй условленной книжки, а первая лишена значения и важности. К тому же и первое сочинение вызывает подозрение, что автор ее помешан.

Дело Беликова имеет некоторые особенности. Царское правительство за время своего существования пересажало немало авторов в крепости и тюрьмы за то, что они писали. Беликов же был заключен в Шлиссельбургскую крепость не за то, что он писал, а для того, чтобы он там писал. Но прежде чем его туда заточили, его предварительно высекали плетью и продержали восемь лет в сибирской ссылке. Неизвестно, был ли Беликов действительно ученым, но надо думать, что не плети и ссылка пробудили у него интерес к политической экономии и алхимии. Заточив его сюда для ученого труда, царское правительство морило его голодом и холодом, и узник должен был в таких условиях создавать свои исследования при свете лучины.

Как-никак, а Беликов вышел из Шлиссельбургской крепости на свободу и в этом отношении оказался счастливее знаменитого

первого русского экономиста самоучки-крестьянина Посошкова, известного автора книги «О скудости и о богатстве», умершего узником в каземате Петропавловской крепости в 1726 году.

§ 32. ПИСАТЕЛЬ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НОВИКОВ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Через два года после расправы над литератором Радищевым в Петропавловской крепости Екатерина еще более жестоко расправилась с другим писателем и общественным деятелем — Новиковым — в Шлиссельбургской крепости.

Имя Новикова было широко известно современникам еще за два десятилетия до приговора над ним. Оно было тесно связано с издательской деятельностью и с журнальной работой. Как издатель первых в России сатирических журналов, он еще в 1769 году вел борьбу против жестокостей крепостного права, против взяточничества судов и пр. Для того времени была очень смела его разящая сатира. Журнал Новикова «Трутен» приводит, например, такие объявления: «В некоторое судебное место потребно правосудия 10 пудов» или «Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть, желающие купить могут его сыскать в здешнем городе». Он рисовал также портрет жестокого помещика, ведущего по всему городу яростную пропаганду, как можно жестче обращаться с крепостными, чтобы «они взора его (помещика) боялись, чтобы они были голодны, наги и босы и чтобы одна жестокость держала сих зверей в порядке и послушании»¹.

Уже эти сатиры не пришлись по вкусу царице, но тогда, в период ее «либеральных» настроений, Новикову еще не приходилось особенно дорого расплачиваться за возбужденное им недовольство Екатерины.

После вынужденного прекращения работы в сатирических журналах Новиков широко развивает издательскую работу как научного, так и публицистического характера. Здесь с его именем связывается издание научных работ по истории, географии, педагогике. Особенностью этих изданий было стремление к популяризации знаний. В частности, он один из первых обратил внимание на журнал для детей, начав издавать «Детское чтение». Этот период его общественной работы уже не только раздражал

¹ С. Н. Усова, Н. И. Новиков, его жизнь и общественная деятельность, СПб., 1891.

Екатерину, но и беспокоил, тем более, что от ее «либерализма» оставалось очень мало.

В поисках нравственного самоусовершенствования Новиков вступает в члены масонского общества, сохраняя за собой право свободного выхода из него.

Вступление в масонское общество оказало влияние на издательскую работу Новикова. Особенно развилась его издательская деятельность в Москве, куда переехал Новиков и где наряду с литературной работой он развивал и общественную деятельность, в частности, дело помощи голодающему населению. Это сгущало тучи над его головой. Отношение императрицы к Новикову учел вновь назначенный в Москву главнокомандующий Прозоровский, о котором Потемкин писал Екатерине: «ваше императорское величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая непременно будет стрелять в вашу цель, потому что своей не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя вашего величества»¹.

Дело Новикова, созданное по инициативе самой Екатерины при ближайшем участии Прозоровского, и было одним из таких пятен, в которых, впрочем, не было недостатка и без этого.

Указом 12 апреля 1792 г. Екатерина приказала Прозоровскому произвести обыск у Новикова, проживавшего тогда в своем имении. При обыске были найдены книги, напечатанные в тайной типографии. Произведя обыск в московских магазинах, обнаружили там книги, продажа которых была запрещена.

Больной Новиков вместе со своим доктором Багрянским был перевезен под караулом в московскую квартиру. Здесь допросы вел сам главнокомандующий Прозоровский — человек невежественный и бесчестный. Он характеризовал Новикова в своих донесениях к царице как человека «дерзкого и смелого, коварного и лукавого». Екатерина приказала перевезти его в Шлиссельбургскую крепость, куда он был доставлен вместе со своим слугою и с доктором Багрянским.

Знаменитый сыщик Шешковский вел допросы Новикова в крепости, предложив ему дать ответы в письменной форме на 75 вопросов. Новиков ответил на эти вопросы, но отказался дать подписку, что отрекается от своих убеждений. Указ 1 августа 1792 г. обвинил Новикова за участие в масонском обществе, в издании книг, противоречащих православию. Указ до-

¹ Пыпин, *Времена Екатерины II*, «Вестник Европы», 1895, т. IV, стр. 289.

бавлял, что, хотя Новиков и не открыл своих тайных замыслов, он достоин нещадной казни, но по милосердию Екатерины присуждается к заточению в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет.

Представляет особый интерес из архивных материалов о Шлиссельбургской крепости интересующего нас периода дело 1794 года. В нем имеется несколько документов, относящихся к содержанию в крепости Николая Новикова¹. Здесь же имеется план номерных казарм, названных Секретным домом Шлиссельбургской крепости, с обозначением на нем не только отдельных камер, но и с указанием, кем или чем была каждая камера занята в момент составления плана. Наконец, в деле имеются и разнообразные сведения, проливающие свет не только на состав заключенных, но и на условия содержания их там.

Ближайшим поводом к началу этого дела послужил рапорт коменданта крепости на имя генерал-прокурора Самойлова от 9 августа 1794 г.

В рапорте комендант указывал, что посетивший крепость и к тому времени уже умерший Шешковский сделал распоряжение выдавать на содержание Новикова, доктора Багрянского и слуги Новикова по рублю в сутки, а вместе с тем было приказано «иметь по воле ее императорского величества особое попечение» об арестованных. Назначенная сумма является совершенно недостаточной, сколько бы он, комендант, ни старался «в безбедном их содержании», — съестные продукты стоили дорого, а приходилось тратить деньги и на закупку лекарств для болеющего Новикова. Комендант испрашивает разрешения пускать доктора Багрянского на воздух. Такая просьба коменданта дает основание думать, что выход из камеры на прогулку не мог быть разрешен самим комендантом, а для этого требовалось позволение генерал-прокурора.

Вероятно, комендант крепости послал приведенный нами рапорт вследствие обращения к нему самого Новикова. В деле имеется черновик такого обращения Новикова без его подписи. В нем он пишет: «В рассуждении дороговизны на все съестные припасы, из получаемого рубля имею самое бедное пропитание. Во всяком белье и обуви, также и платье, а наипаче слуга при нас находящийся крайне претерпеваем нужду и бедность. Наконец ежели голос несчастного страждущего, почти

¹ ЦГАДА, VII, № 2814, 1794 г. Дело об арестантах, содержавшихся в Шлиссельбургской крепости: Николае Новикове, Багрянском и др.

умирающего сможет достигнуть до слуха ее императорского величества...» — то автор письма, указывая на наличие трех детей, просит о милосердии.

Прошло более двух лет, прежде чем этот вопль голодающего и больного писателя был удовлетворен: 22 октября 1796 г. было приказано выдавать Новикову, Багрянскому и слуге еще по одному рублю в день. Едва ли этот приказ успели выполнить, так как уже через две недели, 8 ноября 1796 г., был прислан указ вступившего на престол Павла освободить Новикова (он был освобожден, так же как доктор и крепостной Новикова, 9 ноября). В указе об освобождении узников из различных тюрем и ссылки значатся 87 человек. Под первым номером стоит в списке «Новиков с человеком», вторым доктор Багрянский (в списке амнистированных стоят: князь, граф, генералы, солдаты, купец, священник и пр.)¹.

За два с лишним года, протекшие со времени отсылки рапорта коменданта до удовлетворения просьбы Новикова, производилось расследование правильности заявления Новикова о тяжелом его положении. Присылались ревизоры, которые писали донесения. В одном из таких донесений был приведен список заключенных, с указанием их преступлений, приговора и года, когда они прибыли в крепость. Вот этот список:

1. Савва Сирский с 1776 г. «за фальшивые монеты».
2. Сын пономаря Григорий Зайцев с 1784 г. «за ложное и дерзкое разглашение и буйственное поведение».
3. Беглый арестант Протопопов с 1784 г. «за отвращение от веры и неповиновение церкви».
4. Бывший унтер-офицер Кузнецов с 1787 г. «за фальшивые монеты на 10 лет».
5. Бывший поручик Карнович с 1788 г. «за продажу чужих людей, за сочинение печатей и паспортов и дерзкое разглашение. Послан до окончания шведской войны».
6. Отставной поручик Новиков с 1792 г. «за содержание масонской секты, за печатание касающихся до оной развращенных книг» на 15 лет (в другом списке от 26 октября 1794 г. сказано: «впредь до повеления»).

7. «При нем доктор (это был Багрянский.— М. Г.) за перевод развращенных книг».

8. «Человек его, за что неизвестно».

Я уже говорил, что в деле имеется план Секретного дома с указанием, в какой камере содержался каждый заключенный.

¹ ЦГАДА, VII, № 2900, 1796 г. Список арестантов, освобожденных при вступлении на престол императора Павла.

План и пояснения к нему знакомят нас с устройством Секретного дома. Он состоял из двух этажей. В каждом этаже значилось 14 номеров разных помещений, а именно:

Рис. 14. Шлиссельбургская крепость.
Вид внутри крепости от Полуденной стороны.
Из альбома Маслова.

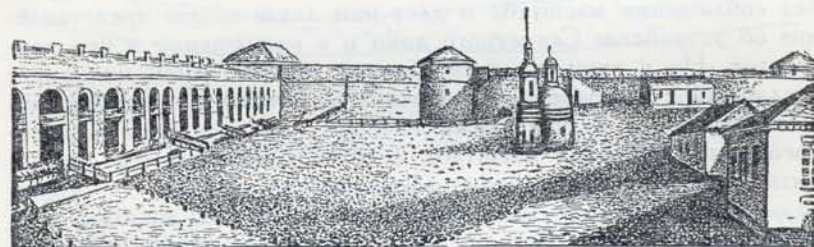

Рис. 15. Шлиссельбургская крепость. Вид внутри крепости от Восточной стороны.
Из альбома Маслова.

В верхнем этаже: № 1. Караульная офицерская; № 2. Комендантская канцелярия; № 3, 4, 5, 6 — порожние; № 7. Арестант Кузнецов; № 8. Арестант Протопопов; № 9. Арестант Сирский; № 10. Арестант Карнович; № 11. Арестант Зайцев; № 12. Порожня; № 13. Сени и № 14. Галерея.

Нижний этаж: № 1. Караульная солдатская; № 2. Караульная артиллерийская; № 3, 4. С материалами; № 5. Церковь; № 6. С углем; № 7. С известкой; № 8. С материалами;

№ 9. Арестант Новиков, с ним доктор и «человек» его; № 10. Порожня; № 11. Порожня, где содержался Ших-Мансуров; № 12. Порожня; № 13. Сени и № 14. Галерея.

Из этого перечня отдельных помещений, или камер, Секретного дома видно, что дом был довольно странным складом, куда наряду с отправленными наиболее важными политическими и уголовными осужденными складывались уголь, материалы, известка. Как мне уже приходилось отмечать выше, и здесь, в Секретном доме, караульни, т. е. помещения для солдат и офицеров, были расположены в коридорах с камерами заключенных, а офицерская караульня была расположена отдельно от солдатской. Поскольку офицерская караульня находилась в верхнем этаже и в этом этаже не было камер, занятых складом угля, известки и пр., надо думать, что верхний этаж был в лучшем положении, нежели нижний. Между тем именно в нижнем этаже и находился Новиков. Никого из других арестантов в нижнем этаже не было помещено, как видно, в целях особой изоляции Новикова. Однако в то время как все остальные арестанты были размещены в одиночных камерах, Новиков был заключен в камере вместе со своим слугой и доктором Багрянским.

Указанный нами план Секретного дома сделан от руки, без соблюдения масштаба и дает нам лишь общее представление об устройстве Секретного дома и о размещении в нем арестантов. Но в этом же деле имеется чертеж одной из камер, сделанный с соблюдением масштаба, а потому и представляющий еще более значительный интерес, чем весь план Секретного дома. Указания масштаба дали мне возможность определить размеры этой камеры, обозначенной под № 5. Общий размер каземата — 3 саж. 4 фута длины и 3 саж. ширины, т. е. его площадь равна 10,7 кв. саж. Вход в это помещение — из сеней или коридора. Эта камера разбита перегородками, не доходящими до потолка, на три неравные части, из которых одна носит название солдатской с площадью около 3,7 кв. саж. Именно сюда выходит указанная нами дверь из сеней. Другая дверь ведет из солдатской во вторую часть камеры, названную по плану «старой перегородкой», с площадью около 4,7 кв. саж. Вход в третью часть камеры, названную по плану «новой перегородкой», с небольшой площадью приблизительно в 1,1 кв. саж., сделан из указанной нами «старой перегородки». Таким образом, эта крохотная камера занимает небольшую часть одного из углов всей камеры № 5, и одна из ее стен представляет собой перегородку от «солдатской», другая — от «старой

перегородки», третья, по-видимому, примыкает к части стены соседней камеры № 4 или № 6, а четвертая представляет выступ большой печи, которая отапливает всю камеру № 5 и имеет топку из сеней. Во всем каземате № 5 два окна, выходящие на галерею. Окна довольно большие, а именно, 5 фут. вышины и $3\frac{1}{2}$ ширины. Одно из них выходит в «солдатскую», а через другое дневной свет проникает в «старую перегородку».

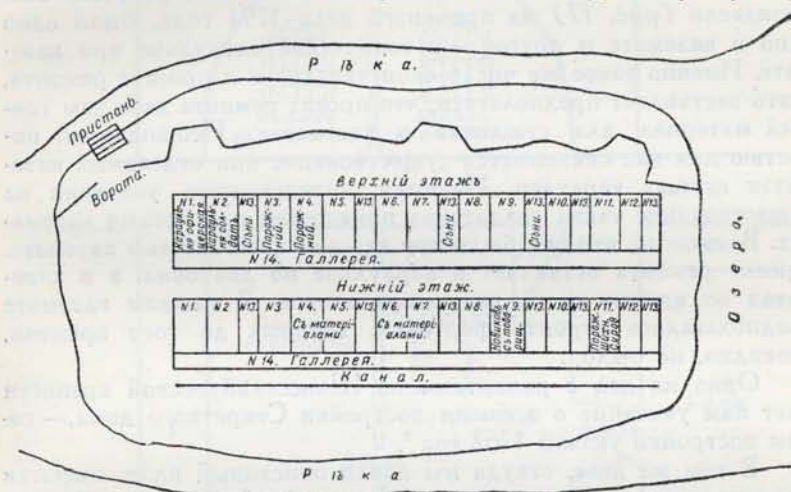

Рис. 16. План Секретного дома Шлиссельбургской крепости 1794 года.

Из архивного дела. Оригинал хранится в ЦГАДА в Москве.

Что касается описанной нами крохотной камеры, то в нее свет проникает через два оконца, прорубленные в стене, выходящей в «солдатскую».

Таково точное описание одного из казематов Секретного дома. Можно предполагать, что этот каземат был типичным образцом, по устройству которого можно судить и об остальных казематах. Вероятно, что у всех у них двери выходили в особый коридор, или сени, что топки всех печей были устроены из сеней, что окна, довольно большого размера, выходили на галерею.

В архивном деле за 1797 год нами найдена бумага без подписи, без указания времени ее составления и без обозначения, кому она предназначалась. Ее содержание представляет черновик проекта ремонта в разных камерах Секретного дома. Этот

проект позволяет сделать некоторые предположения об устройстве Секретного дома. Как мы уже знаем, казематов в обоих этажах было 24 (если не считать сеней и галерей, поставленных в плане в каждом этаже под особыми номерами). В найденном проекте ремонта указано как раз двадцать четыре каземата. В одних казематах было по одному окну, а в других — по два. В каземате № 5, масштабный план которого мы воспроизвели (рис. 17) из архивного дела 1794 года, было одно окно в каземате и другое — в солдатской караульне при каземате. Именно такое же число окон указано и в проекте ремонта, и это заставляет предполагать, что проект ремонта дает нам точный материал для суждения о казематах. Неожиданной новостью для нас оказывается существование при отдельных казематах особых караулен. Имеются определенные указания на существование таких солдатских помещений при восьми казематах. Возможно, что они были при каждом арестантском каземате. Проект ремонта оставляет в караульне по два окна, а в казематах по одному окну, заделывая второе. В каждом каземате предполагалось строить форточки, которых до того времени, очевидно, не было¹.

Одно из дел с рапортами по Шлиссельбургской крепости дает нам указание о времени постройки Секретного дома, — годом постройки указан 1762 год².

В том же деле, откуда мы взяли описанный план, имеются донесения двух ревизоров, посланных тайной экспедицией: первый в 1794 году, а второй в октябре 1796 года. Промежуток времени между двумя ревизиями — всего два года, но разница в описаниях положения заключенных в 1794 и 1796 гг. очень большая. Первый ревизор доносил, что арестанты, за исключением Новикова, «довольствием довольны», и вместе с тем успокаивал свое начальство, что «к утечке или другим каким неприятным случаям сомнения никакого нет». Наоборот, второй ревизор подчеркивал, что арестанты Секретного дома испытывают нужду в самом необходимом одеянии, и описывает тяжелое положение Новикова. На расходы по Секретному дому правительство было скупое, в особенности, когда поднимался вопрос о расходах на содержание заключенных из числа крестьян.

У нас так редко встречались какие-либо указания на моральное состояние заключенных Секретного дома Шлиссель-

¹ ЦГИА в Москве, дело № 7, фонд управления коменданта Шлиссельбургской крепости, 1797 г.

² ЦГИА в Москве, № 20, дело Шлиссельбургской крепости. «Рапорта по Шлиссельбургской крепости 1820—1824 гг.», лист 3.

бургской крепости, что я считаю тем необходимее воспроизвести здесь несколько строк из донесения второго ревизора от 1796 года. Эти строки рисуют очень однообразную картину,

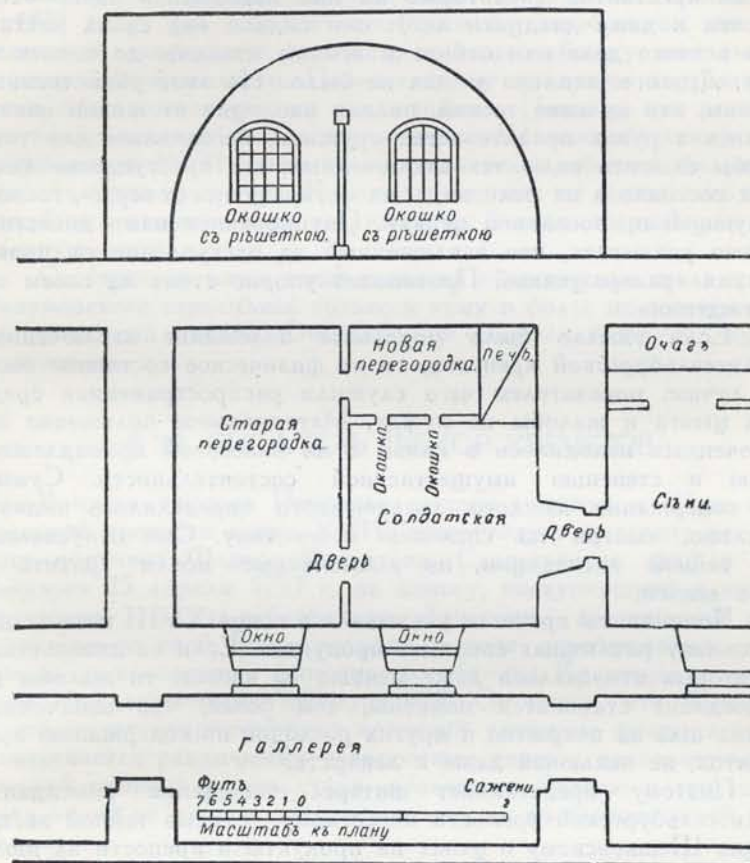

Рис. 17. План отдельного каземата № 5 Секретного дома Шлиссельбургской крепости 1794 года.

Из архивного дела. Оригинал хранится в ЦГАДА в Москве.

виденную ревизором в каждой из одиночных камер. Пятерых арестантов он застал на молитве перед образами. У одного из особенно усердных молельщиков (а именно, у Зайцева) он усмотрел на лбу знак «в меру куриного яйца» от «полагаемых частых земных поклонов». Один из заключенных был занят

чением церковных книг, а прочие сидели на своих местах. Таким образом, эти короткие строки официального донесения против воли автора воссоздают перед нами картину гнетущей тоски арестантов (некоторые из них находились здесь более десяти и даже двадцати лет): они сидели «на своих местах» без всякого дела или отбивали земные поклоны до шишек на лбу. Другого занятия у них не было. Но этот убийственный режим, это мучение тоской, полная изоляция от жизни оказывались в руках правительства оружием, бессильным для того, чтобы сломить волю тех заключенных, все преступление которых состояло в их религии, в их «отвращении от веры», господствующей православной церкви. Цитированное нами донесение прямо указывает, что заключенный за отступление от православия «развращенный Протопопов упорно стоит на своем заблуждении».

Если тяжело было моральное положение заключенных Шлиссельбургской крепости, то их физическое состояние было не лучше, показателем чего служили распространенная среди них цынга и жалобы на нужду. Материальное положение заключенных находилось в связи с их классовой принадлежностью и степенью имущественной состоятельности. Суммы на содержание каждого заключенного определялись индивидуально, смотря по сословию и по чину. Они отпускались из тайной экспедиции, но заключенные могли тратить и свои деньги.

Коменданты крепости указывали в конце XVIII века на дороговизну различных съестных продуктов. Если на довольствие некоторых отпускалось даже меньше 10 копеек, то жалобы на недоедание становятся понятны, тем более, что означенная сумма шла на покрытие и других расходов по содержанию арестантов, не исключая даже и лекарств.

Поэтому представляет интерес сообщение коменданта Шлиссельбургской крепости известному деятелю тайной экспедиции Шешковскому о ценах на продукты в крепости за июль 1792 года.

Приведем для примера некоторые из этих цен: говядина — 5 коп. за фунт, молоко — 10 коп. штоф, ситный хлеб — 3 коп. фунт, черный хлеб — 2 коп. фунт, постное масло — 11 коп. фунт, сахар — 55 коп. фунт, масло коровье — 15 коп. фунт, крупчатая мука — 5 коп. фунт, яйца — 15 коп. десяток, чай $\frac{1}{4}$ фунта — 75 коп., капуста на щи — 3 коп.¹

¹ ЦГАДА, VII, № 2793 bis, 1792 г. Переписка шлиссельбургского коменданта Колюбакина со Степаном Шешковским, лист 17.

Не надо думать, что эти продукты, цены на которые сообщает комендант, служили пищей для всех заключенных и что их кормили яйцами, крупчатым хлебом, поили молоком и чаем с сахаром. Мы увидим впоследствии, что даже много позднее, в 1825 году, чай давался некоторым из декабристов, заключенным Алексеевского рavelина, по «высочайшему повелению» в виде особой милости. Перечисленные продукты доставались лишь более состоятельным заключенным. Цены на них показывают, что основной массе заключенных Шлиссельбургской крепости конца XVIII века не приходилось пробовать большинства из этих продуктов. К сожалению, мне не попадалось сведений, чем кормили этих заключенных и даже получали ли они горячую пищу.

Сообщенные мною выше сведения о роскошном столе графа Разумовского относились только к нему и более не повторялись за указанный период. Очевидно, он получал блюда из кухни коменданта.

§ 33. ПИСАТЕЛЬ ФЕДОР КРЕЧЕТОВ

В числе узников Петропавловской, а потом и Шлиссельбургской крепости конца XVIII века следует выделить отставного поручика Федора Кречетова. Следственное дело о нем началось 25 апреля 1793 г. по доносу, поступившему к петербургскому генерал-губернатору. Доносчик, получивший впоследствии за свой донос награду в виде освобождения его с семьей от крепостной зависимости, обвинил Кречетова в целом ряде государственных преступлений. Он писал, что Кречетов «изображает непристойными красками уложение французское и намеревается различными вольностями довести человечество до высшей степени благополучия, просветить Россию и тем избавить народ от царского ига, в котором он по слепоте своей пребывает».

Доносчик пояснил, что Кречетов, «негодую на необузданность власти, восстав на злоупотребления, возвращает права народу». В особой бумаге на имя Екатерины доносчик сообщал, что Кречетов оскорблял честь государыни и наследника и «весь сенат ругал, яко воров и разбойников».

Если припомнить, что это заявление поступило к генерал-губернатору в 1793 году, когда Екатерина была охвачена ужасом перед событиями французской революции, то легко понять полный успех доносчика. Особое значение имела ловкая ссыла на одобрение Кречетовым «французского уложения».

Кречетов был немедленно арестован, и при обыске у него было отобрано много его рукописей. Содержание рукописей было известно в общих чертах доносчику, служившему парикмахером в доме Татищева, где также проживал Кречетов. Последний уже был на примете у тайной экспедиции. Еще за несколько лет перед этим его литературная деятельность навлекла на него подозрение, и ему было запрещено заниматься ею.

О личности Кречетова известно очень мало. Автор статьи, посвященной ознакомлению с делом Кречетова, мог лишь сообщить некоторые сведения о его службе в армии, от которой он рано отказался, занявшись литературным трудом. В своих сочинениях, оставшихся ненапечатанными, он обнаруживает большое знакомство с произведениями иностранной научной мысли. Он увлекался учением энциклопедистов и перевел на русский язык книгу Пуфендорфа «О должности человека и гражданина».

Он был поборником распространения в народе образования и, в частности, пропагандировал распространение образования среди женщин. Едва ли не один из первых он убежденно доказывал необходимость поднять в России уровень юридических знаний и настаивал на открытии особых юридических школ. Являясь сторонником участия народа в законодательной деятельности, он хотел ограничить монарха и поставить его в подчиненное положение перед силой закона.

Следствие велось с большой строгостью и быстротой. Среди отобранных при обыске бумаг найдена записка Кречетова, в которой была ясно выражена мысль о лишении монарха власти, если он не исполняет законов. Обвиняемый оправдывался, что это были его теоретические убеждения, не распространявшиеся им. Но свидетели давали показания, обличающие обвиняемого, который высказывался не только за ограничение самодержавия, но и за уничтожение «всех княжеских и дворянских титулов».

Свидетели утверждали, что обвиняемый говорил о необходимости освобождения крестьян, об облегчении службы солдат, об увеличении им жалования и пр.

Приговор, состоявшийся 18 июля 1793 г., был написан в самых резких и напыщенных выражениях. В нем говорилось, что Кречетов — «самого злого нрава, и гнусная душа его наполнена прямым злом против государя и государства». В приговоре указывалась, что он, «яко изверг рода человеческого, достоин казни», но взамен ее, «чтобы впредь не мог своими злыми плеведами заразить малосмысленных людей, то запе-

реть его в здешней крепости до высочайшего указа, под крепчайшею стражею, не допуская к нему никого, так и писать ему не давая».

Во исполнение приговора осужденный был заключен в Петропавловскую крепость в один из ее казематов. Но уже через месяц, когда были обнаружены новые бумаги, компрометирующие Кречетова, он после новых допросов был переведен в Алексеевский рavelин.

Вновь начатое следствие в тайной экспедиции выявило, что осужденный не хочет монархов, «а заботится более о равенстве и вольности для всех вообще, ибо он, между прочим, сказал, что раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян, ведь и они таки же человеки».

По повелению Екатерины Кречетов должен был быть переведен в Шлиссельбургскую крепость. В ночь на 25 декабря комендант Петропавловской крепости передал Кречетова фельдшеру, который 25 декабря 1794 г. доставил арестанта коменданту Шлиссельбургской крепости вместе с повелением Екатерины содержать осужденного «наикрепчайше, наблюдая, чтобы он никаких разговоров и сообщения ни с кем не имел».

Комендант крепости, сообщая о принятии им Кречетова, переслал генерал-прокурору бумаги Кречетова, обнаруженные при обыске зашитыми в подушку. При новом обыске нашли еще бумаги, зашитые в постель, — на этих бумагах слова были наколоты булавкой. Эти бумаги были пересланы в тайную экспедицию. В архивном деле их содержания не приведено.

Осужденный был помещен во втором этаже Секретного дома в камере № 5 (см. план этого дома), получая на свое содержание по 25 коп. в день. Здесь он оставался до вступления в 1801 году на престол Александра I. Он был выпущен совершенно больным и неспособным ни к какому труду, — голодание и сырость сделали свое дело¹.

В просмотренном мною архивном деле имеется прошение Кречетова, написанное им 9 мая 1801 г., т. е. уже после освобождения. В нем он указывает, что, будучи «здоровьем слаб и ногами болен», он не в состоянии сам лично подать прошение и вести соответствующие хлопоты, а потому доверяет это подателю прошения. В поданной же бумаге он заявлял просьбу о возврате отобранных у него при обыске патентов (т. е.

¹ См. М. Корольков, Поручик Федор Кречетов, Шлиссельбургский узник XVII столетия, «Былое» 1906 г. № 4.

удостоверений на чин), шпаги, диплома Академии наук на право преподавания и бриллиантового перстня. Просьба была удовлетворена. На этом обрываются сведения о Кречетове в архивном деле¹.

§ 34. ИНСТРУКЦИЯ ПО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Что касается условий режима в Шлиссельбургской крепости, то содержание в ней, по-видимому, определялось для каждого заключенного особо, в зависимости от его классовой принадлежности и совершенного преступления. Есть основание думать, что найденная нами инструкция о содержании в Секретном доме Шлиссельбургской крепости некоего надворного советника Рогова была типичной для многих случаев. Этот несомненно душевнобольной человек, придя в канцелярию Синода прямо с улицы, сел за стол и стал писать нелепый указ от имени императора Павла. Он намеревался, по его словам, огласить его в соборе. Этот поступок ненормального человека, однако, очень обеспокоил Екатерину, и Рогов в 1775 году после подробного расследования при ближайшем участии самой Екатерины был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, а вся семья его — в Сибирь. Через двадцать лет Павел заинтересовался судьбою Рогова и его семьи, но оказалось, что сам Рогов умер в крепости, а все члены его семьи, кроме одного, умерли в Сибири.

При отправке Рогова в крепость коменданту ее было дано «наставление», содержание которого может служить до некоторой степени показателем режима некоторых заключенных Секретного дома.

В «наставлении» имеется шесть пунктов или статей. В первой статье предписано: «Посадить одного Рогова в крепость в крепкую такую камеру, где бы оный никого видеть не мог, представивши к нему для караула одного унтер-офицера и солдат трех человек...».

«Разговоров с ним никаких, особливо о его деле, по которому он подвержен сему содержанию, отнюдь не иметь и ни под каким видом у него не спрашивать...». «Такие разговоры и самому Рогову строжайше запрещать», «Содержать его в казарме под крепким караулом безвыходно. Никого к нему не только до разговоров, но даже до свидания ни с кем не до-

¹ ЦГАДА. VII, № 2813. 1793 г. Дело о доносе дворового человека на отставного поручика Федора Кречетова.

пускать. Одним словом, так его содержать, чтобы он никого и его никто видеть и знать не мог...».

«Наставление» рекомендует коменданту держать имя заключенного в секрете так, чтобы и солдаты караула его не знали. На обязанности караула лежит предостерегать побег заключенного, не давать ему ничего, чем бы он мог совершить убийство или какое-либо вредительство, а потому «стоять на часах без шпаги, с ружьем без штыка». «Хмельного ему ни под каким видом не давать». Не позволять писать писем и не давать чернил и бумаги.

Вторая статья: «Имеете вы почасти над сими караульными надзирать, чтобы они все то, что им выше предписано, исполняли в самом деле».

Третья статья предписывает, что если колодник Рогов будет произносить что-либо «непристойное», то его не слушать, так как он «в уме помешан», но немедленно доносить об этом генерал-прокурору.

Четвертая статья: «Во время его в Шлиссельбургской крепости содержания — имеете вы за ним примечать, какую он, Рогов, жизнь вести будет, потом мне рапортовать через каждые полгода».

Пятая статья определяла на содержание Рогова по восемь копеек на день из средств тайной экспедиции.

Последняя — шестая — статья предписывала: «без имянного указа ни по каким повелениям одного Рогова ни куда из крепости не отдавать и не освобождать»¹.

Таким образом, «наставление» на все лады повторяло одно и то же требование о таком содержании колодника, чтобы он был совершенно изолирован от внешнего мира, от сношений с другими. Далее этого заботы «наставления» не шли и имели целью создать обстановку полной изоляции.

С полной достоверностью мы не знаем, насколько этот режим строгой изоляции действительно соблюдался. Мы имеем основание думать, что в ту эпоху солдаты караула еще не были достаточно вышколены, чтобы нести свои обязанности по установлению этого режима строгого одиночества, строжайшего запрета всяких разговоров и пр. Нам встретилось архивное дело 1799 года Шлиссельбургской крепости о предании суду двух солдат караула Секретного дома за допущение общения между собой арестантов этого дома. Караульные отперли в

¹ ЦГАДА, VII, № 2440, 1775 г. Дело об отправлении в Шлиссельбургскую крепость надворного советника Григория Рогова, в припадке сумасшествия писавшего безумные манифесты, и о ссылке в Сибирь его семейства.

ночное время камеры двух заключенных и позволили им сойтись вместе. Караульный офицер при обходе камер увидел это нарушение правил и немедленно донес коменданту, а тот — генерал-прокурору. Приговора суда в деле нет, но, вероятно, он был очень суров¹.

Наше предположение о том, что приведенное выше «наставление» о содержании Рогова служит показателем такого же содержания некоторых других арестантов, подтверждается инструкцией 1776 года о содержании Василя Сирского, осужденного за подделку ассигнаций. Он был приговорен «к вечному и неисходному содержанию в Шлиссельбургскую крепость, где велеть его запереть в казарму, и никого к нему ни для чего не допускать, також бумаги, чернил, пера, карандаша и одним словом ничего такого, чем можно писать, а равно и никакого орудия, ниже шилья и тому подобного ему не давать, да и караульным никаких разговоров с ним не иметь. Кормовых денег производить ему в день по три копейки»².

Эта инструкция о содержании Сирского в Шлиссельбургской крепости в основных чертах сходна с инструкцией о содержании там же Рогова. Обе инструкции назначают «безысходное житие», запрещают осужденным всякие свидания, выдачу им письменных принадлежностей и устанавливают строгий за ними присмотр. Но имеются и различия. Общий тон инструкции по содержанию государственного преступника Рогова еще более суров, чем тон инструкции о содержании фальшивомонетчика Сирского. Для охраны Рогова установлен усиленный караул и приказано держать в секрете его фамилию, чего не сделано по отношению к Сирскому. Особой статьей инструкции предписано речи Рогова не слушать, а о том, что он будет говорить, доносить генерал-прокурору, хотя сама же инструкция предупреждает, что Рогов «в уме помешан». Тайная экспедиция не переставала интересоваться даже речами сумасшедшего, посаженного в одиночный каземат Шлиссельбургской крепости. Указанное нами различие в содержании обоих арестантов объясняется характером преступления того и другого. Различие же отпускаемых средств на содержание каждого из них (Рогову по восемь копеек в день, а Сирскому по три копейки в день) объясняется различием их социального положения.

¹ ЦГАДА, VII, № 3366, 1799 г. Дело о рядовых сенатского батальона — Вильгельме Ганце и Сергее Федотове, отданных под суд за дозволение секретным арестантам в Шлиссельбургской крепости видаться между собой.

² ЦГАДА, VII, № 2043, 1762—1801 гг. Именные высочайшие указы и определения по тайной экспедиции за 1776 г.

Бывший чиновник Рогов получал на свое содержание почти в три раза больше, чем крестьянин Сирский. Сделанное нами сопоставление обеих инструкций тем более уместно, что оба заключенные попали в крепость почти одновременно, а именно, Рогов в 1775 году, Сирский — в 1776 году.

Помимо двух названных заключенных, в Шлиссельбургскую крепость попали (1776 г.) и трое других. Первый из них был лишенный чинов Николай Колычев. Он был в свое время заключен в монастырь, где и постригся в монахи, приняв имя Нила, но из монастыря бежал. Будучи арестован, на допросах в тайной экспедиции он подписал свои показания не монашеским именем Нила, а своим прежним званием и прежней фамилией «надворный советник Николай Колычев». В результате всего этого ему было поставлено в вину несколько преступлений, из которых каждое не было большим, а все вместе, казалось, не заслуживали той суровой кары, которая постигла Колычева. За побег из монастыря, за неудавшуюся попытку подкупа дьякона, за подпись надворным советником, когда был лишен чинов, он был приговорен к вечному заточению в Шлиссельбургскую крепость. При этом в постановлении о такой каре добавлено, что она назначена «по единому милосердию ее императорского величества»¹. Это звучит настоящей иронией. Легко себе представить, как принял осужденный этот акт высочайшего милосердия.

Двое других, отправленных в Шлиссельбургскую крепость, были солдат Алашев и купец Смолин. Если Колычев попал из монастыря в Шлиссельбургскую крепость, то купец Смолин должен был из Шлиссельбургской крепости попасть в монастырь; за неизвестные преступления он был посажен в крепость на пять лет и после этого должен был быть переведен в монастырь, но первоначально без пострижения в монахи².

Преступление солдата Алашева было рассмотрено как государственное, а состояло оно в том, что он брошенным камнем разбил один из фонарей в Зимнем дворце в Петербурге. Мотивы этого преступления в деле не указаны. Срок заточения был определен в три года (на содержание ему было отпущено по три копейки в сутки)³. Отправка в Шлиссельбургскую крепость не пожизненно, а на срок, и тем более такой краткий, была очень редким фактом. Это заставляет предполагать, что мотивы поступка солдата не были очень серьезные.

¹ ЦГАДА, реестр приговорам по тайной экспедиции, именным указам, состоявшимся в 1776 г. Указ от 3 ноября 1776 г.

² Тот же архив, реестр тот же за 1776 г.

³ Тот же архив, реестр тот же. Указ от 30 сентября 1776 г.

О Шлиссельбургской крепости времен Павла и Александра I мы имеем очень немного сведений. Павел направлял сюда и за дурное поведение и за карточную игру. Так, 6 февраля 1800 года сюда были посажены шесть человек за карточную игру, в том числе генерал-майор, надворный советник и канцелярист Раевский. Последний был освобожден в том же году в ноябре (не ясно, были ли тогда же освобождены остальные, но об освобождении одного из этих игроков усиленно хлопотал поэт Державин). Более продолжительный срок провел в крепости исключенный из полка за дурное поведение майор Чириков, посаженный 20 июля 1798 г. и освобожденный 29 ноября 1800 г.

Был заточен Павлом в Шлиссельбургскую крепость личный секретарь фаворита Екатерины Зубова — Грибовский.

В архивном деле 1891 года об уничтожении тайной экспедиции имеется документ, проливающий некоторый свет на заточение в Шлиссельбургскую крепость по повелениям Павла. Тайная экспедиция составила поименный список заключенных, числившихся к моменту составления списка за этой экспедицией в Шлиссельбургской крепости. Ни ранее, ни позднее мне не встречалось такого обширного списка заключенных в эту крепость. Возможно, что в список вошли и такие лица, которые были уже освобождены ранее. Такая отметка «освобожден ранее», без указания числа, стоит при двух-трех фамилиях, а при одной значится «умер»¹.

Из 49 заключенных было 46 мужчин и три женщины. Из указанного числа мужчин было 22 военных в чинах от подпоручика до генерал-майора. Гражданских чиновников было пятеро. Среди заключенных были: одна княжна, князь с женою, один купец, два ксендза, два поляка, несколько крестьян.

Причины заключения в Шлиссельбургскую крепость очень пестры. В списке мы встретили подделывателей ассигнаций и паспортов, карточных игроков, распространителей скопческой ереси, сектантов, участников бунта, лиц, попавших сюда за дерзость начальству, за несоблюдение дисциплины и грубость начальству, за беспорядки в полку, за слабое содержание роты, за незаконное присвоение земли, за нанесение раны саблей, за противоправительственные сочинения, и несколько лиц по повелению Павла без объяснения причин. Вероятно, немалое число офицеров попало сюда прямо с парадов и с военной муштровки. Можно сказать, что Павел этим пестрым набором

¹ ЦГАДА, VII, № 3640, 1801 г. Дело об уничтожении тайной экспедиции.

заключенных в Шлиссельбургской крепости «обесценил» ее значение как места заточения в наиболее серьезных случаях. При Павле присылались сюда же те, кто попадал к нему на глаза в припадке его бешенства, кто попадал ему под его тяжелую руку. Среди заключенных оказались даже муж с женою, вина которых была указана более чем странно: «за самовольное их знакомство и дальнейшие последствия». При всей необъятной широте области запрещенных и наказуемых действий не было закона, который бы запрещал знакомство и карал за какие-то последствия такого знакомства, вдобавок еще мужа с женою. Этот пример является довольно характерным показателем беспредельности царского произвола при направлении в Шлиссельбургскую крепость.

§ 35. УЗНИКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

О Шлиссельбургской крепости первой четверти XIX века имеется очень мало сведений как в печати, так и в архивах. Нет полных сведений даже и о фамилиях заключенных. После уничтожения тайной экспедиции в 1801 году и освобождения из Шлиссельбургской крепости заключенных казематы этой крепости, во всяком случае, не пустовали. Я уже приводил выше фамилию графа Разумовского, содержавшегося в Шлиссельбургской крепости в 1807 году на исключительно льготных условиях. В деле не было указано, за что именно был заключен сюда этот граф по повелению Александра I.

Архивные дела по Шлиссельбургской крепости за первую четверть XIX века разрознены и носят случайный характер¹.

Вслед за делом графа Разумовского ближайшее к нему по времени дело относится к 1812 году, когда 15 марта был прислан в крепость арестант под № 1. Фамилия его не была указана. Без всякого сомнения, это был человек привилегированного класса. Он был доставлен в крепость с 535 рублями. В деле имеется запись коменданта о расходовании этих денег на нужды арестанта с 1812 по 1816 гг. Из записи видно, что деньги расходовались на питание заключенного, и среди купленных продуктов упоминались кофе, чай, сахар и перец. Почти все эти деньги были израсходованы за первые же два года, а на последние два года пришлось ничтожные суммы выдачи по 40 и 20 рублей. Фамилия этого неизвестного № 1 была названа лишь 27 ноября 1816 г. при его освобождении. Это был некто

¹ ЦГВИА в Ленинграде.

Гуртер. Он был выдан из крепости фельдъегерю для выпрождения его за границу.

К 1812—1816 гг. в архивном деле имеются сведения о про довольствии какого-то другого неизвестного заключенного. Здесь наряду с купленными продуктами, среди которых встречались французское вино в количестве целого ведра, лимон, горчица, сахар, также упомянуты покупка холста, коленкора, починка часов.

Эти сведения о расходах заключенных в Шлиссельбургской крепости служат показателем, хотя и очень слабым, режима питания узников, имевших при себе некоторые средства. Как видно, граф Разумовский был там не единственным потребителем французского вина. Но в том же деле оказались сведения и о покупках, сделанных для арестанта № 4. Ему доставлялось уже не красное или французское вино, а водка, и в таком количестве, которое заставляет думать, что если все закупленное действительно попадало к арестанту, то он сделался тут настоящим алкоголиком при любезном содействии коменданта крепости; в записи обозначено: «24 июля водки четверть ведра № 4», а через три недели для этого же № 4 было закуплено еще четверть ведра. Закупка водки для № 4 чередуется с закупкой лекарства для него.

Некоторым показателем если не количества арестантов за это время, то, может быть, числа одиночных камер служит одновременно произведенный расход на закупку десяти рукомойников и светильен для ночников. Через три-четыре года, в 1820 году, были закуплены восемь крашенных кроватей, восемь столиков с выдвигаемыми ящиками и восемь столчаков.

Ввиду того, что мы имеем так мало сведений о Шлиссельбургской крепости начала XIX века, я считаю необходимым воспроизвести здесь хотя бы и те разрозненные сведения о заключенных в эту крепость, которые нам удалось найти в архиве.

Если в 1806 году в крепость был заключен камергер граф Разумовский, то за два с половиной года до него сюда же был посажен какой-то камер-юнкер Сергей Кошелев, пробывший здесь только два месяца. Необычайно короткое время здесь провели в 1808 году два англичанина — Томас Борнес и Джемс Рен, заключенные сюда 17 марта и выпущенные уже 21 марта. Таких счастливых среди русских подданных не имелось. В 1811 году сюда был заключен иностранец Римзел. В том же году были заключены: полковник Казаринов, освобожденный через два месяца; Рудницкий, которому была выдана бумага для «начертания некоторого плана»; иностранный врач Шней-

ер; далее 29 апреля 1812 г. — варшавских войск поручик Дранжевский; 10 февраля 1813 г. — пленный майор Миллер, отправленный вследствие болезни 18 ноября 1813 г. в Петербург. Кроме этого военнопленного, был заключен в крепость также военнопленный Жан Барт (с 3 июля 1813 г. по 28 сентября 1814 г.). В 1814 году сюда был прислан подпоручик Калинин по постановлению комитета, учрежденного 13 января 1807 г., с пояснением: «Как человека опасного и вредного запереть навсегда в Шлиссельбургскую крепость и содержать под крепким караулом»; в 1817 году — отставной прапорщик барон Менус, в том же году 25 декабря — отставной подпоручик Мордвинов.

За период 1812—1818 гг. мне попались два характерных эпизода. Первый показывает, что правительство не брезгало никакими средствами для получения нужных ему сведений. В 1812 году министр полиции уведомил коменданта Шлиссельбургской крепости о предстоящей присылке к нему под видом арестанта сотрудника полиции Фогеля. Предписывалось посадить его рядом с камерой заключенного № 1 и допустить их общение для того, чтобы Фогель вошел в доверие к этому арестанту и узнал от него секреты. По выполнении поручения Фогель, по его требованию, должен был быть выпущен. Все было проделано так, как приказал министр¹.

Другой эпизод имел место в 1818 году, когда комендант Шлиссельбургской крепости был извещен о предстоящем посещении крепости наследным прусским принцем со свитой. Коменданту предписывалось «отнюдь не показывать секретных покоев и даже ничего об оных не говорить». Все это было передано как воля самого царя². Эти два эпизода хотя и относятся к разным сторонам жизни Шлиссельбургской крепости, но оба стоят один другого, так как оба построены на лжи и обмане.

В этом же 1818 году при происшедшем «разделении властей министра полиции и Петербургского военного генерал-губернатора, бывших соединенными в одном лице», заведование Алексеевским равелином и Секретным домом Шлиссельбургской крепости было оставлено в ведомстве министра полиции.

¹ ЦГИА в Москве, дело № 3. Разная переписка с комендантами Шлиссельбургской крепости о заключенных в ней за 1788—1864 гг.

² Сходный случай имел место в 1816 году, когда начальник главного штаба предписал коменданту крепости допустить австрийского генерала Штейнгельтишада «к осмотру тех только мест, кои не подлежат тайне, где не находятся преступники», ЦГВИА в Ленинграде, фонд 437, дело № 1, лист 8 (оборот.).

Доказательством того, что Александр I отнюдь не думал отказываться от использования Шлиссельбургской крепости как места заточения своих врагов, служит указание на капитальный ремонт, произведенный в 1817 году в «замке Секретного дома». Капитальный ремонт обошелся в очень крупную сумму — 12 522 р. 25 к.¹

Но как ни был «капитален» этот ремонт и как бы ни была для того времени значительна затраченная сумма, уже через 13 лет комендант вновь просил разрешить ему произвести ремонт того же Секретного дома. Он указывал, что полы сгнили, сгнили также и рамы, а стекла в этих рамах потускнели. Было разрешено лишь поправить железную крышу и исправить каменную лестницу, примыкавшую к дому.²

За 1821 год мы нашли поименный список заключенных в Шлиссельбургской крепости. На 1 марта указанного года там содержались 18 человек.³

Сведения о причинах их заключения в крепость были найдены мною в других архивных делах, притом лишь в отношении некоторых из указанных в списке. Стоящий в списке четвертым Мошинский был доставлен в Шлиссельбургскую крепость 3 марта 1820 г. Так как фамилии заключенных заносились в список в порядке последовательности их поступления в крепость, то, очевидно, Соковнин, Бок и Калинин были доставлены сюда ранее 1820 года. О Мошинском известно, что он был ротмистром польской службы и первоначально был заключен в Петропавловскую крепость. Во время пребывания здесь он написал, говоря словами официального документа, «пасквиль» на императора Александра I, и по повелению самого Александра как человек «безнравственный, буйный и безнадежный к исправлению, навсегда отправлен был в Шлиссельбургскую крепость»⁴. Фамилия Мошинского в списке заключенных, занесшихся в него по времени их поступления, постепенно занимает третье, второе и, наконец, первое место на этом первом месте в течение очень долгих лет. В последний раз я встретил его фамилию в списке от 20 января 1846 г. По суще-

¹ ЦГИА в Москве, дело № 18. Счета и ведомости по Шлиссельбургской крепости за 1813—1828 гг.

² ЦГИА в Москве. Всеподданейшие доклады собств. его имп. велич. канцелярии за 1830 г., папка № 5.

³ ЦГИА в Москве. Дело Шлиссельбургской крепости, «Журнал исходящих бумаг по секретной части 1822—1825 гг. и входящих бумаг за 1825 г.».

⁴ ЦГИА в Москве, 1-я экзп., № 179, 1832 г. Архив III отд. собств. его имп. велич. канцелярии — «О секретном арестанте Шлиссельбургской крепости Игнатии Мошинском».

ствовавшим правилам, поименные списки заключенных без обозначения причин заключения в крепость ежемесячно посылались царю. Получая эти списки через каждые четыре недели, шеф жандармов Бенкендорф только в 1832 году поинтересовался узнать, за что содержится Мошинский, и получил ответ, приведенный мною выше. При этом министр внутренних дел добавлял, что «арестант сей дерзкий и, как кажется, более помешанный». Когда через четыре года, в 1836 году, возник вопрос о возможности его освобождения, комендант крепости отозвался о нем, что он «и поныне не только не исправился, но нисколько даже не укротился»¹.

Из других заключенных мы нашли сведения о Боке и Каразине. Полковник Бок, польский патриот, был заточен в крепость в 1818 году и был освобожден сумасшедшим в 1828 году.²

До его освобождения комендант крепости не один раз общался, как я видел в архивном деле, о периодических приступах безумия Бока. Тогда комендант надевал на него «горячую рубашку». При доставлении Бока в крепость ничто не показывало его душевного расстройства. По-видимому, суровый режим и разлука с семьей сделали свое дело. Первоначально было предписано, «чтобы отнюдь никого не допускать к полковнику Боку, не давать ему бумаги, чернил, перьев, карандашей и никакого мастерства, об аресте его не доносить и о прочем». Через месяц после заточения Бока начальник штаба почему-то забеспокоился и запросил коменданта, «не приезжал ли кто в Шлиссельбургскую крепость для указания об аресте полковника Бока, а если кто был, то объяснить, кто именно, от кого и зачем был прислан». Еще через полтора месяца к заключенному был прислан с целью его увещевания пастор. Лишь через восемь месяцев было разрешено Боку написать первое письмо к жене. Попытка Бока обратиться к Барклаю де Толли была сразу пресечена, и подтверждено запрещение иметь переписку с кем бы то ни было, кроме жены. Удивительнейшим фактом в истории Шлиссельбургской крепости явилась присылка в 1820 году Боку фортепьяно, которое было установлено в его одиночной камере. Комендант крепости доносил в Петербург в одной и той же бумаге и об игре Бока на фортепьяно и о его душевной болезни. Частые донесения коменданта о буйных припадках Бока оставались безрезультатными, и больной страшно ослаб. Только в 1828 году его отпустили умирать вне крепости.

¹ ЦГИА в Москве, 1-я экзп., № 9, 1836 г.

² Е. Д. Никитина, Крепость Шлиссельбург, 1927, стр. 9 и 21.

Из списка заключенных в Шлиссельбургскую крепость 1821 года наиболее известным является имя В. Н. Каразина. Это был крупный общественный деятель, с именем которого связано учреждение Харьковского университета и перу которого принадлежит свыше 60 работ научного и публицистического содержания. Личность и судьба Каразина представляют немалый интерес. У него было страстное влечение к расширению своих научных знаний. После отказа Павла на выезд за границу для получения там высшего образования он решил тайно туда эмигрировать, но во время переправы ночью через границу был арестован. В своем письме Павлу он откровенно и смело написал, что бежал за границу не только для получения образования, но и желая укрыться от самого Павла, «страшась его жестокости», когда уже один «свободный образ мыслей мог быть преступлением». Павел сам принял Каразина и не подверг его наказанию: вместо разрешения уехать за границу, он определил его на службу в Петербурге.

Деятельность Каразина развернулась лишь при Александре. Она началась с первых дней вступления на престол Александра, когда Каразин обратился к царю в анонимном письме с призывом встать на путь либеральных реформ. Содержание письма соответствовало лицемерному «либерализму» Александра, и обнаруженный автор письма стал очень близок к нему. Каразину первому принадлежала мысль об учреждении министерства народного просвещения, и он же был одним из первых работников по народному образованию, которому придавал громадное значение.

На судьбе Каразина отразилась вся изменчивая царская политика. В биографии этого общественного деятеля, написанной в эпоху реакции (1891 г.), автор так характеризовал перемену этой политики: «Тяжелое время переживала тогда Россия. Все либеральные начинания Александра I превратились в забытые слова... Место религиозной свободы заняли религиозные преследования. Крестьянский вопрос был сдан в архив. «Вольный дух» преследовался в самых невинных его проявлениях... В центральном правительстве главную роль играли разные иностранные авантюристы, ренегаты прежнего либерального направления и мракобесы — мистики и формалисты. Печатное слово было сдавлено. Повсюду царило шпионство»¹. Деятельность Каразина в столице прервалась, и он был вынужден переехать в свою деревню. Ко времени пребывания его

¹ Я. В. Абрамов, Каразин В. Н., его жизнь и общественная деятельность, СПб., 1891.

Иначе пишет о Каразине Рыбаков в журнале «Былое» 1925 г. № 2.

здесь относится эпизод, сведения о котором я почерпнул из архивного дела «III отделения собственной его величества канцелярии». В конце декабря 1816 года Каразин передал во время дворянских выборов предводителю дворянства свою рукопись под заглавием «Защитение против иностранцев существующей в России зависимости поселян от их помещиков». Рукопись не только не была оглашена на собрании, но переслана в Петербург министру полиции. Ознакомившись с нею, этот министр переслал ее министру народного просвещения, и оба министра пришли в оценке рукописи к одинаковому выводу. Они находили, что она представляет собой «самую язвительную сатиру не только на помещиков России, но и на все высшие и низшие состояния и на самое правительство здешнее, не исключая никого». Поэтому было решено не только запретить печатание рукописи, но и не возвращать ее автору. Эта рукопись и находится до сих пор в означенном архивном деле. Карандашом министров на ее полях отчеркнуты многие места, в том числе переводы из иностранных книг. В вину автору ставилось то, что он, приводя эти выдержки, не подвергал их критике. Для примера приведу одно такое подчеркнутое место, взятое Каразиным из французской книги Клярка 1812 года. «Русские знатного и низкого состояния, богатые и бедные, равно пресмыкаются перед высшими себя, равно повелительны и свирепы с подчиненными, равно невежи, суеверны, лукавы, скотоподобны, варвары, неопрятны и низки... Император дерется с первыми из своих придворных, князья и дворяне колотят своих рабов, рабы — жен своих и детей. Здесь с восхождения солнца начинается хлопанье, и в просторной сей империи палка обтекает с утра до вечера все классы народонаселения»¹.

Не могли прийти по вкусу ни самому царю, ни его министрам такие выписки из сочинений, сделанные Каразиным, хотя сам он был сторонником монархии и даже крепостного права в смягченной форме. Еще менее могли понравиться собственные рассуждения автора, вроде следующих: «Досужее время дворянство употребляет на пиры, на карты, на псовые охоты и тому подобные упражнения». Рассмотрение рукописи закончилось полным ее запрещением в августе 1819 года, а в 1820 году неугомонный автор пишет письмо самому Александру. Он предупреждал царя о нарастающем недовольстве царской политикой, говорил о французской революции. В своем

¹ ЦГИА в Москве. Архив III отд. собств. его имп. велич. канцелярии, 1-я экзп., № 6, 1817 г. — «О заключении в крепость статского советника Каразина».

письме к министру в ответ на требование царя указать фамилии недовольных он ответил резким отказом, указав, что совесть его «возмущается от одной мысли о таком предательстве»¹. В другом письме к министру Каразин предвидел неприятные последствия своего обращения к царю. Он указывал на существующий во Франции обычай испытывать крепость льда на реке при прохождении через нее обоза прохождением по льду лошади, которую называют «обреченной». Каразин называл себя таким же обреченным. Действительно, через месяц, 26 ноября 1820 г., он по высочайшему повелению уже сидел в каземате Шлиссельбургской крепости. В письме оттуда к жене он писал: «Ем и сплю я очень мало, но чувствую себя совершенно здоровым при всем страдании о тебе и о детях. Другого, благодаря бога, я никого не имею. Ибо совесть моя совершенно спокойна. Я себя почитаю какою-то священной жертвою. И эта мысль возносит меня выше обыкновенных чувствований». Каразин был выслан из крепости в свое имение 19 мая 1821 г. «с строжайшим запрещением выезда оттуда». Запрещение было снято лишь в конце 1826 года, но без права въезда в Петербург. Еще в 1829 году жандармам было поручено выяснить образ жизни и «с какими людьми наиболее состоит в связях, т. е. с честными и скромными или же с беспокойными и строптивыми». Умер Каразин в 1842 году, но до самой смерти у него сохранилось воспоминание, как из царских объятий он попал в объятия каземата Шлиссельбургской крепости. В своем письме к Николаю он довольно смело вспомнил, как Александр, когда его сердце «не было еще заграждено от смелой истины, удостоил его (Каразина) в кабинете своем заключить с чувством в свои объятия. Следствием последних была Шлиссельбургская темница, в которую заключили уже не юношу одинокого и бодрого в силе, но пятидесятилетнего отца многочисленного семейства».

Одновременно с либералом Каразинным узниками Шлиссельбургской крепости было несколько солдат совсем иных настроений: они не верили, как Каразин, что политика царя может быть изменена словесными к нему обращениями. Выразителем этих солдатских настроений были участники восстания Семеновского полка и сочувствующие им солдаты Егерского полка. Один из рядовых Егерского полка, писарь Гущеваров, показал на допросе в Шлиссельбургской крепости: «Семенов-

¹ «Русская старина» 1870 г., декабрь, стр. 533. Последующая выдержка из письма приведена нами, как и прочие сведения, из указанного выше архивного дела.

цам за поступок их ничего не будет, да и быть не может, чтобы за одного несносного человека — варвара Шварца (командир полка, жестоко обращавшийся с солдатами. — М. Г.) променяли целый полк. За оный вступится великий князь цесаревич и дело их решит, а коли не вступится, то вся гвардия взбунтуется. И сделает революцию. Ведь здесь не Гишпаниа: там бунтуются мужики и простолюдины. Их можно унять. А здесь взбунтуется вся гвардия, не Гишпаниа уже чета — все подымет, а те никуда не годятся»¹.

Гущеваров вместе с другими заключенными — писарем того же полка Веревошкиным, рядовым Абрамовым, каптенармусом Федоровым и музыкантом Егерского полка Огневым — был отправлен 23 декабря 1820 г. из Шлиссельбургской крепости: трое в Муром и двое в Рязань, но в Новой Ладоге они были нагнаны специальным курьером по повелению царя и опять возвращены в ту же крепость. Только через несколько месяцев, а именно 17 марта 1821 г., вновь отправлены из Шлиссельбургской крепости².

Совершенно особенные сведения оказались в архиве о заключенных Васильеве и Моторове. В папке «Материалы по делу преображенцев» оказался лишь документ, носящий название «экзекуционный лист». Содержание его следующее:

«1821 г. 26 дня при Шлиссельбургской крепости, во исполнение высочайшей его императорского величества воли, по повелению аудиториатского департамента сего же года от 6 июля за № 1468, лейб-гвардии Преображенского полка флейщику Васильеву и рядовому Илье Моторову наказание первому сто ударов плетью, а последнему через сто шестьдесят человек одиннадцать раз шпицрутенами учинено. В чем свидетельствуем». Следуют подписи³.

Оказывается, что Шлиссельбургская крепость была не только местом заточения, но и местом, где производились жестокие телесные наказания. Сто ударов плетью Васильеву и 1760 шпицрутенов Моторову показывают, что вина преображенцев выходила за рамки обычного воинского правонарушения.

Мне удалось выяснить, в чем именно состояло преступление осужденных. Найденный документ помечен 26 февраля

¹ Приведенные сведения оказались в деле архива о Каразине.

² ЦГИА в Москве. Дело Шлиссельбургской крепости, № 17, «Журнал исходящих бумаг в разные места по секрету с 1811 по 1821 гг.», листы 62, 63.

³ ЦГИА в Москве. Управление коменданта Шлиссельбургской крепости, 1821 г.

1821 г. Он содержит мнение коменданта крепости Плуталова, который предлагал еще более суровое наказание, чем приведенное в исполнение. Очевидно, приговор был смягчен высшей инстанцией. Но нас интересует преступление осужденных. Оно состояло в сочинении флейтистом лейб-гвардии Преображенского полка Васильевым «бумаги с зловередными изращениями, к разрыву долга присяги, между подчиненностью, повиновением и самою дисциплиною воинской». Моторов же был признан виновным в недоносительстве. Комендант крепости вместе с тем доносил, что во время рассмотрения дела выяснилась виновность еще двух рядовых — Егорова и Михайлова, которые, зная «о зловередном изращении» написанной Васильевым бумаги, не донесли об этом начальству, а Егоров даже списал эту бумагу.

Разрешение вопроса об ответственности Егорова и Михайлова комендант крепости передавал на рассмотрение аудиториацкого департамента¹.

Кроме названных нижних чинов, заключенных в Шлиссельбургскую крепость, мне встретились несколько фамилий и других солдат, присланных в 1821 году для заключения в крепость. Таковы были, например, рядовые: Блинов — 30 января, Алекринский — 8 февраля, Васильев — 25 февраля. Есть основание предполагать, что заключение в крепость этих рядовых стояло в связи с восстанием Семеновского полка, о котором, между прочим, упоминалось и в приговоре по делу Васильева и Моторова.

Совсем необычной была мотивировка помещения в крепость отставного прапорщика барона Менуса 18 октября 1817 г.: «для содержания и лечения в Шлиссельбургской крепости». Было приказано ежемесячно доносить «о поведении и болезни» барона Менуса. Шлиссельбургская крепость совсем не была местом, подходящим для лечения, но Менуса продержали здесь до 1 февраля 1818 г., когда было приказано вывезти его за границу.

В 1822 году в крепость были доставлены беглый рядовой Якушевич и Григорий Раевский. О последнем я нашел такие сведения: «по виду не более 18 лет, но при всей молодости образ мыслей его весьма развращен и не позволителен». На допросах Раевский заявил, что не считает себя ни в чем виновным и чужим именем не назывался. В 1825 году Григорий Раевский дошел до иступленного безумия и был отдан родителям.

¹ ЦГВИА в Ленинграде, фонд № 437, дело № 2, листы 1—2.

При сравнении второго найденного поименного списка заключенных на 1 июля 1823 г. с упомянутым выше от 1 марта 1821 г. оказалось, что из 18 фамилий первого списка восемь стоят и во втором, десять человек выбыло, часть из них была отослана в Нерчинские рудники. Появились в списке четыре фамилии новых заключенных. О преступлениях двоих из них имеются интересные материалы. Они интересны тем, что показывают, за что могли попадать люди в казематы Секретного дома Шлиссельбургской крепости. Эти двое заключенных — Лобанов и канцелярист Веселовский. Допрос обоих был произведен в самой Шлиссельбургской крепости. Из показаний обвиняемых видно, что их тяготила материальная необеспеченность. Второй из них оказался настоящим русским Фаустом. Он верил, что путь к богатству и к житейским успехам только один: если не помогает бог, то надо продать свою душу черту. Сделка с дьяволом должна была быть облечена непременно в письменную форму. В деле приведен полный текст продажи Лобановым, а за ним и Веселовским, своих душ дьяволу. Я привожу из текста только некоторые выдержки:

«О ты, преобширный обладатель всей подданной тебе вселенной, пресветлый князь, могущественное вещество Плутон Путонович, великий Вельзевул. Ты восседаешь на преобширном своем адском престоле и владеешь всем миром, имеешь многое богатство и силу, я к тебе ныне твой раб Николай прибегаю...». Далее русский Фауст просит от него частицы его богатств и послать духов в костромскую консисторию и выправить им там «аттестаты хорошие и куда захотим везде бы чинили пропуски». За предоставление этого оба обвиняемые отрекаются от бога, Христа, божьей матери, проклинают родителей и подписываются служителями ада¹.

Нельзя не признать, что этот документ, официально называемый «рукописанием дьяволу», свидетельствовал об очень скромных пожеланиях этих продавцов своих душ. Испытав на горьком опыте, как труден им доступ во все места, они просили у дьявола облегчить им этот доступ. Уже совсем наивно звучал пункт «договора» о посылке духов в костромскую консисторию для получения хороших аттестатов. Очевидно, за этими аттестатами было немало бесплодных хождений. Оба эти заключенные в Шлиссельбургской крепости восполняют галерею узников. Там были жертвы политического, национального, религиозного гнета, семейного деспотизма, царского усмотрения, административного произвола, режима солдатчины и

¹ ЦГИА в Москве. Дело Шлиссельбургской крепости — «Допрос заключенного Лобанова в Шлиссельбургской крепости», 1822 г.

экономической нужды и не «хватало» представителей мелкого чиновничества. Низкая оплата труда, общее приниженное положение, полное игнорирование человеческого достоинства совсем не красили трудовую жизнь канцеляриста.

Я уже говорил выше, что при сравнении списков заключенных 1 марта 1821 г. и 1 июля 1823 г. выяснилось пребывание в крепости за период 1821—1823 гг. восьми человек. Это были Соковнин, Бок, Калинин, Мощинский, Бельшинский, Палеолог, Бланков и Алекринский. После 1 июля в крепость были заключены в том же 1823 году рядовые Гобов, Назаров и коллежский регистратор Вишневский. Все трое были доставлены из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

В 1824 году список заключенных пополнился присылкой крестьянина Бурылина — рабочего ситцевой фабрики, доставленного сюда за дерзкие слова о государе.

В 1825 году в августе был заключен казак Гринев, а в сентябре — есаул Котельников¹ и его дочь. Отец и дочь размещены по отдельным казематам с тем, чтобы они не знали друг о друге. Они обвинялись в распространении «вредной ереси».

Именно к этим 20-м годам XIX столетия относится первое по времени описание в русской печати Шлиссельбургской крепости. Оно было сделано в 1822 году, когда автор статьи посетил эту крепость. Он начал свое описание с воздаяния похвал главному тюремщику крепости — ее коменданту Плуталову, «старцу, славящемуся своим гостеприимством и благотворительностью». Кого мог этот старый тюремщик «гостеприимно» принимать в страшной государственной тюрьме, остается неизвестным, но известно, как принимали и угощали в сырых казематах Секретного дома: как раз за год до посещения крепости автором статьи на дворе крепости угощали плетями и шпицрутенами несчастных солдат, как мы это сообщали выше. Что же касается благотворительности Плуталова, то на этот счет заточенные сюда декабристы Бестужевы были совсем другого мнения: они считали Плуталова плутом, который нажился на голодании арестантов.

При полном отсутствии в печати всяких сведений о Шлиссельбургской крепости имеют значение и те строки, в которых автор статьи описал свои впечатления, так как они дают все же сведения о Секретной тюрьме. В статье мы читаем: «Несмотря на усталость и пуховую постель, я долго не мог сомкнуть моих глаз. Тишина ночи, оклики стражи невольно потря-

¹ Ему принадлежит очерк «Исторические сведения о Верхне-Курмойрской станции 1818 г.», под ред. И. П. Попова, Новочеркасск, 1886.

сали душу. Прислонясь к подушке, я слушал удары валов разъяренного озера о подножье замка. Воображение готово было рисовать ужасы заключения, как уверенность, что с самого восшествия на престол милосердного Александра стены здешние не заключали в себе ни одного невинного страдальца, это наполнило меня отрадой, и моя беспокойная мечтательность исчезла».

Эти немногие строки плуталовского гостя, покоившегося на мягкой перине и размышлявшего под шум волн и переключку часовых об узниках крепости, способны создать настроение и у читателя. Но напрасно успокаивал себя автор вышеприведенных строк, невольно обманывавший своих читателей, когда говорил, что с начала царствования Александра I здесь не было невинных узников¹. Глубокая тайна окутывала жизнь заключенных в крепости, и автор статьи не знал, конечно, что, когда он, уложенный Плуталовым в пуховую постель, слушал удары волн и переключку часовых, их слушали много долгих дней и ночей поляк Мощинский и Бок, их слушал семнадцатилетний юноша Григорий Раевский, здесь заболевший, за год перед тем их слушал либеральный писатель Каразин и другие. Тот же комендант Плуталов очень скоро «гостеприимно» раскрыл двери одиночек подведомственной ему крепости для декабристов.

¹ См. журнал «Отечественные записки» 1823 г. № 33, статья «Прогулка в Шлиссельбург», стр. 1—35.

Глава пятая

МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ

§ 36. ТЮРЬМА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

ПОД МОНАСТЫРСКИМИ тюрьмами понимаются места заключения при монастырях, с одной стороны, в виде монашеских келий обычного типа, с другой — в виде казематов внутри стен, или в подвалах под церковными полами и в погребах или, наконец, в виде специально оборудованных тюремных зданий внутри монастырских стен.

Во всех этих случаях начальником монастырской тюрьмы являлся настоятель монастыря, а подчиненные ему монахи несли обязанности помощников в деле осуществления режима заточения. Они же несли и сторожевую охрану монастырских узников, если для этого не было прислано специальной воинской охраны.

В истории царской тюрьмы монастырское заточение занимает «почетное» место. Объяснение этому факту дает В. И. Ленин. Перечисляя условия отделения церкви от государства (1905 г.), Ленин говорил: «Только выполнение до конца этих требований может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сию пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за

неверие, насиловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи»¹.

Из монастырских тюрем самой старой была тюрьма при Соловецком монастыре. История этой тюрьмы в значительной степени отражает историю всего монастырского дела. Историки уже давно обратили внимание на Соловецкий монастырь как на место, куда заточались преступники и лица, признанные опасными для государственного строя. Некоторые из историков изучали также и архивные материалы монастыря. Так поступил М. А. Колчин, напечатавший в 1887 году свое исследование «Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI—XVIII веках». Автор собрал богатый материал в архивах монастыря и лично осматривал места заключения в этом монастыре. Его статьи представляют большой научный интерес.

Монастырь был основан еще в 1437 году. Он был обнесен крепостью в 1584 году и несколько сот лет был не только местом монашеских молитв, но и ужасным местом заточения врагов православной церкви, государственного строя, уголовных преступников и жертв всякого рода произвола.

Изучение истории монастырской тюрьмы в Соловках дало Колчину право сказать: «Ссылались сюда бунтовщик, государственный преступник и пьяный монах, религиозный сектант и разгулявшийся не в меру отеческий (так в подлиннике. — М. Г.) сынок, знатный вельможа и не помнящий родства бродяга». Каждая историческая эпоха накладывала свой отпечаток на состав соловецких ссыльных. «На их составе сказывалось, к чему тяготела общественная мысль в данный период времени»².

По внешнему виду монастырские стены и башни на них напоминают до некоторой степени уже известные нам крепостные сооружения Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. Монастырь был настоящей крепостью. Нахождение его на острове еще более сближает это место заточения с двумя другими твердынями российского самодержавия — с Петропавловской и Шлиссельбургской крепостями. Но в Соловках эта крепость была прежде всего оплотом того православия, с которым был неразрывно связан абсолютизм царской власти (см. фотографии башен в Соловках — Сторожевой, Корожанской, Прядильной и Головленковой, а также Соловецкого кремля, рис. 18, 19 и 20).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 66—67.

² М. А. Колчин, Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XVIII веках, исторический очерк, «Русская старина», 1887, октябрь, стр. 145; см. также Венедиктов, Палачи в рясах, 1933.

Местом заточения в XVI—XVIII веках здесь служили преимущественно казематы, устроенные внутри башен, а также внутри крепостных стен (как это было и в Петропавловской крепости).

Образцом казематов внутри башен является каземат, описанный Колчиным. В каземат можно было попасть лишь через помещение для стражи, которое было совсем темное. Такое состояние помещения для стражи не предвещало более удовлетворительного каземата для узника. В камеру заключенного вела двухаршинная дверь с небольшим в ней прорезом. Размеры камеры были: 3 аршина ширины, 4 аршина длины, а высота была различная, и с трех аршин у двери она постепенно спускалась до полутора аршин у противоположного конца, где было прорублено окно. Оконное отверстие, проходившее через всю толщу стены башни, было в трех местах заделано застекленными рамами и в двух местах — металлическими решетками. Размеры окна были всего вершков шесть в квадрате. При таких размерах прорубленной в стене длинной дыры, доступ света в которую встречал на своем пути пять препятствий (три рамы и две решетки), в камере была, конечно, темнота, только вблизи окна в самые светлые дни можно было читать, напрягая всю силу зрения. Убранство камеры состояло из скамьи для сна. Отапливание производилось кирпичной печкой. Заключенный в этот мрачный склеп живой покойник мог наблюдать через оконце расположенное против него кладбище. Такова была камера внизу башни, или, как говорит очевидец, под башней. Камера наверху башни была еще меньше: ее длина была 2 аршина, ширина — 1½ аршина и высота 3 аршина. Для лежания служила каменная скамья в поларшина ширины. Заключенный не мог в этой камере протянуться во весь рост. Пищу ему подавали через маленькое отверстие, прорубленное в двери. Известно, что в этой камере Головленковой башни в самом начале XVIII века был заточен тамбовский епископ Игнатий.

Тюремные казематы внутри крепостных стен были устроены в разных местах этих стен — у Никольских ворот, у Святых ворот. Вот как описал Колчин такую камеру: «Мы зашли в узкий, длинный темный ход, сделанный внутри толстой тюремной стены. Идем по нему, сердце невольно сжимается, какой-то беспределный страх завладевает, дрожь пробегает по телу при мысли, что дверь за нами закроется, и мы останемся в этом длинном каменном гробе. Но любопытство берет верх, и мы идем далее, пока, наконец, не наталкиваемся на небольшую дверь с маленьким окошечком в середине ее. За дверью чулан аршина пол-

тора в квадрате, без всякой лавки, без окна, без всего того, без чего жить человеку нельзя.

В нем можно только стоять или сидеть, скорчившись. Лежать или сидеть с протянутыми ногами не позволяет пространство чулана, а скамьи для сиденья не полагается. А несомненно, что здесь заставляли жить людей не один день».

Другие арестантские помещения были устроены под крыльцом Успенского собора, у Архангельских ворот в башне и в западной башне под названием Салтыковская, под Преображенским собором и пр.

Нахождение арестантов в разных местах монастыря вызывало большие неудобства для их охраны, поэтому делались попытки сосредоточить арестантов в подвалах монастырских зданий. Наиболее крупной такой попыткой было устройство в 1798 году двенадцати арестантских одиночных камер, или, как их тогда называли, чуланов в подвальном этаже двухэтажных «палат», выстроенных еще в 1618 году. Позднее, в 1828 году, во втором этаже было приспособлено еще 16 чуланов, а в 1842 году надстроили еще и третий этаж. Тюремная стража, помещавшаяся ранее во втором этаже, была переведена в особое здание.

В начале 70-х годов прошлого века этот острог осматривал писатель Немирович-Данченко (брат известного драматурга). Он поделился с читателями своими впечатлениями: «На меня тюрьма произвела отвратительное впечатление. Эта сырая каменная масса внутри сырой каменной стены переносит вас разом на несколько веков назад. Жутко становилось мне, когда я подходил к ней». Автор вошел в коридор нижнего этажа: «Узкая щель без света тянулась довольно далеко. Одна стена ее — глухая, в другой — несколько дверей с окошечками. За этими дверями мрачные, потрясающе мрачные темничные кельи. В каждой окно. В окне по три рамы, и между ними две решетки. Все это позеленело, прокопчено, прогнило, почернело. День не бросал сюда ни одного луча света. Вечные сумерки, вечное молчание. Я вошел в одну из пустых келий. На меня пахло мраком и задушающею смрадною сыростью подвала. Точно я был на дне глубокого и холодного колодезя»¹.

При посещении автором этого нижнего этажа острога арестанты содержались во втором этаже. Но в период с конца XVIII века и в первой четверти XIX века «чуланы» имели своих обитателей. Колчин привел список заключенных, содержавшихся в тюрьме Соловецкого монастыря с июня по октябрь 1786 года,

¹ В. И. Немирович-Данченко, Соловки, СПб., 1875, стр. 264.

т. е. как раз в интересующий нас период. Он воспроизвел его в том виде, как он был составлен настоятелем монастыря, а я даю его с некоторыми сокращениями, выпустив из него подробности вроде титулов и пр.

ВЕДОМОСТЬ

О СОДЕРЖАВШИХСЯ В СОЛОВЕЦКОМ МОНАСТЫРЕ КОЛОДНИКАХ ОТ ИЮНЯ ПО ОКТЯБРЬ МЕСЯЦ 1786 ГОДА

1) Федор Васильев, содержавшийся с 1756 г. мая 28. По указу Синода и тайных розыскных дел канцелярии за немаловажную его вину к содержанию до кончины живота его никуда неисходно в тяжких трудах скованным, а в прошлом 1766 г. по высочайшему соизволению велено оставить его под присмотром монашеским, а не под караулом.

2) Василий Трифонов, крестьянин (слепой), с 1759 г. октября 4. По указу Синода и определению тайной канцелярии за вину его для содержания неисходно до кончины живота.

3) Сергей Трифонов, дворовый человек, с 1762 г. сентября 4. По указу Синода и высоч. повелению для употребления в работы, а как он сумасшедший, отчего происходят всякие непристойные слова, то что в разговорах произносить будет, во всем том не верить ему.

4) Иван Алексеев, солдат, с 1762 г. октября 1. По высочайшему указу на вечное пребывание, и чтобы от него никаких беспокойств монашествующим не произошло, для содержания караула командированы солдаты, и чтобы его, кроме церкви, никуда не выпускать. В 1781 г. велено из-под караула освободить, а оставить под монашеским присмотром.

5) Антон Любимский, малороссиянец, с 1765 г. марта 6. По высоч. повелению для содержания яко безумного неисходно, и чтобы он себе и кого другого не повредил каким орудием и не допускать его иметь бумаги, чернила, пера и пр.

6) Михайло Ратицов, дворянин, с 1766 г. августа 19. По высоч. повелению за оказавшееся смертное преступление и безумство. Содержать скоровано, употреблять притом ко всяким работам. Ежели против чаяния со временем придет в чувство и тогда учинить ему церковное покаяние. Определить к нему из обретающихся в монастыре солдат особый караул.

7) Григорий Спичинский, бывший архимандрит, ныне монах, с 1772 г. марта 2. По высоч. повелению за оказавшиеся его вины содержать простым монахом на неисходном послушании. 1784 г. по секретному сообщению ярославск. и вологодск. ген-губерн. Мельгунова, по высоч. повелению, Спичинского, как человека непостоянного и дерзкого нрава, также во многих клеветах и неосновательных доносах и ложных разглашениях известного, содержать под стражею в особливом покое и никого к нему из приезжающих в монастырь не допускать. Равно же для удержания его от всяких клевет бумаги, чернила и ничего к письму способного ему не давать.

8) Петр Кальнишевский, кошевой бывш. Сечи Запорожской, с 1776 г. июля 29. По докладу Потемкина, по высоч. повелению для содержания безвыпускно из монастыря и удаления не токмо от переписок, но и от всякого с посторонними людьми обращения за неослабным караулом обретающихся в монастыре солдат.

9) Филипп Тимофеев с 1780 г. декабря 22. По предписанию прокурора князя Вяземского и высоч. соизволению за пьянство и оттого учинен-

ное преступление и дерзость, чтоб за жизнью и поведением иметь неослабное смотрение и чтобы он из монастыря никуда отлучаем не был. В каком он состоянии находится будет, ежегодно рапортовать.

10) «Бывший Пушкин» с 1781 г. июня 18. По секретному сообщению ген-губерн. Мельгунова во исполнение высоч. повеления для содержания в особливом покое за особым караулом.

11) Петр Шелешов, лишенный дворянства и чинов подпоручик, с 1783 г. июня 5. По высоч. указу за неумышленное смертное отца своего убийство на вечное и безысходное пребывание к употреблению в работу, чтобы он по смерти свою приносил покаяние в своем тяжком преступлении.

12) Александр Теплицкий, отставной подпоручик, с 1783 г. июня 23. По высоч. повелению для содержания до того времени, покуда он в дерзновении своем раскается и развращенную жизнь свою исправит. На пропитание же ему из монастырской суммы ничего не производить, но принудить, чтобы он доставал себе работою.

13) Илья Рачинский, лишенный дворянства, с 1783 г. августа 4. В силу высоч. повеления, по освобождении от оков держать во избежание побега и всяких непристойных поступков под надлежащим присмотром.

14) Михаил Попескуль, лишенный чинов бывший поручик, с 1785 г. октября 1. По лишению чинов за некоторые учиненные им преступления к неисходному пребыванию и содержанию, как человека, наполненного дерзостью и отчаянием и склонного не только к клевете, но и на всякие вредные деяния, под таким присмотром, чтобы он никак из монастыря уйти не мог, и писем писать ему никому не позволять и об образе жизни и поведении его извещать через каждые шесть месяцев архангельского губернатора.

15) Алексей Лебедев, бывший полковой лекарь, с 1786 г. мая 9. По высоч. повелению для содержания под крепкою стражею особо от прочих колодников и кроме церкви его никуда не выпускать, приняв при этом всенастрожайшие предосторожности, дабы он ни себе, ни другим вреда по безумию причинить не мог. Вместе с тем было предписано не допускать его общения с другими ни на словах, ни на письме, а потому не давать ему письменных принадлежностей. О его жизни сообщать ежегодно князю Вяземскому¹.

Сделаем выводы из нашего рассмотрения этого списка. Из 16 заключенных один сидел 30 лет, пять человек — от 20 до 27 лет, один — 14 лет, от 5 до 10 лет — три человека, от одного года до 3 лет — четыре человека и менее года — два человека.

Характерно, что архимандрит Соловецкого монастыря, сообщая свои сведения обер-прокурору Синода, не мог в отношении семи лиц из 16 дать сколько-нибудь определенные сведения о причине их заточения в монастырскую тюрьму. Ему самому не была известна причина заточения как раз тех лиц, которые проводили в тюрьме уже очень долгие годы, даже 30 лет.

Вслед за группой в семь человек, причина заточения которых была неизвестна, идут на втором месте умалишенные заточенные — четыре человека, и только один из них имел в прошлом

¹ Имеются сведения, что Лебедев в 1790 г. был отправлен с сенатским курьером в Петербург (М. А. Колчин, Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XVIII веках, исторический очерк, «Русская старина», 1887, декабрь, стр. 611—613).

совершенное преступление (убийство) — и он должен был содержаться в цепях впредь до выздоровления. Для него цепи являлись не то средством лечения, не то мерой предосторожности; 20 лет мучили этого умалишенного цепями.

Из главы о состоянии общеуголовных тюрем мы увидим, что и в первой четверти XIX века бывали случаи, когда у одной стены сидело по несколько человек, прикованных к ней шейными цепями. Таким образом, такие картины были свойственны не только монастырским тюрьмам.

Указания на внешний вид и на вес цепей в монастырских тюрьмах имеются у Сахарова, видевшего такие цепи в Суздальском Спасо-Евфимьевском монастыре, превращенном Екатериною в тюрьму для душевнобольных. Одна из цепей, виденных Сахаровым, была длиною около двух аршин и весом до двух пудов. Она заканчивалась с одной стороны ершовым клином, вбивавшимся в стену, а с другой — околешейным железным охватом с петлями, в которые продевался замок, вероятно, пропорциональной с цепью величины и тяжести¹.

На архимандрите лежала ответственность за сохранность заключенных. В 1766 году Синод возложил на архимандрита Соловецкого монастыря и обязанности начальника той военной команды, которая была в монастыре для охраны заключенных: «А как де в оном монастыре первенствующая власть вы, архимандрит, то оную команду поручить в твое ведомство». Особая инструкция Синода преподавала настоятелю монастыря, как содержать умалишенных. Они должны были содержаться вместе, а в случае буйства — порознь. Хотя и предписывалось относиться к ним с осторожностью, как к больным, но вместе с тем рекомендовалось не давать буйствующим некоторое время совсем пищи.

Нельзя не признать наличия противоречия в этих предписаниях лишать больных пищи и относиться к ним, как к больным. Первое предложение было легче выполнить, чем второе. Самые условия заточения на отдаленном суровом острове, отрезанном от материка, при широких полномочиях архимандрита открывали простор для его произвола. Он был не только высшим духовным лицом на острове, не только главным тюремщиком, но и высшей гражданской властью, как бы губернатором, а вместе с тем и главнокомандующим военным караулом. Не в переносном, а в буквальном смысле он был «с крестом и с мечом». Это открывало ему возможность сознавать себя здесь полновластным владыкой и не бояться никакой ответственности. Отсюда и происходил длинный ряд всяких бесчинств настоятелей монастыря над

¹ См. Л. Сахаров, Владимир на Клязьме, 1878.

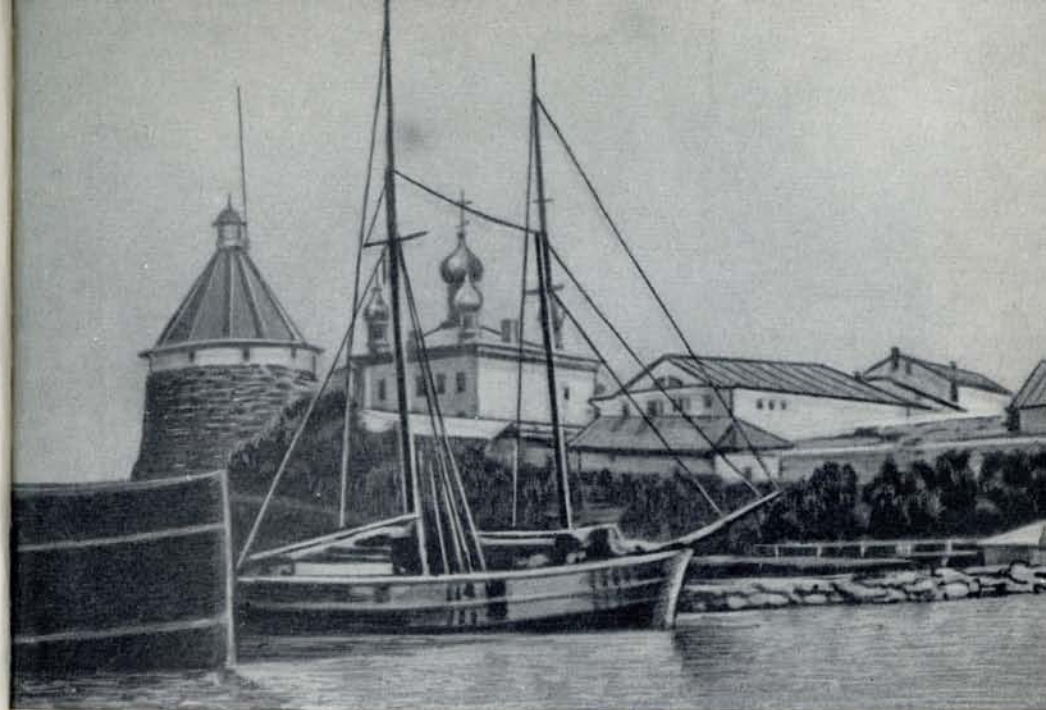

Рис. 18. Вид Корожанской башни (слева) и острога (здание с главами).

Из книги А. П. Иванова «Соловецкая монастырская тюрьма», 1927 г.

Рис. 19. Соловецкий кремль. Сторожевая (слева) и Корожанская (справа) башни. Острог за стеной (с главами).

Из книги А. П. Иванова «Соловецкая монастырская тюрьма», 1927 г.

Рис. 20. Вид Прядильной (на первом плане) и Головленковой башен.

Из книги А. П. Иванова «Соловецкая монастырская тюрьма», 1927 г.

их узниками во все времена. Настоятель Афанасий, например, волочил по земле колодников, связанных веревками, а Варлаам и Досифей плевали колодникам в лицо и называли их погаными¹.

Возвращаясь к рассмотрению ведомости заключенных в острог Соловецкого монастыря, мы видим, что среди 16 колодников 1786 года был даже один неумышленный убийца, но и тот был заключен сюда пожизненно.

Из других уголовных преступлений, кроме убийства, указаны в ведомости лишь клевета и лжедонос, послужившие основанием для заточения пожизненно архимандрита одного из монастырей. Он за это преступление содержался здесь в 1786 году уже пятнадцатый год. Не следует упускать из виду весьма растяжимое понятие клеветы и доноса, если они касались лиц, власть имущих. Так, при Екатерине сюда попал иеромонах, решившийся обличать за жестокое обращение с крестьянами представителя местной власти, — по просьбе последнего Екатерина и заточила иеромонаха как беспокойного в Соловки.

В одном случае основанием к содержанию в монастырском остроге была развратная жизнь отставного подпоручика, а в другом — пьянство монаха, который в пьяном виде совершил какие-то преступления. Общее впечатление из знакомства с этой ведомостью говорит о самом широком произволе власти при ссылке в Соловецкий монастырь. Бросается в глаза то обстоятельство, что, — по крайней мере в отношении тех лиц, причины заточения которых были известны, — только в одном случае было религиозное преступление, а между тем первым назначением монастырских тюрем была борьба с религиозными убеждениями сектантов. Вероятно, они находились среди тех семи содержавшихся в монастыре уже долгое время, причина заточения которых не была указана в ведомости 1786 года.

С 1766 года среди заключенных Соловецкого острога находился дворянин поручик Алексей Жуков за убийство матери и сестры. Мне приходилось говорить о нем в главе об уголовной политике, когда я описывал обряд публичного покаяния его с женою в Москве. Мы уже знаем, что он прибыл в Соловки, взяв с собою двух крепостных, что они работали для него в Архангельске и что он продал их обоих по 10 рублей. Мне попалась в архиве еще раз фамилия Жукова в делах тайной экспедиции за 1775 год. Это архивное дело наряду с уже опубликованными материалами рисует нам следующую картину. После девятилетнего пребывания в монастырском заточении Жуков пришел к

¹ См. «Известия О-ва изучения Русского Севера» за 1915 г. (цитировано у А. П. Иванова, Соловецкая монастырская тюрьма, 1927, стр. 25—26).

выводу, что монастырская тюрьма оказалась тяжелее смертной казни. Не имея достаточной силы покончить с собою, он решил умереть от руки палача. Для этого он избрал такой путь. Во время провозглашения многолетия Екатерине в монастырской церкви Жуков крикнул: «Какая она императрица, она татарка!». Он был сейчас же схвачен, закован в кандалы и отправлен в Архангельск. Его надежда, что за такое «блевание» он будет казнен, не оправдалась. Вместо казни или другого наказания он был снова возвращен в ненавистный ему монастырский острог на Соловках, но теперь, по высочайшему повелению, он должен был содержаться совершенно изолированно, в отдельной избе-келье под охраной особой стражи. Царица мотивировала свое решение так: «Ибо уже такового утопшего в злодеяниях человека никакое, кажется, физическое наказание к желаемому раскаянию привести не может»¹.

Одновременно указ расправился с тремя солдатами, караулившими Жукова; за их разговор с ним и за передачу ему чернил было повелено наказывать их палками. Запертый накрепко в одиночку, лишенный всякого общения, Жуков теперь решился на то, на что у него не хватало раньше сил: он повесился в своей камере.

Узником монастырских тюрем в Соловках, жертвой национальной политики Екатерины был последний кошевой Сечи Запорожской Петр Кальнишевский, заточенный сюда по предложению Потемкина. На Кальнишевском очень ярко сказалось все вероломство екатерининских политиков. Уничтожению существования Запорожской Сечи 5 августа 1775 г. предшествовали в течение нескольких лет заигрывание императорского правительства с выборным правительством Сечи и широкое использование военных сил Запорожья в войне против Турции. Когда война с Турцией закончилась, было решено покончить и с существованием Сечи. Насколько было совершенно неожиданно для запорожских казаков нападение регулярных русских войск, можно видеть из того, что они не успели организовать сопротивления. Глава запорожцев — последний кошевой атаман Петр Кальнишевский ровно за год до вторжения русских войск получил от Потемкина подарок с письмом самого лестного и даже льстивого содержания. В этом письме от 21 июня 1774 г. Потемкин, новороссийский генерал-губернатор, писал Кальнишевскому комплименты о «стройном содержании» управляемого им войска, о своей «всегдашней любви» к нему, о своем «удовольствии исполнять все его поручения». Письмо заканчивалось словами: «Уверю вас чистосер-

¹ ЦГАДА, реестр приговорам по тайной экспедиции и именным указам, состоявшимся в 1775 г. второй половины.

дечно, что ни одного случая не оставлю, где предвижу доставить какую-либо желанием вашим выгоду, на справедливости и прочности основанную». Ровно через год сам Потемкин арестовал атамана Кальнишевского, войскового судью Головатого и войскового писаря Глобу. Он писал Екатерине: «Вашему императорскому величеству известны все дерзновенные поступки бывшего Сечи Запорожской кошевого Петра Кальнишевского и его сообщников, судьи Павла Головатого и писаря Ивана Глобы, коих вероломное буйство столь велико, что не дерзаю уже я, всемилостивейшая государыня, исчислением оного трогать нежное и человеколюбивое ваше сердце». Далее Потемкин предлагал Екатерине не обращать дела в суд, а утвердить его предложение и всех троих последних представителей власти Запорожской Сечи, которых следовало бы казнить смертью, заточить пожизненно в монастыри: Кальнишевского в Соловецкий, а двух остальных — в дальние сибирские монастыри. Вместе с тем он предлагал вознаградить за счет земель Запорожья «верноподданных рабов», которые «сносили буйство бывших запорожцев без наималейшего сопротивления».

Екатерина полностью утвердила предложение своего вероломного царедворца и пожаловала ему 100 000 десятин земли Запорожской Сечи, столько же дала она князю Прозоровскому и князю Вяземскому. Земли Запорожья раздавались дворянам крупными участками: от 1500 до 12 000 десятин. Часть запорожцев бежала в Турцию и основала там Задунайскую Сечь.

Арестованные и содержавшиеся в Москве Кальнишевский, Глоба и Головатый были развезены в заточение по монастырям. В июне 1776 года Кальнишевского из конторы военной коллегии вывели под конвоем на девяти тройках в Соловки. После тяжелого путешествия 29 июля 1776 г. Кальнишевского сдали архимандриту Соловецкого монастыря. Узнику должно было отпущаться по одному рублю в сутки из сумм, у него конфискованных. В инструкции было предписано самое строгое содержание арестанта. Имеются сведения, что только три раза в год его выпускали из башни, где он содержался.

В 1799 году настоятель монастыря, сообщая список колодников, пояснил относительно Кальнишевского: «За вероломное буйство и разорение российских подданных содержать безвыпускно из монастыря и удалить не только от переписок, но и от всякого с посторонними лицами обращения. Оный Кальнишевский жизнь свою провожает смиренно и никаких беспокойств от него не происходит».

Из надписи на могильном памятнике Кальнишевскому на кладбище Соловецкого монастыря видно, что он был освобожден

от заточения лишь в 1801 году и не пожелал уйти из монастыря. И неудивительно: ему было в то время уже 110 лет. Он умер 23 октября 1803 г. 112 лет отроду.

Что касается последнего войскового писаря Сечи Глобы, то он был заточен в монастырь в г. Туруханске и умер в этом монастыре около 1790 года. О последнем войсковом судье Головатом, заточенном также в сибирский монастырь, ничего не известно. После ареста всех троих места их заточения и их судьба держались в глубокой тайне, и у запорожцев сложилась легенда, что последний их атаман бежал в Турцию, против которой воевал за Россию¹.

Прямые сведения о том, что кошевой Кальнишевский содержался в Головленковой башне, показывают стремление правительства упрятывать подальше наиболее опасных своих врагов и держать это в глубокой тайне.

Режим для сосланных в Соловецкий монастырь различался в зависимости от разных условий. Сюда ссылали: 1) под начала и 2) под караул. Первая форма заключения была менее строгой, чем вторая, и была сопряжена с обязательными работами по монастырю на его нужды. Нередко в самом определении о ссылке указывалось, на какую работу должен быть определен сосланный. Тяжесть заключения фактически много зависела от социальной принадлежности сосланного. Более состоятельные пользовались здесь разными льготами. Они могли откупаться от обязательных работ, могли иметь свои постели, носить свое платье. Обычно же заключенные спали на войлоке и на подушке из оленьей шерсти. Строго запрещалось давать заключенным письменные принадлежности и книги, кроме церковных. За нарушение этих правил и за разговоры с изолированными заключенными виновные наказывались телесно или сажались на цепь. Впрочем, строгость режима менялась при различных настоятелях, одни из которых были сторонниками строгости, а другие были более мягки. Питание менялось в зависимости от режима, примененного к тому или другому узнику. Оно могло состоять или только из хлеба и воды или даже из четырех блюд. Трудно приходилось тем сектантам, которые употребляли для пищи свою посуду и не считали возможным принимать пищу, окропленную святой водой (в остроге было обыкновение перед раздачей пищи окроплять ее, а это в глазах сектантов означало осквернять ее и делать непригодной для принятия). Только позднее узникам удалось добиться права брать из котла эту пищу до ее окропления. Питание

¹ См. П. С. Ефименко, Кальнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи, «Русская старина», 1875, ноябрь.

производилось за счет монастыря и за счет милостыни богомольцев. Конечно, наличие денежных средств у арестантов состоятельного класса давало им возможность питаться более удовлетворительно. А нуждавшиеся получали небольшой заработок от продажи их изделий богомольцам. Эти богомольцы навещали монастырь в летнее время, и тогда режим становился более строгим, чем зимой.

Необходимым дополнением для поддержания режима заточения и для соблюдения монастырских правил было «лобное место», т. е. площадь для производства наказаний плетями, палками, батогами, розгами и шелепами. Знакомый с архивными делами Соловецкого монастыря Колчин писал, что «много в этом несчастном месте истрепано плетей, изломано батоков и березовых прутьев; много изуродовано человеческих спин, изорвано у несчастных жертв кожи и мяса».

Если припомним сделанное выше описание тюремных камер в стенах крепости, в его башнях и в здании острога, то не приходится удивляться, что в далекой северной обители было воздвигнуто это лобное место и что оно не было в запустении, что на нем работал палач в рясе по приказу наместника святой обители. И «тихая обитель» тогда оглашалась воплями наказуемых. А в казематах монастырской тюрьмы, не прерываясь, шло своим чередом душевное страдание заживо замурованных там людей. Душевные муки соперничали с физическими страданиями, какие несла с собой эта средневековая тюрьма.

К сожалению, до нас мало дошло описаний самими заключенными их пребывания в тюрьмах Соловецкого монастыря. Правительством предусмотрительно подтверждало при присылке каждого нового арестанта свой строгий запрет — не давать заключенным ни пера, ни чернил, ни бумаги. А за попытки воспользоваться живой речью, высказать свои мысли, поведать то, за что узник попал сюда, он получал в рот «кляп».

Однако кое-кто оставил письменные указания на тягости пребывания в тюрьме Соловецкого монастыря. Сосланный сюда после заточения Екатериной в Петропавловской, а потом в Шлиссельбургской крепостях уже известный нам прорицатель Авель записал в своей автобиографии, что за двенадцать лет его пребывания здесь «были искусы ему в Соловецкой тюрьме, которые и описать нельзя. Десять раз был под смертью, сто раз приходил в отчаяние, тысячу раз находился в непрестанных подвигах, а прочих искусов было отцу Авелю число многочисленное и число бесчисленное»¹.

¹ См. «Предсказатель монах Авель», «Русская старина», 1875, февраль.

Другое упоминание тяжестей соловецкого заточения относится к более ранним годам, а именно к предшествовавшему царствованию Елизаветы, но оно не устарело и для конца XVIII века. Заключенный в монастырскую тюрьму губернский секретарь Пархонов умолял перевести его в Петербург на каторжные работы из Соловков, «из студеного, крайсветного, темного, нелюдимого острова, где не только здоровье человеческое, но и железа ржавеют».

Третье описание условий режима в Соловецком остроге относится к последним годам исследуемого нами периода — к началу 30-х годов XIX века. Оно самое подробное из всех. Его автором был арестант священник Лавровский, описывавший условия содержания арестантов в чуланах острога. В каждом из таких чуланов, почти всегда запертых, размером в шесть квадратных аршин, находилось по два заключенных. Койки занимали почти все пространство камеры, и только с трудом мог продвигаться между ними заключенный. При отсутствии в рамках форточек здесь был очень тяжелый воздух, который, по выражению автора, был «удушающим». Для естественных потребностей не выпускали в отхожее место, и только раз в сутки выносили из камер судна. Узник называет питание убогим и вспоминает, с каким восхищением принимали заключенные хлеб, если он оказывался мягким. Ввиду отсутствия освещения в камерах арестанты страдали от темноты и даже пищу принимали ощупью. В качестве общего заключения автор считает, что тюрьма была несносным игом, и заканчивает свое описание словами: «Но всех прискорбий тогдашнего содержания в нынешнем моем положении и объявить не можно, дабы и самое истинное описание утеснений не вменено мне было в новое преступление»¹.

Так на протяжении всего исследуемого нами периода отзывы самих заключенных о режиме тюрьмы более или менее сходны. Впрочем, в начале XIX столетия были некоторые послабления этого режима: для помещения арестантов назначались вместо сырых более сухие и более светлые чуланы; эти чуланы не всегда были на запоре, и заключенным дозволялись общение, прогулки, хождение по очереди на кухню, за водой и пр. Однако это дозволялось в зимние месяцы, когда в монастыре не было богомольцев. Общение между заключенными нередко состояло в ожесточенных спорах на религиозные темы, доходивших до драк. Тяжесть пребывания в тюрьме для сектантов становилась еще более чувстви-

¹ М. А. Колчин, Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XVIII веках, исторический очерк, «Русская старина», 1887, октябрь, стр. 64.

тельной оттого, что администрация имела обыкновение сажать в одну и ту же камеру сектантов, между верованиями которых не было сходства, и между самими заключенными шел спор о том, чья вера правильная. Совместное пребывание таких людей в одной камере становилось для каждого из них мукой. Администрация же считала такое совместное пребывание их в одной камере одним из средств их перевоспитания и исправления.

Ко времени уничтожения тайной экспедиции в 1801 году за нею состояло в тюрьмах Соловецкого монастыря 14 человек.

За время с 1806 по 1825 гг. сюда было прислано, по сведениям Колчина, 27 человек. По произведенной мною обработке этого материала названного автора оказалось, что из 27 человек только один был прислан за общеуголовные преступления, совершенные в состоянии душевной болезни (1806 г.). Остальные 26 человек были присланы сюда по делам веры, и среди них оказались представители самых разнообразных вероучений, несогласных с православием. Неизвестна причина присылки сюда в 1815 году француза Турнеля по высочайшему повелению. Этот заключенный богатством и обилием имущества, доставленного одновременно с ним, напоминает уже известного нам графа Разумовского в Шлиссельбургской крепости 1806 года. При нем было много золотых и серебряных вещей и одних колец из золота 20 штук. Вероятно, время от времени в места заключения Соловецкого монастыря доставлялись состоятельные заключенные с обильным имуществом. Есть основания предполагать, что к числу таких лиц принадлежал и последний кошевой атаман Запорожской Сечи Кальнишевский. Его биограф Ефименко, уже цитированный мною, высказал предположение, что доставкой имущества Кальнишевского на Соловки было занято шесть подвод. Мне кажется это невероятным. Во всяком случае, тот рубль, который должен был выдаваться ежедневно Кальнишевскому на его содержание из его собственных средств, превосходил в пятьдесят раз обычную норму содержания арестанта. Незадолго до своей смерти Кальнишевский пожертвовал монастырю евангелие стоимостью в 2435 руб. и весом 34 фунта — изделие московского мастера серебряных дел. Надо предполагать, что наличие материальных средств у Кальнишевского давало ему возможность облегчить себе условия пребывания в тюрьме.

О названном французе Турнеле лишь известно, что после пятилетнего пребывания в Соловках он был отвезен в Архангельск. Громадному же большинству остальных арестантов пришлось проводить в монастырском заточении бесконечно долгие годы. Из общего числа 25 арестантов, заточенных за религиозные убеждения и за оскорбление «святыни», 15 человек умерли

в тюрьме, «не раскаявшись», как значилось в документах монастыря. Среди них один провел в заточении 63 года, другой — 62 года, третий — 34 года и т. д. Относительно шестерых известно их раскаяние, но не всегда раскаяние давало свободу. Так было с учителем приходского училища Воскресенским. В 1825 году он был прислан в монастырскую тюрьму за «богохульство после наказания кнутом». Несмотря на раскаяние за произнесенные в запальчивости слова, его продержали здесь десять лет и освободили с условием не оставлять монастырь. Ему принадлежит заслуга составления описи монастырского архива и написания трех томов «Исторического описания Соловецкого монастыря», изданного архимандритом Досифеем Немчиновым как его собственный труд.

Все «нераскаявшиеся» арестанты-сектанты, умершие в тюрьмах Соловецкого монастыря, предавались погребению без церковных обрядов на особом раскольниковьем кладбище за стеной монастыря. Я не воспроизвожу очень красочного описания Колчиным этого кладбища, но приведу его верные слова: «Сколько эти могилы сокрыли горя, страданий, душевных мук».

Эти слова относятся к бывшим узникам тюрем Соловецкого монастыря. Надо сказать и о тех, кто их послал сюда, и о тех, кто выполнял волю пославших их сюда. И те и другие были настоящими палачами носителей идей, несогласных с самодержавием и с православной церковью, верной служанкой этого самодержавия.

§ 37. ТЮРЬМА СУЗДАЛЬСКОГО СПАСО-ЕВФИМЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Вслед за тюрьмою Соловецкого монастыря на первом месте по степени известности стоит крепость Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале, приблизительно в 40 километрах от Владимира на Клязьме.

Монастырь этот¹, основанный в первой половине XIV века, был обнесен в первой четверти XVII века деревянным бревенчатым тыном и только в самом конце XVII века эта деревянная стена была заменена каменной с 12 башнями на ней. Ограда занимала по окружности 542 сажени. Высота ее — от 3½ до 4 сажень, а толщина — не менее 3 аршин. Все башни были с бойницами для стрельбы из них как из пушек, так и из ружей. Самая высокая башня достигала 11 сажень. Общее впечатление от этой

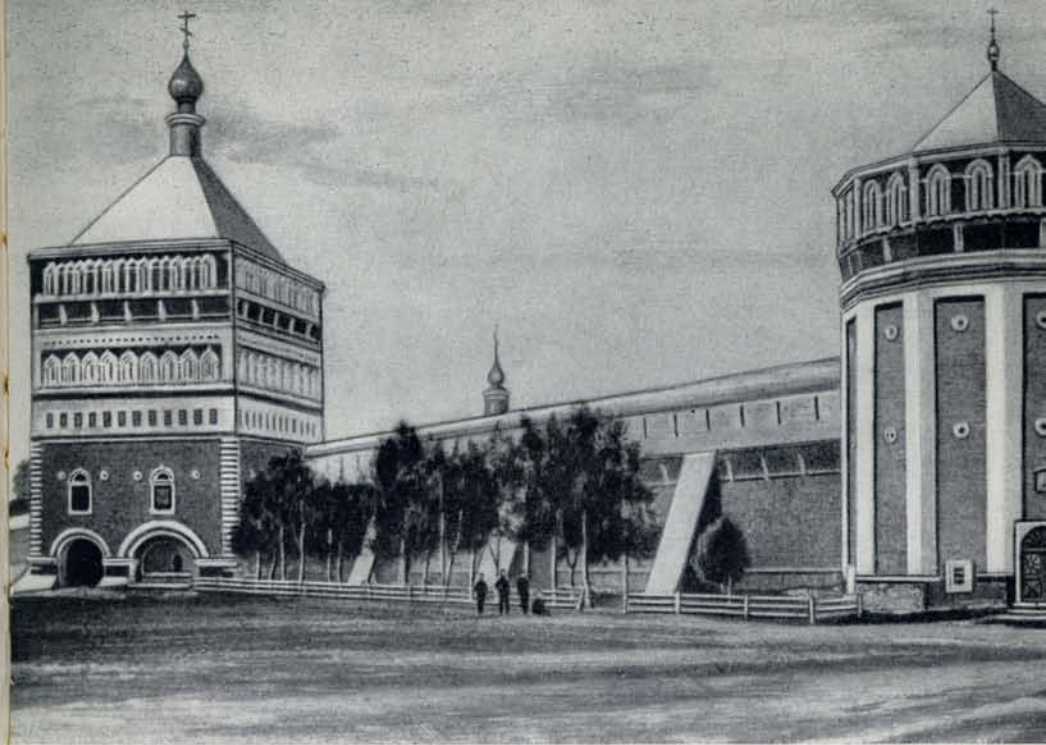

Рис. 21. Монастырская тюрьма в Суздале (внешний вид тюрьмы).
Из трудов Владимирской ученой архивной комиссии «Суздаль
и его достопримечательности», 1912 г.

¹ См. «Суздаль и его достопримечательности», изд. Владимирской губернской ученой архивной комиссии, 1912.

Рис. 22. Монастырская тюрьма в Суздале. Здание с «больничными кельями», в которых во второй половине XVIII и в начале XIX вв. помещались колодники.

Из трудов Владимирской ученой архивной комиссии «Суздаль и его достопримечательности», 1912 г.

стены с башнями создает представление о грозной для прежнего времени крепости. У нее есть сходство с Шлиссельбургской крепостью. Имеет она сходство и с крепостью Соловецкого монастыря. Если относительно башен и стен Соловецкого монастыря достоверно известно, что они служили местом заточения различных узников, то о башнях и стенах Суздальского монастыря таких сведений пока нет.

Известность Спасо-Евфимьевского монастыря как места заточения начинается главным образом со второй половины XVIII века. С 1 января 1767 г. этот монастырь был сделан центральным местом содержания душевнобольных колодников, которые, впрочем, содержались здесь и до этого года. В названном году сюда было свезено из разных монастырей десять душевнобольных арестантов. Они были размещены в так называемых больничных кельях при Никольской церкви этого монастыря.

В архивном деле 1777 года имеются сведения о посещении умалишенных колодников специально для этого командированным ревизором. При деле помещена копия с особой инструкции от 1 ноября 1766 г. в суздальскую провинциальную канцелярию об условиях содержания в монастыре умалишенных колодников. Из этой инструкции, носящей название «Наставление», видно, что охрана умалишенных колодников непосредственно вверена караулу из шести рядовых под командой унтер-офицера. Было определено предписано содержать умалишенных нескованными в двух-трех покоях. Запрещалось давать им орудия, которыми они могли бы причинить вред себе и другим.

Подтверждалось в самой решительной форме предписание, обычно дававшееся по отношению к отдельным важным преступникам, не снабжать заключенных никакими письменными принадлежностями. В качестве мер воздействия на тех заключенных, которые начали бы «сумасбродить», рекомендовалось помещать их отдельно от других и лишать их пищи. Разрешалось водить арестантов в церковь. Караульным солдатам рекомендовалось поступать с заключенными «без употребления строгости», и если бы больные произносили что-либо важное, то об этом не доносить, но рапортовать воеводе, а этот последний должен был сообщать в Сенат. Архимандриту монастыря поручалось высшее наблюдение за заключенными. Он совместно с воеводой делал представление генерал-прокурору о выздоровевших арестантах. Питание этих больных должно было быть такое же, как и у монахов монастыря¹.

¹ ЦГАДА, VII, № 2494, 1777 г. Дело о поручении секретарю Сергею Федорову осмотреть безумных, содержавшихся в Спасо-Евфимьевском монастыре.

«Наставление» обнаруживает взгляд на умалишенных арестантов как на больных людей и рекомендует обращаться с ними в соответствии с таким взглядом. На практике этого совсем не проводилось. Должно быть, об этом было известно и самому воеводе, предложившему ревизору при первой же встрече с ним, еще до осмотра колодников, взятку в сумме до 1000 руб. Ревизор нашел, что солдаты жестоко били «сумасбродных» палками. Умаленные в числе 25 человек содержались в двух палатах, размером в четыре сажени, с кирпичными полами, при общем количестве 12 окон в обеих комнатах. Совершенно недостаточной являлась сумма в девять рублей на питание и на одежду арестанта в течение всего года, между тем как на один хлеб приходилось затрачивать 7 р. 30 к. (по 2 коп. в день). Ревизор считал необходимым увеличить расход на арестанта до 15 руб. Нашел непорядки ревизор и в самом щекоотливом для правительства пункте: умалишенным выдавалась бумага, и они заполняли ее «мерзостью и скверностью». Бумага была немедленно отобрана. Составленный ревизором в 1777 году список умалишенных включал 27 фамилий. Первым в этом списке поставлен драгун Рагозин, содержавшийся с 1759 года.

Стоящие в этом списке фамилии не представляют никакого интереса, но сам по себе список с указанием социального положения больного и с разными отметками ревизора представляет для нас интерес. Это первый по времени список душевнобольных колодников. К сожалению, в нем не указаны преступления, совершенные душевнобольными и послужившие основанием для содержания их в этом первом доме для душевнобольных правонарушителей.

На первом месте в списке идут служащие разных учреждений — одиннадцать человек, на втором — военные разных чинов в количестве шести человек; духовенство было представлено четырьмя лицами; крестьян двое, столько же иностранцев, один купец и один студент.

Предположение сделать крепость Спасо-Евфимьевского монастыря местом содержания лишь душевнобольных преступников не осуществилось, и уже в начале XIX века здесь находились и не душевнобольные арестанты. Некоторые из них содержались по обвинению в сектантстве, другие принадлежали к православному духовенству и были заключены сюда за поведение, признанное не соответствовавшим их званию. Были и просто уголовные преступники. Из этого списка видно, что часть заключенных содержалась даже еще с конца XVIII века. Так, душевнобольной Мошанов содержался здесь с 1795 года, а другой душевнобольной — с 1798 года. В списке названо 35 фамилий. Другие арестанты

содержались здесь за убийство, разврат, за ересь, за оскорбление «величества», солдаты — за побег с военной службы и за отступление от православия. Обращает на себя внимание фамилия имеретинского священника Гегоргадзе, содержавшегося здесь с 1824 года за участие, как гласит список, в бунте.

К этому же времени относится просьба архимандрита монастыря увеличить его власть над заключенными и отправить душевнобольных и неизлечимых больных в больницы. Результат этого ходатайства неизвестен¹.

Более полным списком заключенных Спасо-Евфимьевского монастыря, чем использованный мною архивный список 1829 года, является сообщенный Пругавиным. Он более полон как по времени, которое захватывает, так и по помещенным в нем сведениям. Он охватывает период с 1801 по 1835 гг. Кроме фамилий, социального положения заключенных и года их поступления в тюрьму монастыря, указаны сведения об основаниях заточения и причины выбытия из острога, если оно произошло за период 1801—1835 гг. Нет никакой надобности воспроизводить здесь целиком этот очень обширный список, но обработка его совершенно необходима, так как она познакомит нас очень полно с заключенными и условиями их заточения за первые 35 лет XIX века. Всего в списке 88 человек, указанных в хронологическом порядке поступления их в тюрьму монастыря. Хотя сведения даны за каждый год отдельно, я ограничусь сообщением количества арестантов, поступивших за каждые из трех десятилетий и за последнее пятилетие (1831—1835 гг.).

ЧИСЛО АРЕСТАНТОВ, ПОСТУПИВШИХ В ТЮРЬМУ СПАСО-ЕВФИМЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

с 1801 г. по 1810 г.	19 чел.
с 1811 г. по 1820 г.	16 "
с 1821 г. по 1830 г.	37 "
с 1831 г. по 1835 г.	16 "

Из общего числа 88 заключенных относительно 28 человек причиной заточения было указано их «безумие», относительно 22 лиц — «непристойное поведение»; о 19 арестантах основанием лишения их свободы указаны разные религиозные преступления, о девяти — уголовные преступления; относительно основания присылки сюда шести арестантов нет определенных указаний;

¹ ЦГИА в Москве, 1829 г. № 4. Всеподданнейшие доклады собств. его имп. велич. канцелярии.

трое были присланы по обвинению в государственных преступлениях и один (солдат) — по обвинению в государственных, религиозных преступлениях и побегах со службы.

В отношении большинства «безумных» указаны и совершенные ими преступления. Чаще всего это были убийства. Очень широко понимается то основание заточения, которое обозначено словами «непристойная жизнь». В списках по этому основанию значатся заточенными, например, архимандрит с 1803 года за «невоздержанную жизнь и другие неблагопристойности», чиновники, заточенные в 1805 и 1806 гг. «за пьянство и буянство», много лиц духовного звания «за подверженность к спиртным напиткам», сыновья, по просьбе их родителей, за «развратное поведение» и пр. В эту же группу попал уже знакомый нам граф Разумовский. После заточения в Шлиссельбургскую крепость и перевода его в ноябре 1807 года в Петропавловскую крепость он был по высочайшему повелению доставлен 20 мая 1808 г. в тюрьму Спасо-Евфимьевского монастыря. Впервые только здесь была указана причина заточения: «за невоздержанную жизнь и вольные мысли насчет нравственности и религии». Он просидел здесь более 14 лет и был освобожден лишь 22 августа 1822 г. В чем заключались его «невоздержанная жизнь и вольные мысли о религии и нравственности», неизвестно. Нельзя не признать, что расплатился он за них дорогой ценой. После монастырской тюрьмы он был отдан под надзор владимирского губернатора.

Из государственных преступников двое были заключены за оскорбление заочно царя, а священник Василий Гегоргадзе, встретившийся мне в архивном списке 1829 года, просидел здесь десять лет до 1834 года, когда был переведен в другой монастырь новгородской епархии. В этом списке 1801—1835 гг. преступление этого имеретинского священника определено, как было сказано выше, «за великое участие в бунте в Имеретии». Перевод его в другой монастырь не был полным освобождением, так как он был сдан из тюрьмы Спасо-Евфимьевского монастыря жандарму. Среди заточенных сюда по душевной болезни встретилась фамилия декабриста князя Шаховского, присланного сюда из Сибири в 1829 году и умершего здесь через два месяца.

Вероятно, к политическим заключенным надо отнести подпоручика Сергея Михайлова, присланного сюда в 1827 году «за заблуждение от чтения книг» и переведенного в 1833 году в Шлиссельбургскую крепость.

Среди религиозных преступников большинство было заключено за скопчество. В их числе был встретившийся мне в архивном списке 1829 года скопец Селиванов, 109 лет.

В списке 1801—1835 гг. он фигурирует без упоминания фамилии, под названием неизвестного. Он умер в монастырском остроге в феврале 1833 года 114 лет от роду. За религиозную пропаганду здесь содержался «начальник секты молокан» купец Шведов. Известный нам монах-прорицатель Авель, бывший узник Шлиссельбургской, Петропавловской крепостей и Соловецкого монастыря, окончил свою жизнь в тюрьме Спасо-Евфимьевского монастыря, где провел пять лет, с 1826 по 1831 гг. На его долю выпало пройти через горнило всех четырех самых страшных царских тюрем. Из 88 узников почти четверть (20 человек) умерли в заточении. Высшие сроки их заточения были у одного 25 лет, у другого 22 года, у третьего 16 лет. Остальные прожили в заточении: один — 15 лет, один — 14 лет, два — 13 лет, один — 12 лет, один — 11 лет, один — 9 лет, один — 8 лет, один — 7 лет, а остальные семь умерли в остроге, пробыв там менее 5 лет.

36 человек были освобождены из монастырского острога. Срок их пребывания там виден из следующей таблицы:

От 1 года до 5 лет	19 чел.	10 лет	2 чел.
6 лет	3 "	13 лет	2 "
7 лет	1 "	14 лет	1 "
8 лет	4 "	15 лет	1 "
9 лет	2 "	16 лет	1 "

Рекордная цифра 19-летнего пребывания в остроге при- шла на присланного сюда по повелению Александра сенатского регистратора за пьянство и буйство. Он был освобожден Николаем лишь в 1830 году. Проступок, за который по закону полагается кратковременный арест, повлек за собою наказание, как за самое тяжкое преступление.

Судьба 22 человек остается неизвестной. Часть из них еще находилась в заточении при составлении списка.

Семь человек были переведены в другие монастыри, один — в Шлиссельбургскую крепость. По социальному составу наибольшая часть — 36 человек — принадлежала к духовенству. Здесь были монахи, архимандриты, священники и даже один митрополит — за растрату. На втором месте шли военные. Если среди духовных были лица, начиная от послушника до митрополита, то среди военных были все чины, начиная от самого младшего и кончая генерал-майором. Относительно этого генерал-майора — помещика — было известно лишь, что он был прислан по высочайшему повелению в 1803 году согласно «приговору всего дворянства». Он провел в остроге пять лет.

На третьем месте идут чиновники в числе одиннадцати человек. Вслед за ними следуют крестьяне в числе девяти и

нижние чины также в числе девяти человек. Неизвестных и прочих было шесть человек. Среди них был прислан по высочайшему повелению актер Кочетков в 1804 году при секретном отношении «с предписанием содержать его под присмотром и чтобы он удален был от возможности беседовать и обращаться с людьми непросвещенными». Запрещение общения «с людьми непросвещенными» заставляет предполагать боязнь какой-нибудь пропаганды со стороны узника. Актер Кочетков умер в монастырском остроге через 15 лет.

Я уже выше сообщал, что еще в 1766 году было предписано содержать умалишенных в Суздальском монастыре без оков. Поскольку в острог Суздальского монастыря направляли и здоровых колодников, кандалы и шейные цепи получали там такое же применение, как и в прочих тюрьмах. Так, например, в списке 1801—1835 гг. значатся отставной корнет Спичинский и отставной прапорщик Мещанков. Первый был заключен за развратное поведение, а второй — за дурные и дерзкие поступки. Они оба были посажены на шейные цепи и оставались прикованными к стене по месяцу. Через месяц архимандрит Парфений, он же начальник тюрьмы, доносил владимирскому губернатору: «Как ныне арестанты, содержащиеся на стенной цепи, несколько усмирились, то от цепного содержания освобождены, поелику же к перемене своего положения совершенно надежды не подают, а дабы впредь не могли учинить по буйному своему характеру каких-либо важнейших поступков и опасных происшествий, отделены от прочих арестантов каждый из них в особую комнату, в коих и содержатся под строжайшим за ними наблюдением»¹.

Дальнейшая история тюрьмы Спасо-Евфимьевского монастыря разветвляется в направлении превращения этой тюрьмы в центральную монастырскую преимущественно для борьбы с отступлением от православия.

§ 38. ТЮРЬМА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Истории Кирилло-Белозерского монастыря посвящено фундаментальное исследование Н. Никольского². Первый вы-

¹ «Труды Владимирской губернской ученой архивной комиссии», кн. II, Владимир, 1900, стр. 31 (цитировано у А. С. Пругавина, По казематам, СПб., 1909).

² См. Н. Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625 гг.). Об основании и строениях монастыря, т. 1, вып. 1, с приложением 52 рисунков и хромо-литографий, СПб., 1897.

пуск его первого тома охватывает период 1397—1625 гг. Среди 52 приложенных к книге рисунков и хромофотографий внимание историка царской тюрьмы обращает на себя огромный, в развернутый лист газетной бумаги, план названного монастыря. Я воспроизвожу ту часть этого плана, на которой имеется изображение «темницы». Из пояснительной надписи Н. Никольского к этому плану видно, что гравюра исполнена Алексеем Ростовцевым в 1720 году резцом на медной доске размером 56 × 63 сантиметра.

Время устройства тюремных помещений в Кирилло-Белозерском монастыре относится к периоду построения там так называемого «Нового города», который строился 15 лет, а именно с 1653 по 1667 год.

Г. Антипин, автор работы, специально посвященной историческому очерку Кирилло-Белозерского монастыря как крепости царизма, полагает: «Ни одно военное сооружение XVII века в России не имеет таких грандиозных монументальных сооружений, предназначенных исключительно для классовой борьбы»¹.

К числу таких монументальных сооружений принадлежат арестантские помещения. Если крепость монастыря воздвигалась для борьбы с внешними врагами, то одновременно с самой крепостью строились «в нижнем ярусе северного прясла крепостной стены» 14 казематов для заключенных. Тюремные помещения были и в других частях крепостных стен. Г. Антипин лично подробно их обследовал и сделал описание.

В описании крепости названный автор подвел следующие итоги своих изысканий:

«От Московской башни стена под прямым углом сворачивает на запад и тянется до въездной Косой башни на 137 м.

В нижнем ярусе ее 8 дверей ведут в 23 помещения, значительная часть которых, по обе стороны речки, резко отличается своим устройством от всех помещений нижнего яруса.

Здесь окна имеют косяки и снаружи окружены наличниками. Часть этих помещений служила местом заключения, ибо описи XVIII века называют тюрьму «в наружной ограде, подле башни Косой» и вид монастыря 1742 года указывает на тюрьму именно в этом месте.

Сами помещения построены так же, как и в тюрьме, находящейся в этом же прясле (у Белозерской башни), т. е. одна общая комната с 1—2 окнами на монастырь и 2 дверями и

¹ Г. Антипин, Крепость Кирилло-Белозерского монастыря, изд. «Ленинское знамя», Кириллов, 1934, стр. 17.

2 небольшие камеры в толще стены. Камеры очень малы размером (1,8×1,8 м) и имеют небольшое четырехугольное окно на волю с решеткой.

Отапливались помещения также «по-черному». Всего здесь 4 одиночных камеры».

«На 27-м метре, сразу же за левой караульной, в нижнем ярусе, вплоть до наугольной башни, на расстоянии 69 м находится монастырская тюрьма XVII—XVIII веков. Это прясло шире остальной стены и выступает из крепости наружу на 2,5 метра.

Больших тюремных помещений здесь 6; все они довольно однообразны: одна общая комната с 1—2 окнами в наличниках на монастырь; между ними идут 6 более узких комнат с дверями, имеющих в толще стены 6 одиночных камер с небольшим решетчатым окном на волю в каждой камере. Здесь же, в толще наружной стены, имеются 2 общих длинных и узких камеры.

Одно окно и в большой комнате сохранило еще решетки»¹.

Состав заключенных в тюрьме Кирилло-Белозерского монастыря не отличался от состава узников монастырских тюрем в Суздале и на Соловках. Сюда направлялись светские и духовные лица за государственные преступления, за религиозные, за распутное поведение и безумные.

Как и в других монастырских тюрьмах, срок пребывания здесь заключенных обычно не определялся в точности, и их пожизненное пребывание здесь не было исключительным явлением.

Обычное число узников, по словам Антипина, колебалось в пределах восьми — двенадцати человек.

Среди них были пересланные сюда из Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Таковыми были заточенные в 1728 году в монастырскую тюрьму, переведенные из Петропавловской крепости двое узников, основанием для заключения которых послужило «сумасбродство и безумие».

В 1867 году был переведен в Кирилло-Белозерский монастырь из Шлиссельбургской крепости арестант Ромашев. Он был заключен в крепость «за сочинение бумаг возмутительного содержания, за распространение и переделку билетов кредитных учреждений». Побег Ромашева вместе с охранявшим его солдатом Шлиссельбургской крепости (они скоро были пойманы) привел к составлению первой инструкции по Шлиссельбургской крепости.

¹ Г. Антипин, Крепость Кирилло-Белозерского монастыря, изд. «Ленинское знамя», Кириллов, 1934, стр. 29—31.

Рис. 23. План Кирилло-Белозерского монастыря 1720 г.

Буквы МД обозначают местонахождение тюрьмы. Часть плана из книги Н. Никольского «Кирилло-Белозерский монастырь», т. I, вып. I, 1897 г.

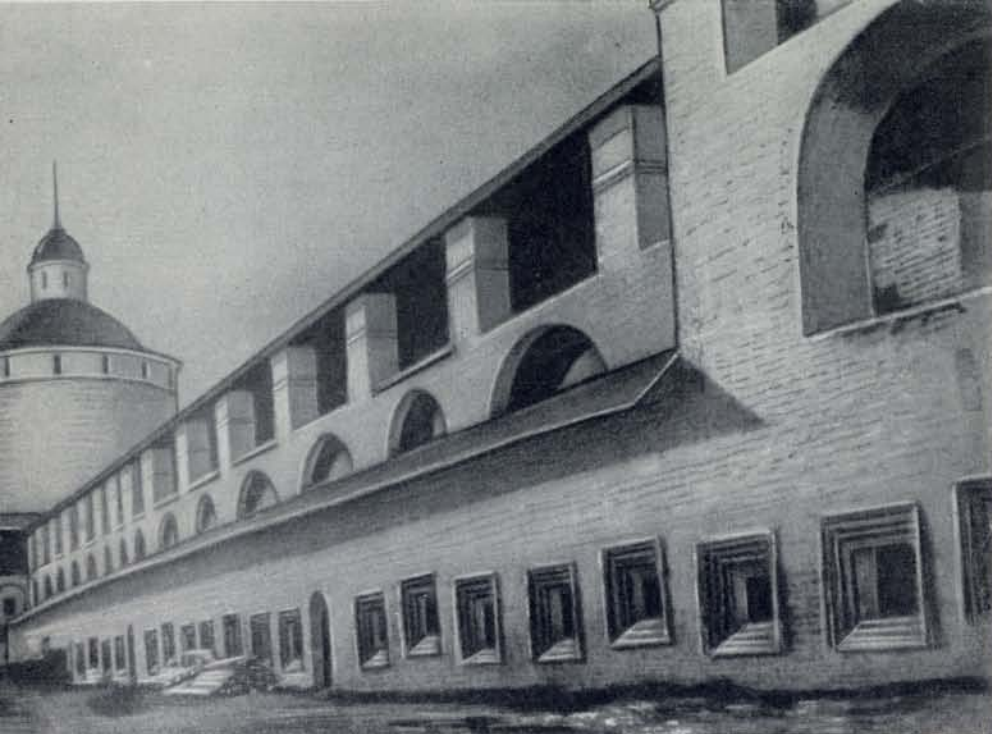

Рис. 24. Здание тюрьмы Кирилло-Белозерского монастыря.
Видна Белозерская башня.

Фотография 1949 года из коллекции Кирилло-Белозерского музея.

Затем Ромашев был переведен в Бабаевский монастырь на пять месяцев, откуда снова возвращен в Шлиссельбургскую крепость, и через 2½ года был сослан в качестве секретного арестанта в Кирилло-Белозерский монастырь. По словам Антипина, это был последний арестант Кирилло-Белозерского монастыря, пробывший здесь до 1871 года и выбывший неизвестно куда.

§ 39. ТЮРЬМЫ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ

Местом тюремного заточения служили с давнего времени очень многие монастыри не только мужские, но и женские. Они были расположены во всех местах России, в том числе и в самой Москве¹. В частности, женщин заточали в московский Ивановский монастырь, Новодевичий и Вознесенский. В первый из названных монастырей была заточена Салтычиха, с делом которой мы знакомы из главы об уголовной политике исследуемого нами периода.

Дело Салтыковой возбудило к нему такое сильное внимание самых широких народных слоев, а преступление ее было так ужасно, что Екатерина не могла не посчитаться с этим. Освободив Салтычиху от телесного наказания и от каторги, она, однако, назначила ей пожизненное содержание в монастырской тюрьме в оковах и без света. Приговор определял, что после выставления у позорного столба, «заклуча в железа, отвести оттуда (т. е. с площади) ее в один из женских монастырей... и там, подле которой ни есть церкви посадить в нарочно сделанную подземельную тюрьму, в которой по смерти ее содержать таким образом, чтобы она ниоткуда в ней света не имела. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свечою, которую опять у нее гасить, как скоро она наестся, из сего заключения выводить ее во время каждого церковного служения на такое место, откуда бы она могла оное слушать, не входя в церковь».

¹ А. С. Пругавин в своей книге «Монастырские тюрьмы» (М., 1905, стр. 35—36) перечисляет следующие монастыри, служившие для заточения: Николаевский, Карельский Архангельской губ., Сийский на Северной Двине, Спасо-Прилуцкий близ Вологды, Новгород-Северский, Кирилло-Белозерский, Валаам, Спасо-Преображенский в Старой Руссе, Юрьевский близ Новгорода, Псковский, Свияжский Казанской губ., Далматовский, Успенский Пермской губ., Троицкий, Селенгинский близ Байкала, Вознесенский, Успенский Иркутской губ., Нерчинский и т. д.

Все это мужские монастыри. Женщины же ссылались главным образом в следующие женские монастыри: Покровский и Ризоположенский в г. Суздале Владимирской губ., Далматовский, Введенский Пермской губ., Кашинский Тверской губ., Енисейский, Рождественский, Иркутский, Знаменский и др.

Неизвестно, выполнялся ли этот суровый приговор во всей его полноте. Есть основание предполагать, что и в данном случае богатство и знатная родня осужденной обеспечили смягчение приговора и фактически сделали его не таким, как он был объявлен. Уже в самом приговоре не был указан монастырь, при котором должна была быть заточена в подземную тюрьму Салтыкова. Таким монастырем был избран в Москве Ивановский, и, вероятно, выбор монастыря в самой Москве, а не в Сибири или где-нибудь далеко от столицы, произошел не без влияния московской родни Салтычихи. Она была помещена 18 октября 1768 г. под собором названного монастыря. Конфирмованный Екатериною приговор о вечном содержании в этой темнице не оказался неизменным: в 1779 году, т. е. через 11 лет, Салтычиха была переведена в пристройку к одному из монастырских зданий. Это помещение было снабжено окошечком за решеткой, и один из современников рассказывал о виденной им картине: через открытое окошечко Салтычиха плевала на любопытствующих, ругала их и совала сквозь решетку палку. Возможно, что она была психически ненормальна или же годы заточения не укрепили ее бешеной злобы. Она умерла в тюрьме 27 ноября 1801 г. Удивительно, что в деле 1801 года об уничтожении тайной экспедиции при имени Анны Салтыковой, заключенной в Ивановский монастырь, лишь указано, что она содержится там с 1768 года, и добавлено: «неизвестно за что». Не верится, чтобы преступления Салтыковой были забыты.

Одновременно с Салтычихой в другом московском женском монастыре — Вознесенском — содержалась помещица Лопухина также за истязания своих крепостных. В 1797 году ее крепостной подал Павлу на нее жалобу, указывая на истязания его помещицей плетью и розгами, на избивание беременной жены поленом и на истязания его детей трех и четырех лет, которых она запирала зимой на несколько часов в холодный чулан. Произведенное следствие выявило «невыносимые мучения» еще 12 крепостных. Помещица, например, колола булавками груди и языки женщинам. Она была заключена пожизненно в монастырь, но уже через три года тем же Павлом освобождена и отдана под присмотр родных¹.

Дело Лопухиной — новый лишний пример классовой юстиции. Преступления, которые влекли за собой для крепостных жестокое наказание кнутом и каторжные работы, повлекли для

¹ ЦГАДА, VII, № 3567, 1800 г. Дело о помещице Анне Лопухиной, содержавшейся в Московском Вознесенском монастыре за жестокое обращение с ее дворовыми людьми.

помещицы-дворянки лишь заключение в монастырь. В порядке частной амнистии пожизненное заточение было заменено всего лишь трехлетним. Связи при дворе и принадлежность к привилегированному классу сделали свое дело.

Местом заключения при Екатерине служил также и третий женский московский монастырь — Новодевичий. В 1775 году Екатерина направила сюда Елизавету Разумовскую, дочь графа Кирилла Разумовского, на «неисходное здесь пребывание». Условия ее содержания здесь были определены такие же, как и для графа Апраксина, одновременно с нею отправленного в дальний сибирский Успенский Долматов монастырь. Условия же были такие: «Содержать под строжайшим караулом, никуда не только из того монастыря неисходно, но и к нему никого не допускать и содержать его в особой келье, не выпуская из оной кроме церкви божией на славословие, да и то за караулом, никуда. Писем писать отнюдь ни к кому и для того пера, чернил, бумаги и чем только можно писать никак ему не давать. Для караула послать четырех человек (солдат). Без именного указа никого к нему не допускать. Однако ж озлобления и неучтивости кроме своей должности отнюдь оному Апраксину не чинить. На питание отпускать ему в сутки — 50 коп., унтер-офицеру — 6 коп. и солдатам по 4 копейки. На отопление особо 100 рублей»¹.

Из главы о Петропавловской крепости нам уже известно, что наказаны так были Апраксин и Разумовская за их тайный брак. Напоминаю, что Разумовская была освобождена из монастыря в том же году, а Апраксин — через два года, но окончательное освобождение оба супруга получили лишь в 1796 году.

Приведенная нами инструкция о содержании Апраксина в монастыре служит показателем сходных условий монастырского заточения, вероятно, и во многих других случаях. По-видимому, приговоренные к содержанию под стражей в монастырях доставлялись сюда под военным караулом. Подробная инструкция военному караулу о порядке перевозки арестантов в монастырские тюрьмы напечатана в приложении к работе П. П. Сокколова «Монастырские колодники прошлого столетия в Тверской епархии» (1889 г.). Она относится к одному частному случаю и помечена 20 ноября 1750 г., причем, вероятно, является образцом таких же инструкций второй половины XVIII века. Инструкция предписывала конвойным солдатам, переправлявшим двух будто бы душевнобольных арестантов из тайной

¹ ЦГАДА, реестр приговорам по тайной экспедиции и именным указам, состоявшимся во второй половине 1775 г.

канцелярии в Иверский монастырь Тверской епархии, не слушать речь арестантов и не разглашать их под страхом смертной казни, а в случае, если бы пересыльные начали говорить «непристойные речи», затыкать им рты «кляпьями», вынимая их только во время еды. Запрещалось кому бы то ни было разговаривать с колодниками во время пути и давать арестантам бумагу.

Содержание в монастырском заточении арестантов и их конвоя происходило за счет государственной казны или самого монастыря. В приведенном мною примере о графе Апраксине обращает на себя внимание резкая разница стоимости содержания самого арестанта-графа и его конвойных: на каждого солдата было отпущено по 4 коп., на унтер-офицера — 6 коп., а на заточенного в монастырь графа — 50 коп.

Арестант получал в десять раз больше, чем охраняющие его солдаты, дворянское происхождение позволяло ему и под арестом питаться в десять раз лучше, чем солдату.

Если архивы монастырских тюрем Суздальского и Соловецкого монастырей уже обследованы, по крайней мере, за более ранние годы, то архивы других монастырских тюрем еще ждут своих исследователей. Конечно, в них хранится немало тайн, но едва ли условия содержания в них резко отличались от известных нам в двух описанных выше монастырях — Соловецком и Суздальском. Иначе не могло быть: монастырские тюрьмы служили тем же целям защиты самодержавия и православия, как и тюрьмы Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, и поэтому режим заключения в них не отличался в существенных чертах от режима названных важнейших государственных тюрем.

Глава шестая

ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ

§ 40. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

ИССЛЕДОВАНИЕ состояния общеуголовных тюрем во второй половине XVIII века сопряжено с еще более значительными трудностями, чем изучение за этот период заточения в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях и в монастырских тюрьмах. Эти трудности состоят в ограниченности материалов. Само правительство проявляло к общеуголовным преступникам мало интереса, сосредоточивая его в наибольшей степени на политических и религиозных преступниках.

Вся масса уголовных преступников, за ничтожными исключениями, была из гущи народа, или, говоря языком правящего класса того времени, из людей «подлого звания» или «черни». Сами заключенные не оставили нам никаких воспоминаний о своем пребывании в острогах и тюремных замках.

Общественное мнение современников второй половины XVIII столетия очень мало интересовалось тюрьмами для уголовных преступников. Оно не шло далее подачи милостыни колодникам. В литературе того времени вопрос о состоянии тюрем обходился полным молчанием, и исключения из этого правила составляют величайшую редкость.

Заключение в тюрьму, будучи мерой предварительного задержания обвиняемых до суда и средством наказания, не

играло большой роли в те годы как наказание. Это весьма ослабляло также внимание законодателя и администрации к острогам.

Все это и привело к крайней ограниченности всех материалов о состоянии тюрем во второй половине XVIII века, как правительственных, официальных, так и неофициальных.

Но имеется еще и другая трудность для исследователя общеуголовной тюрьмы. Места заключения в разных монастырях были почти однотипны, а тюрьмы в крепостях, исчислявшиеся лишь единицами, также имеют много черт сходства между собою. Совершенно иное приходится сказать относительно общеуголовных тюрем. Остроги, тюремные замки, съезжие дома, места заключения при полиции были разбросаны по всем городам и разным населенным пунктам империи. Попадавшиеся нам сведения о том или ином состоянии тюрьмы в каком-либо городе еще не дают оснований делать обобщающие выводы о таком же состоянии острогов в других населенных пунктах. Здесь мы могли строить лишь более или менее вероятные предположения.

С начала XIX столетия исследователи истории царской тюрьмы находятся в несравненно лучшем положении, так как архивы министерства внутренних дел и другие архивы начали собирать разнообразные материалы. Впрочем, и здесь надо признать в значительной степени правильными замечания Тальберга в его статье «К истории тюрьмы и ссылки в России»¹.

Работая в архиве министерства внутренних дел (в конце семидесятих годов прошлого века), Тальберг с сожалением увидел, что кто-то постарался уничтожить много интересных, судя по заглавиям, дел. В частности, он указал, что за период 1802—1817 гг. имеются годы, за которые не сохранилось ни одного дела по тюремной части. Правильность этого замечания приходится подтвердить и мне. Но во время моей работы в архиве в 1938 году удалось, однако, найти очень интересные дела о тюрьмах первой четверти XIX века, оставшиеся неизвестными и никем не использованными.

При знакомстве с тюрьмами второй половины XVIII века перед нами встают два вопроса. Первый из них касается выявления внешней стороны тюрем того времени, а второй — внутреннего их устройства.

Относительно внешнего вида мест заключения мы можем составить себе довольно определенное представление на основа-

¹ См. Тальберг, К истории тюрьмы и ссылки в России, «Русская старина», 1879, февраль.

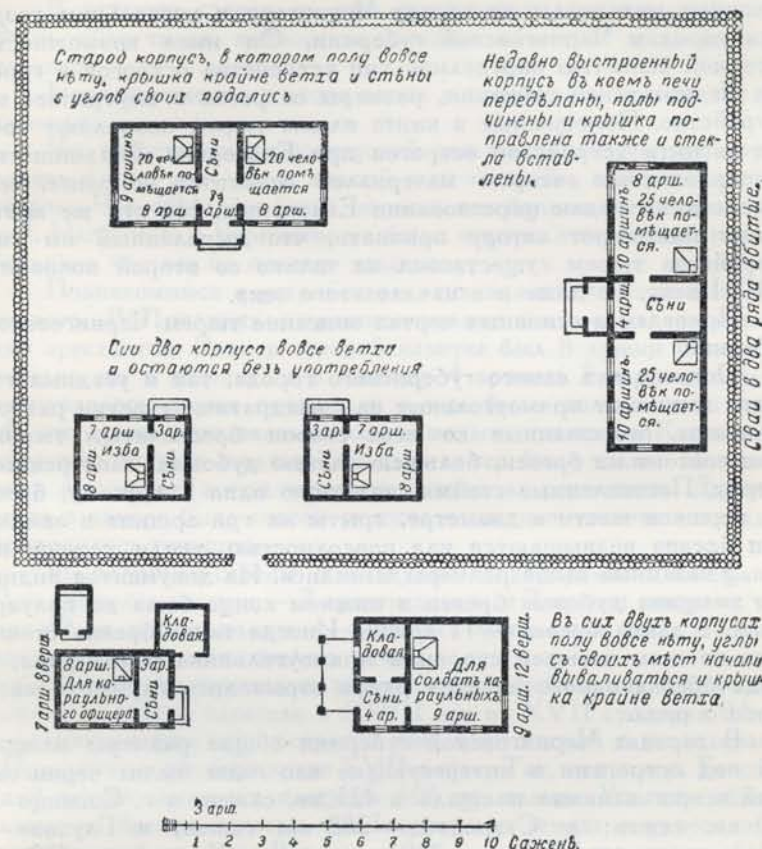

Рис. 25. План Черниговского деревянного острога 1797 г.

Из книги Краинского «Материалы к истории исследования русских тюрем», Чернигов, 1912 г.

нии документов того времени, главным образом о ремонте острогов.

Вопрос о внешнем виде мест заключения с наибольшей полнотой разработал Краинский, автор книги «Материалы к истории исследования русских тюрем...»¹. В его распоряжении были

¹ См. Краинский, Материалы к истории исследования русских тюрем в связи с историей учреждения Попечительного о тюрьмах общества, Чернигов, 1912.

архивные материалы по городу Чернигову и нескольким уездным городам Черниговской губернии. Он имел возможность с полной ясностью определить тип устройства острогов в городах Черниговской губернии, размеры острогов и внутреннее их устройство. Помещенные в книге планы тюрем позволяют точнее уяснить устройство острогов при Екатерине. Большинство использованных автором материалов относится не ранее, чем к последним годам царствования Екатерины. Но эти же материалы позволяют автору признать, что выявленный им тип устройства тюрем существовал не только со второй половины XVIII века, но даже и в начале этого века.

Приведем в основных чертах описание тюрем Черниговской губернии.

Остроги как самого губернского города, так и уездных городов занимают прямоугольные или квадратные участки разной величины, огороженные со всех сторон бревенчатым тыном. Тын состоит из бревен, большей частью дубовых, заостренных сверху. Поставленные стоймя, вплотную одно к другому, бревна, вершков шести в диаметре, врыты на три аршина в землю. Эти бревна возвышаются над поверхностью земли сажени на три. Указанные выше размеры менялись. Из документов видно, что толщина дубовых бревен в нижнем конце была до полуаршина, а длина бревен — 11 аршин. Иногда такие бревна ставились по всем четырем сторонам прямоугольника в два ряда, и тогда бревна одного из этих рядов зарывались глубже бревен другого ряда.

В городах Черниговской губернии общие размеры площадей под острогами в интересующие нас годы были: черниговский острог занимал площадь в 425 кв. сажен; в г. Соснице — 100 кв. сажен; в Стародубе — 288 кв. сажен; в Глухове — 256 кв. сажен; в Нежине — 289 кв. сажен; в Козельце — 400 кв. сажен; в Прилуках — 169 кв. сажен; в Зенькове — 484 кв. сажени.

Размер площади под острогом определял общую длину острожного тына со всех четырех сторон. Так, например, он равнялся 84 сажням в Чернигове, 83 сажням в Козельце, 48 сажням в Стародубе, 40 сажням в Соснице и т. д. Эти бревна для большей крепости были соединены между собою поперечными бревнами.

На такой тын требовалось очень большое количество бревен. Так, например, острог (так называлась и сама ограда тюрьмы) длиной в 25 сажен и шириной в 17 сажен имел 424 дубовых сваи большого размера, длиной «со вкопом в землю» девятиаршинных и 424 меньших, а всего 848 пал (свай).

В четырех стенах ограды устраивался только один вход. Этим облегчался надзор за входом в острог и за выходом из него.

Нередко именно у этого входа устраивалось помещение для караула.

Что касается самих помещений для арестантов, то они устраивались в виде отдельных зданий, или «связей», внутри тюремной ограды. Чем обширнее была тюрьма, тем больше было таких зданий. Например, в Чернигове их было четыре, а в уездных городах большей частью по одному зданию.

Познакомимся с устройством этих зданий из описания Краинского. В Прилуках острожное здание включало две камеры для арестантов. Размер каждой камеры был 8 аршин в длину и столько же в ширину, а в высоту 4 аршина 2 вершка. Здание отапливалось двумя печами, и в нем было только пять окон. Но это число окон оказывалось немалым, так как в Козельском, например, остроге в каждой из двух камер было только по одному окну величиною в три четверти аршина за решетками. Дневного света в камере было совсем недостаточно, и о чистоте воздуха не приходилось говорить.

Не баловали светом и воздухом и караульные помещения. При обычном размере — 7 аршин длины и 7 аршин ширины, т. е. при 49 кв. аршин площади, — имелось лишь одно окно. Караульное помещение отапливалось печью.

Устройство тюремных зданий в виде небольших изб за бревенчатым тыном перешло в XVIII век от XVII столетия. Именно такие же описания острогов дает Сергеевский в исследовании «Наказание в русском праве XVII века». Так, например, Белозерский острог занимает площадь 108 кв. сажен. Участок обнесен тыном из бревен, врытых на 3 аршина в землю и укрепленных там также бревнами. Внутри двора — изба в два этажа (этим она отличается от тюрем второй половины XVIII века). Размер избы — 4 сажени в длину и $3\frac{1}{2}$ в ширину.

Для подтверждения правильности предположения, что архитектура тюремных острогов второй половины XVIII столетия повторяет тип устройства острогов значительно более раннего времени, я приведу описание тюремного двора в городе Азове, сделанное в 1702 году. Оно для нас интересно и потому, что может восполнить описание острогов более поздних лет. «Тюремный двор огорожен острогом стоячим сосновым. Длиннику ему 21 сажень с полусаженей, поперечнику 16 сажень, высота три сажени. На тюремном дворе — калитка, у ней четыре кольца, железных две чеи, железных восемь пробоев, у ней же замок висящий. На тюремном дворе строения из бударного леса построены: 13 изб

ветхих. Первая изба мерою длиннику 2 сажени полтретей четверти, ширина 2 сажени 2 четверти без вершка. Другая изба длиннику 2 сажени три четверти; ширина — 2 сажени полтретей четверти (приблизительно таковы же размеры остальных 11 изб. — М. Г.). Против тюремного двора караульные избы: первая длиннику 2 сажени с четвертью и вершком, ширина 1 сажень три четверти; вторая — сажень 5 четвертей; ширина — сажень полторы четверти; третья — длиннику полторы сажени, ширина тож. А те вышеописанные избы на тюремном дворе и караульни крыты камышем. На тюремном дворе кандал худых и добрых 165 кандал; в том числе ломаных 37 кандал. Ножных желез худых и добрых с замками 12 желез. Две чеши долгих, что в мир ходят, и с ошейниками; у них четыре замка висящих».

После такого описания даются сведения о колодниках.

«Имена тюремного двора невольников всяких чинов людей, которые сидят на тюремном дворе: разных чинов люди — 98 человек: малолетних стрельцов — 8 человек, турок и татар — 10, шведов — 51; прислан из приказные палаты черкес; да по делам которые сидят на тюремном дворе полковника Афанасьева, конной службы капитан Афанасий Смирнов, рядовые казаки — 8, стрелец — 1 и т. д. (в описи перечислено еще 17 арестантов солдат, казаков и др. — М. Г.). Да по записям, которые освобождены с тюремного двора разных чинов люди 18 человек, малолетние стрельцы — 6 человек, шведы — 13 человек»¹.

Как видно из описи, арестанты размещались в небольших избах. Необходимой принадлежностью острога оказывались кандалы и разные цепи. Мы с ним встретимся еще не один раз в истории тюрьмы всего последующего времени.

Краинский, останавливаясь на терминологии по тюремному делу второй половины XVII века, приводит соображение о том, что слово «изба» не всегда означало отдельное здание, а обычно лишь отдельное помещение, отдельную камеру или комнату. Наиболее убедительным доказательством правильности такого толкования служат встречающиеся указания на то, что две избы находятся под одною общею крышею. Возможно, что и в приведенном мною описании тюремного двора 1702 года под названием «изба» подразумевается не отдельное здание, а отдельная камера. За такое толкование говорят и небольшие размеры этих помещений, а именно менее 4 кв. сажен для арестантов и 2—3 кв. сажени для караула (для караула было три таких избы).

¹ «Столетие военного министерства, 1802—1902 гг. Главное военное судное управление и военно-тюремная часть», т. XII, кн. 1, ч. 1, 1902 (приложение, стр. 3).

Нет строго выдержанной терминологии во второй половине XVIII века и в первой четверти XIX столетия для обозначения мест лишения свободы. Для этого употребляются слова: тюрьма, темница, съезжий двор, колодничья изба, частный дом, острог, тюремный замок и др. Но, кроме того, места заключения были устроены при самых различных присутственных местах, как, например, при земском суде, при словесном суде, в ратушах, в думах и пр. Даже в Сенате имелись «покои», в которых можно было содержать арестантов. В архивном деле 1762 года мне попало постановление собрания «конторы правительствующего Сената» относительно одного доносчика о государственном преступлении. Было приказано заковать его в кандалы и посадить в особый покой конторы Сената под крепкий караул, не давая ему два дня ни пить, ни есть, чтобы он за это время «поразмыслил» о сделанном доносе. Отсюда видно, что контора Сената располагала не только покоем для содержания арестованных, но и необходимыми для тюрьмы того времени принадлежностями в виде кандалов.

Наиболее часто встречаются во второй половине XVIII века и в первой четверти XIX века названия «острог» и «тюремный замок».

Под «острогом» первоначально понималось укрепление, защищавшее тот или иной пункт от нападения неприятелей. Такое укрепление состояло из бревен, заостренных сверху и врытых достаточно глубоко в землю. Острогом называлась и эта стена из бревен. Позднее такие же стены-остроги стали окружать тюрьмы, на которые и распространилось название острогов.

Позднее стены из бревен, врытых в землю, стали заменяться каменными с башнями на углах, и тюрьма по своему внешнему виду стала напоминать замки или стены кремля. Тип тюрьмы-замка стал распространяться с конца XVIII века.

Издание «Учреждения о губерниях 1775 г.» выдвинуло вопрос об устройстве зданий для различных присутственных мест в губернских и уездных городах. Не только из более ранних материалов Краинского, но и из архивных дел даже начала 30-х годов XIX века видно, насколько часто арестантские помещения находились при присутственных местах. Названная реформа 1775 года заставила обратить внимание на состояние мест лишения свободы. Имеющиеся у нас сведения о таком состоянии относятся нередко к последнему десятилетию XVIII века, но они позволяют судить о состоянии тюрем и за предшествующие годы.

По-видимому, самым лучшим зданием острога в России было воздвигнутое в Москве, надо предполагать, после 1775 года. Это здание было воздвигнуто под несомненным влиянием основных идей, вложенных Екатериною в ее проект тюремного устава.

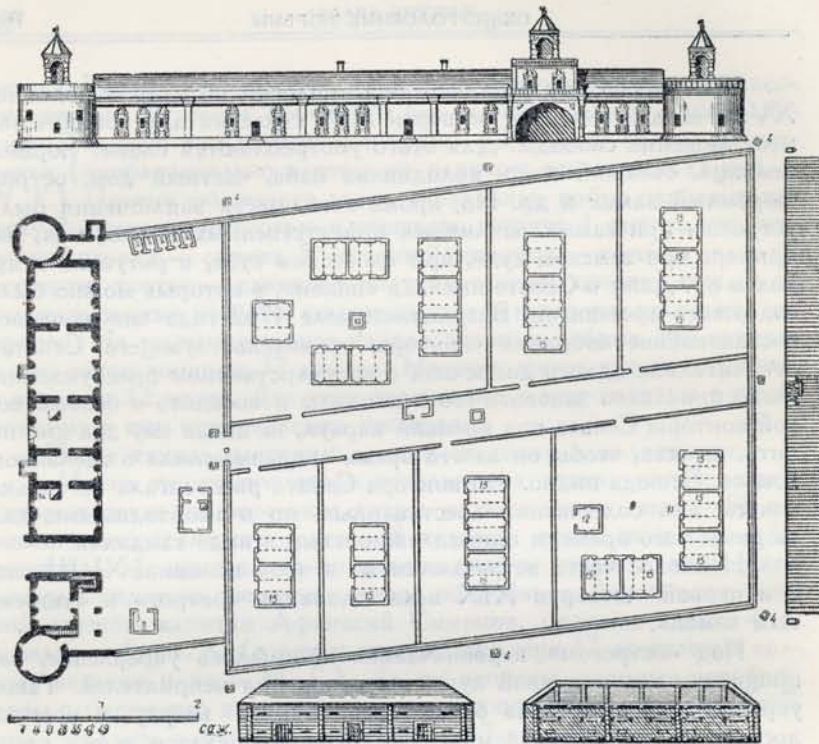

Рис. 26. Фасад и план тюрьмы в Москве 1781 года.
Из книги Д. Говарда «О тюрьмах», 1784 г.

Острог осматривал Джон Говард, поместивший в своем труде (1784 г.) описание и план этого острога. Я воспроизвожу здесь означенный план, не появлявшийся до сих пор в русской печати.

Чертеж фасада здания свидетельствует о том, что здание не было чисто тюремного типа. Правда, две большие башни по углам одноэтажного здания с 13 окнами и двумя входными дверями придают зданию вид замка, но мы не называли бы его тюремным. Нет внешней суровости, есть некоторая красота. К зданию, а именно к угловым башням, примыкают стены, окружающие с четырех сторон прямоугольный участок земли с тюремными зданиями.

Как в свое время проектировала Екатерина, подследственные, или «подстражные», отделены от осужденных и от ссыльных, и мужчины размещены особо от женщин. В этом самом здании, фасад которого выходит на улицу, устроено пять камер для подстражных. За внутренней стеной на дворе имеются помещения для женщин, а именно — отдельные камеры для уголовных, приго-

воренных и ссыльных. Строения, предназначенные для мужчин, имеют по две и по три камеры, предназначенные для различных категорий арестантов. Осужденные мужчины размещены в зданиях по левой стороне земельного участка. Число комнат в этих зданиях исчисляется от двух до трех. На плане обозначены часовня, помещения для стражи, будки для часовых, колодезь, колокольня, несколько дворов и пр.

Размер тюремных камер вполне отвечал требованиям проекта Екатерины, а именно каждая из них имела по 3 сажени в длину и ширину и 2 сажени в высоту.

Из описания Говарда видно, что было проведено размещение арестантов по сословному признаку, с выделением особо привилегированных.

В первой комнате основного каменного корпуса Говард видел четыре деревянных клетки, в двух из которых помещалось по арестанту, прикованному цепями за шею к стене и с кандалами на ногах. Женщины, которых Говард видел в особой женской камере в числе десяти, содержались без оков.

За три года до Говарда, в 1778 году, этот же острог осматривал другой англичанин — Кокс. Он издал в 1781 году описание осмотренных им больниц и тюрем в виде небольшой брошюры. Описание тюрем появилось в русском переводе в журнале «Русская старина» лишь в 1907 году¹.

Кокс, описывая московский острог, говорил, что он находится в предместье и занимает огромный участок земли в виде четырехугольника. Весь участок обнесен высокой стеною. Внутри участка выстроено 25 зданий для размещения арестантов. Эти здания внутри не перегородены, и в каждом находится по одной камере с 25—30 заключенными. Означенные здания расположены не на одном дворе, а на нескольких — по четыре, по шести и по восьми домов на каждом дворе. Кокс считает такое распределение зданий по отдельным дворам очень удобным, так как это дает возможность арестантам быть чаще на воздухе. Он отмечает, как и Говард, наличие особого колодца для пользования водою.

Описания острога, сделанные Говардом и Коксом, совпадают в одних чертах и расходятся в других отношениях. По плану Говарда обозначено всего четырнадцать зданий, кроме основного, а Кокс говорит о 25 камерах, из которых каждая помещается в отдельном здании. Но, может быть, в это число 25 камер вошли те, которые были расположены в основном здании. Непонятно, почему так мало число заключенных, которое указано Говардом, —

¹ См. «Тюрьмы и госпитали в России в XVIII веке по наблюдениям Вильяма Кокса», «Русская старина», 1907, июль, стр. 25—44.

74 человека. Для нанесенного им на плане количества зданий это число арестантов слишком ничтожно. Кокс указывал число арестантов в остроге при его посещении в 1778 году в количестве 800 человек, т. е. более чем в десять раз выше цифры, сообщенной Говардом. Возможно, что Говард указывал число заключенных в тюрьмах какого-нибудь одного двора московского острога. Кокс со своей стороны указывал, что в зданиях, расположенных на одном дворе, было 97 арестантов. Эти цифры не так сильно расходятся.

Говард поместил в своем труде также план петербургского смиренного дома, который тоже не появлялся в русской печати и который мы также здесь воспроизводим (рис. 27).

Двухэтажное здание смиренного дома находилось на Екатерининском канале у русла Мойки. Говард назвал его простым, но изящным. В нем по фасаду несколько десятков окон. Находящиеся на задней стороне здания две галереи поддерживались колоннами. В верхний этаж вела каменная лестница. В здании около 30 комнат, с площадью 33×23 фута. Окна — на высоте 6 футов от пола. В оконных рамах — форточки.

Говард называет это здание исправительным или прядельным домом. В противоположность Московскому дому заключения Петербургский исправительный дом представлял собою единое и очень большое по своим размерам здание. Другая петербургская тюрьма, которую Говард называет пригородною, состояла, как и московский острог, из ряда небольших деревянных домов, в каждом из которых содержалось от 5—6 до 25 арестантов в кандалах. При тюрьме была своя хлебопекарня. Вся тюрьма обнесена обычным для того времени высоким деревянным тыном. При тюрьме — свой особый двор для прогулок арестантов. Общее число заключенных было в день посещения до 80, и среди них, по словам Говарда, мальчики двенадцати — пятнадцати лет.

К тому же времени относится описание Коксом Бутырской тюрьмы. По его словам, она была предназначена для тюремного заключения солдат. Расположенная в двух милях от города, она стояла на ровном, открытом месте и была обнесена деревянной стеною, высотой в 25 футов. Посредине участка стоял деревянный дом, занимавший около 30 кв. футов. В здании была всего одна камера с 48 заключенными. Высота от пола до потолка была 15 футов. Вдоль стен шли в несколько рядов широкие нары для спанья. Кокс отмечал запрещение арестантам иметь постель, одеяло и даже солому. Днем им разрешалось гулять по двору, а на ночь их запирали в здании. Заболевших арестантов отправляли в военный госпиталь, за исключением осужденных на каторжные работы, которых лечил тюремный врач.

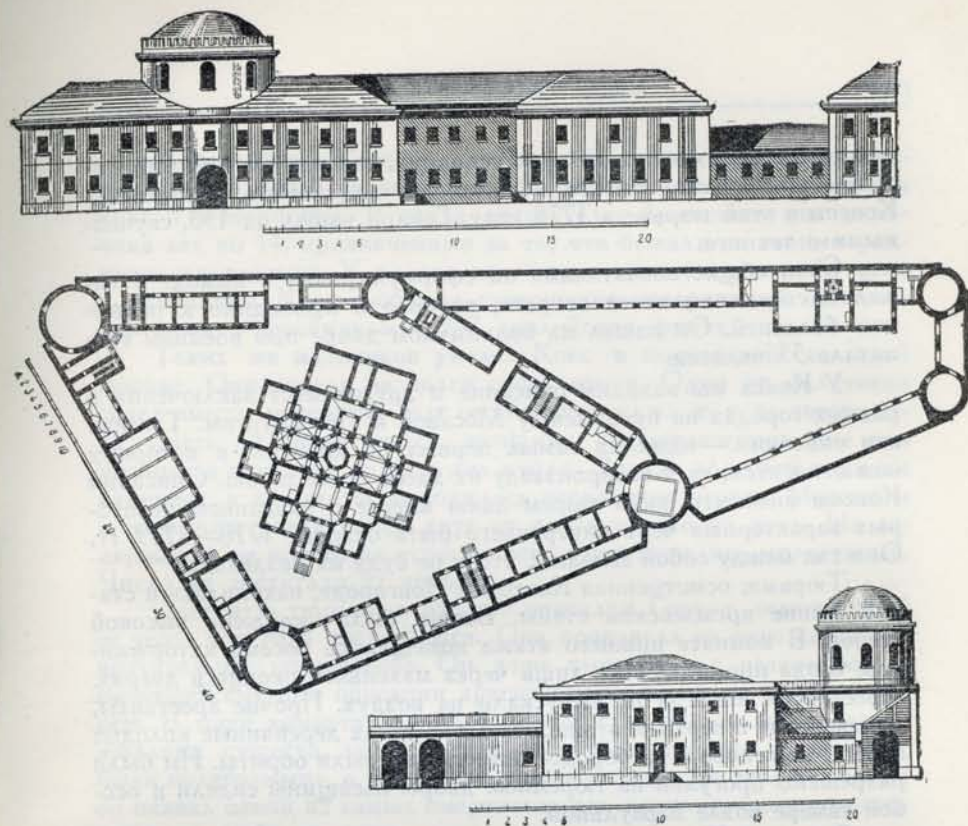

Рис. 27. Фасад и план „Исправительного дома“ в Петербурге 1781 г.
Из книги Д. Говарда „О тюрьмах“, 1784 г.

При посещении этой же тюрьмы в 1781 году Говардом она находилась уже в одной миле от приблизившегося к ней города. Она по-прежнему была предназначена для арестантов военного звания, по-прежнему состояла из одной камеры. Имеются различия в определении площади этой камеры Коксом и Говардом. Кокс определил эту площадь круглой цифрой в 30 кв. футов, а Говард дал точное указание — длина 29 и ширина 26 футов. Различие размеров камеры столь резко, что возможно только одно предположение: ко времени посещения Говарда было выстроено новое здание. Такое предположение подтверждается и различиями высоты от пола до потолка: у Кокса указано 15 футов, а у Говарда только около девяти. Кокс, так же как и Говард, говорил о нарах для спанья, но не упоминал, что эти нары шли в два яруса, как это отметил Говард. Оба автора указали на деревянную стену, окружавшую тюрьму. За палисадом Говард видел два или три здания, в одном из которых помещались девять арестованных

офицеров. Они были в лучших условиях, так как им были предоставлены кровати. Вместо 48 военных арестантов, найденных Коксом в этой тюрьме в 1778 году, Говард нашел их 130, скученными в тесноте.

Свои общие впечатления он сформулировал в выводе о тяжелом состоянии этого острога, которое и приводило к развитию болезней. Он нашел на больничном дворе при военном госпитале 55 человек.

У Кокса мы находим описание и других мест заключения в разных городах на пути между Москвой и Петербургом. Так как эти описания — одни из самых первых по времени, к которому они относятся, то я воспроизведу их здесь более полно. Описания Коксом внешнего вида тюрем даны вместе с указанием некоторых характерных черт внутреннего быта острога 1778—1779 гг. Они так между собой связаны, что я не буду их разделять.

Тюрьма, осмотренная Коксом в Новгороде, находилась в старой башне кремлевской стены. Башня была окружена высокой стеной. В комнате нижнего этажа помещались восемь каторжников. Сюда проникал свет лишь через маленькое оконце в дверях. Арестантов никогда не выпускали на воздух. Прочие арестанты, помещенные в верхнем этаже, имели на ногах деревянные колоды; волосы на голове и на бороде наполовину были обриты. Им были разрешены прогулки на тюремном дворе. Женщины сидели в особой камере возле караульной.

В городе Твери при посещении Кокса строилась тюрьма по новому плану, по которому должны были быть выстроены замки и в некоторых других городах. Она должна была быть каменная, в два этажа, с размещением по отдельным камерам разных категорий арестантов и с разобщением мужчин от женщин. Впрочем, Кокс в осмотренных им тюрьмах всегда отмечал размещение женщин отдельно от мужчин.

Полное недоумение вызывает у нас короткое описание Говардом новой тюрьмы в Твери. Поскольку Кокс писал о постройке новой образцовой тюрьмы, еще не законченной в 1778 году, можно предположить, что Говард посетил именно эту остроенную тюрьму. Такое предположение отчасти подтверждается словами Кокса и Говарда, называвшими эту тюрьму образцом для других. Но Говард добавил: «Я надеюсь, что она не служит образцом для других тюрем». Камеры этой новой тюрьмы оказались в таком плохом состоянии, что, по словам Говарда, даже врач не решался заглянуть больше, чем в одну из этих камер.

В Кронштадте острог был за городом. В нем было несколько небольших камер с 10—20 заключенными в каждой, общее же число арестантов достигало 250.

В Петербурге Кокс осмотрел арестное помещение при нижнем суде. В одной из двух камер были помещены мужчины, а в другой — женщины. В глаза посетителю бросились два мальчика лет по 14, привлеченные за то, что бежали со своими родными из деревни. У одного из них на шею была надета цепь с ошейником. Кокс сообщает совершенно невероятный вес шейной цепи с ошейником — 282 английских фунта.

Таких же мальчиков увидел Кокс в московской долговой тюрьме. Они сидели за долги своих отцов. Один из мальчиков сидел вместо матери за долг ее умершего мужа, т. е. за своего отца. Здесь же автор видел женщину, содержавшуюся уже три месяца за неуплату долга в два рубля. Здание долговой тюрьмы каменное, в два этажа, находилось посередине города. Мужчины и женщины разделялись друг от друга только на ночь. На содержание им ничего не отпускалось, и они питались милостыней. Число их достигало 37 человек.

Долговую тюрьму в Москве описал и Говард, осмотревший ее через три года после Кокса. Она произвела на него самое отвратительное впечатление. Он даже выразился с резкостью, не присущей ему при описании других осмотренных им русских тюрем. В пяти комнатах он видел более ста, говоря его словами, «жалких существ, лежащих на полу, большинство из которых были полуголыми», а отдельную комнату с шестью заключенными он назвал одной из самых омерзительных, какие только пришлось ему когда-либо посещать.

Говард дал описание и других московских тюрем, не осмотренных Коксом. Одну из них он называет новой правительственной тюрьмой. В большой комнате нижнего этажа этой тюрьмы он нашел 69 арестантов, в том числе 14 женщин. Все они были задержаны за мелкие преступления, выглядели бледными, были грязны. В камере второго этажа он нашел восемь преступников в шейных цепях и прикованных цепью к бревну. Возможно, что он видел здесь на заключенных так называемые «стулья» (см. приложенную фотографию со «стула», хранившуюся в музейных коллекциях Всесоюзного института юридических наук). В каждой камере стоял солдат с обнаженной шашкой.

В то время как Кокс ограничился лишь упоминанием о работах арестованных на огородах и о земляных работах при Екатерининской больнице, Говард осмотрел тюремную камеру позади Екатерининской больницы на дворе инвалидов. Здесь содержалось вместе 52 мужчины и 17 женщин. Они были все без оков, но спины их были отмечены черным крестом. Это указание на черный крест не встречалось нам в других описаниях. Должно быть, этот черный крест на одежде заключенных работного дома

был предшественником «бубнового туза» на платье каторжан царской каторги вплоть до XX века.

О содержании арестантов за счет частной благотворительности говорит и Кокс, описывая московский острог. Осужденные получали на пропитание по одной копейке в день, а обвиняемые должны были прокармливать себя милостыней. Собранные деньги распределялись раз в неделю, и на каждого арестанта приходилось за неделю от 5 до 50 коп., а в среднем 15 коп. Очевидно, в этот подсчет не вошла стоимость пожертвованных продуктов.

Позднее мы увидим, как щедры были эти пожертвования в Москве даже к концу первой четверти XIX века. Размеры подаваний продуктами и деньгами давали возможность арестантам в московских тюрьмах быть сытыми, и Кокс отметил, что «они не имели вида голодных людей». Но впечатления Говарда были часто противоположного характера. Располагая деньгами, арестанты покупали на тюремном дворе хлеб и сбитень.

Кокс отмечает на страницах своего описания виденные им кандалы и колодки. Так, например, он видел в московском остроге каторжан, скованных по двое. Так же попарно скованными отправляли в Сибирь, связывая ссыльных длинной веревкой. Видел Кокс и женщин, закованных в кандалы, но администрация объясняла ему, что заковывание женщин практикуется редко, а на виновных в более тяжелых уголовных преступлениях надевают колодки.

Указывал Кокс и на чрезвычайную медлительность следствия и суда: ему приходилось видеть в русских тюрьмах арестантов, ожидавших по три года решения судом их участи. Помощь больным арестантам была поставлена очень слабо, больные продолжали оставаться вместе с прочими заключенными, и только заразные переводились в Москву в специальный барак, построенный для арестантов во время чумы.

Кокс внимательно останавливался на тех случаях, когда он изредка замечал занятие арестантов трудом. Тяжелый каторжный труд был предназначен для ссыльных в рудники Нерчинска. Перед приездом Кокса в Москву отсюда была отправлена в Нерчинск партия в 248 человек. В Нерчинск же поступало за год 1600—2000 человек. Холостые жили там в казармах, а женатые могли строить избы подле рудников. На содержание им закон определял полторы копейки в день и 70 фунтов ржаной муки в месяц. Стоимость же содержания арестанта для казны равнялась 35 рублям в год.

Тяжелые условия труда в Нерчинске и тягости пути туда дали Коксу право сделать такой общий вывод, мало приятный

для Екатерины: «Если принять во внимание, сколько преступников умирает под кнутом, сколько их погибает от усталости во время продолжительного путешествия в Нерчинск и тяжелые условия жизни в рудниках, то окажется, что уголовные законы в России далеко не так гуманны, как утверждают некоторые писатели».

Во внутренних губерниях и в осмотренных Коксом столичных и уездных тюрьмах работы производились арестантами далеко не везде и не всеми категориями заключенных. Работы были обязательны для отправленных в смиренные дома. В Москве они производились при Екатерининской больнице. Кокс видел заключенных на работе: одни рыли ров, другие снимали насыпь, третьи работали на огороде. Работы происходили с 7 часов утра до 12 и с одного часа дня до 8 часов вечера. В зимнее время работы состояли в разбивке камня, рубке дров и пр.

Из других городов, где производились работы заключенных, Кокс назвал Тверь, Вышний Волочек, Кронштадт и Шлиссельбург. В первых двух городах работы были земляные. В Вышнем Волочке арестанты углубляли канал, соединявший реку Тверцу с Мстою. В Кронштадте заключенные чистили гавань, исправляли доки. Здесь арестанты получали халат из грубого сукна, сапоги, рукавицы и тулуп с шапкой. В Шлиссельбурге труд заключенных эксплуатировался частным предпринимателем фабрикантом Лиманом на его ситценабивной фабрике. Кокс не говорил о заработной плате арестантов на этой фабрике, ограничиваясь указаниями о выдаче таким рабочим одежды, еды и помещения.

Кокс отмечал отсутствие в осмотренных им русских тюрьмах эпидемий и, в частности, «тюремной лихорадки». Он объяснял это незначительной скученностью заключенных в тюрьмах, предоставлением им прогулок по тюремному двору, разрешением мыться в бане. Он указывал также на хорошее влияние кваса, который пили колодники как противоцинготное средство. Такое же значение он придавал и ржаному хлебу.

Все описания тюрем, вышедшие из-под пера Кокса, не сопровождаются никакой оценкой виденного им, никакими критическими замечаниями. Страницы книги носят чисто описательный характер, без общих выводов автора. Надо думать, что состояние русских тюрем не удивило иностранца. Но некоторые факты, подчеркнутые Коксом в его брошюре, очевидно, остановили на себе его внимание. К числу таких фактов относятся указания Кокса на найденных им в долговой тюрьме детей, сидевших там за долги отцов, на двух крепостных мальчиков с тяжелой цепью на шее у одного из них, на тяжелые условия труда, каторжных

в Нерчинске и пр. Кокс был далек от критики, так как был далек и от цели даже скромной тюремной реформы.

Но и одно простое, без всякой критики, описание осмотренных Коксом тюрем имеет для нас интерес потому, что хотя бы отчасти знакомит нас с внешним видом и бытом тюрем начала последней четверти XVIII века. Мы видим, что не было и речи о каком-либо едином типе мест лишения свободы. Тюремны оказывались и в специальных тюремных зданиях, и в старинных башнях кремлевских стен, и при нижних судах, и при частной фабрике. Не было какого-нибудь выработанного тюремного устава и тюремного режима. Отсутствовала тюремная администрация, и задача тюремного караула сводилась лишь к охране арестантов от побегов. Заботы о прокормлении арестантов большей частью лежали на них самих. Автор не считал тюрьмы переполненными, не отметил их грязи и антисанитарного состояния. Между тем все дошедшие до нас описания тюрем этого периода согласно отмечают переполнение мест лишения свободы, крайнюю их ветхость и грязь в них. Может быть, визиты знатных иностранцев не заставляли врасплох места заключения обеих столиц и городов на пути между столицами.

Обратимся теперь к этим описаниям, давая их в хронологическом порядке. Первое имеющееся в моей коллекции материалов описание тюрьмы относится к 1775 году к каторжной тюрьме в Рогервике (бухта в Финском заливе). Оно было сделано очевидцем — караульным офицером Болотовым. Я приводил выше яркое свидетельство этого очевидца о неравенстве положения в каторжной тюрьме Рогервика арестантов разного сословия: состоятельных и неимущих. Болотов оставил нам в своих воспоминаниях строки, посвященные описанию рогервикского острога.

Огромная стена из толстых бревен окружала участок земли, посредине которого стояло здание тюрьмы. Автор называет его «привеликим и огромным». Внутри этого здания находились арестантские помещения, названные Болотовым «казармами и светлицами». Очевидно, казармами названы камеры общего заключения, а светлицами — одиночные камеры. По словам автора, эти помещения «были набиты полно злодеями» в количестве до 1000 человек. Автор указывал, что арестанты размещались внутри здания на нарах, расположенных в два яруса. Но наибольшее количество заключенных размещалось на койках, привешенных к потолку. Нигде в другом месте я не встречал таких указаний на подвесные койки. Более состоятельные, как мы указывали выше, пользовались здесь преимуществами, имея особые «отгородки или коморочки».

Все арестанты были закованы в кандалы, а многие имели даже «двойные» и «тройные железа» для безопасности, чтобы не могли уйти с работы. Припоминая уже ранее приведенное нами замечание Болотова об освобождении от каторжных работ состоятельных арестантов, надо думать, что они были освобождены по крайней мере от «двойных» и «тройных желез». Более всего поразило Болотова обилие в остроге вшей, которым он посвящает в своей книге целых два столбца текста. Производя ежедневную переключку арестантов, он сам обовшивел. Для предохранения себя от вшей, дождем сыпавшихся с подвешенных к потолку коек, Болотову пришлось надевать на голову шляпу с широкими полями и облекаться в плащ¹.

Особенностью Рогервикской каторжной тюрьмы является устройство ее на морском берегу в одном огромном здании. Если и были в то время тюрьмы, рассчитанные также почти на 1000 человек (Кокс нашел в московском остроге 800 человек), то они устраивались не в одном здании, а в очень большом количестве отдельных строений, рассчитанных каждое на несколько десятков человек.

Большой интерес представляет для нас документ, относящийся к 1767 году. Этот указ Сената от 24 декабря 1767 г. Поводом к его изданию послужило сообщение генерал-прокурора Вяземского о результатах ревизии розыскной экспедиции, проведенной им в Москве, где он осматривал помещение для колодников и для военного караула.

Сообщение генерал-прокурора с описанием мест заключения открывает собой длинный ряд таких же описаний с указанием всегда одного и того же, из рук вон плохого состояния тюрем. В этом ряду сообщений различие их состоит лишь в том, что они исходят от разных официальных лиц, относятся к разным годам XVIII века и к разным тюрьмам внутренних губерний России.

В своем сообщении Сенату генерал-прокурор писал: «Казармы ветхи и на них крыша так худа, что опасно, дабы людей не придавило; в некоторых казармах привеликая теснота, а напротив того есть тут нарочно построенные от Магистрата три казармы, и в них только сидят 19 колодников. До трехсот человек колодников, приговоренных к ссылке, задерживаются за неимением конвоя. Подавание колодникам не выдается, а зачисляется в кормовую дачу. Продажа хлеба отдана одному лицу, а тот дает за 2 коп.

¹ См. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков», 1738—1793 гг., «Русская старина», 1870, т. 1 (приложение, стр. 338).

не три с половиной фунта хлеба, а только два. Караульные солдаты — до 140 человек не имеют места, где отдохнуть»¹.

Одновременно московский прокурор сообщал, что колодники претерпевают «крайний недостаток в пище», а тюрьмы переполнены приговоренными к ссылке. Сенат дал указания размещать в московском остроге по три человека на квадратную сажень, а в магистратских казармах не меньше трех человек на квадратную сажень. Вместе с тем было приказано подготовить в Коломне острог на 400 человек «ссылочных» и караула. Было повелено допускать свободно продажу хлеба в остроге, не зачитывать поданных денег в кормовые (по 1 коп. в день). В случае, если кормовых денег вместе с поданными в виде милостыни окажется на день более трех копеек, зачитывать излишек на приобретение одежды для арестантов.

Итак, одни тюрьмы Москвы оказывались переполненными, а другие (магистратские казармы для арестантов) почти пустующими. Число ссыльных, подлежащих отправке на место назначения, исчислялось сотнями. «Скромное» выражение прокурора «о крайнем недостатке пищи» для арестантов следует понимать как их голодание. На глазах тюремного начальства монопольный продавец хлеба брал за хлеб почти в два раза дороже, чем следовало бы. Тюремное здание оказалось настолько ветхим, что грозило обрушиться и придавить колодников.

Сенат предписал исправить эти недостатки и установил размеры жилой площади для арестантов. На этих размерах стоит остановиться. Они определены неодинаково для острога в Москве и для тюрьмы магистрата. Но те и другие размеры показывают, в какой тесноте, в каком переполнении проживали заключенные арестанты, если было предписано помещать в остроге на каждую квадратную сажень по три человека, а в тюрьме магистрата — не менее трех на такой же площади. Размеры жилой площади для арестанта в остроге составляли ровно столько, сколько отводилось для могилы, а в тюрьме магистрата можно было помещать сколько угодно заключенных, так как была установлена лишь наименьшая норма в три человека на квадратную сажень. Это оригинальное предписание Сената было вызвано наличием большой свободной площади в тюрьме магистрата, Сенат предпочел другую крайность: переполнение вместо пустоты.

Такое состояние московских тюрем оказалось значительно хуже через десять лет — при посещении Кокса и через двенадцать лет — при осмотре Говарда.

¹ «Полное собрание законов», т. XVIII, Сенатский указ 24 декабря 1767 г.

Отсутствие в уже известных нам описаниях обоих англичан каких-либо указаний на переполнение тюрем вызывает удивление. Именно переполнение тюрем и ветхое их состояние подчеркивалось во всех известных нам материалах второй половины XVIII века. В частности, особая нужда в расширении тюремных помещений возникала в Москве в 1774 году в связи с процессом участников восстания Пугачева.

В указанном году (28 октября) у Екатерины испрашивалось разрешение открыть новую тюрьму в здании «Рязанского подворья»¹. При этом указывалось, что часть привлеченных по делу Пугачева размещена на Монетном дворе в специально «понаделанных для них номерах». Номерами в то время назывались небольшие одиночные камеры. Мы уже знаем, что на этом же Монетном дворе, в такой же камере содержался в кандалах прикованный к стене Пугачев.

Ходатайство о предоставлении для тюрьмы здания «Рязанского подворья» (здесь останавливался рязанский архиерей при его приездах в Москву) мотивировалось не только недостатком помещения для арестованных, но и близостью подворья от места нахождения следственной комиссии и удобством устраивать здесь очные ставки. Само же подворье, в котором почти никто не проживал, представляло собой каменное здание, обнесенное кирпичною стеною, с железными воротами и с железными решетками.

Екатерина разрешила временное занятие «Рязанского подворья» под тюрьму. Но через два года, в 1776 году, тайная экспедиция просила предоставить ей подворье навсегда. Она указывала на полную ветхость тюрьмы в Преображенском и на неудобства, связанные с дальностью расстояния Преображенского от Москвы. Эта просьба Екатериной также была удовлетворена. Вслед за этим тайная экспедиция получила 3000 руб. на ремонт подворья, превращенного в тюрьму.

Таким образом, временная тюрьма в «Рязанском подворье» превратилась в постоянную, находившуюся в распоряжении тайной экспедиции. Неизвестно, насколько долго были отведены под тюрьму помещения на Монетном дворе, занятые для арестованных по процессу Пугачева.

К 80-м годам XVIII столетия относится чрезвычайно яркое описание тюрем в губернском городе Тамбове. Описание приобретает для нас еще большее значение потому, что автором его

¹ ЦГАДА, VI, № 513, 1774—1780 гг. Дело о занятии Рязанского подворья в Москве под тюрьму по случаю накопления арестантов из участников в Пугачевском бунте.

является знаменитый поэт Державин. Назначенный губернатором в Тамбовскую губернию в конце 1785 года, он вскоре после своего назначения писал Гудовичу о своих впечатлениях при ознакомлении с тюрьмой в Тамбове. Осмотр был сделан Державиным всего через четыре года после посещения Говардом петербургских и московских тюрем. Результат осмотра губернской тюрьмы Державиным очень резко расходится с описанием Говардом столичных мест заключения. Стоит привести выдержку из письма Державина: «При обозрении моем губернского тюрем в ужас меня привело гибельное состояние сих несчастных (т. е. колодников). Не только в кроткое и человеколюбивое нынешнее, но и в самое жестокое правление, кажется, могла ли бы когда приготавливаться казнь, равная их содержанию, за их преступления, выведенная из законов наших. Более 150 человек, а бывает, как сказывают, нередко и по 200, повержены и заперты, без различия вин, пола и состояния, в смердящие и опустившиеся в землю, без света, без печей, избы или, лучше сказать, скверные хлевы. Нары, подмощенные от потолка не более $\frac{3}{4}$ расстоянием, помещают сие число узников. Следовательно, согревает их одна только теснота, а освещает между собой одно осязание. Из сей норы едва видны их полумертвые лица и высунутые головы, произносящие жалобный стон, сопровождаемый звуком оков и цепей»¹.

Это — жуткая картина. Губернская тюрьма оказывалась без света, без воздуха, без печей. Отмеченного Коксом разделения арестантов по полу не было, и арестованные мужчины и женщины лежали в темноте на общих нарах под потолком. Темнота была такова, что приходилось пользоваться не зрением, а осязанием. Державин нашел наиболее подходящим названием для тюрьмы слово «хлев».

Державин считает, что такая тюрьма является настоящей казнью, отмененной за общие преступления. Она является не только казнью, но и жестокой казнью. Этим самым Державин подчеркивал, что слова правительства о человеколюбии расходятся с его практикой.

Описание губернского тюрем Державиным совпадает с описаниями уездных тюрем Черниговской губернии в 1797 году. Авторами этих описаний были городничие, т. е. люди, которые по своему служебному положению не могли себе позволить сильных выражений, употребленных губернатором Державиным, и делали они свои описания в официальных донесениях начальству, а не

¹ Державин, Собр. соч., изд. Академии наук, под ред. Грота, т. V, СПб., 1869, стр. 453.

в частном письме. Поэтому их описания не красочны. Но сообщаемые ими факты сами за себя говорят и сами по себе очень красноречивы.

Для примера приведем описание острога из сообщения Городничего, городничего Полтавской губернии.

В «остроге число арестантов так увеличилось, что в помещении длиною в две сажени и один с половиною аршин и шириною четыре сажени, при наличии печи, занимающей четверть всего помещения, бывает столь воздух ядовит и вреден, что люди немалым числом впадают в болезни». Городничий добавлял, что воздух «ядовит и вреден», несмотря на открытые настежь двери в течение всего дня и на вынутые оконные рамы. Городничий был вынужден разрешить оставаться арестантам на тюремном дворе вплоть до наступления ночи.

В том же 1797 году городничий города Конотопа сообщал о переполнении арестантских помещений и о развитии заболеваний вследствие «нечистот». Речь шла, попросту говоря, об арестантских испражнениях вокруг того присутственного места, при котором арестанты находились, — одно прохождение мимо этого здания посторонних лиц представлялось неудобным вследствие вони.

В 1798 году городничий города Прилуки доносил о тюрьме своего города. В арестантском помещении при городничестве находилось от 30 до 60 человек. Здесь больные не отделены от здоровых. Говоря словами городничего, сюда «часто вторгается болезнь», и люди нередко умирали.

Такое состояние мест заключения в Черниговской губернии выдвинуло вопрос об устройстве новых зданий для тюрем. Было выработано два типа таких зданий. Один тип для больших городов и другой — для 14 малых. Только смета 1800 года по-прежнему предусматривала расход на бревенчатую стену вокруг острога. Лишь фундаменты под тюремными зданиями предусматривались кирпичные. Но произошла обычная история: денег не оказалось. Только в самом Чернигове построили в ограде два деревянных здания на кирпичном фундаменте и одно двухэтажное каменное.

Повторное ходатайство о тюремном строительстве привело к утверждению 20 апреля 1803 г. Александром I предположений малороссийского губернатора князя Куракина о постройке острогов и о разделении арестантов на три группы.

В первую группу арестантов были включены смертоубийцы, святотатцы, изменники, разбойники, фальшивомонетчики.

Во вторую группу вошли воры, мошенники, половые преступники.

В третью группу были отнесены задержанные за долги и пр. Различался режим, предположенный для каждой группы. Арестанты первой группы должны были содержаться в кандалах и в здании с решетками на окнах. Заключенные второй группы должны были помещаться в зданиях без решеток на окнах, а вместо кандалов иметь на себе колодки. Для третьей группы арестантов должны были быть отведены помещения при городничестве. Что касается женщин, то для них должно было быть выделено отдельное небольшое помещение при каждой группе.

Заключенные в административном порядке, без суда, должны были быть содержимы при полиции и на съезжих дворах.

Планы этого губернатора были утверждены царем и разосланы по местам. По этим планам ограды должны были быть каменные.

Но от слов до дела было очень далеко. В 1806 году была закончена постройка кирпичной ограды вокруг острога в Чернигове с употреблением на нее миллиона кирпичей на сумму в 16 000 руб. Вероятно, это подорвало средства на тюремное строительство. Только в 1809 году была закончена постройка острогов в Глухове и Нежине.

Акт приемки от подрядчиков тюрьмы, выстроенной в Глухове, знакомит нас с внешним и внутренним видом острога.

Вновь отстроенный острог в Глухове был обнесен каменной оградой, длиною вокруг всего участка 37 пог. сажен 1 аршин, 6 вершков, высотой от цоколя 7 аршин, а с цоколем 8 аршин.

У ворот стены было построено каменное здание для караула. Вся ограда была оштукатурена и побелена. Вделанные в стену ворота были полукруглые, деревянные. В каменном здании при воротах, где помещалась караульня, была устроена также тюремная кладовая. Двери, рамы и окна в этом здании были окрашены черной краской.

Внутри участка за каменной стеною находились три деревянных корпуса на каменном фундаменте. В первом корпусе направо — три комнаты и сени с двумя окошками, окрашенными черной краской, по четыре стекла каждое. Дверей в корпусе всего четыре, две печи зеленого изразца; полы везде дощатые. В каждой камере было по два окошка серой окраски с восемью стеклами, по две лавки, а для спанья нары. В средней комнате против входа — одно окно с восемью стеклами. Двери снаружи и внутри всех комнат были выбелены с клеем, а крыша здания была окрашена красной краской. Окна в этом здании были за железными решетками.

Второй корпус с левой стороны от ворот был такой же, как и первый, но его окна не были снабжены решетками.

Против ворот помещался третий корпус с шестью деревянными колоннами, побеленными масляной краской. Здесь помещались кухня в два окна, баня в одно окно, нужник на два места и две камеры с одним окном в каждой. Вокруг острога снаружи было устроено шесть будок для охраны.

По этому акту о приемке острога в Глухове, казалось, все обстоит благополучно в смысле прочности зданий, но в действительности оказалось совсем не так. Воровство и мошенничество подрядчика привели к тому, что строения быстро пришли в негодность, столь обычную для тюрем. В 20-х годах был составлен новый план о сносе этих строений и о замене их одним двухэтажным зданием. Это и было осуществлено впоследствии.

Описанное здание тюрьмы было построено, как указано выше, по планам, утвержденным царем в 1803 году, т. е. в первые годы «либерализма» Александра I. Это сказалось и на тюремной архитектуре. Были оставлены железные решетки на окнах острога только в том здании, которое предназначалось для арестантов, задержанных за более серьезные преступления. Но с этим «либерализмом» уживались кандалы, предназначавшиеся для всех арестантов первой группы, и колодки для заключенных второй группы. Размещение арестантов производилось в зависимости от тяжести преступления.

В то время как в Черниговской губернии тюремное строительство подвигалось туго, в Москве, куда заглядывали и иностранцы, уже была закончена постройка губернского замка. Его строителем был великий русский зодчий Матвей Федорович Казаков. Создав ряд дворцов, правительственных зданий, помещичьих усадеб, больниц, он явился архитектором и московского тюремного замка.

В Государственном историческом музее хранятся собрания планов и чертежей этого архитектора. В альбоме 5-го собрания чертежей Казакова имеется план под таким названием: «План московского губернского замка для содержания под стражей и преступников, построенного близ Бутырской заставы в 1800 г.». Под планом, а именно под объяснениями к нему, стоит такая подпись: «Оный замок для содержания под стражею проектировал и строил архитектор Матвей Казаков». Я воспроизвожу здесь копии с плана и с описания плана (рис. 28).

Из плана и описания к нему видно, что замок был обнесен кирпичными стенами с четырьмя башнями на углах. Тюремное здание представляет собой крест с церковью в центре. На плане заметно безусловное влияние екатерининского проекта тюремного

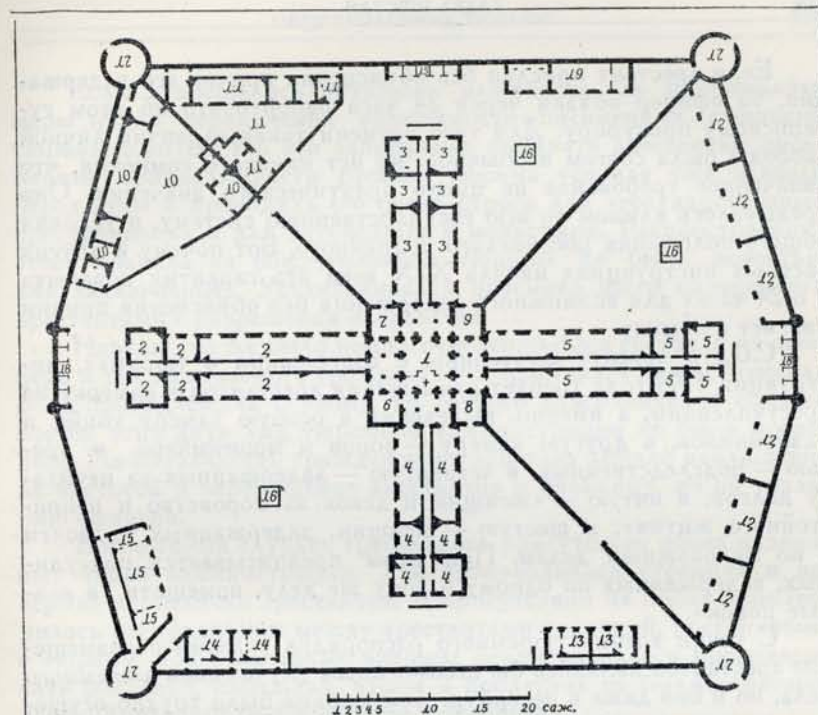

устава. Влияние сказалось даже и на терминологии: в описании плана мы встречаем такие, например, термины, как «комната книгодержателя». В самом названии замка встречается противопоставление терминов «преступник» и «содержание под стражей» (у Екатерины — «подстражные», т. е. подследственные). Проведено разделение арестантов по полу, выделены особые камеры для следственных, для осужденных и для приговоренных к ссылке. Не забыты и обвиняемые из дворян, которые не смешаны с остальной массой заключенных.

Для выявления общего распорядка жизни в тюрьме конца XVIII века очень помогла бы тюремная инструкция, т. е. положение о правилах и обязанностях чинов тюремной администрации. Но такой инструкции, которая относилась бы ко всем местам заключения империи, во второй половине XVIII столетия не существовало. Нам известно содержание наиболее ранней такой инструкции от 1799 года. Она относится к петербургской тюрьме и предназначена для офицера военного караула при этой тюрьме. Для того времени она довольно подробно регламентирует разные стороны тюремного быта. В противоположность более поздним правилам внутреннего распорядка в местах заключения начала XIX столетия, она еще ничего не говорит ни о занятиях заключенных работами, ни о церковной службе в тюрьме, ни о правилах гигиены, ни о лечении арестантов. Тем не менее она делала попытку определить специальными правилами условия содержания арестантов в тюрьме Петербурга. В этом — ее интерес и значение. При оценке же ее следует помнить, что она была одной из первых попыток регламентации распорядка в тюрьме.

В инструкции 1799 года имеется только 13 статей. Содержание этих статей оказало влияние на более поздние инструкции.

Говоря о порядке приема новых арестантов, рассматриваемые нами правила различают две группы арестантов. В одну из них входят так называемые секретные арестанты, а в другую — все прочие. При доставлении в тюрьму секретных арестантов офицер не стеснен правилом требовать соответствующий письменный приказ, в этом случае он может ограничиться и словесным приказом. Первая статья предписывает ему принимать таких арестантов «глубокой ночью», добавляя, что офицеру не должно быть дела ни до имени, ни до преступления секретного арестанта. Таким образом, уже в то время устанавливалась в тюрьме власть тех органов, которым была поручена внесудебная расправа по делам особой важности. Прочих арестантов офицер принимает лишь по письменным приказам.

Описание Плана Московского Губернского замка.

1. Церковь
2. Комнаты для содержания под стражей в долгах и подозреваемых, а недоказанных преступлений мужского пола.
3. Комнаты для содержания под стражей в долгах и подозреваемых, а недоказанных преступлений женского пола.
4. Комнаты для содержания под стражей в долгах и подозреваемых из дворян.
5. Тюрьма для содержания под караулом, доказанных преступлений и определенных к наказанию и в ссылке.
6. Близ Церкви темница для преступников мужского пола.
7. Темница для преступниц женского пола.
8. Особливая тюрьма близ Церкви для мужского пола.
9. Особливая тюрьма для женского пола.
10. Отдельный больничный двор и комнаты для мужского пола.
11. Отдельный больничный двор и комнаты для женского пола.
12. Рабочий двор с сараями для определенных к каторжную работу.
13. Комнаты для жительства священнику с причетом.
14. Комнаты для присутствия и книгодержателя.
15. Кордегардия для Афицеров и солдат.
16. Колодезь. 17. Башни.
18. Нужные места. 19. Портamoйня.

М. В. Оной замок для содержания под стражей проектировал и строил Архитектор Матвей Казаков

Рис. 28. План московского губернского замка для содержания под стражей преступников, построенного близ Бутырской заставы.

Из архива М. Ф. Казакова, хранящегося в Государственном историческом музее в Москве.

Если арестант прислан без объяснения причин его задержания, то офицер обязан через 24 часа рапортовать об этом губернскому прокурору. Для того времени такая гарантия личной свободы была совсем необычной, но нет никакого сомнения, что означенное требование не имело практического значения. Оно врезывалось клином во всю государственную систему, в условия общего положения российского подданного. Вот почему в других частных инструкциях начала XIX века эта гарантия позабыта и о 24 часах для возможного задержания без объяснения причин уже нет и помину.

Следуя проекту Екатерины о содержании в тюрьмах, инструкция 1799 года требует размещения арестантов в камерах по преступлениям, а именно, выделения в особую камеру убийц и разбойников, в другую камеру — воров и мошенников, в третью — подсудимых, в четвертую — задержанных за неуплату долгов, в пятую — «женщин и девок за воровство и непристойного жития», в шестую — женщин, задержанных за долги и по маловажным делам. При этом предписывается подсудимых, задержанных по одному и тому же делу, помещать «в разные покои».

С точки зрения тюремного распорядка указанное размещение арестантов являлось бы несомненным улучшением тюремного дела, но и оно даже в петербургской тюрьме было трудно осуществимо ввиду недостатка помещений.

Разумеется, оставалось в силе выделение в особые камеры лиц привилегированного сословия. Это еще более затрудняло исполнение требования размещать арестантов по преступлениям. Об отношении тюремного начальства к привилегированным арестантам имеется в инструкции одна маленькая, но очень характерная оговорочка: предписывается не давать арестантам ножей и добавляется — не давать их «даже чиновным арестантам». Эта оговорка характерна потому, что говорит очень ясно об особом положении «чиновных арестантов»: приходилось специально оговаривать, что запрещение выдавать ножи распространяется и на них.

Было еще одно нововведение, но, должно быть, к удовольствию арестантов и их посетителей, оно также осталось только на бумаге. По крайней мере, через двадцать лет губернский прокурор отмечал полное отсутствие правил о посещении арестантов их родными. Инструкция 1799 года допускала свидание с арестантами лишь в особой комнате в присутствии офицера и запрещала одновременное свидание многих лиц сразу. По-видимому, впервые предписывалось офицеру наблюдать, чтобы при свиданиях не было «потайных разговоров».

Если запрещались потайные разговоры, то принимались меры и для ограничения возможности письменных сношений тюрьмы с волей. Но это запрещение выдавать арестантам письменные принадлежности русская тюрьма усвоила уже задолго перед этим и проводила его очень строго для «государственных преступников» и для заточенных в монастыри. Распространение этого правила на общеуголовные тюрьмы не было новостью для заключенных. Устанавливался просмотр всего написанного арестантами с разрешения начальства.

Начальство же было немногочисленно. Оно состояло из офицера и так называемого гражданского пристава. Главенствующая роль принадлежала первому, но точного разграничения обязанностей этих двух лиц тюремной администрации не было проведено. На обязанности гражданского пристава лежало наблюдение за чистотой и перемещение арестантов в больницу, но по указанию офицера.

В некоторых случаях требовалось присутствие обоих названных чинов администрации. Так производилась утренняя и вечерняя переключка арестантов. В присутствии их обоих производилось распределение между арестантами подаваний, поступивших в тюрьму, при этом также впервые рекомендовалось просматривать подавание, наблюдая, чтобы в продуктах не были спрятаны запрещенные предметы, оружие и переписка.

Неразграниченность в некоторых отношениях полномочий офицера и гражданского пристава сказывается в девятой статье, обязывающей офицера рапортовать ежедневно о состоянии тюрьмы, о числе арестантов и о происшествиях в месте заточения. То же самое обязан был проделывать и гражданский пристав, с той только разницей, что он посылал свои рапорты губернскому прокурору, а офицер — военному губернатору. Этим, как видно, было положено начало статистического учета тюремного населения петербургской тюрьмы. К инструкции была приложена даже форма таких ежедневных утренних и вечерних рапортов, но мне не попались рапорты с цифрами заключенных ранее 1802 года.

Инструкция повторяла правило, введенное еще Екатериной в 1775 году, о посещении прокурором раз в неделю мест заключения. При таких посещениях офицер и гражданский пристав сопровождали его по тюрьме.

Состоявший при тюрьме офицер не был ее постоянным начальником, а лишь на то время, которое он проводил в ней, отбывая свое дежурство. Его заместитель приступал к несению своих обязанностей, приняв от своего предшественника по реестру все имущество и весь наличный состав заключенных. Эта смена офицеров при наличии одного и того же гражданского

пристава вносила путаницу в дело управления тюрьмы. С одной стороны, офицеру принадлежало более прав, чем приставу, а с другой — этот последний имел преимущества как постоянный начальник тюрьмы. Споры о правах власти каждого и об обязанностях каждого не замедлили разгореться в петербургской тюрьме, и высшему начальству пришлось разрешать возникшие пререкания.

В распоряжении караульного офицера было какое-то количество солдат. Часть из них расставлялась внутри тюрьмы. Они обязаны были наблюдать за недопущением общения между собою арестантов из разных камер и вообще за тюремным порядком. Инструкция не забывала напомнить, что эти караульные солдаты не должны в тюрьме играть на инструментах и распевать песни.

Таково содержание инструкции в ее наиболее существенных чертах. Она была попыткой установления внешнего порядка петербургской тюрьмы. Факт издания через двадцать лет для той же тюрьмы новой инструкции показывает, что она не получила практического значения или сохраняла его только некоторое время. Правильнее предположить, что она не имела значения вследствие общего положения тюремного дела, отсутствия надлежащего помещения и соответствующего тюремного персонала¹.

Другими словами, по существу инструкция была недействительна и достигала в той или иной степени лишь внешнего эффекта.

§ 41. ТЮРЬМЫ В МОСКВЕ, КАЛУГЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ В 1817—1818 ГОДАХ

За всю вторую половину XVIII века и за 30 лет XIX столетия правительство опубликовало только один раз сведения с описанием состояния тюрем. Это случилось после указа от 13 декабря 1817 г., в котором Александр I выражал свое удовольствие по поводу состояния острогов в Москве и Калуге и ставил их состояние в пример другим тюрьмам. Все остальные описания, найденные мною за разные годы и относящиеся к различным местам заключения, не только не были опубликованы, но даже оставались канцелярской тайной. Объясняется это очень просто: эти описания не только не похожи на описания острогов в Москве и Калуге в 1817 году, но и расходятся с ними.

¹ ЦГИА в Ленинграде, № 119, 1813 г., Мин. внутр. дел. Департ. полиц. исполн. Дело о правилах для смотрителей острогов (в этом деле собрано несколько инструкций караульным офицерам и приставам, начиная с 1799 г.).

Указ 13 декабря 1817 г. подчеркивает, что автор его, Александр I, считал своим долгом при проезде через губернские города лично осматривать остроги. При этом он убедился, что эти места заключения не похожи на «суровые» и «наводящие ужас» тюрьмы многих иностранных государств. Наоборот, в некоторых губерниях он с удовольствием усмотрел «внимательное попечение местных начальств» о заключенных. В этом отношении он особенно выделил Москву и Калугу¹.

Прежде чем мы познакомимся с описанием острогов в этих городах, отметим, что сам император не считал своим долгом осматривать тюрьмы в уездных городах. Подчеркну также, что в собственной столице он не разглядел тех ужасов во всех ее местах заключения, о которых ему представил почти в то же самое время свою известную докладную записку Вальтер Венинг.

Ни слова не сказал этот указ ни о колодках, ни о рогатках, ни о шейных и стенных цепях для арестантов. Только через два-три года после этого, когда Магницкий представил свою записку о рогатках и колодках, царь вспомнил, что и сам их видел на арестантах.

Острог в Москве состоял из четырех отделений, примыкавших своими коридорами к общему центру, где находилась церковь. За общей оградой, кроме этого центрального здания острога, находились четыре мощеных двора и несколько жилых строений и зданий для разных надобностей. В одном из зданий были квартиры тюремного духовенства и палачей — «запечных мастеров» (таково их официальное название). Таким образом, под одной крышей жили духовные пастыри, «врачевавшие души», и палачи, калечившие и терзавшие тела арестантов.

В остроге было много помещений, в том числе больница для мужчин на сорок коек и для женщин на девятнадцать. Было много разных кладовых: для обуви, для продуктов и др. Имелись кухня, прачечная, квасная, пекарня. Военские арестанты помещались в особой казарме, где для военных чиновников была выделена особая камера. В особой камере помещались гражданские чиновники. Подследственные не смешивались с осужденными. Для женщин было особое помещение. Поддержание чистоты было возложено на самих арестантов. Повторяю, приведенное официальное описание московского губернского тюремного замка 1817 года оставалось единственным опубликованным за очень долгий период.

¹ ЦГИА в Ленинграде, № 277 — «По именному высочайшему указу о лучшем устройстве тюремных острогов и о соблюдении в оных чистоты и опрятности», 1817 г.

Выраженное Александром чувство удовольствия по поводу состояния замка послужило сигналом для взрыва восторгов в периодической печати. Именно такой восторженный характер носили статьи, напечатанные в 1818 году проф. Куницыным в «Сыне отечества» и неизвестным автором в том же году в «Русском вестнике»¹.

Автор второй названной статьи, описывая замок, подчеркивал, что эта тюрьма «удостоилась одобрения высочайших особ, как самого царя, так и короля прусского». Самое описание автора повторяет официальное описание, но было и одно небольшое добавление, сделанное автором, конечно, без злого умысла, но совсем неудачное с точки зрения тюремной администрации. Автор указывал на устройство при губернском замке особых сундуков и кружек для сбора подаваний. Читатели хвалебной статьи узнавали, что поданная милостыня распределялась между арестантами и шла на выдачу «порционных денег священнику с причтом, подлекарю и заплочным мастерам». Таким образом, оказывалось, что московские благотворители, подавая щедрую милостыню арестантам, вместе с тем подкармливали и их палачей — «заплочных мастеров».

Официальное сообщение об этом умалчивало, но из донесения московского губернатора, также умалчивавшего об источниках покрытия расходов на «порционные деньги», мы узнали, что три «заплочных мастера» московского губернского тюремного замка, получали в месяц каждый по 3 рубля, а церковный дьячок — 2 рубля 50 коп. в месяц, т. е. расценка служителя культа была ниже расценки палача.

Не пожалел похвал при описании московского губернского тюремного замка также и проф. Куницын. До чего он дошел в своем восторге при осмотре замка, одобренного царем, можно видеть из следующих его слов: «К удивлению моему, я не приметил здесь тех несносных насекомых, которые в других тюрьмах еще прежде законного наказания упиваются кровью колодников или лишают их спокойствия ночным брожением и досадительным криком».

Отдавая дань либерализму, проф. Куницын заканчивал свою статью выпадом против «некоторых политиков, которые жестокость к подсудимым почитают должною строгостью, делом истинного патриотизма, и снисхождение слабостью и даже вольнодумством».

¹ См. Куницын. «Сын отечества» 1818 г. № XXXIV, стр. 45—59, а также «О губернском московском тюремном замке», «Русский вестник», 1818, стр. 164.

В статье Куницын указывает число заключенных в замке от 300 до 600, т. е. много выше цифры, сообщенной губернатором (от 300 до 400). По составу на первом месте шли беглые солдаты и крепостные люди. По сообщению же губернатора, в среднем было за день «благородных» 20 человек, военных арестантов — 40 человек и разночинцев обоего пола — 290 человек.

Острог в городе Калуге был каменный. Он включал в себя три казармы для арестантов мужского пола, одну для секретных арестантов и одну для женщин. Здесь также была своя больница. Из описания узнаем, что арестанты имели постели. Камеры освещались с наступлением темноты особыми «ночниками», подвешенными на проволоке посередине камеры. Некоторые места в остроге освещались ночниками вплоть до наступления расвета. Полы в остроге мылись два раза в неделю, а иногда даже ежедневно.

Отпускавшиеся на каждого арестанта 7½ копеек на день (положение Комитета министров 30 декабря 1816 г.) на руки арестованным не выдавались, а употреблялись на общее продовольствие. Купленные припасы сдавались при арестантах выборному старосте. Конопляное масло, свечи и дрова выдавались из думы. Платье и обувь у арестантов были собственные. Управление острогом было поручено квартальному надзирателю.

Приведенное нами описание острогов сопровождалось критическими замечаниями образовавшегося позднее Попечительного о тюрьмах общества. Члены общества указывали на предоставление арестантов самим себе, на отсутствие надзора за ними. В брошюре с описанием тюремного замка в Москве и острога в Калуге была также дана инструкция смотрителю тюремного замка в Москве и караульному офицеру, уже известная нам из первой главы нашей работы. Эта инструкция представляла для местной власти в губерниях, в которые была разослана, более значительный интерес, чем описание московского тюремного замка. Нужда в инструкции ощущалась в губерниях. В ответ на разосланный губернаторам уже известный нам указ от 13 декабря 1817 г. костромской губернатор считал главной причиной тюремного неустройства отсутствие тюремных инструкций, когда каждый караульный офицер в остроге поступал по своему произволу.

Но была и другая причина тюремного неустройства: это — такое состояние мест заключения, при котором о чистоте и порядке нечего было и помышлять. Общее впечатление из ответов, присланных губернаторами, такое, что большинство тюрем было совсем непригодно для проживания, иногда они были настоящими развалинами.

Наиболее резко описал такое состояние тюрем в своей губернии тульский губернатор. Он писал, что нет никакой возможности привести тюрьмы в состояние, соответствующее повелению указа 1817 года. Тюрьмы были так тесны, что в избе (т. е. в камере) помещались по 20—30 арестантов вместе с караулом. Тюремные дворы не везде имелись или были очень тесны. При такой тесноте создавались непреодолимые препятствия для чистоты и гигиены в тюрьме, а арестанты претерпевали настоящие лишения. Подводя итог обзором состояния тюрем, губернатор прямо пишет, что тюремные здания годны лишь на дрова и что их надо строить заново.

Не нужно думать, что губернские власти совсем не догадывались сами поднять вопрос о необходимости постройки новых тюремных зданий вместо развалившихся старых. Некоторые из них с упорством, заслуживающим лучшей участи, многократно, но тщетно обращались в центр с ходатайствами о разрешении тюремного строительства. Сошлемся для примера на ярославского губернатора.

Еще в 1800 году этот губернатор представил в Петербург планы и сметы на устройство новых тюремных зданий по городам губернии. Это его ходатайство было оставлено без всякого ответа, а тюремные здания пришли, по его словам, в еще более ветхое состояние, и цены на материалы возросли. Терпение у губернатора оказалось большое, и, поскольку над ним самим не капало, а дождем поливало сквозь гнилые крыши арестантов, он возобновил свое ходатайство только через 15 лет. Он представил новые тюремные планы и новые сметы на 242 340 р. 90 к. Министр внутренних дел отказал в утверждении сметы. В октябре 1817 года были представлены новые планы и сметы на 98 827 руб. Тогда началась обычная волокита. Министр внутренних дел запросил о числе арестантов за пять лет по городам. Сведения были ему посланы, и на этом дело остановилось.

Но большинство губернаторов, по-видимому, только после указа 1817 года учли перемену ветра в тюремном деле в центре. Только теперь они начинают говорить о непригодности тюремных зданий, об их ветхости, об их тесноте и грязи. Эти губернаторские бумаги различаются своим тоном «всеподданнейших донесений». Решительнее и смелее других оказываются те губернаторы, которые могут свалить вину за состояние тюрем на своих предшественников. Однако эти ответы не могли совершенно скрыть ужасного общего состояния тюрем; одни описания прикрыли такое состояние неясными и неполными донесениями, другие ограничились указаниями лишь на отдельные факты и т. д. Но в общей совокупности полученные из губерний ответы вы-

являют картину состояния мест заключения по этим губерниям в 1817 году. Так как общей чертой всех этих ответов является указание на совершенную ветхость острогов и тюремных замков, то, очевидно, эта ветхость произошла не в 1817 году, а была уже много ранее.

Некоторые факты, отмеченные губернаторами как бы мимоходом и вскользь, являются для историка тюрьмы полной неожиданностью, хотя он и готов узнать о царских тюрьмах из секретных архивов самые невероятные по своей тяжести сведения.

Из этих фактов особенно характерны сообщенные екатеринославским губернатором. Он, донося о тесноте острога в Екатеринославе, где вмещается до 200 арестантов, и о том, что в других городах «остроги подгнили», мельком добавляет о существовании в трех уездных городах «земляных тюрем». При этом он добавляет: «Тюрьмы сии действительно стеснительны для подсудимых при множественном стечении их». К величайшему сожалению, он более ничего не поясняет и не описывает подробностей устройства земляных тюрем в трех уездных городах. Но его слова, что эти земляные тюрьмы «действительно стеснительны для подсудимых», заставляют предполагать размеры этой «стеснительности». Конечно, губернатор подыскал в своем лексиконе наиболее скромное слово для указания на тяжесть положения арестантов в этих тюрьмах, напоминающих своим названием XVI и XVII столетия.

Ответ симбирского губернатора был подробнее многих других донесений, так как губернатор был недавно назначен и мог считать себя непричастным к состоянию симбирского острога и других тюрем губернии. Я не буду приводить его ответы целиком, но отмечу следующие в нем пункты: 1) в местах заключения совсем не проводилось размещения арестантов по роду преступлений; 2) не имелось места для изоляции больных арестантов, которые находились в одних помещениях вместе со здоровыми; 3) колодники по несколько лет сидели в ожидании приговоров по их делам; 4) некоторые колодники сидели в тюрьмах без приговоров, будучи присланы сюда разными лицами; 5) при недостатке казенного пайка колодники не отпускались для собирания милостыни, а поэтому и испытывали нужду; 6) казематы острога «по крайней их нечистоте» при полном отсутствии вентиляции в зимнее время были вредны для содержащихся в остроге, служа рассадником болезней, «под именем тюремных горячек известных».

Кратко изложенные шесть пунктов рисуют картину антисанитарного состояния острогов, полного смешения арестантов разных групп и бесконечно долгого их там задержания или даже противозаконного заключения. Характерно указание, что только милостыня частных благотворителей давала возможность избежать

голода в тюрьме. Новый губернатор восстановил прерванное на время собрание арестантами подаяний.

Здесь уместно подчеркнуть роль частной благотворительности в деле поддержания существования арестантов. Довольно полные указания на это мы нашли в этом же архивном деле в донесении московского губернатора о том тюремном замке, состояние которого было поставлено царем в пример другим губерниям.

При 350 арестантах в московском тюремном замке в среднем поступало от частных благотворителей в год: хлеба до 1500 пуд., мяса всякого рода до 400 пуд., рыбы соленой до 50 пуд., соли до 20 пуд., круп до 7 четвертей, яиц до 5000 шт., калачей до 35 000 шт. Кроме того, за 1817 год из кружек при тюрьме было вынута 5413 р. 68 к.

Нельзя не признать, что приведенные размеры подаяний внушительны, и если подаяние не разворачивалось и доходило по назначению до арестантов, им в Москве в то время не приходилось голодать. Но известно, что Москва и крупнейшие города занимали в этом отношении особое положение, и по ним нельзя судить о роли милостыни в других городах.

В рассматриваемом нами архивном деле имеются ответы еще некоторых губернаторов: могилевского, воронежского, казанского, иркутского и томского. Ни один из этих ответов не может похвастаться хорошим состоянием тюрем по всей губернии. Наоборот, приходится, как общее правило, отмечать плохое состояние тюрем повсюду, кроме некоторых, очень немногих городов.

Так, например, могилевский губернатор находит нужным устроить новые тюрьмы в 11 городах, а воронежский губернатор сообщал довольно вразумительно: в уездных городах тюрьмы таковы, что без устройства новых обойтись нельзя. Казанский губернатор при личном осмотре тюрем убедился в ветхости тюрем и в необходимости их исправления. По Томской губернии сообщалось, что тюремные остроги построены еще до открытия губернии; высокие, врытые в землю бревна заострены вверху и связаны деревянными приводами, «а внутреннее расположение сих казарм, будучи тесно и низко, равномерно не имеет хорошего вида». Это сказано очень скромно, но из нашего знакомства с общим состоянием мест заключения в те годы мы уже догадываемся, как следует понимать слова губернатора, что тюрьмы его губернии не имеют хорошего вида. Он находит нужным постройку новых тюрем.

Только иркутский губернатор нашел удовлетворительными остроги: в Иркутске — построенный в 1800 году (каменный),

в Нижнеудинске — построенный в 1811 году, в Верхнеудинске и в Нерчинске — построенные в 1814 году. В неудовлетворительном состоянии оказался острог в Якутске, построенный в 1806 году. В прочих же городах губернии тюрем совсем не оказалось, и арестанты размещались то на гауптвахте, то при полиции¹.

Тюремная администрация в острогах, можно сказать, отсутствовала, так как во многих местах единственным начальником острога являлся конвойный офицер. Постоянный надзор за арестантами вверялся полицейским чинам. Наличие особого тюремного смотрителя в московском замке поставило вопрос о введении таких же смотрителей и в других губерниях. Такое ходатайство возбудил, например, слободско-украинский губернатор.

В указанное мною архивное дело попали ранее поступившие донесения губернаторов, но они продолжали поступать и позднее и носили уже знакомый нам характер: и в других губерниях положение тюрем было не лучше. Например, ответ гродненского губернатора 1818 года напоминал донесение тульского губернатора. Он писал: «Тюрьмы в уездных городах Гродненской губернии помещаются почти все в обывательских домах столько ветхих, что никакой починкой нельзя их исправить». Составленные в 1811 году планы и сметы на устройство тюрем в Гродненской губернии были «высочайше утверждены», но денег не поступило и до 1818 года. Вместе с тем губернатор сообщал, что арестанты по несколько лет ждут решения участи, «одежда их износилась, и они близки к наготы», занимаются кражами друг у друга. Не в пример всем прочим губернаторам, этот прямо указал, что тюрьма приводит к преждевременной смерти. Стоит привести эти слова: «скудное положение вовлекает его (т. е. колодника) в недуги, а весьма нередко прекращает ранее окончания дела». Такая длительность прохождения дела по всем инстанциям и волокита следствия до разрешения дела в первой инстанции находились, по словам донесения, в полном противоречии с указом 11 января 1793 г. об окончании в месячный срок всех дел о ворах и разбойниках. Указания на наготу арестантов сопровождалась просьбой распространить на заключенных действие указа о снабжении одеждой и обувью ссыльных. Только в 1819 году Сенат разъяснил, что можно снабжать и таких заключенных одеждой и обувью, но приобретая это не за счет казны, а за счет милостыни и заработанных денег. Такое разъяснение

¹ Все приведенные нами описания тюрем взяты из указанного выше архивного дела 1817 г. № 277.

ничего не улучшало: заработанные деньги и милостыня были для удовлетворения этих нужд недостаточны, а своих денег казна так и не дала¹.

Приведенные донесения губернаторов о тяжелом состоянии тюрем не шли далее министерской канцелярии, и сведения, содержащиеся в них, в печать не попадали. Периодическая печать была стеснена цензурой и не имела возможности выявлять перед читателем отрицательные стороны тюремного дела в России интересующего нас периода. Критических статей о тюрьмах тогда не появлялось. Очень немногие появившиеся в печати статьи носили ярко выраженный хвалебный характер. С двумя из них мы уже познакомились при описании московского губернского тюремного замка в 1818 году. Отмечу еще одну такую статью, относящуюся к 1819 году, чтобы ярче подчеркнуть политику царского правительства, имевшую обыкновение не только замалчивать отвратительное состояние тюрем, но и вводить общественное мнение в заблуждение похвалами отвратительных мест заключения.

На этот раз автор статьи в виде письма к другу описывает знаменитую долговую «яму». Так называлось место заключения должников. Описание дано в таких восторженных выражениях, что у читателя должно явиться горячее желание попасть в эту «яму». Корреспондент писал другу:

«Не устрашайся теперь названия ямы. Пришед на возвышение, откуда она видна, ты подумаешь, что какой-нибудь волшебник превратил ее в приятное обиталище... При первом взгляде ты будешь восхищен повсеместною опрятностью; посетив внутренность покоев, ты будешь дышать легко и приятно. Кухня, равно как и в тюремном замке, понравилась бы и самому взыскательному англичанину»².

Дальше этого в похвалах тюрьме идти некуда. Добавлю, что автор поместил свою статью в том же «Русском вестнике», где за год перед тем описывались достоинства московского губернского тюремного замка.

У читателей этого журнала могло сложиться такое впечатление об общем состоянии мест заключения, по крайней мере, в Москве, которое заслоняло действительное состояние острогов, тюремных замков и арестных помещений при присутственных местах.

¹ ЦГИА в Ленинграде, 1818 г., Мин. вн. дел. Департ., полиц. испол. Дело № 282 — «По донесению гродненского губернатора об острогах».

² «Письмо к другу», «Русский вестник», 1819, стр. 16—19.

§ 42. СОСТОЯНИЕ РАЗНЫХ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ „ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ ОБЩЕСТВА“

Я не нашел в архивах дела с подлинным докладом Венинга Александру I об осмотре им мест заключения Петербурга в конце 1817 или в самом начале 1818 года. Во всяком случае, копия этого доклада уже 8 марта 1818 г. передана петербургскому губернатору Милорадовичу. За ненахождением мною подлинного доклада Венинга, я воспроизвожу его содержание в передаче и выдержках Никитина¹. Он изложил этот доклад подробнее всех остальных авторов, часто цитировавших его.

В своем докладе Венинг писал прежде всего о съезжих домах, где «страдания несчастных обыкновенно начинаются». Нашел Венинг эти места «неспособными к помещению человечества: мужчины и женщины, виновные и невинные, молодые и старые, все вместе толпились в одной комнате, если же где и имелись две комнаты, то между ними существовали сообщения: мужчины помещались во внутренней, а женщины — в передней, под караулом солдат; все комнаты были подземные, сырые, темные, без кроватей; воздух в них был дурной; люди все были праздно и жаловались на недостаток хлеба. В одной съезжей комнате было 20 мужчин и 7 женщин, но сказывали, что помещалось и 60 человек вдруг». Там же видел он пять стульев с цепями. «Тяжелые сии стулья колодники таскали на себе». В другом месте Венинг заметил: «Бедная девушка, которая попала в сие место хоть на одну ночь, должна была потерять всякое чувство добродетели и приготовиться на жизнь развратную и несчастную». Венинг назвал съезжие дома «истинным рассадником порока в сем обильном городе». О казематах управы благочиния Венинг говорит: «Две низменные комнаты были сыры и нездоровы: в первой готовили пищу и помещались женщины, которые хотя и были отгорожены, но на виду всех прохожих; ни кроватей, ни постелей в них не было, а спали женщины на настланных досках; в другой комнате было 26 мужчин и 4 мальчика; из них трое мужчин были в деревянных колодках; в этой комнате содержалось и до 100 человек, которым негде было прилечь ни днем, ни ночью. Комната для колодников высшего состояния находилась почти в земле; попасть в нее можно было через лужу: комната эта должна породить болезни и преждевременную смерть». В смиренном доме «комнаты были также грязные; воздух в них чрезвычайно был дурной, а вид колодников показывал их недостатки

¹ См. В. Н. Никитин, Тюрьма и ссылка, СПб., 1880, стр. 12 и сл.

во всем». Тут Венинг видел колодников, привязанных за шею, и женщин в рогатках, на которых имелось по три острых спицы, длиною восемь дюймов и так вделанных, что женщины не могли ложиться ни днем, ни ночью. Мучили так женщин, по удостоверению Венинга, «из угождения тем, кто их отдал на сие место» (помещики). В работном доме Венинг нашел в одной комнате почти в земле, длиною 11, а шириною 21 фут., 107 колодников малых, взрослых и старых, — все вместе, без всякого занятия. От этой тесноты десятый человек за неделю переправлялся в больницу, а Чаров, 72 лет, сидел там с 15 января 1789 г. — уже 22 года. Некоторые колодники там же были в цепях, а караульные солдаты имели сообщение с колодниками. Лазарет с девятью больными помещался почти в земле, отчего стены комнаты были сыры, мокры, и с них текло. О кордегардии губернского правления Венинг отозвался, что двор, ведущий к этой тюрьме, был чрезвычайно грязен: «Нужные места, не чистившиеся несколько лет, так заразили воздух, что почти невозможно было сносить зловоние. В сии места солдаты водили мужчин и женщин одновременно, без всякого разбора и благопристойности. В камерах было также темно, грязно, а пол не мылся с тех пор, как сделан. Сидело в одной комнате 200 чел., и вместе с величайшим, например, преступником, окованным железами, несчастный мальчик за потерю паспорта». Женская комната показалась Венингу еще худшей, чем мужская, тем более, что в ней с женщинами находились днем и ночью три солдата. «Невозможно без отвращения и помыслить о скверных следствиях такого учреждения», — прибавляет Венинг. Наконец, и городская тюрьма представилась ему тоже «грязной, дурной, а потолок, в одной комнате грозивший обрушиться, подперли столбами при мне, — удостоверяет Венинг, — народ в камерах был напихан. Обычай взыскивать с выпускаемых из тюрьмы по 15 коп. за каждый день их заточения, а в случае неимения денег задерживать, как должников, очень жестокий».

Таково было состояние мест заключения в столице, на глазах у самого правительства. Но беда была в том, что эти глаза не только не видели всего зла состояния тюрем, но и не хотели его видеть. Следует подчеркнуть, что известный нам указ 13 декабря 1817 г. о примерном состоянии тюремного замка в Москве и острога в Калуге писался в те же самые дни, когда Венинг составлял свою докладную записку царю об ужасном состоянии мест заключения в Петербурге.

Подписанный царем указ о примерно хорошем состоянии двух тюрем его обширной империи был распубликован во всеобщее сведение. Совершенно другая судьба постигла докладную

записку Венинга. Эта записка о сквернейшем состоянии всех тюрем столицы осталась секретной и увидела свет только через 60 лет, когда выдержки из нее были опубликованы в книге Никитина.

Эта и другая записки Венинга с практическими предложениями об улучшении тюрем в России привели к организации сначала в столице, а потом и в других городах особого общества под названием «Попечительного о тюрьмах общества».

Если судить о первой записке по приведенным мною выдержкам из книги Никитина, то надо отметить ее смелый тон и откровенность автора при изложении царю впечатлений, полученных Венингом при осмотре столичных тюрем. Автор не сделал выводов об общем положении тюрем в Петербурге и ограничился описанием в отдельности каждого осмотренного места заключения в столице. Но он сделал выводы о состоянии мест заключения одного и того же типа. Так, например, он дал вывод о состоянии съезжих домов. Он дал общую характеристику состояния казематов управления благочиния. Другими типами мест лишения свободы явились осмотренные Венингом смиренный дом, работный дом, городская тюрьма и кордегардия.

При характеристике отдельных видов мест лишения свободы Венингу приходится повторяться. Не было ни одной тюрьмы, о которой он мог бы сказать, что там было чисто, сухо и просторно. Наоборот, положительно всюду была непролазная грязь, и тюремный двор мало отличался от тюремного пола, который не мыли со дня устройства тюрьмы. Зловоние от тюремных нужников на дворе, не очищавшихся много лет, соперничало со зловонием внутри самой тюрьмы. Не было разделения арестантов по преступлениям, осужденных от обвиняемых, арестованных детей от взрослых и разобщения по полу: женщины содержались вместе с мужчинами или вместе с караульными солдатами. Всюду Венинг находил кандалы, цепи, в том числе и шейные, стулья, колодки и рогатки. Этот арсенал отягощения участи заключенных изобиловал всюду так же, как недоставало везде света, воздуха, чистоты. Отсюда происходило отмеченное Венингом распространение болезней. Такова общая картина состояния тюрем в столице в 1817 году.

Венинг был третьим по счету, изучавшим состояние мест лишения свободы в Петербурге. Напоминаю, что Кокс осматривал их в 1778 году, Говард — в 1781 и Венинг — в 1817 году. С каждым этим осмотром тюрьмы не улучшались, а ухудшались, и описания Венинга оставляют далеко за собою по темным их краскам описания Говарда. Венинг видел арестанта 72 лет, сидевшего в работном доме с 1789 года, т. е. при Екатерине, Павле и

Александре. Этот старик мог бы порассказать о постепенном ухудшении тюрем, которые и ранее не были хорошими. Визит Говарда в рабочий дом был только на восемь лет раньше поступления туда этого тюремного старожилы.

Я воспроизвел фотографию с гравюры, не появлявшейся в нашей печати. Она изображает посещение Венингом русской тюрьмы. На фотографии, как и на гравюрах, изображение тюрем всегда получалось лучше, чем они были в действительности: на них не отображались во всей своей полноте тюремная грязь, тюремная сырость. Но на нашей гравюре художник отобразил нахождение в тюремной камере людей разного пола и ребенка среди взрослых. Художник изобразил и кандалы на арестантах. Фигура Венинга в сюртуке, с цилиндром на голове и с перчатками в руке еще резче подчеркивает контраст этой фигуры и жалких фигур арестантов в лохмотьях (рис. 29).

Вторая записка Венинга прежде всего отдавала долг заслугам Говарда по улучшению тюрем. С именем Говарда связало свою деятельность в Англии особое благотворительное общество, которое поставило своей задачей улучшение тюрем. Оно также ставило себе целью «исправлять преступников средствами, внушаемыми человеколюбием, то есть разлучать их с прежними сообщниками, отделять ожесточенных и упорствующих от подающих надежду к исправлению, приучать их к трудам, наставлять в разных рукоделиях, преподавать им правила религии, снабжать исправившихся нужными видами с одобрениями для вступления опять в общество честных людей и доставлять средства к пропитанию по истечении назначенного им для заточения времени»¹.

Новое общество относилось отрицательно к возможности успехов в борьбе с преступностью посредством жестоких телесных наказаний. Вместо такой веры в кнут, плети и розги оно выдвигало воспитание и религиозную пропаганду. Оно настаивало на размещении преступников по особенностям характера их преступления и, восставая против полной праздности в тюрьмах, говорило о воспитательном значении труда.

Наряду с правильными мыслями записка Венинга имела и много наивных черт и ошибочных положений. Хотя члены общества были преимущественно квакерами, которым была чужда внешняя обрядовая религиозная церемония, но именно потому, что они были квакеры, они уделяли главное внимание религиозному воспитанию. В этом отношении они наивно считали одной из причин преступности «несоблюдение святости воскресных и праздничных дней». Но, не идя дальше и глубже своих едино-

¹ В. Н. Никитин, Тюрьма и ссылка, СПб., 1880, стр. 14.

верцев в изыскании причин преступности, они вслед за Говардом указывали на развращающее влияние тюрьмы.

Учрежденное в 1819 году в России Попечительное о тюрьмах общество начало с первого же года своего существования опубликовывать ежегодные отчеты. Я имел возможность ознакомиться со всеми отчетами, начиная с 1819 года. Эта коллекция отчетов важна для нас в том отношении, что дает первые по времени сведения по тюремному вопросу в России из года в год. Правда, по целому ряду условий, и прежде всего по цензурным соображениям, отчеты не могли давать полных и правдивых сведений о состоянии мест заключения и о быте царской тюрьмы. В них слишком много уделено места описаниям религиозно-нравственного воздействия членов общества на арестантов и успехов такого воздействия в виде уже отмеченных мною в главе о тюремном законодательстве случаев крещения иноверцев, статистики исповедей и причастия. Но вместе с тем прорываются наружу из мрака темниц на свет отдельные случаи и отдельные черты из тюремного быта. Эти черты, уже известные нам из описания Венингом мест заключения Петербурга, были так новы, так незнакомы и так необычны для членов тюремных комитетов, что не могли не остановить на себе их внимания. Среди членов общества были и такие, которые хотели выйти в своей тюремной деятельности за пределы чтити и чтецов книг священного писания, раздатчиков евангелия, за рамки душеспасительных бесед и выступить против тюремных рогаток, стульев и цепей.

Попечительное о тюрьмах общество распространяло свою деятельность сначала только на Петербург, а затем и на другие города.

Желанию отдельных членов общества в Петербурге и в других городах углубить свою тюремную деятельность ставил преграды устав общества. Собственноручные поправки Александром проекта устава сводились именно к ограничению круга деятельности общества благотворительностью и религиозным воздействием. Составители проекта, желавшие удовлетворить свои запросы на более широкой общественной работе, включили, например, пункт, согласно которому комитет общества объявлялся «хозяйном» тюрьмы. Царь предусмотрительно этот пункт совсем вычеркнул и оставил «хозяйном» тюрьмы по-прежнему самого себя в лице тюремной администрации. Другой пункт проекта провозглашал, что смотритель тюрьмы подчиняется комитету общества. Поправка царя к этому пункту состояла в добавлении всего двух букв: перед словом «подчиняется» он вставил отрицание «не», и таким образом оказалось, что смотритель места заключения не подчиняется комитету и всецело зависит от

администрации. Исправления царя характерны в том отношении, что показали, как зорко он следил за попытками расширения общественного начала, ставя ему всякие препятствия.

С самого начала деятельности общества, когда столкнулись эти два начала, с одной стороны, общественность, а с другой — тюремная администрация или правительственная власть, царь без всякого колебания вставал на сторону последней: общественное начало ущемлялось, а администрация торжествовала свою победу. Уже в 1822 году произошло столкновение указанных нами двух начал. До этого времени на всех заседаниях общества с самого его основания председательствовало лицо, избранное самим обществом. Но в один прекрасный день явившийся на заседание общества петербургский оберполицеймейстер вице-президент Гладков, незванный и непрошенный, занял по собственному почину председательское место и не хотел уйти с него, несмотря на требования всех членов общества, которые заявляли, что не желают видеть его на этом месте. Так как оберполицеймейстер упорствовал, ссылаясь на свой чин, то общество отказалось присутствовать на заседании и составило по этому поводу особый протокол. Но царь встал на сторону оберполицеймейстера, и этот последний с тех пор аккуратно являлся на все заседания и восседал на председательском месте.

Говоря о деятельности общества на основании его ежегодных отчетов, отметим ее распространение на все места заключения, кроме крепостей, где содержались «государственные преступники». Так, в Петербурге деятельность общества охватила съезжие дворы, управу благочиния, арестантскую в оберполицеймейстерском доме, кордегардию губернского правления, городскую тюрьму, работный и смиренный дома, в Кронштадте — четыре тюрьмы, арестантский двор, екатерининскую кордегардию, бекет и полицейскую тюрьму (1821 г.), а через шесть лет (1827 г.) — там же: градскую тюрьму, сухопутный арестантский двор, морской арестантский двор, морские арестантские роты, в разных губернских городах тюремные замки и пр. Эти наименования различных мест заключения, остававшиеся нам неизвестными, показывают на отсутствие выдержанной терминологии даже в названиях мест заключения.

Немалая часть замечаний в отчетах Попечительного о тюрьмах общества относилась к указаниям на состояние мест заключения. Несмотря на сдержанность тона этих описаний, состояние мест заключения всюду оказывалось очень плохим.

Так, например, отчет общества за 1822 год сообщал о тесноте и духоте в орловском тюремном замке, где содержались

полуобнаженные арестанты, а среди закованных в кандалы было много больных, и тут же было двое детей шести и десяти лет.

«Женщины заключены были в тюремном замке в одной небольшой комнате, на два отделения перегородженной, в которой содержались здоровые и больные заразительными болезнями. Не имея достаточного пространства, некоторые из сих заключенных должны были держать себя не иначе, как сгорбившись. Здесь находились и грудные младенцы».

Указания на тесноту, духоту, темноту и ветхость тюремных зданий в разных городах нередко встречаются в отчетах. Отмеченная сырьость петербургских мест заключения вызывалась не только плохим устройством тюрем, но и наводнениями, часто повторявшимися в Петербурге. Дома заключения в этой столице находились на таких местах, что постоянно были под угрозой затопления водой. Отчет за 1824 год отметил величайшую опасность, грозившую арестантам во время наводнения 7 ноября 1824 г.

В градской тюрьме вода заполнила камеры нижнего этажа на 1 арш. 10 вер., и арестанты были спасены и переведены, все 326 человек, в верхний этаж. То же самое произошло в арестантской при управе благочиния, в работном и смиренном домах.

Нет надобности воспроизводить другие описания тюрем из печатных отчетов Попечительного о тюрьмах общества. Чувствуется их неполнота и недоговоренность, а с состоянием тюрем нас позднее знакомят секретные отчеты ревизоров мест заключения за исследуемый нами период.

Но следует отметить те строки отчетов общества, которые говорят о болезни арестантов. Болезни и смертность среди заключенных служат показателями состояния мест заключения и положения арестантов.

Так, например, в пермском тюремном замке за 1827 год перебывало от 10 000 до 12 000 человек. В тюремной больнице с 80 койками перебывало 1659 человек, т. е. из каждых семи арестантов один отправлялся в больницу. За тот же период из указанного числа 1659 человек, лежавших в больнице, умерло, по словам отчета, не более 100 человек. Отчет оправдывает эту смертность наличием среди больных, умерших в больнице, 20 стариков старше 65 лет.

Также и отчет общества за 1824 год отмечал большое развитие болезней в арестантском помещении при управе благочиния и объяснял это тем, что эта тюрьма была тесна, воздух

в ней тяжелый и заразителный. Отчет говорил о «великой несоразмерности» числа заключенных с пространством площади.

По вполне понятным причинам отчеты общества более охотно и более подробно говорят о результатах, достигнутых обществом в разных городах. Среди таких результатов отмечались успехи тюремного строительства, установление тюремного режима, организация питания и лечения арестантов и пр.

Несомненно, что деятельность общества, особенно в Петербурге, приводила, с одной стороны, к тому или иному улучшению положения арестантов в тюрьмах, а с другой — к установлению того, что известно под именем тюремного режима. К мероприятиям последнего рода относились запрещения свободного входа в тюрьму для раздачи милостыни арестантам, для посещения заключенных родственниками, установление трех дней в неделю для этих посещений, запрещение отлучек арестантов из долговой тюрьмы и пр. При недостаточном числе тюремной стражи и надзирателей общество увеличило их число за свой счет. Оно также ввело обучение ремеслам и грамоте и снабжение арестантов книжками. Вероятно, это были книги исключительно религиозного содержания. Впрочем, оберполицеймейстер Гладков, уже будучи президентом общества, раздавал арестантам книжечку, написанную его дочерью, камер-фрейлиной императрицы. Эта розданная заключенным в петербургских тюрьмах книжечка носила такое название: «Занятие в часы приятные» (1822 г.).

Заглавие книжки настолько не вязалось с пребыванием уже в известных нам отвратительных местах заключения Петербурга, что возбуждало понятный интерес историка царской тюрьмы к этому литературному творению камер-фрейлины и полицеймейстерской дочери. Мне не без труда удалось найти экземпляр этой брошюры в библиотеке Академии наук в Ленинграде. Находка не оправдала затраченных усилий по розыску брошюры. Первая часть книжки никакого отношения к вопросам тюрьмы не имеет. Вторая же часть, совершенно не связанная с первой, передает разговор аристократической мамы с двумя ее дочерьми-девицами. Она предложила им написать в порядке соревнования советы, как лучше всего проводить время человеку, находящемуся в уединении не по собственной воле. Только эти выражения заставляют предполагать, что речь идет о советах арестантам. Как и следовало ожидать, автор не последовал примеру Христофора Колумба и Америки не открыл. Его советы относятся к углублению заключенных в религиозные размышления: «Человеку уединенному и разлученному с друзьями стараться должно об истинном своем спокойствии и находить утешение в божественном законе, почитать оный с наполненным чистейших чувств

Рис. 29. Посещение Венингом русской тюрьмы в начале XIX века. Гравюра с картины Кольмана из архива Государственного исторического музея в Москве.

сердцем; и, молясь богу, надеяться, что он подкрепит, утешит и подаст бодрость к перенесению скуки»¹.

Раздача таких брошюрки если кого и избавляла от скуки, то, конечно, не арестантов, а тех аристократов, которые делали из своих посещений тюрем, из своего занятия благотворительностью забаву для себя и игрушку. Они могли играть ею, пока она им не надоела. Но правительство в лице президента общества строго следило, чтобы игра не вышла за пределы дозволенного и не превратилась в серьезное общественное дело.

Однако, как я уже сказал, у отдельных членов общества было некоторое стремление подойти к работе в тюрьме более широко, чем на началах узкой благотворительности.

Это прекрасно видно из письма одного из аракчеевских сподвижников — президента общества барона Кампенгаузена — к Аракчееву. В своем письме автор называл Попечительное о тюрьмах общество «пестрым сборищем высокопарных философов, чувствительных филантропов, просвещенных дам и людей простодушных», под давлением которых «иногда решаешься подписать и что-нибудь им угодное, чтобы только не совсем разладиться с ними»².

К тому времени, когда писались эти строки письма к Аракчееву, от «либерализма» Александра I уже совсем ничего не осталось, и это сейчас же сказалось и на деятельности Попечительного о тюрьмах общества. Его президент Кампенгаузен решил поступить так, как это делалось нередко и в других случаях: написать к уставу о деятельности общества «примечания». Примечания же были такого рода, что сводили на нет и те немногие права членов общества, которые были предоставлены им уставом, подвергшимся царской цензуре. Старания президента были направлены к уничтожению значения наиболее активных групп общества, а именно — так называемых посетительного, рабочего и хозяйственного комитетов. Он ставил препятствия к приему новых членов, допускал распоряжаться делами общества, вместо комитета, Гладкова как оберполицеймейстера и распоряжался единолично там, где по уставу требовались коллегиальность и комитетская общественность. Попытка путем примечаний к уставу урезать права общества привела к протесту его членов, — и примечания не прошли.

Политические условия самодержавного строя с всевластием полиции уже сами по себе ставили препятствия для сколько-

¹ «Занятие в часы приятные», СПб., 1822, стр. 43.

Фамилия автора Екатерины Гладковой стоит лишь под посвящением книжки царице Марии Федоровне.

² В. Н. Никитин, Тюрма и ссылка, СПб., 1880, стр. 40.

нибудь широкой деятельности Попечительного о тюрьмах общества. Но и состав членов этого общества преимущественно из аристократии отнюдь не способствовал широкому подходу к тюремному вопросу в России. Дамы-патронессы, за редким исключением, подходили к работе в Попечительном о тюрьмах обществе, как к средству некоторого развлечения. Ни в одном из многочисленных просмотренных мною отчетов этого общества я не нашел даже самого слабого намека на попытки борьбы со случаями заточения в места лишения свободы мужчин и женщин по произволу их помещиков. Над принятием каких-либо мер к обузданию произвола тех, кто направлял в эти вертепы даже и детей, общество вообще не задумывалось и находило удовлетворение в лучшем случае в замене подавания куска хлеба в тюрьмы горячей пищею. Петербургское общество — и только оно — ввело пересылку арестантов по городу в особых экипажах зеленоватого цвета взамен передвижения заключенных в кандалах по улицам. Если это избавляло арестантов от утомительного шествия по городу, то дало возможность администрации скрыть от общественного внимания неприятные зрелища закованных людей, передвижавшихся из одной тюрьмы в другую или в здание суда. Однако особая конструкция и цвет окраски этих повозок как бы находились в родстве с теми позорными колесницами, которыми царизм пользовался для препровождения осужденных на казнь даже в последней четверти XIX века.

Точно так же общество, не поднимая своего голоса против ручных и ножных кандалов, чувствовало удовлетворение, когда по его предложению были введены оковы полегче весом. Оно явилось инициатором введения форменного арестантского платья, образец которого был утвержден самим Александром I. Так нагота бедноты, которою были набиты тюремные камеры, прикрывалась особою «арестантской» одеждою: отсюда оставался один шаг до того «бубнового туза» на арестантском халате, который просуществовал до последнего дня царизма.

Как-никак, а пробудившийся в русском обществе интерес к положению в России тюремного дела проявился у некоторых русских путешественников и в стремлении осмотреть состояние тюрем за границей. Нам известно, что один из таких путешественников (Дашков), осматривавший места заключения в Англии и Америке, даже подавал докладную записку министру просвещения и духовных дел в 1819 году. Конечно, и зарубежная буржуазия не шла в тюремном деле дальше проектов переустройства мест лишения свободы, создания противоестественной пенсильванской системы, пресловутого «паноптикума» Бенета и т. п.

§ 43. РОГАТКИ, СТУЛЬЯ, КОЛОДКИ, ЦЕПИ

Названия «рогатки» и «стулья»¹ звучат для нашего времени совсем необычно и возбуждают недоуменный вопрос о тех предметах, которые носили эти названия. Но история царской тюрьмы так тесно связана с историей рогаток, стульев, колодок и цепей, что нельзя обойти молчанием эти орудия отягощения тюремного заключения.

Под названием «рогаток» подразумевались особые металлические ошейники, на внешней поверхности которых были вделаны железные прутья или гвозди, настолько длинные, что арестант с такой рогаткой на шее был лишен возможности прилечь и был принужден все время оставаться стоя или в сидячем положении, но не прислоняясь спиною к чему-либо. Именно такое описание рогаток дал очевидец их Венинг, указавший, что число таких гвоздей на обруче ошейника было три, а размер каждого такого прута — восемь дюймов (20 см). Мы имеем возможность составить себе правильное представление об этих рогатках по двум их экземплярам, хранящимся в Государственном историческом музее в Москве. Это очень редкие экземпляры и едва ли не единственные. А между тем это орудие отягощения лишения свободы было чрезвычайно распространено даже в первой четверти XIX века. О них упоминает и Радищев, описывая семью жестокого помещика, заковывающего своих крестьян и надевающего на их ноги колодки, а на шею рогатки². Помещая фотографический снимок с рогаток, хранящихся в Историческом музее, мы вместе с тем воспроизводим рисунок «Женщина в рогатке» Самокиш-Судковской из книги А. Ф. Кони «Федор Петрович Гааз» (рис. 30 и 31). Нет никакого сомнения, что рогатки не были одинаковы, так как форма их, вес, число спиц на них не были установлены каким-нибудь законом. Простота же их изготовления давала возможность выделывать их в любой кузнице по вкусу того или иного полицейского, помещика или местной администрации.

Имеется описание и других рогаток, которые надевались не на шею, а на голову. Об употреблении этих рогаток в тюрьме Соловецкого монастыря писал Ефименко, описывавший их так: «Рогатками назывался инструмент, надевавшийся на голову. Он состоял из железного обруча вокруг головы, ото лба к затылку, замыкавшегося с помощью двух цепей, которые опускались вниз

¹ См. Т а л ь б е р г, К истории тюрьмы и ссылки в России, «Русская старина», 1879, март, стр. 547.

² См. А. Н. Р а д и щ е в, Путешествие из Петербурга в Москву, 1950, стр. 91.

от висков, на замок под подбородком. К этому обручу было приделано перпендикулярно несколько длинных железных шипов¹.

На самое широкое распространение рогаток, колодок и пр. мы находим заслуживающее полного доверия указание очевидца — члена Попечительного о тюрьмах общества Магницкого. Его записка, виденная нами в Ленинградском ЦГИА и воспроизведенная в печати еще в 1879 году, дает такую яркую картину употребления рогаток, кандалов, стульев и пр., что необходимо привести здесь наибольшую ее часть. Но опишем ранее устройство стульев, колодок и цепей.

Вальтер Венинг сообщал, что он нашел в одном съезжем доме Петербурга пять стульев с цепями, и добавлял, что «тяжелые эти стулья колодники принуждены таскать на себе, входя в нужные места, которые находятся на дальнем расстоянии».

До 1941 года сохранялся экземпляр такого стула во Всесоюзном институте юридических наук в Москве. Он представлял собой короткий, в 75 см, тяжелый чурбан, окованный железным обручем. В один из концов этого чурбана вбит довольно массивный костыль на короткой цепи, заканчивающейся металлическим ошейником.

Что касается колодок, то их форма была очень различна и они предназначались для надевания на ноги, на руки и на шею. Некоторое представление о них дает не появлявшаяся в печати гравюра второй половины XVIII века из коллекций народных картинок Ровинского: «На картинке представлен двор темницы и самая внутренность ее. На дворе милостивец подает милостыню узнику, прикованному цепью (за ноги) к скамье, другой милостивец подает милостыню трем узникам через окно темницы. Внутри темницы сидят два узника, у одного из них руки в колодке, а ноги прикованы цепями к скамье, у другого в колодке ноги, а руки скованы в кольца»².

Еще разнообразнее было устройство цепей, предназначенных для надевания на руки, на ноги, на шею или вокруг тела по поясу, а также для приковывания к стене или полу.

Записка Магницкого ценна для нас не только как документ, свидетельствующий о степени распространения в местах заключения всех этих добавочных средств стеснения свободы, но и тем, что знакомит нас также и с их устройством.

¹ См. Ефименко, Кальнишевский, последний кошевой Запорожской Сечи, «Русская старина», 1875, т. XIV, стр. 414.

² «Русские народные картинки», собрал и описал Д. Ровинский, кн. 3, СПб., 1881. Описанная гравюра в собрании картинок не напечатана. Она хранится в Московском музее изобразительных искусств, где мы ее и пересняли.

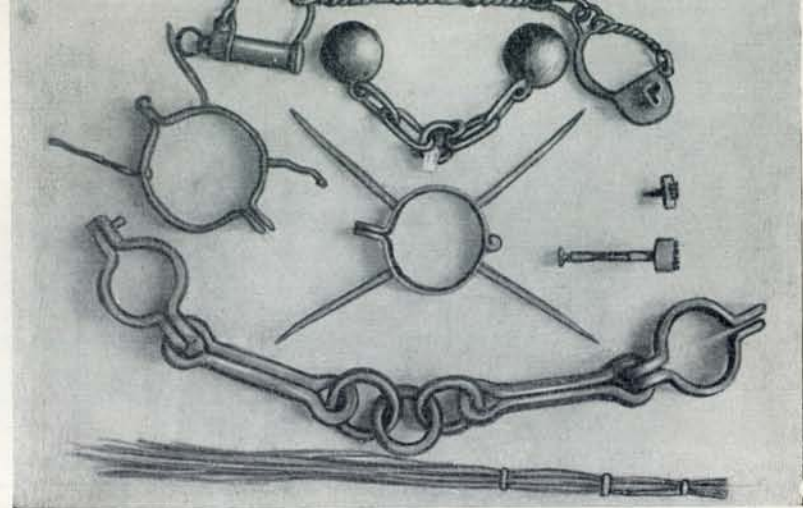

Рис. 30. Рогатки и кандалы конца XVIII и начала XIX вв. Эти рогатки и кандалы хранятся в Государственном историческом музее.

Рис. 31. Арестантка в рогатках (начало XIX в.). Из книги А. Ф. Кони «Федор Петрович Гааз».

Рис. 32. «Заключенный со «стулом»».
Из коллекции Исторического
отдела этнографического музея
в Ленинграде.

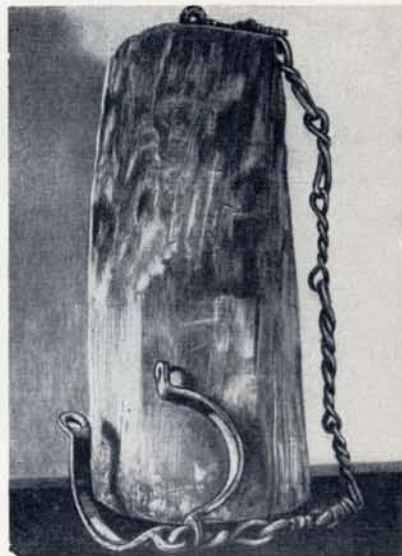

Рис. 33. «Стул» — чурбан с цепью
для ношения на шее (вес его 20,5 кг).
Фотография с подлинника, хранившегося
во Всесоюзном институте юридических
наук при Министерстве юстиции СССР.

Магницкий писал в своей записке¹: «Колоды, кандалы, оковы, стулья с цепями и рогатки не только во всех градских и земских полициях, но в каждом волостном и сельском правлении находятся. В них нет никакой соразмерности. Я сам видел в Симбирской губернии колоды из цельного дерева в аршин длиною надетыми на ноги несчастным и запретил их формальным образом правлению.

Стулья с тяжелыми цепями также делаются весьма большие и по большей части из дуба.

В городских полициях есть обыкновение всех содержащихся заключать на ночь в бревно, вырубленное наподобие колоды, для большей безопасности от побега...

Цепи бывают трех родов:

1) надеваемые на руки и на ноги отдельно; 2) на ноги, на руки и на шею вместе и 3) на ноги и на шею с прикреплением к стене.

Они все вообще весьма тяжелы, часто узки и выделаны весьма грубо, так что сглаживаются от одного употребления.

Рогатки неимоверной величины и тяжести, по большей части, употребляются в волостных селениях, при полициях и смиренных домах, во всех помещичьих имениях; у живущих помещиков на дворах, а у их управителей при конторах есть равным образом все сии орудия. Я буду говорить о них в отношении к одному употреблению их для колодников.

На пойманного полицией, земскою или градскою, преступника, еще не судившегося и, может быть, невинного, в уезде, не только по приказанию исправника или земского заседателя из дворян либо из крестьян, но и по повелению секретаря и каждого дежурного писца сего суда, а в полиции градской по повелению дежурного квартального, может быть, и по большей части для содержания до отсылки в тюрьму, тотчас надеваются или цепи или стулья с цепями...

От природной жестокости и большей или меньшей тревоги полицейских чиновников зависит словесное определение сего истязания. При пересылке преступников из места в место к суду или по наказанию в Сибирь, земские и градские полиции, по снисхождению их к недостатку или к лени уездной внутренней стражи, заковывают всех посылаемых, как называется употребленным у них выражением, накрепко, дабы преступники с недостаточною стражею бежать не могли.

¹ ЦГИА в Ленинграде, № 85, 1820 г. М. Ю. Дело об оковах и кандалах арестантов. См. текст этой записки Магницкого и Тальберга, «Русская старина», 1879, февраль.

В тюрьмах губернских, ежели сам губернатор не посещает их по крайней мере раз в неделю, что большей частью и бывает, то преступники заковываются и приковываются к стене жесточайшим образом за малейшую грубость полицеймейстерам и командирам внутреннего батальона по произволу.

В смиренных домах вообще употребляются рогатки весьма тяжелые и так сделанные, чтобы никак не можно было лечь. Распределение их зависит от поручика, определяемого обыкновенно из раненых офицеров.

К отвращению сих истязаний, тем ужаснейших, что, будучи только терпимы, несут они на себе вид некоторой законности, представляются, по моему мнению, следующие средства:

1) Употребление всех вышеозначенных орудий истязаний и даже имение их, под каким бы то ни было предлогом, строжайшим образом воспретить повсеместно, истребив их через полицию, кроме уездного суда и уголовной палаты, которым дозволить заключать в одни только цепи преступников осуждаемых, помещая приговор их заключения в протокол.

2) В чрезвычайных случаях, при поимке известных уже разбойников или делателей фальшивых монет, предоставить полицеймейстерам и городничим требовать оковы в губернских городах через прокурора, а в уездных — через стряпчего.

3) Женщин и мужчин несовершеннолетних ни в каком случае не заключать в оковы.

4) При волостных правлениях, земских судах и градских полициях иметь надежные места для содержания преступников до отсылки их или пересылки куда следует, с тем однакож, чтобы стряпчие и прокуроры наблюдали, под личной ответственностью, дабы в сих местах временного содержания арестанты не оставались более одних суток.

5) Положенным для осужденных преступников цепям определить вес, форму и степень выделки. Я бы полагал даже выслать образцы губернаторам или, по крайней мере, поручить сей важный, по человеколюбию, предмет их личному надзору».

Значение приведенной записки Магницкого заключается в том, что она обрисовала беспредельный простор пользования кандалами, рогатками, стульями. Всякий носитель власти в городе, в селениях и в усадьбе помещика имел право без суда и следствия заковывать, кого он хотел и как хотел. За четверть века перед тем о широком праве помещиков пользоваться этими средствами воздействия на крепостных писал Радищев, но эти 25 лет прошли, не внося изменения в положение дела.

Записка Магницкого была представлена в министерство народного просвещения и в министерство внутренних дел.

Юрисконсульт последнего в своей ответной записке выступил на защиту помещиков, выразив сомнение, чтобы у всех у них были колодки для их крепостных. Вместе с тем он полагал, что без этих средств нельзя обойтись с обвиняемыми по важным преступлениям.

Существование рогаток решительно отрицалось в бумаге министерства, представленной Александру I. Но на этот раз министерство попало впросак и оказалось в очень неудобном положении с его попыткой превратить Магницкого в какого-то лгуна. В защиту его вступился сам Александр I. На сделанном ему представлении он записал, что «он не находит справедливым уверение, что рогатки не употребляются, ибо лично сам их видел на шее у многих содержимых в здешнем смиренном доме, равномерно и в прочих губерниях»¹.

Но не в очень удобном положении оказался и сам царь. Он признавал, что сам видел рогатки в смиренном доме не только в своей столице, но и в других губерниях. Он видел их — и не отменил. Поэтому как бы в свое оправдание он добавляет, что ему неизвестно об отмене этого «давнишнего» обычая.

После такой резолюции с утверждением мнения Комитета министров 28 января 1822 г. о введении единообразных кандалов весом в 5—5½ фунтов для мужчин и ручных для женщин лишь в пути, казалось, что все остальные средства стеснения свободы человеческого тела должны были отойти в прошлое. Однако этого не случилось. Не случилось этого потому, что «высочайшая» резолюция оставляла лазейку для существования и других оков. А именно, сам царь внес в проект резолюции слова о том, чтобы новые оковы вводились лишь в надежных местах заключения, построенных по новым планам. Такая оговорка и привела к тому, что даже шейные и стенные цепи и стулья продолжали свое дальнейшее существование.

Состояние мест заключения в то время было таково, что администрация могла с легким сердцем признавать их ненадежными для воспрепятствования побегов из них. Само же тюремное начальство было заинтересовано в том, чтобы всякими средствами помешать побегам арестантов и тем самым оградить себя от ответственности. Приведенная нами резолюция Александра I и была широко использована для оправдания сохранения цепей и колодок. Даже несколько лет спустя после этой резолюции Александр тюремное начальство оправдывало сохранение рогаток и цепей указанием на то, что тюрьмы ветхи, а караул, состоящий

¹ ЦГИА в Ленинграде, фонд канцелярии его имп. велич., № 3308, 1820 г. Проект высочайшей резолюции относительно введения употребления новых кандалов и об уничтожении шейных колодок для арестантов.

из солдат-инвалидов, ненадежен. Так отстаивало сохранение рогаток и цепей губернское начальство в Ярославле, где прокурор нашел такие рогатки и цепи в смиренных и рабочих домах. При этом ярославская губернская администрация придерживалась того мнения, что указ об отмене рогаток распространялся лишь на осужденных, а не на подсудимых. Началась долгая переписка с пререканиями, закончившаяся определением Сената 22 июня 1829 г. Это определение далеко не отличалось решительностью, и губернская администрация в Ярославле могла считать себя даже победительницей: она не подвергалась никаким неприятностям за неисполнение указа; Сенатом было лишь постановлено, чтобы в Ярославле «сообразовались с истинным смыслом и силой узаконений. За сим дальнейшее производство по делу об употреблении цепей, стульев и проч. в заведениях помянутого приказа прекратить и почитать оное конченным»¹.

Решение правительства об отмене рогаток и стульев вызвало на местах недовольство тюремной администрации. Были попытки сохранения колодок, шейных цепей, рогаток в разных местах. Так, например, пытались отстоять их: петербургский полицеймейстер, великолукский городничий и новоржевское, холмогорское, псковское губернские правления. Царь утвердил 22 февраля 1828 г. мнение Сената о запрещении употреблять колодки и о разрешении кандалов.

Еще ранее, 9 февраля 1827 г., по одному делу, когда некто Климов был посажен в избу в колодки и умер, последовало повеление: «Настрожайше подтвердить повсеместно. Дабы никто и нигде не осмеливался под предлогом удержания отдаваемых под стражу лиц от побегов, изобретать и употреблять иных способов наказания или содержания, кроме тех, какие в узаконениях определены... Если окажутся еще где подобные орудия, то их истребить»².

Нельзя отказать этому указу в решительной форме запрета колодок и т. п.

Но еще решительнее были те способы, которыми протестовали против цепей сами арестанты, и, вероятно, такие кровавые протесты не остались без влияния на отмену шейных цепей, колодок и пр. В одном из таких случаев протест вылился в настоящий бунт. Шестеро арестантов в Херсоне в 1824 году за по-

¹ ЦГИА в Ленинграде, № 304, 1827 — 1829 гг. Департамент полиции исполнительной. По указу Прав. сената по предмету наложения цепей и рогаток на арестантов.

² ЦГИА в Ленинграде, № 51. М. Ю. 1828 г., Об истреблении стульев с цепями.

пытку к побегу были посажены на шейные цепи. Но они сняли их с себя так же, как и кандалы. Остальные арестанты выступили на защиту этих шестерых. В чинов тюремной администрации, с которой прибыли губернатор, бригадный генерал и вооруженная сила, летели камни и доски. После стрельбы холостыми зарядами была произведена стрельба боевыми патронами, и трое арестантов были ранены. Бунт был усмирён, и арестанты вновь посажены на цепи¹.

Трудно представить себе все безобразие и весь ужас этой картины, когда шесть человек арестантов прикованы шейными цепями к стене. Но такие картины были до начала 20-х годов прошлого века обычным явлением. Я имею возможность привести об этом сведения из секретного дела министерства юстиции 1826 года. Это очень обширное дело. Оно состоит из срочных донесений губернских прокуроров во исполнение предписания министра юстиции от 31 марта 1826 г. Министр предлагал с первой же почтой сообщить ему, не имеются ли в каких-либо местах заключения и присутственных местах колодки, цепи, стулья, и, если они будут найдены, немедленно их уничтожить. Этот приказ поднял на ноги всех губернских прокуроров. Они лично сами или через своих уполномоченных произвели осмотр различных мест заключения, полицейских участков, мест заседания суда, ратуш и пр. Повсюду находили колодки, стулья, шейные цепи. Эти находки были сделаны в губернских, уездных городах и в селениях².

Результаты этого прокурорского обследования были поразительны. Ясно видно, что вся местная администрация из-за плохого состояния тюрем отстаивала цепи, стулья, колодки более упорно, чем центральная власть. Места заключения разных наименований, полицейские участки, судебные места на пространстве всей обширной империи имели у себя эти средства воздействия на арестантов, так же как они имели у себя царские портреты.

Как было указано выше, приказ министра юстиции (он ссылался на повеление Николая I) требовал доставки нужных сведений с первой почтой, и каждая почта приносила известия об обильных находках и о ревностном усердии прокуроров в деле их уничтожения. При оценке полученных ответов надо иметь в виду, что местные власти учли отрицательное отношение центра к существованию цепей и стульев, а потому, без всякого

¹ ЦГИА в Ленинграде, «Журнал комитета министров» 11 октября 1824 г. № 1942.

² ЦГИА в Ленинграде, № 76. Департ. мин. юст. 1826 г. Дело об истреблении цепей и стульев, употребляемых для содержащихся.

сомнения, были склонны скрыть их. Иначе ничем нельзя было объяснить, что находились те или иные районы, где администрация отрицала эти виды оков.

Впрочем, были попытки сохранения запрещенных оков. Так, например, волховский городничий сообщал, что хотя он и приказал уничтожить четыре имевшиеся шейные цепи, но полагает, что приказ относится лишь к съезжим дворам, а не к острогам, а потому и просит разъяснить ему это. При проверке оказалось, что шейные цепи не были уничтожены. Потребовалось повторное распоряжение прокурора об уничтожении цепей и о сообщении начальству об ослушании городничего.

В некоторых тюрьмах было найдено очень большое число шейных цепей. Так, например, в виленском остроге прокурор нашел десять осужденных в ручных и ножных кандалах и вместе с тем прикованных цепями к стене или к полу. При отсутствии в то время одиночных камер в острогах десять скованных и прикованных к стене арестантов должны были находиться в общей камере. Вид этих десяти человек должен был одним своим числом увеличивать силу впечатления от тяжелой позорной картины.

Из приведенного выше описания Магницкого видно, что в применении цепей, рогаток и пр. царил полнейший произвол и ими пользовались даже квартальный полицейский и судейский писарь. Иллюстрацию к этим словам Магницкого мы нашли и в названном нами архивном деле. Так, например, в Екатеринославе найдено двое пьяных, из которых один был прикован за ногу, а другой — цепью на поясице. Очевидно, приковывание пьяных, недостатка в которых никогда не было, было обычным в практике полиции.

Из другого донесения видно, что цепи на шею иногда надевались так, что одной и той же цепью оказывались скованными вместе два арестанта. Так, например, в городе Холмах такую цепь с ошейниками на каждом из двух ее концов надевали на шею двух арестантов, которые носили в тюрьму ушаты с водой.

Образчиками прокурорских донесений являются, например, такие: воронежский прокурор доносил о результатах своей ревизии в семи городах; в первом из них он нашел «в градской полиции две цепи и в тюремном замке одну, вбитые в стены; во втором — в градской полиции и ратуше по одному стулу с цепями; в третьем — в градской полиции стенную цепь и две в колодках, в тюремном замке — стенную и в волостном правлении пригородной слободы одну в колодке; в четвертом — в земском и словесном суде по одной нашей цепи, прикован-

ных к стульям, и в тюремном замке таковую же; в пятом — в архиве земского суда одну цепь с деревянным стулом; в шестом — в земском суде одну цепь со стулом, а другую без оного и в ратуше одну цепь со стулом и в седьмом — в тюремном замке одну, прикованную к стене».

Донесение из Луги сообщало, что там каждый арестант оказался в колодках.

Характерно, что не только в провинции, но даже в самом Петербурге, на глазах всего высшего начальства, широко применялись цепи и стулья. К донесению по столице приложены особые ведомости с наименованием полицейских районов и найденных там в каждом из них стульев и цепей. Подведенный мною итог по этой ведомости показал наличие в полицейских участках Петербурга 56 стульев и трех стальных цепей. Кроме того, и в губернском правлении оказалось шесть стальных цепей. Были найдены стулья и стальные цепи в разных местах заключения столицы.

Не в лучшем положении оказалась и другая столица — Москва. Здесь в каждом полицейском участке найдены стальные цепи, стулья и наручники. Найдены они и в губернском тюремном замке. Что касается уездов Московской губернии, то, кроме города Клина, цепи и стулья найдены повсюду в тюрьмах, при некоторых судах и в шести гласных думах.

§ 44. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В 1830 ГОДУ

О состоянии мест лишения свободы в самом начале 30-х годов XIX века можно составить себе довольно полное представление, так как в архиве министерства внутренних дел нашлось обширное дело с докладными записками различных ревизоров тюрем. В большинстве случаев такими ревизорами были флигель-адъютанты, каждому из которых поручалось произвести ревизию не одной какой-нибудь тюрьмы, а целого ряда их в губернских и уездных городах. Так, например, поручался осмотр тюрем от Курска до Петербурга или от Иркутска до Москвы и т. п. Обычно такие ревизоры осматривали не только тюрьмы, но и другие учреждения, например, больницы. Отчеты ревизоров обычно кратки и составлены не по одной и той же форме. Однако в этих отчетах даны сведения по такой программе, что представлялась возможность подвести те или иные общие итоги и тем самым дать более общее представление о состоянии мест заключения.

В отчетах ревизора даны сведения о тюремных замках, острогах или тюрьмах по 66 губернским и уездным городам. В большинстве случаев эти города были уездные, а именно, в 20 случаях сведения даны о тюрьмах губернских городов и в 46 — уездных. Если сведения о состоянии тюрем 1831—1832 гг. представляют интерес вследствие того, что они относятся к такому раннему периоду, за который до сих пор не было опубликовано почти никаких материалов, то они тем более интересны, что в большинстве случаев относятся к уездным городам.

В отчетах ревизоров довольно часто встречаются указания, построена ли тюрьма из камня или из дерева. Указания на это встретились относительно сорока тюремных замков, острогов и тюрем, из которых 18 оказались деревянными, а 22 — каменными. Обычно остроги того времени были обнесены деревянной или каменной стенами, но в отчетах это было отмечено лишь в редких случаях. В восьми городах состояние тюрем было признано весьма удовлетворительным или очень хорошим, в двенадцати — хорошим, а в двадцати — плохим и в трех — удовлетворительным. Не ограничиваясь той или иной общей оценкой состояния места лишения свободы, отчеты нередко дают более подробные указания на замеченные недостатки тюрем: 19 тюрем признаны ветхими, старыми, развалившимися; сырость, холод, грязь и темнота отмечены в 23 тюрьмах, а чистота — в 11. Надо признать, что в оценке состояния тюрем ревизоры были снисходительны, и попадают случаи, когда состояние острога признается хорошим, несмотря на замеченную сырость и т. п.

Для более ясного представления о состоянии тюрем приведем несколько выдержек из отчетов. Так, например, в губернском городе Казани пересыльная тюрьма (так называемая «пересыльная экспедиция») помещалась внутри крепости в двухэтажном каменном здании, в котором две комнаты не могли быть заняты арестантами вследствие холода, так как вторых рам не было, а в первых были разбиты стекла. Вследствие этого пересыльные арестанты были заключены лишь в две камеры и совершенно их переполнили.

В г. Радомысле Киевской губ. тюрьма находилась в частном наемном доме, и в одной камере было набито до 70 арестантов; отчет отмечает «страшную тесноту, грязь и вонь».

В губернском городе Минске тюремная больница оказалась в таком жалком состоянии, что, по словам ревизора, была более способна развивать заразные болезни, нежели излечивать больных арестантов.

В г. Тюкалинске (Западная Сибирь) тюрьма была расположена посреди города «в малой избушке в весьма жалком положении, грязна и тесна».

В г. Камышлове тюремной замок «в дурном положении: стены треснули сверху донизу, питание плохое, и когда нет подавания, то арестанты питаются корками хлеба с водой; многие больные лежат прямо на полу без белья».

В уездных городах — Чебоксарах, Свияжске и Козьмодемьянске каменные замки разваливаются и возможны несчастия; кирпичные полы во всех этих тюрьмах «от шарканья цепями все истерты», и в камере воздух наполнен кирпичной пылью.

В г. Короче «острог в прескверном положении»; несмотря на холод, нет никакой возможности топить совершенно ветхие печи.

В г. Белгороде арестанты размещены в здании присутственных мест «под сводами»; здесь грязь, и тут же лежат пять больных арестантов без всякого присмотра.

В г. Колывани тюрьма расположена посредине города в деревянном здании без ограды; тюрьма «в жалком состоянии: грязна, тесна и для побегов весьма удобна».

Ревизор, осматривавший тюремный замок в Симбирске, пришел в настоящий восторг и расценил состояние замка как отличное. Он отметил, что здесь впервые ему пришлось увидеть войлочные тюфяки, обшитые холстом. Если сопоставить это замечание с неоднократно попадавшимися нам указаниями, что арестанты, и при том даже больные, лежат на полу без белья, то не приходится удивляться восторгу ревизора¹.

Приведенные нами описания отдельных тюрем дают возможность составить общее представление о положении мест заключения в России к началу 30-х годов XIX столетия. Уже одна сделанная нами попытка подвести в цифрах итоги оценки ревизорами состояния острогов и тюремных замков показывает, что балл оценки в большинстве случаев был мало утешителен, а отдельные характеристики тюрем в разных городах доказывают, что заботы о местах заключения не шли дальше ревизорских рапортов.

Такой наш вывод вполне совпадает с общим итогом отчетов ревизоров конца 20-х годов. В отличие от только что использованного и обработанного нами материала отчет ревизора

¹ ЦГИА в Ленинграде, № 589. Департамент полиции исполнительной, 1831—1834 гг. Дело канцелярии министра внутренних дел о замеченных государем императором, флигель-адъютантами и прочими лицами несправностях тюремных замков в губерниях.

Танеева от 1828 года сам дает вывод о состоянии тюрем на пути от Одессы до Петербурга. На этом пространстве ревизор осмотрел остроги и тюремные замки в уездных и губернских городах. Он писал царю: «Арестанты не разделены по разрядам. Печи топятся снутра и по большей части из арестантских, где арестанты варят себе даже и кушанье. Везде нары. Воздух тяжелый. Нечистота в большей или меньшей степени. Бани, за исключением малого числа, остаются без употребления за повреждением печей, а иногда и по опасению, чтоб острог не загорелся. Кроме военного караула, никого нет при арестантах, разве один сторож. Больниц особых нет. Лекаря не получают особой платы за пользование больных. В большей части острогов кухонь нет. Во многих из них отхожих мест нет. Не приметно, чтобы мыли полы, посыпали их песком, окуривали комнаты и отпирали форточки. На арестантах белье не моют. Библиотек нет... Работ для занятий арестантов, как было, кажется, в предположении, — вовсе нет. Арестанты живут совершенно тунейдцами, и многими замечено, что от длительного сидения и праздности и бездействия физическое их сложение весьма много терпит.

Здесь осмелюсь повторить, что недостатки сии существуют в большей части острогов».

Этот общий вывод ревизора мягче и сдержаннее, чем описание, сделанное им по отдельным городам. Я приведу в виде примера несколько таких описаний.

Так, например, в г. Тирасполе «острог каменный построен замком и огорожен высокой стеной». В нем шесть арестантских покоев, из которых в четырех было размещено 60 человек, а два пустых. При полиции арестованные мужчины и женщины содержались вместе. «Везде нечистота, воздух тяжелый, полов нигде нет, кушанье варится тут же в избе. В остроге для естественных надобностей арестанты не имеют особых мест, а исправляют их днем в самой ограде у стен. Крыша острога течет».

В тюремном замке в г. Брацлове косяки у дверей вываливаются, печи разваливаются, нары ветхи, на фронте карнизы обрушились, штукатурка обваливается.

В г. Махновке в остроге полы и потолки худые. Печи развалились.

В г. Бердичеве — «две арестантские», одна при полиции, другая — тюрьма. В нечистой безобразной избе толпятся и валяются на полу 25 человек арестантов. Тут воры, бродяги, шляхтичи, женщины, из коих одна с грудным младенцем, все вместе перемешаны. Нар нет, спят на полу в нечистоте, и все жалуются, что им не дают постилать на пол соломы, а которая

есть в небольшом количестве, ту имеющие ее выпросили у добрыхотных дателей. Духота, нечистота невероятные. Такова арестантская при полиции. В остроге в одной из двух комнат такая сырость, что со стен течет и быть там нельзя».

В г. Житомире острог деревянный, обнесен палисадом. «Все в нем ветхо и худо, обмазка осыпалась; здесь безобразие и нечистота разительная». В двух покоях размером по 4½ кв. сажени 70 арестантов, евреев (отдельно) 30 человек; женщины содержатся отдельно. Бани нет. Отхожих мест нет.

Этот ревизор сделал свое общее заключение на основании осмотра им тюрем в 17 уездных городах и в трех губернских. Лучшими местами заключения оказались: замок в Витебске, построенный в два этажа, с особой больницей на 12 коек. Об остроге в Великих Луках ревизор выразился так: «Острог есть один из самых лучших, какие только существуют». Но и в этом лучшем остроге женщина-арестантка содержалась в одном помещении с конвоем. Характерно, что донесение ревизора отметило большое число убийц среди арестантов в Великих Луках, притом из 14 таких убийц восемь крепостных крестьян обвинялись в убийстве или покушении на убийство своих помещиков. Эта цифра обратила на себя внимание, и были затребованы дополнительные сведения.

Ревизором отмечено, что в хорошем состоянии находится острог в г. Рогачеве, хотя там крыша протекала и требовался ремонт печей.

Вообще арестантские помещения были несколько лучше там, где число арестантов было очень незначительно. Так, «в отличной исправности и чистоте» был найден построенный за шесть лет перед тем (1822 г.) острог в г. Старом Быхове на 50 человек, но содержалось там всего двое.

Вообще в некоторых городах число заключенных исчислялось только единицами: в Овруче в деревянных казармах за высоким «остроколом» — 14 арестантов, в Могилеве в каменном одноэтажном остроге — 16 арестантов, в Сураже в каменном здании, где помещались присутственные места, — семь арестантов, в Луге, также в здании присутственных мест — четыре арестанта, в Ольгополе в новом остроге — 11 арестантов¹.

Приблизительно к этому же времени относится строение тюремного замка в Казани по новому плану. Это было крупным событием. Архитектор поставил своей задачей создать вместо

¹ ЦГИА в Ленинграде. Дело об осмотре Танеевым тюремных зданий и дело об арестантах по тракту от г. Одессы до С.-Петербурга, № 5278-а, 1828 г., собст. его имп. велич. канцелярии.

острога за бревенчатым тыном каменный замок за каменными стенами с башнями. Этот план помечен 1823 годом и хранился в Государственном историческом музее в Москве. Я воспроизвожу здесь копию с этого плана и объяснение к нему.

Варадинов в его книге «История министерства внутренних дел» указал, что в 1826 году было вновь построено 25 тюрем и различных присутственных мест с местами при них для 14 арестантов¹.

Автор не указал, где именно были построены эти тюрьмы и по каким планам.

Наши сведения о состоянии тюрем в эти годы были нами почерпнуты из донесений ревизоров. Только последний из них, как мы видели, сделал общий вывод о состоянии тюрем в России. Его вывод не находится в полном соответствии с характеристикой отдельных тюрем, так как их состояние, по его же собственным словам, было настолько плохо, что давало бы ему право на более решительный и еще более резкий вывод, чем он сделал. Но отмеченные в его докладах ветхость острогов, граничившая с их полным разрушением, отсутствие уборных, смешение здоровых и больных арестантов, отсутствие при тюрьмах больниц были не новы для правительства. Уже не в первый раз такие донесения делались правительству, но оно крайне неохотно шло навстречу местным властям в губерниях при их ходатайствах относительно тюремного строительства. Чем дальше была губерния от центра, тем меньше внимания на нее обращали. Уездные города всегда находились в худшем положении, чем губернские и столичные. Образование в отдельных городах Попечительного о тюрьмах общества иногда способствовало тюремному строительству.

§ 45. ЦИФРОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТЮРЕМНОМ НАСЕЛЕНИИ ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ XVIII ВЕКА И НАЧАЛО XIX ВЕКА

При характеристике фактического состояния мест лишения свободы большое значение имеет тюремная статистика. Цифровые сведения о количестве тюрем разного наименования и об их населении выявляют место этого средства борьбы с преступностью в царской России. Но учет тюрем и тюремного населения

¹ Н. Варадинов, История министерства внутренних дел, ч. II, кн. 2, СПб., 1826, стр. 89 и 149.

Рис. 34. Ручные и ножные колодки и цепи.

Народная картинка половины XVIII в. из коллекции Ровинского в Музее изобразительных искусств в Москве.

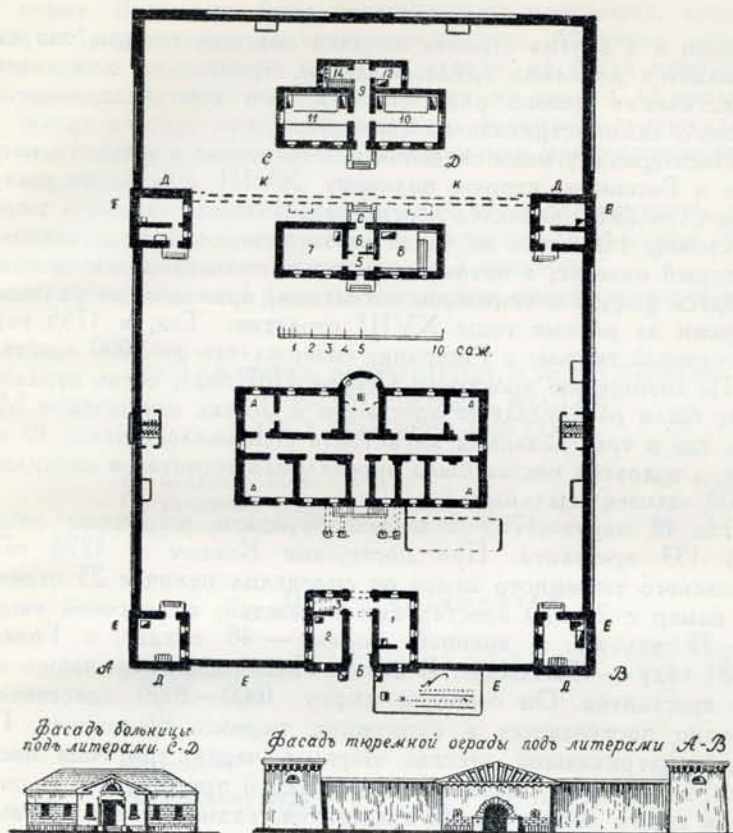

Рис. 35. План гражданского тюремного замка, построенного в губернском городе Казани в 1823 году. Сочинен во исполнение словесного приказа его превосходительства господина тайного советника, сенатора, управляющего Казанскою губерниею на правах генерал-губернатора и кавалера Владимира Юрьевича Соймонова, с показанием на оном вновь прибавленной к сему замку части земли для распространения двора тюремного и построенной на оном для больных арестантов больницы.

Описание плана: А — каменный двухэтажный корпус, где содержатся обоюбо пола арестанты; Б — ворота и при них: 1) солдатская караульня, 2) покой для дежурного офицера, 3) лестница в антресоли, 4) в антресолях над семи воротами имеет помещение смотритель замка. С — баня, 5) сени, 6) водогрейня, 7) раздевальный покой, 8) мыльня. Д — башня, Е — ограда каменная тюремного замка. I — чистый двор. II — вновь прибавочное место для распространения тюремного двора и на оном: больница для страждущих арестантов, а в оной: 9) сени, 10) комната для больных мужского пола, 11) для женщин, 12) кухня для приготовления пищи для больных арестантов, 13) лестница наверх. 14) нужное место. К — сломанная часть старой стены.

Подлинный план хранится в Государственном историческом музее в Москве.

в России и в других странах начался повсюду поздно, так как он является довольно трудным делом, требующим для своего осуществления целого ряда условий и в том числе наличия сложного административного аппарата.

Имеющиеся у меня сведения по статистике тюремного населения в России за вторую половину XVIII века носят совершенно случайный характер и относятся большей частью к тюрьмам столиц. Несмотря на такой их характер, они представляют некоторый интерес, а потому я счел бесполезным воспроизвести здесь цифры о тюремном населении, приведенные разными авторами за разные годы XVIII столетия. Так, в 1755 году в каторжной тюрьме в Рогервике содержалось до 1000 арестантов. По сообщению прокурора Сенату 1767 года, очень неравномерно были распределены арестанты в местах заключения Москвы, где в трех казармах магистрата содержалось всего 19 человек, а в других местах была «превеликая теснота» и скопилось до 300 человек ссыльных.

На 18 марта 1788 г. в петербургском тюремном замке было 133 арестанта. При посещении Коксом в 1778 году московского тюремного замка он определил наличие 25 отдельных камер с 25—30 арестантами в каждой, в долговой тюрьме — 37 человек, в военной тюрьме — 48 солдат, а Говард в 1781 году — 130 солдат. В башне Новгорода Кокс нашел восемь арестантов. Он сообщил цифру 1600—2000 арестантов, ежегодно поступавших в каторжные тюрьмы Нерчинска. Говард, осматривавший русские тюрьмы через три года после Кокса, в 1781 году, нашел в петербургской пригородной тюрьме в день своего посещения 80 арестантов, размещенных по камерам от 6 до 25 человек, а в кронштадтской тюрьме — 250 человек, размещенных по 10—20 человек в каждой камере, но он же находил и более высокие цифры заключенных в одну камеру.

Державин при осмотре в 1785 году тюрьмы в Тамбове нашел здесь в условиях страшного переполнения 150 человек, но число заключенных доходило и до 200. В самом конце XVIII века в уездной арестантской при городничестве содержалось от 30 до 60 человек, переполнявших камеру.

В начале XIX века делались попытки регулярного собирания статистических сведений, по крайней мере, по некоторым местам лишения свободы. Наиболее ранние сведения этого рода попались мне по Москве за 1802 год. Московский губернатор еженедельно представлял царю «ведомость об арестантах и колодниках, содержащихся по московским присутственным ме-

стам». Ведомость была составлена по программе, включавшей в себя указания: а) отчетного периода, б) числа оставшихся в местах заключения к началу недели, в) числа прибывших за неделю, г) числа выбывших за тот же срок и д) числа оставшихся к концу недели. Кроме того, ведомость содержала в себе эти сведения по каждому судебному или присутственному месту отдельно.

Ниже я воспроизвожу в виде примера ведомость, с указанием количества заключенных, оставшихся к концу отчетной недели за период с 30 августа по 7 сентября.

Эта ведомость дана по различным присутственным местам¹.

ОСТАВАЛОСЬ АРЕСТАНТОВ И КОЛОДНИКОВ В ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТАХ НА 7 СЕНТЯБРЯ 1802 ГОДА

По палате уголовного суда	60 чел.
По уездному суду	5 "
По управе благочиния и по частям города . .	95 "

По департаментам

Надворного суда	{ 1	27 чел.
	2	1 "
	3	13 "
Магистрата	{ 1	7 "
	2	46 "
По земскому суду		4 "

Из ведомости не видно, указаны ли в ней обвиняемые или осужденные или те и другие. Совершенно отсутствует упоминание тюремного замка и острога. Вероятнее всего, указанные цифры относятся к обвиняемым по неоконченным делам.

Сходные таблицы о той же Москве нам попались за 1806 год. Сведения продолжали представляться каждую неделю, но не по отдельным присутственным местам, а по всем вместе. Я привожу на выбор сведения за последнюю неделю девяти месяцев.

¹ ЦГИА в Ленинграде. № 241. Донесения губернаторов с ведомостями об арестантах и колодниках 1802 г.

ВЕДОМОСТЬ
О СОДЕРЖАВШИХСЯ ПО МОСКОВСКИМ
ПРИСУТСТВЕННЫМ МЕСТАМ АРЕСТАНТАХ
И КОЛОДНИКАХ ЗА 1806 ГОД¹

Время	Было	При- было	Выбыло	Оста- лось
с 21 по 28 апреля	207	151	146	212
с 19 по 26 мая	202	142	127	217
с 23 по 30 июня	211	131	143	199
с 21 по 28 июля	211	136	136	211
с 10 по 18 августа	195	111	107	199
с 22 по 29 сентября	200	139	122	217
с 20 по 27 октября	208	152	159	201
с 17 по 24 ноября	221	104	97	228
с 22 по 29 декабря	215	80	92	203

Цифры еженедельно прибывавших арестантов и еженедельно выбывавших более или менее сходны между собою. Они кажутся небольшими, но не надо забывать, что они охватывают лишь одну неделю, а годовое число прибывших должно быть увеличено в 52 раза. Следовательно, за год вновь поступало приблизительно 5000—7000 человек.

Но для нас были бы интереснее сведения, которые знакомили бы нас с цифрами заключенных на пространстве если не всей России, то большей ее части. Наиболее ранние такие сведения, не появлявшиеся до настоящего времени в печати, относятся к 1820 году. В этом году циркуляр министерства внутренних дел по департаменту полиции от 23 сентября предписал всем губернаторам представлять по особой форме ежегодно статистические сведения о местах заключения, зависевших от гражданского ведомства. Предписывалось представить эти сведения и за 1820 год. Конечно, места заключения не были подготовлены к исполнению этого циркуляра, а тюремная статистика делала свои первые шаги. Поэтому представленные цифровые материалы в некоторых случаях явно ошибочны. Иногда число арестантов, содержащихся в течение отчетного года, было меньше, чем число суток, проведенных ими в том же году

¹ ЦГИА в Ленинграде, № 36, Мин. внутр. дел, Департ. полиц. 1806 г. Донесения о делах и колодниках.

в тюрьмах. Нередко цифры о количестве суток, проведенных в тюрьмах, совсем не указаны. Ведомость содержит также сведения о стоимости содержания арестантов за отчетный год и особую графу с указанием числа пересыльных.

Несмотря на указанные недостатки, эта первая ведомость имеет для нас тот интерес, что дает возможность получить более общее представление о размерах тюремного населения в России за 1820 год¹. Впрочем, из присланных от губернаторов ведомостей департамент полиции не сделал общей сводной ведомости, и нам пришлось самим выполнить эту работу. Так как статистические сведения были даны по 344 городам, то воспроизведение здесь целиком такой обширной ведомости заняло бы слишком много места, поэтому мы ограничиваемся выработкой особой таблицы, с указанием количества тюрем различной населенности.

Губернские и уездные города, перечисленные в количестве 344, расположены на всем пространстве Европейской России, Прибалтийского края и Сибири. Однако в таблице отсутствуют сведения о тюрьмах обеих столиц и некоторых других городов. В громадном большинстве случаев сведения относятся к тюрьмам уездных городов и только в 30 случаях — к губернским. Уездные города, по которым присланы сведения, входят в пределы этих 30 губерний. В число 30 губернских городов вошли почти все северные (Петрозаводск, Архангельск, Вятка, Пермь и др.), много южных и западных, часть центральных, несколько поволжских, сибирские, а также Ревель и Рига из Прибалтийского края.

Мы подсчитали количество городов, в которых число арестантов за год не превышало 50, а также установили следующие другие группы тюрем по степени их населенности: от 51 до 100, от 101 до 200, от 201 до 300, от 301 до 500, от 501 до 1000, от 1001 до 3000 (см. таблицу).

КОЛИЧЕСТВО ГОРОДОВ
С РАЗЛИЧНЫМ ТЮРЕМНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В 1820 ГОДУ

Число арестантов в тюрьме не более 51	в тюрьмах 105	городов
Число арестантов " " от 51 до 100	" "	75
Число арестантов " " " 101 " 200	" "	64
Число арестантов " " " 201 " 300	" "	27
Число арестантов " " " 301 " 500	" "	26
Число арестантов " " " 501 " 1000	" "	7
Число арестантов " " " 1001 " 3000	" "	11

¹ ЦГИА в Ленинграде, № 139. Дело по циркулярному предписанию гражданским губернаторам о доставлении ежегодно ведомостей по циркуляру мин. внутр. дел, департ. полиц., 23 сентября 1820 г.

Из таблицы видно, что в одной трети всех городов население тюрем за год не превышало 50 человек. Оно иногда спускалось даже до цифры менее десяти. На втором месте идут тюрьмы с населением от 51 до 100 арестантов; такие тюрьмы оказались в 75 городах.

Подчеркиваю, что в то время как вышеприведенные ведомости по Москве относились к содержащимся по московским присутственным местам, ведомость 1820 года относится к содержащимся в местах заключения гражданского ведомства. Мы видели, что в перечне присутственных мест не было ни тюремного замка, ни острога, но были перечислены палата уголовного суда, уездный суд и т. д. Неизвестно, относятся ли приведенные цифры к тем заключенным, которые содержались при названных присутственных местах или только числились за ними, находясь в остроге или тюремном замке. Ведомость 1820 года определенно говорит о содержащихся в местах заключения и дает основание предполагать, что речь идет о тюремных замках и острогах. Однако с полной определенностью этого нельзя утверждать, так как в небольших городах и местечках тюрем не существовало и арестанты содержались при тех учреждениях, которые разбирали их дело. Конечно, там, где цифры заключенных более крупные, они даны о заключенных в тюрьмах. Свыше тысячи арестантов оказалось в Минске, Чернигове, Каменец-Подольске, Перми, Риге, Иркутске, Ярославле, Курске и т. д.

Мы говорили, что эти ведомости содержат особую графу с указанием числа арестантов, пересылавшихся в другие места. Цифры таких пересыльных по отдельным городам еще более разнообразны и колеблются в пределах от нескольких единиц до 5000 человек. Самые крупные цифры приходятся на сибирские города и на города по пути ссылки на окраины. Так, например, число пересыльных в местах заключения Екатеринбурга было 5652, в Перми — 4320, в Тюмени — 4090.

Количество суток, проведенных арестантами в местах заключения, зависело, с одной стороны, от числа заключенных, а с другой — от продолжительности их пребывания в тюрьмах в течение 1820 года. Последний фактор играл особую роль, так как волокита была обычным явлением и рассмотрение дел арестованных очень затягивалось. Указания числа дней, проведенных в тюрьмах, не дано по отношению ко всем заключенным, ибо пересыльные сюда не вошли. Мы произвели исчисления средней продолжительности пребывания арестантов по губернским и уездным городам. При общем числе арестантов 51 198 и при общем количестве 2 184 378 суток их пребывания в тюрьмах средняя продолжительность тюремного заключения в 1820 году

оказалась 43 суток. В губернских тюрьмах на каждого арестанта в среднем пришлось по 28 суток (22 355 арестантов и 627 000 суток заточения), а в уездных — 54 (28 843 арестанта и 1 557 278 суток). Итак, продвижение арестанта через губернские тюрьмы шло скорее, чем через уездные.

Помещенные здесь цифры, взятые мною из неопубликованных источников и относящиеся к 1802, 1806 и 1820 гг., дали нам некоторое представление о численности тюремного населения в России или отдельных ее городах и о времени, проведенном в местах заключения. Эти цифры представляют для нас интерес по тем ранним годам, к которым они относятся. Но у нас остается неразрешенным другой вопрос, связанный с тюремной статистикой, а именно, о тех преступлениях и проступках, за совершение которых попадали в места заключения обвиняемые и осужденные. Наиболее ранний год, за который можно дать некоторые сведения и такого характера, — 1829 год. В это время еще не опубликовывалось отчетов министерства юстиции. Если вспомнить, что только с 1833 года был введен в действие Свод законов, а до этого времени действовали «Уложение царя Алексея Михайловича», «воинские артикулы» и отдельные указы, то следует признать особенно интересными всякие цифровые указания о составе заключенных по преступлениям за такой сравнительно ранний год. Я взял эти сведения из отчета Попечительного о тюрьмах общества за указанный год, где помещены различные таблицы, из которых мы получаем не только интересные, но иногда совсем неожиданные сведения. Было бы излишне воспроизводить эти таблицы здесь целиком, но извлечение из них необходимо.

Так, в течение 1829 года в петербургской городской тюрьме всего содержалось 3858 мужчин и 685 женщин. Самая крупная цифра приходится на группу, которая названа в таблице пересыльной: 917 мужчин и 401 женщина. На следующем месте стоит группа заключенных, содержащихся за кражу, — 683 мужчины и 106 женщин. Третье место занимают содержащиеся за долги — 312 мужчин и 36 женщин. Нарушение правил паспортной системы со всеми ее строгостями дало несколько групп заключенных, а именно: 215 человек обоего пола содержались за неимение паспорта, за его утрату и пр., 145 человек обвинялись за побег и 114 за бродяжничество.

Некоторые наименования граф преступлений останавливают на себе наше внимание своей необычностью. Так, трое мужчин содержались в тюрьме за то, что долго не были на исповеди; двенадцать человек — за покушение на самоубийство; два человека — за незаконную женитьбу; три человека — за непови-

новение родителям; одиннадцать человек — за «отыскание вольностей и несправедливые жалобы».

Наряду с преступлением незаконной продажи вина (корчемство) в таблицу попадает малопонятное для последующего времени преступление «порча вина», т. е. подмесь в вино посторонних жидкостей (фальсификация). Число содержащихся за эти преступления достигло крупной цифры — 91 человек.

Под своды петербургской городской тюрьмы в ее переполненные камеры попадали и просто за «дурное поведение» — 22 человека обоего пола, «за распутную жизнь» — 14 мужчин и 14 женщин.

За неповиновение помещикам содержались в этой тюрьме девять мужчин и одна женщина, но главная масса крепостных, которых лишали свободы по воле их помещиков, попадала в съезжие дома, и за 1829 год их было направлено туда 3358 человек.

Кроме указанной крупной цифры содержащихся за кражу, были заключены в тюрьму и за другие имущественные преступления: за грабеж — 32 мужчины, за мошенничество — столько же, за растрату — 13. Вероятно, сюда же надо отнести неопределенную, расплывчатую графу «фальшивые поступки разного рода» — 76 человек.

Что касается преступлений против личности, то число содержащихся за эти преступления было невелико: 17 мужчин и пять женщин; за отравление — две женщины и за увечье — 17 мужчин.

В таблице имеется графа о содержащихся «по секрету и за неизвестные преступления» — 49 мужчин: «за злоупотребление по службе и растрату казенных вещей» содержалось десять мужчин и «за распространение сект» — двое мужчин.

Приведенные цифры не имеют безусловной достоверности и являются показателями лишь до некоторой степени. Неизвестно, насколько полно и точно собирались эти цифры. В некоторых случаях они расходятся, и иногда значительно, с цифрами другой таблицы того же отчета.

Для получения более полного представления о составе тюремного населения в Петербурге приведем некоторые цифры из таблиц того же отчета, относящихся к другим местам заключения столицы.

Так, например, в том же 1829 году в работном доме к началу года состояло 78 арестантов, поступило в году 292 и было 272 человека. Главную массу населения работного дома составляли представители неимущего класса, которым не под силу оказался платеж податей: к началу года их было 49 и

в течение года поступило 152 человека. За кражу в течение года поступило 122 человека. Число поступивших за другие проступки очень невелико, всего 18 человек. Таким образом, мы можем сделать вывод, что население этого дома составлялось почти исключительно из двух групп — неплательщиков податей и воров.

В смиренном доме к началу 1829 года содержалось в Петербурге всего 109 человек, из которых 63 мужчины и 46 женщин. Прибыло же в году 1268 человек, из которых 886 мужчин и 382 женщины. Число выбывших почти равняется числу прибывших.

Рассматриваемый нами отчет сообщает цифры и относительно съезжих домов и управы благочиния, где задерживались, с одной стороны, по обвинению в преступлениях, а с другой — нарушители «благочиния» за так называемые полицейские проступки. Таких съезжих домов в Петербурге было 13 при 13 полицейских частях города.

Часть нарушителей «благочиния», арестованных за мало-важные поступки (как, например, пьянство, буйство, шум, драки), задерживалась некоторое время в этих домах и затем отпускалась. Другая часть направлялась в управу благочиния, которая часть дел разрешала сама, а прочие дела направляла по подсудности.

Во всех 13 съезжих домах за 1829 год перебивало около 22 000 человек. Почти половина, а именно 12 382 человека, была арестована за пьянство. На втором месте идут жертвы барского произвола: за грубость «против своих владельцев» содержалось 3358 человек, за буйство было задержано 2656 человек, за бродяжничество — 2033 человека и крепостных «беглых, пойманных и возвращенных по принадлежности» — 1458 человек.

Из съезжих домов в управу благочиния было передано мужского пола 3634 и женского 860 человек.

Из таблицы отчета видно, что при петербургской управе благочиния содержались главным образом «за кражу и мошенничество» (1626 человек), «за неимение паспортов, просрочку их и побег» (1126 человек), «пьянство и дурное поведение» (709 человек), «бродяжничество и прошение милостыни» (635 человек), «за фальшивые поступки» (181 человек). Содержалось также несколько человек по обвинению в тяжелых преступлениях. Бросается в глаза цифра арестованных крепостных за жалобы на их владельцев (19 человек).

Приведенные нами цифры имеют двойкий интерес. С одной стороны, они знакомят нас с составом населения мест заключения

Петербурга, а с другой — дают нам некоторое представление о столичной преступности того времени.

Относительно населения мест заключения Москвы отчет дает сведения, с одной стороны, о численности этого населения, а с другой — о преступности арестованных, но лишь по некоторым местам заключения. За 1829 год в Москве в губернском замке было к началу года 469 человек обоего пола, а поступило 2526 человек. В съезжих домах при 20 частях города к началу года оставалось десять человек и поступило обоего пола 11 556 человек, из них женщин 2337 человек, в смирительном и работном домах к началу года было 314 человек, а поступило 754 человека обоего пола.

Состав населения московского губернского тюремного замка по преступности соответствует в основном уже известному нам распределению по преступлениям петербургской городской тюрьмы. Если имеются некоторые особенности, то они имеют значение не столько для характеристики населения этого замка, сколько для выяснения сравнительной преступности в Петербурге и в Москве. Но это не входит в нашу задачу. То же самое приходится сказать и о населении смирительного и работного домов. Оно сходно с населением этих домов в Петербурге.

В рассматриваемом отчете имеются сведения о населении мест заключения некоторых провинциальных городов (Кронштадта, Архангельска, Перми, Вологды и Орла). Эти сведения даны не по одинаковой программе и не по всем местам заключения, но и они имеют для нас тот интерес, что дают сведения о численности населения мест заключения в провинции и о составе этого населения по преступлениям. Поэтому мы воспроизведем здесь хотя бы некоторые цифры, тем более, что они не встречаются за столь ранние годы в других источниках.

Вследствие разнообразия преступлений и проступков, учтенных в таблицах об арестованных по разным тюрьмам разных городов, нам удалось дать сравнительную таблицу о проступках арестованных в съезжих домах и при полиции по пяти городам, особо выделив пять групп проступков. Относительно заключенных в тюремные замки по четырем провинциальным городам учтены, кроме общего числа заключенных, также осужденные по трем группам преступлений.

Рассматривая таблицу арестованных в съезжих домах, несмотря на скудость сведений о проступках по Архангельску, можно сделать некоторые выводы. Наиболее значительную часть арестованных полицией составляли задержанные за пьянство, буйство и драки. Число воров было по этим городам невелико.

Что касается заключенных тюремного замка, то здесь значительное число приходилось на задержанных за паспортные преступления.

Таблица не дает сведений о преступлениях большей части арестованных.

ЧИСЛО СОДЕРЖАВШИХСЯ В 1829 ГОДУ
В СЪЕЗЖИХ ДОМАХ И ПРИ ПОЛИЦИИ

Город	Всего	Кража	Паспортн. преступление	По воле по- мещика	Буйство, дра- ки	Пьянство
Кронштадт . . .	2826	84	60	13	414	1687
Архангельск . .	1035	49	17	—	—	—
Вологда	691	13	7	40	17	386
Пермь	585	36 ¹	42	—	—	462
Орел	1379	163	52	22	418	304

Эти цифры дают возможность выявить характерные черты преступности, приводившей в 20-е годы XIX века в тюрьму.

ЧИСЛО СОДЕРЖАВШИХСЯ В 1829 ГОДУ
В ТЮРЕМНЫХ ЗАМКАХ

Город	Всего	Кража	Убий- ство	Пас- портн. преступ- ления
Архангельск . .	214	58	6	109
Вологда	286	33	2	23
Пермь	409	—	13	240
Орел	1132	130	40	182

Отчеты Попечительного о тюрьмах общества по разным городам за 20-е годы XIX века указывают на большое число заключенных — нарушителей паспортной системы. Паспортные законы, административные распоряжения, как сетью, опутывали свободу передвижения российского подданного. Сеть этих предписаний и запретов настоящими цепями сковывала больше всего

¹ Дана одна цифра за воровство и грабеж.

крепостных. В эту группу преступников входили арестованные за непрописку паспортов, за просрочку их, за проживание по чужому паспорту, за подделку паспортов, беспаспортные и бродяги. Эту группу арестованных наблюдали еще за 40—50 лет перед тем Говард и Кокс. Это преступление было тем более важно, что нарушало собственнические интересы помещиков-крепостников.

Крепостное право поставляло в места заключения еще и других арестантов. Таблицы отчетов Попечительного о тюрьмах общества показали, что в провинциальных местах заключения, и особенно в столичных, содержались крепостные не за преступления, а просто по воле их помещиков. Часть таких крепостных присылалась в съезжие дома и в полицию для наказания их розгами и отпускалась обратно к помещику после исполнения этого его требования. Часть же задерживалась для более длительного лишения свободы. Напомню здесь, что по одному Петербургу было прислано помещиками в 1829 году в съезжие дома 3358 крепостных за грубости. В этих случаях полиция была простой исполнительницей воли помещика, который выступал в роли судьи, без права обжалования его требования.

Знаменательно, что цитируемые нами таблицы содержат указания цифр крепостных, арестованных, как дословно значится в таблицах, «за жалобы на своих владельцев». Так расплачивался крепостной, осмеливавшийся искать справедливость у власти и жаловавшийся на своего помещика.

Среди арестованных в съезжих домах в таблицах значатся и такие, которые были заключены в них за картежную игру. Вероятно, это были крепостные, заключенные по воле тех господ, которые сами проводили за картежной игрой дни и ночи и ставили на карту своих крепостных.

Наряду с крепостным игом русское крестьянство несло и другую великую тягость: военную службу в царской армии и флоте. Недаром она была даже видом наказания, и право отдачи помещиком крепостного в рекруты было одним из самых страшных для крестьянства прав господской власти. В орловском тюремном замке за 1829 год содержалось 93 человека за преступления, связанные с рекрутчиной. Статистика мест заключения прекрасно отражает тягости рекрутчины и военной службы. Так, в Москве в 1829 году было 26 арестованных за самоизувечение в целях уклонения от солдатчины, за укрывательство от военной службы, за побег с нее, за укрывательство беглых солдат и пр.

В ЦГИА в Москве мне попалось очень интересное дело, ярко характеризующее отношение населения к военной службе.

В 1829 году 6 октября шеф жандармов генерал Бенкендорф доносил царю: мещане города Астрахани, как, впрочем, и во всех других губерниях, с целью воспрепятствовать побегам от рекрутства, после объявления о наборе «тот час всех состоявших на рекрутской очереди заковывают в кандалы». В кандалах держат месяца по два, и, как добавлял Бенкендорф, случается, что человек, совершенно неспособный к военной службе, «томится бесполезно в заключении»¹.

Бенкендорф своим донесением как будто подчеркивал бесполезность лишения свободы и заковывания в кандалы только в случаях негодности к военной службе. Для нас же важно заковывание вообще как мера предупреждения побегов тех, кому грозила эта великая тягость службы в рядах царской армии и во флоте.

Другой, тоже очень яркий пример я беру из донесений того же Бенкендорфа Николаю в 1826 году. Здесь распоряжение об отдаче в рекруты последовало в виде наказания нескольким фабричным рабочим.

На Корицком чугунолитейном заводе и на зеркальной фабрике Генике четверо фабричных рабочих за грубость и неповиновение были сданы в рекруты. Более сотни фабричных рабочих, считая эту сдачу в рекруты неправильной, силой освободили всех четырех арестованных, сбили с них кандалы и укрыли у себя. Уговоры приехавшего рязанского губернатора не привели ни к каким результатам. Рабочие отказались выдать освобожденных ими товарищей. В результате были вызваны две роты солдат и назначен военный суд. Он приговорил шестерых к шпицрутенам и к ссылке в дальние казенные рудники и троих к наказанию через полицию. Четверо рабочих, назначенных к сдаче в рекруты, но освобожденных толпой товарищей, так и не были найдены. Бенкендорф добавлял в своем докладе царю, что рабочие поклялись воспрепятствовать сдаче кого-либо в рекруты, «пренебрегая наказанием»². Этот случай товарищеской рабочей солидарности, стоивший так дорого рабочим, показывает в одно и то же время и отношение к рекрутчине, и широкое бесконтрольное пользование правом сдачи рабочих в рекруты.

Еще один пример я взял также из ЦГИА в Москве из докладов III отделения «собственной его величества канцелярии». Он относится уже к характеристике только начатой

¹ ЦГИА в Москве, Всеподданнейшие доклады III отд. собст. его имп. велич. канцелярии за 1829 г., кн. 8.

² Тот же архив, те же доклады за 1826 г., стр. 95—96 и 98—99.

рекрутом военной службы. На этот раз командированный в провинцию жандармский полковник Маслов доносил, что военное начальство совершенно неосновательно и ошибочно заподозрило сданного в рекруты в симуляции болезни ног. К нему были применены жестокие истязания. Несмотря на слабое здоровье, его, по сентенции военного суда, подвергли 500 шпицрутенам, провозя сквозь ряды привязанным на тележке. «Но все сии истязания остались тщетными, и мнимое его притворство не обнаружено»¹.

Возвращаясь к анализу цифр статистики арестованных по преступлениям, напоминаем, что самые крупные цифры их приходятся на задержанных за пьянство. Мы уже видели, что в столицах они исчисляются даже многими тысячами. Торговля вином на основе откупной системы составляла монополию государства и давала ему значительный источник доходов. Спаивание входило в интересы правительства. Но это же правительство строго следило за всяким подрывом этой торговли, в частности, за разбавливанием вина какими-либо примесями. Вот почему в таблицах наряду с арестованными за пьянство мы встречаем также и содержащихся за «порчу вина».

Среди заключенных были также корчемники, т. е. лица, задержанные за незаконную торговлю вином. На почве корчемства совершались разнообразные преступления как протест против откупной системы. При просмотре мною докладов министра внутренних дел царю часто попадались донесения о таких преступлениях. Многие из них превращались в кровавые столкновения жителей с контролерами винной торговли и с военными командами. Нередко целые толпы вступали в защиту корчемников против администрации и откупщиков. Так, например, в Орловской губернии в селе Рябиче, когда были арестованы крестьяне-корчемники и отобрано 100 ведер вина, остальные, собравшись «в великом множестве», не допустили дальнейших обысков, поломали штыки у солдат, освободили арестованных и обратили в бегство чиновников и солдат. Обыск был произведен по заявкам откупщиков². В той же губернии в селе Евдокимовке в 1827 году контролер винной торговли был убит крестьянами, пившими корчемное вино³. В том же 1827 году жертвами другого кровавого столкновения военной команды и контролера с группой крестьян сделались крестьяне: при по-

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданнейшие доклады III отд. собст. его имп. велич. канцелярии за 1830 г., № 3, лист 126.

² Тот же архив, те же доклады за 1823 г., папка 5, лист 104.

³ Тот же архив, те же доклады за 1827 г., папка 4, лист 175.

пытке отнять у них вино один из крестьян был убит насмерть, один ранен, четверо арестованы, а прочие разбежались¹.

Тюрьмы имели за своими стенами и жертвы семейного депотизма: среди заключенных мы встречаем содержащихся за вступление в брак без разрешения, за неповиновение власти родителей, которые имели право лишать своих детей свободы без всякого суда.

Достоинством завершением такой статистики заключенных являются цифры содержащихся за покушение на самоубийство (СПб.— 12 человек).

Не надо забывать, что приведенные нами цифры тюремной статистики не отражают всей преступности в России начала XIX века. Объяснение такой неполноты лежит в особенностях классового правосудия. Судьи и вся администрация почти целиком принадлежали к дворянству. Это обстоятельство оказывало влияние и на привлечение дворян к судебной ответственности и на признание их виновными: принимались все меры к установлению полной их безнаказанности.

Кроме того, продажность судей, чрезвычайное распространение взяток были наруку представителям имущего класса: большими или меньшими суммами они откупались от судебной ответственности. Так происходило с преступниками из числа купцов и промышленников. Подтверждение всему сказанному дает тюремная статистика с ее ничтожными цифрами преступников из дворян и купцов, с очень незначительным числом содержащихся по должностным преступлениям и по преступлениям, связанным с торговым оборотом.

Принимая во внимание этот классовый момент, приходится дополнять картину преступности начала XIX века вместо цифр характеристикой «нравственного состояния русского общества того периода».

Вот что писал об этом один из авторов, специально интересовавшийся этим вопросом: «Нравственный уровень русского общества вообще был невысок. Взяточничество и лихоимство царили повсеместно и не считались явлением предосудительным. Расхищение казенного имущества оказывалось тоже событием заурядным и подмечалось по всем отраслям государственного хозяйства. Купечество вообще, разумеется, не могло быть выше других слоев русского общества и свой барыш добывало, главным образом, подлогом, обманом, подкупом властей; ростовщичество развилось повсюду. При таком режиме общественной

¹ ЦГИА в Москве. Всеподданнейшие доклады III отд. собст. его имп. велич. канцелярии за 1827 г., папка 4, лист 131.

жизни чиновники администрации и суд, поддаваясь общему влиянию, тоже кривили душой и жали подчиненных и слабых. Произвол властей стал нормальным порядком, губернаторы сделались всесильными, и народ испытывал притеснения со всех сторон»¹. Описанные преступления привилегированных классов были у всех на виду, но их не видели те, кому видеть надлежало, и тюрьма почти не знала заключенных по этим преступлениям.

Все наши материалы и, в частности, найденные нами архивные, за период второй половины XVIII и первой четверти XIX века характеризуют царскую тюрьму как находившееся в руках самодержавия средство произвола и всяческого угнетения и подавления революционного, общественного и национального движения в России.

Хотя со второй половины XVIII века русское самодержавие, как и правительства на Западе, переходит к более широкому применению лишения свободы в форме тюремного заключения, постепенно отказываясь от более ранних форм борьбы с преступностью, но и эта форма носила на себе все черты беспощадно жестокой расправы с заключенными крепостей, острогов, монастырских и общеуголовных тюрем. Состояние всех этих мест лишения свободы и режим в них сохранили черты предшествующего XVIII века.

Появившееся в первой четверти XIX столетия филантропическое Попечительное о тюрьмах общество фактически почти нисколько не изменило положения заключенных.

Однако никакие репрессии не могли остановить движения революционного народа, и на смену Радищеву и другим борцам против самодержавия XVIII и первой четверти XIX века пришли декабристы, революционеры-разночинцы и — как передовой отряд борцов с русским самодержавием — могучий рабочий класс.

¹ Андриевич, Сибирь в XIX столетии, ч. II, СПб., 1839.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Заводская тюрьма для рабочих завода Демидовых, построенная в 30-х годах XVIII в. Из статьи Крутикова.
- Рис. 2. Обряд публичного покаяния Жуковых. С гравюры 1766 г. Из коллекции Д. Ровинского.
- Рис. 3. Пугачев в клетке. С гравюры на дереве Ю. Шоблера. Из собрания Дашкова.
- Рис. 4. Подлинная клетка, в которой везли арестованного Пугачева.
- Рис. 5. План Петропавловской крепости.
- Рис. 6. Строительство Петропавловской крепости при Петре I. Из книги Пилявского.
- Рис. 7. Петропавловская крепость. Бастион Екатерины.
- Рис. 8. Петропавловская крепость. Алексеевский равелин.
- Рис. 9. Титульный лист книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790 г.
- Рис. 10. План Шлиссельбургской крепости. Из брошюры Шакол.
- Рис. 11. Шлиссельбургская крепость. С гравюры Галактионова.
- Рис. 12. Вид Шлиссельбургской крепости от Преображенской горы. Из альбома Маслова.
- Рис. 13. Место заключения Иоанна Антоновича в Холмогорах. Из «Русской старины», 1873 г.
- Рис. 14. Шлиссельбургская крепость. Вид внутри крепости от Полуденной стороны. Из альбома Маслова.
- Рис. 15. Шлиссельбургская крепость. Вид внутри крепости от Восточной стороны. Из альбома Маслова.
- Рис. 16. План Секретного дома Шлиссельбургской крепости 1794 г. Из архивного дела.
- Рис. 17. План отдельного каземата № 5 Секретного дома Шлиссельбургской крепости 1794 г. Из архивного дела.
- Рис. 18. Вид Корожанской башни и острога. Из книги А. П. Иванова «Соловецкая монастырская тюрьма», 1927 г.
- Рис. 19. Соловецкий кремль. Сторожевая и Корожанская башни и острог. Из книги А. П. Иванова «Соловецкая монастырская тюрьма», 1927 г.
- Рис. 20. Вид Прядильной и Головленковой башен. Из книги А. П. Иванова «Соловецкая монастырская тюрьма», 1927 г.

- Рис. 21. Монастырская тюрьма в Суздале. Из трудов Владимирской архивной комиссии.
- Рис. 22. Монастырская тюрьма в Суздале. Здание с «больничными кельями», где во второй половине XVIII века и в начале XIX века содержались колодники. Из трудов Владимирской архивной комиссии.
- Рис. 23. План Кирилло-Белозерского монастыря 1720 г. (буквы МД обозначают местонахождение тюрьмы). Часть плана из книги Н. Никольского «Кирилло-Белозерский монастырь», т. I, вып. 1, 1897 г.
- Рис. 24. Здание тюрьмы Кирилло-Белозерского монастыря. Видна Белозерская башня. Фотография 1949 г. из коллекции Кирилло-Белозерского музея.
- Рис. 25. План Черниговского деревянного острога 1797 г. Из книги Краинского.
- Рис. 26. Фасад и план тюрьмы в Москве 1781 г. Из книги Говарда.
- Рис. 27. Фасад и план «Исправительного дома» в Петербурге в 1781 г. Из книги Говарда.
- Рис. 28. План московского губернского тюремного замка 1800 г. архитектора М. Ф. Казакова.
- Рис. 29. Посещение Венингом русской тюрьмы в начале XIX века. Гравюра с картины Кольмана из архива Государственного исторического музея в Москве.
- Рис. 30. Рогатки и кандалы конца XVIII и начала XIX веков.
- Рис. 31. Арестантка в рогатках (начало XIX века). Из книги А. Ф. Кони.
- Рис. 32. Заключенный со «стулом».
- Рис. 33. «Стул» — чурбан с цепью для ношения на шее.
- Рис. 34. Ручные и ножные колодки и цепи. Народная картинка половины XVIII века.
- Рис. 35. План гражданского тюремного замка 1823 г. Из архива Государственного исторического музея в Москве.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

А

Абрамов, Дорофей — 261
 Авель — 197, 198, 211, 277, 285
 Агиянов — 200
 Алашев — 251
 Алекринский — 262, 264
 Александр I (1777—1825) — 55, 58, 61, 88, 140, 146, 153, 194, 197, 202, 208, 211, 247, 252, 253, 256, 258, 260, 265, 320, 329, 338, 343
 Алексеев, Иван — 270
 Алексей Михайлович (1629—1676) — 162
 Алексей Петрович (1690—1718) — 164, 173
 Амосов, Василий — 217
 Анна Иоанновна (1693—1740) — 162, 164, 165
 Апраксин — 198, 199, 291, 292
 Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — 337
 Архаров — 95
 Афанасьев — 298
 Афанасий — 273

Б

Багрянский — 236—238, 240
 Бальсани — 220
 Барклай де Толли, Михаил Богданович (1761—1818) — 257
 Барт, Жан — 255

Барятинский, Александр Петрович (1798—1844) — 208
 Батырша, Алиев (1710—1762) — 50, 64, 226—229
 Безбородко, Александр Андреевич (1747—1799) — 120
 Безобразов — 220
 Бек — 219
 Беккариа, Чезаре (1738—1794) — 130
 Беклер — 178
 Беликов, Филипп — 233, 234
 Белорукова — 80
 Белорусьев, Егор — 217
 Бельшинский — 264
 Бенкендорф, Александр Христофорович (1783—1844) — 80, 257
 Бентам, Иеремия (1748—1832) — 338
 Бер — 220
 Бернадотт, Жан Батист Моль (1763—1844) — 183
 Бестужев, Михаил Александрович (1800—1871) — 264
 Бестужев, Николай Александрович (1791—1855) — 264
 Бланков — 264
 Блинов — 262
 Бобринский, Алексей Алексеевич (1800—1868) — 208
 Богомолов (Федот Иванов) — 86
 Богуш, Борис — 218

¹ Составлен А. В. Гернет.

Бок, Тимофей Эбергард — 256, 257, 264
 Болотов, Андрей Тимофеевич (1738—1833) — 55, 56, 308, 309
 Боно, Жан — 179
 Борнес, Томас — 254
 Бошняк — 219
 Брагин, Василий — 134, 135
 Брусилов — 150
 Брюс, Яков Александрович (1732—1791) — 191, 192
 Бубков — 219
 Будницкий — 219
 Буйде, Иван — 182
 Бурялин — 264
 Бухарев — 210

В

Васильев, Федор — 270
 Васильев, Василий (род. 1799 г.) — 261, 262
 Васильева, Авдотья — 86
 Венинг, Вальтер — 58, 59, 329, 330—333, 339—340
 Веревошкин — 261
 Веселовский — 263
 Винский — 174—176, 196, 201
 Витязев — 202
 Вишневский — 264
 Волконский, Михаил Никитич (1713—1786) — 98
 Вольтер, Франсуа Мари Аруа (1694—1778) — 96 — 98, 110, 187
 Воротилов — 219
 Воскресенский — 280
 Вяземский, Александр Алексеевич (1727—1793) — 99, 271, 309

Г

Гааг, Христиан — 179
 Галактионов, Степан Филиппович (1779—1854) — 223

Галлати — 220
 Ганц, Вильгельм — 250
 Гегоргадзе, Василий — 283, 284
 Гладков — 334
 Глоба, Иван — 275, 276
 Глухов, Никита — 217
 Гобов — 264
 Говард, Джон (1725—1790) — 58, 59, 86, 87, 109, 110, 111, 112, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 311, 331, 332, 364
 Голицын, Александр Николаевич (1773—1844) — 140
 Голицын, Александр Михайлович (1718—1783) — 195, 196
 Головатый, Павел — 275, 276
 Головкин, Гавриил Иванович (1660—1734) — 162
 Горбачевский, Иван Иванович (1800—1869) — 208
 Горемыкин — 189
 Городецкий — 313
 Гофман — 209
 Градовский — 220
 Грибовский — 252
 Григорьева, Дарья — 77
 Гринев — 264
 Гудович, Иван Васильевич (1741—1820) — 312
 Гуммель — 218
 Гуртер — 254
 Гущеваров — 260, 261

Д

Даманский — 195
 Демобургель — 218
 Державин, Гавриил Романович (1743—1816) — 252, 312
 Дидро, Дени (1713—1784) — 110
 Дмитриев — 219—220
 Долгорукий, Василий Владимирович (1667—1764) — 173
 Дранжевский — 255
 Дубровин, Николай Федорович (1837—1904) — 105

Думнов, Василий — 270
 Дюполь — 220

Е

Евсеев — 54
 Егоров — 262
 Екатерина I (1684—1727) — 162
 Екатерина II (1729—1796) — 50, 51, 61, 62, 64, 65, 81, 82, 83, 84, 87, 89, 92, 93, 95—101, 103, 104, 105, 106, 109, 110, 126, 130, 132, 162, 175, 179, 187, 188, 189, 190, 191, 195, 197, 198, 231, 232, 236, 245, 248, 272, 274, 289, 296, 311
 Елагин — 199
 Епифанов — 229

Ж

Жуков, Алексей — 56, 62, 81, 82, 83, 84, 273, 274

З

Завьялов — 135
 Зайцев, Григорий — 54, 238, 239, 243
 Зандер — 220
 Зарудный — 127
 Захаров — 219
 Збарбаро — 218
 Зейдер Ф. — 89
 Зотов, Никита Моисеевич (1644—1718) — 162
 Зубов, Платон Александрович (1767—1822) — 57, 178, 252

И

Иванов — 219
 Иглин — 212
 Игналицкий — 220

Игнатович — 219
 Иоанн Антонович (1740—1764) — 184, 226, 229, 230, 231, 232

К

Казаков, Матвей Федорович (1738—1812) — 59, 315
 Казаринов — 254
 Калинин — 219, 255, 264
 Кальнишевский, Петр — 211, 270, 274, 275, 276, 279
 Кампенгаузен, Бальтазар (1772—1823) — 337
 Кантемир — 210
 Канели — 220
 Карзин, Василий Назарович (1773—1842) — 257, 258, 259, 260
 Карнович — 238, 239
 Карякин — 106
 Катаев — 219
 Катов — 218
 Каховский — 206
 Кикин, Александр Васильевич — 173
 Климов — 344
 Кокс, Вильям (1747—1828) — 58, 59, 122, 123, 124, 125, 126, 301—308, 312, 331, 364
 Колокольников — 178
 Колычев, Николай — 251
 Коня, Анатолий Федорович (1844—1927) — 339
 Коробьин, Григорий — 63
 Корф, Николай Андреевич (1710—1766) — 231
 Котельников, Евлампий (род. 1774) — 264
 Котов — 220
 Кочетков — 286
 Кошелев, Сергей — 254
 Кречетов, Федор — 51, 54, 108, 203, 245, 246, 247, 248
 Крульковская, Варвара — 220
 Кузнецов — 238, 239

- Куракин, Алексей Борисович (1759—1829) — 54, 169
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович (1797—1846) — 187

Л

- Лавровский, Андрей — 278
Лазарев — 229
Ламанон — 169
Ланчинский — 220
Лебедев, Алексей — 271
Ленин, Владимир Ильич (1870—1924) — 49, 51, 266
Лерх — 218
Лесвяков — 217
Лобанов, Николай — 263
Логиннов, Алексей — 217
Лопухин — 47, 76, 77
Лопухина — 290
Лорер, Николай Иванович (1795—1873) — 202
Лукин — 99
Лунина — 80
Любимский, Антон — 270

М

- Маврин — 99
Магницкий, Михаил Леонтьевич (1778—1855) — 321, 340, 341
Макаров, Александр Семенович — 169, 176, 207
Малатшевский — 183
Малишевская — 182, 183
Мария Алексеевна — 164, 173
Марков, Алексей — 217
Марков — 203
Маслов — 223
Маслов — 366
Мельгунов, Алексей Петрович (1722—1788) — 270, 271
Меньшиков, Александр Данилович (1673—1729) — 162

- Менус — 255, 262
Фон Мешедде, Франциска — 58, 195
Мещанков — 286
Миллер — 254
Милорадович, Михаил Андреевич (1771—1825) — 329
Мирович, Василий Яковлевич (1740—1764) — 184, 232
Михайлов, Сергей — 284
Михайлов, Федор — 262
Мордвинов — 255
Мордвинов, Николай Семенович (1754—1845) — 88
Моретти — 219
Морович — 219
Моторов, Илья — 261, 262
Мошанов — 282
Мошинский, Игнатий — 219, 256, 264
Муравьев, Александр Михайлович (1802—1853) — 160

Н

- Назаров — 264
Наполеон I (Наполеон Бонапарт — 1769—1821) — 182, 183
Нарышкин, Семен Григорьевич — 162
Небольсин — 220
Невзоров, Михаил Николаевич — 121, 169, 178
Немирович-Данченко, Василий Иванович (1844—1936) — 269
Немчинов (Досифей) — 280
Неструев, Федор — 99
Никитин — 229
Никитин, Виктор Никитич (1839—1908) — 332
Николаев — 219
Николай I (1796—1855) — 55, 89, 98, 197, 198, 208
Никольский, Николай Константинович — 286

- Новиков, Василий — 110, 111
Новиков, Николай Иванович (1744—1818) — 51, 57, 108, 111, 184, 226, 235, 236, 237, 238, 240, 242

О

- Огнев — 261
Опочинин — 108
Орлов-Давыдов, Владимир Григорьевич (1743—1831) — 47, 70, 71, 76, 77
Орлов, Алексей Григорьевич (1737—1801) — 195
Осипов, Архип (1802—1840) — 217

П

- Павел I (1754—1801) — 57, 65, 89, 168, 169, 180, 182, 183, 194, 199, 200, 201, 202, 203, 211, 238, 252, 253, 258, 290
Падуров — 95
Пален, Петр Алексеевич (1745—1826) — 199
Палеолог — 264
Панин, Петр Иванович (1721—1789) — 100, 101
Панкратов, Петр — 217
Парфений — 286
Пархомов — 278
Пасков (Пассек) — 204, 205
Патон — 54
Перфильев — 95
Петр I (Великий) (1672—1725) — 55, 162, 164
Петр II (1715—1730) — 162
Петр III (1728—1762) — 231
Петров, Дмитрий — 217
Петров — 219
Петров — 220
Платов, Матвей Иванович (1751—1818) — 200, 201
Плуталов, Григорий Васильевич (1750—1827) — 262, 264, 265

- Попескуль, Михаил — 271
Попов — 54
Посошков, Иван Тихонович (1652—1726) — 235
Постников, Иван — 218
Пршилковский — 219
Протопопов — 203, 238, 239
Прошкин, Прокофий — 217
Пугачев, Емельян Иванович (1742—1775) — 47, 50, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 121, 184, 187, 311
Пугачевы — 207, 208, 209
Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) — 208
«Бывший Пушкин» — 271

Р

- Рагозин — 282
Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) — 49, 51, 108, 185—194, 235, 339, 368
Раевский — 252
Раевский, Григорий Федосеевич (1804—1827) — 262
Разумовская, Елизавета — 198, 199, 291
Разумовский, Кирилл Алексеевич — 52, 53, 54, 198, 245, 253, 254, 284, 291
Ратицов, Михайло — 270
Рачинский, Илья — 271
Рен, Джемс — 254
Репнин, Николай Васильевич (1734—801) — 100
Римзел — 254
Ровинский, Дмитрий Александрович (1824—1895) — 83, 85, 86, 340
Рогов, Григорий — 248, 249, 250, 251
Дю Розуа — 57, 178
Ромашев, Иван (умер в 1873 г.) — 288, 289
Ростовцев, Алексей — 287
Рудницкий — 254

Румянцев, Петр Александрович
(1625—1696) — 47, 66, 67,
68, 69, 70, 76, 77

С

Салтыкова (Салтычиха), Дарья
Ивановна (1730—1801) —
62, 79, 81, 84, 85, 122, 124,
290

Самойлов, Александр Николае-
вич (1744—1814) — 237

Сахаров — 143

Селиванов, Кондратий — 284

Семенов, Илья — 77

Сиверс, Яков Ефимович (1731—
1808) — 65, 97

Синявин — 173

Сирский, Савва (Василий) —
54, 203, 238, 239, 250, 251

Скванди — 220, 221

Смольянинов, Семен Ивано-
вич — 205

Смирнов, Афанасий — 298

Смолин — 251

Соковнин (Роман Модокс, см.
II том) — 256, 264

Соколов, П. П. — 291

Спиридов, Михаил Матвеевич
(1796—1854) — 208

Спичинский, Григорий — 270

Спичинский — 286

Степанов — 135

Стрелевский, Иван — 182

Строганов — 220

Струйский — 107

Суруганов — 220

Т

Тальберг, Дмитрий Германович
(1853—1891) — 294, 341

Тараканова — 57, 176, 195,
196

Теплицкий, Александр — 271

Терский — 175

Тили — 219

Тимофеев, Филипп — 270

Тимофеева, Ирина — 220

Торпов — 95

Трифонов, Сергей — 270

Трубецкой, Юрий Юрьевич
(1668—1739) — 162

Туманов — 220

Тургенев, Александр Иванович
(1785—1846) — 217

Турнель — 220, 279

У

Уразов — 221

Ф

Федоров, Афанасий — 200

Федоров, Дмитрий — 76, 77

Федоров, Петр — 217

Федоров, Петр — 261

Федотов, Сергей — 250

Феодосий — 54, 55

Филипп — 219

Филиппович — 220

Фогель — 255

Фриз — 220

Х

Хомутов — 229

Храповицкий, Александр Ва-
сильевич (1749—1801) —
189

Хрулев, Яков — 217

Ц

Царевский — 192

Ч

Чаров — 330

Черкасов — 232

Черномский — 195

Чернышев, Андрей Гаврило-
вич — 189

Честнейший — 219

Чик, Иван — 95

Чириков — 252

Чичагов, Павел Васильевич
(1765—1849) — 199

Чичерин, Денис Иванович
(1720—1785) — 65, 100

Шигаев — 95

Шилинг — 205

Шнейер — 254

Шпренгпорте — 199

Штейнгель, Владимир Ивано-
вич (1783—1862) — 121

Шурдаковский — 220

Ш

Шаховской, Федор Петрович
(1796—1829) — 284

Шварц, Ф. Е. — 216, 261

Шевалье — 182

Шелешов, Петр — 271

Шесалкин — 219

Шенковский, Степан Ивано-
вич — 121, 183, 184, 187,
189, 190, 191, 192, 193, 236,
237, 244

Э

Эттингер, Елизавета — 80

Я

Яблонский, Павел — 218

Язвицкий — 219

Яков — 219

Якушевич — 262

Якушкин, Вячеслав Евгеньевич
(1856—1912) — 190, 191

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
М. Н. ГЕРНЕТ, ЕГО ЖИЗНЬ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО 2-МУ ИЗДАНИЮ	47
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 1-МУ ИЗДАНИЮ	49

Глава первая

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА

§ 1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Уголовноправовое положение дворян и указы в комиссию по составлению нового уложения. «Жалованная грамота дворянству» . . . 61

§ 2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Закон 17 января 1765 г. о праве помещиков ссылать крепостных на каторжные работы. Подтверждение этого права Павлом и Александром I. Запрет крестьянских жалоб на помещиков. «Уложение» графа Румянцева 1751 г. о наказании его крестьян за преступления. «Уложение» графа Орлова-Давыдова для наказания его крестьян. Журнал приказов графа Лопухина (1763—1765 гг.). «Журнал сельца Высокого с деревнями» (1795 г.). Наказание заводских рабочих на заводе Демидовых . . . 64

§ 3. ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ КРЕСТЬЯН

Из архивных дел последней четверти XVIII века и первой четверти XIX века . . . 79

§ 4. КЛАССОВАЯ ЮСТИЦИЯ

Дела Жуковых и Салтычихи. Уличные картины уголовной политики: обряды публичного покаяния дворян Жуковых и Салтычихи. Наказание плетью и изгнание из города метлами крестьянки Васильевой . . . 81

§ 5. ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Описание очевидцами телесных наказаний на площадях: описание Говарда 1781 года, Щербатова при царе Павле, Мордвинова 1824 года. Наказание шпицрутенами военных поселян. Отношение населения к телесным наказаниям (поиски палачей) . . . 86

§ 6. СОЖЖЕНИЕ «ПАСКВИЛЕЙ»

Сожжение пасквиля на Красной площади в Москве в 1765 г., на Сенатской площади в Петербурге в 1764 г., в Ярославле в 1767 г., в Тихвине в 1794 г. . . . 91

§ 7. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Обряд казни Пугачева. Письма Екатерины о казни Пугачева и о пытке. Классовая месть дворян участникам восстания Пугачева. Донесения Репнина царю Павлу о расправе над восставшими крестьянами . . . 94

§ 8. КЛАССОВЫЙ СУД

Осознание народом неправосудия как прерогативы господствующего класса. Роль неправосудия как фактора мятежей и восстаний. «Подметные» письма о неправосудии. Письмо неизвестного к Екатерине II. Подложный указ об уничтожении взяточничества. Наказы «черносошных» крестьян и городских депутатов с жалобами на неправосудие. Вопрос о пытке при расследовании преступлений в наказах разных сословий. «Вольтерьянец» помещик Струйский и его суд над крепостными . . . 101

Глава вторая

ТЮРЕМНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

§ 9. ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ II ОБ УСТРОЙСТВЕ ТЮРЕМ

Приезд Говарда в 1781 г. в Петербург. Первый юридический журнал в России 1791 г. и популяризация идей Говарда. Проект Екатерины о тюремной реформе. Оценка екатерининского проекта англичанином-современником Коксом и русской официальной печатью через сто лет. Наша оценка его. Содержание этого проекта. Напечатанные архивные материалы по составлению Екатериной этого проекта положения о тюрьмах. Сопоставление содержания проектов разных редакций. Проектирование тюремных штатов, отзыв петербургского прокурора. Сообщение того же прокурора о численности арестантов тюремного замка. Из архивных бумаг Безбородко с отзывом о проекте. Положительная сторона проекта. Противоречия между требованиями проекта и русской действительностью. Вопрос о времени составления проекта положения о тюрьмах. Вопросы Кокса о положении тюрем в 1778 г. и архивное дело с ответами на них . . . 109

§ 10. «УЧРЕЖДЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ ГУБЕРНИЯМИ» 1775 ГОДА. СМИРИТЕЛЬНЫЕ ДОМА

Положение о губерниях 1775 г. Характеристика Вольтером этого закона и ее неправильность. Учреждение смирительных и работных домов. Расширение произвола администрации и власти помещиков этим законом. Первый работный дом в Москве . . . 126

§ 11. ЗАКОН 1781 ГОДА О ТРЕХ ВИДАХ ВОРОВСТВА. «УСТАВ БЛАГОЧИНΙΑ ИЛИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ» 1782 ГОДА

Объемы взятия под стражу в целях воспрепятствовать уклонению от суда и полицейский арест за мелкие проступки. Характеристика этого закона с точки зрения влияния классового момента . . . 130

§ 12. О ДОМАХ «ДЛЯ ИСПРАВЛЕНИЯ ЗЛОНРАВНЫХ И ДЛЯ ПРИЗРЕНИЯ БЕЗУМНЫХ»

Архивное дело об этом проекте. Описание указанных домов. Из практики борьбы с ворами-рецидивистами. Разные указы об ускорении дел колодников. Неправильность оценки в литературе екатерининского тюремного законодательства. Наши выводы 132

§ 13. УЗАКОНЕНИЯ О ТЮРЬМЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Несколько цифр, характеризующих размер царского произвола конца XVIII века. Указы финансового характера и др. по тюрьме начала XIX века 137

§ 14. «ПОПЕЧИТЕЛЬНОЕ О ТЮРЬМАХ ОБЩЕСТВО»

Условия образования Попечительного о тюрьмах общества. Приезд Венинга. Царская цензура проекта устава Попечительного о тюрьмах общества. Характеристика устава. Первые члены общества и их работа. Утверждение общества устройства тюремных зданий 1821 г. . . 139

§ 15. ОБЩИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПЛАН ТЮРЕМ 1821 ГОДА . . . 145

§ 16. ТЮРЕМНЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Московская тюремная инструкция 1804 г. Петербургская инструкция 1819 г. Общероссийская тюремная инструкция 1828 г. 146

§ 17. ПРИМЕНЕНИЕ ТЮРЬМЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Хаотическое состояние тюремного законодательства и отсутствие общего законоположения о тюрьмах. Отмирание определений о тюремном заключении по Уложению Алексея Михайловича и по Военному уставу. Угроза лишением свободы по XV тому Свода законов 1832 г. 152

Глава третья

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 18. СВЕДЕНИЯ О СТРОЕНИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Описание внешнего вида крепости: бастионы, куртины, рavelины. Наименование различных частей крепости. Переименование их. Примеры записи в «Летопись» работ над стенами крепости и устройства зданий внутри крепости. Выяснение по «Летописи» мест крепости, где были казематы заключенных. Дом тайной канцелярии. Казематы внутри стен. Назначение различных казематов в бастионах и куртинах. Их состояние. Постройка в 1797 г. в Алексеевском рavelине дома ведомства юстиц-коллегии, в 1740 г.—комендантского дома, в 1751 г.—канцелярии коменданта. Вновь найденное дело о постройке тюрьмы в Алексеевском рavelине. Повеление Павла 1796 г. Описание тюрьмы Алексеевского рavelина 1796 г. и ее обстановки. Первые узники крепости в 1717 г.—22 человека с корабля «Ревель» 160

§ 19. СОСТОЯНИЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ В 70-Х ГОДАХ XVIII ВЕКА

Описание казематов бывшим узником Винским. Рavelин св. Иоанна. Обыск и допросы узника. Другие казематы. Архивное дело с описанием «казенного Коммисского дома» в Петропавловской крепости

Список заключенных за 1794 год. Француз Боно, заключенный за переписку с революционным правительством Франции 173

§ 20. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Дела, возникшие в тайной экспедиции на почве страха правительства перед французской революцией 179

§ 21. ДЕЛО ПИСАТЕЛЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРА РАДИЩЕВА

Радищев — самая крупная фигура из числа узников екатерининской эпохи. 200-летие в 1949 г. со дня рождения Радищева. Его значение в русской литературе и в истории революционного движения. Резкое отличие книги Радищева от произведений французских энциклопедистов. Гнев Екатерины против Радищева. Ее выписки на полях книги. Найденный в архиве документ 1790 г. о заключении в крепость. Содержание книги Радищева. Его призывы к крепостным. Допросы Радищева. Следствие и суд. Приговор к смертной казни. Ссылка в Сибирь. Возвращение из Сибири. Приглашение Радищева к работе в комиссию законов. Смерть Радищева 185

§ 22. ДЕЛО САМОЗВАНКИ КНЯЖНЫ ТАРАКАНОВОЙ-ВОЛОДИМИРСКОЙ

Доставка арестованной в крепость. Допросы ее в крепости. Ухудшение режима. Письма Екатерины. Прислуга арестантки. Воспоминания Винского о заключении Таракановой 195

§ 23. ДРУГИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В КРЕПОСТЬ В 90-Х ГОДАХ XVIII ВЕКА

Арестанты 1793 г., взятые в плен в войну с Турцией. Уголовные преступления в крепости. Монах-прорицатель Авель. Граф Апраксин — узник крепости по любовному делу. Заключенные в крепость Павлом. Полковник Елагин. Контр-адмирал Чичагов. Донской атаман Платов. Крестьяне, обвиняемые в оскорблении величества 196

§ 24. ДЕЛО ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Списки заключенных, ссыльных и высланных по распоряжениям тайной экспедиции. Список заключенных Алексеевского рavelина. Отсутствие в списках указаний на причины заточения 202

§ 25. ДИНАМИОНДСКАЯ КРЕПОСТЬ И ДРУГИЕ КРЕПОСТИ

Список заключенных Динамиондской крепости. Дело о стихотворении, оскорбительном для Екатерины. Цифры состоявших под надзором тайной экспедиции и арестантов по разным местам лишения свободы. Семья Пугачева в Кексгольмской крепости. Изнасилование комендантом крепости дочери Пугачева. Карикатурист Бухарев. Классовые преимущества в Ревельской крепости 204

§ 26. ПЕРВЫЕ ИНСТРУКЦИИ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА 18 ОКТЯБРЯ 1797 ГОДА И 1812 ГОДА

Правила для офицеров, смотрителя и стражи. Вопрос о библиотеке Алексеевского рavelина 211

§ 27. СОЛДАТЫ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА — УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ 1820 ГОДА

Причины восстания полка. Двенадцать солдат-узников Алексеевского рavelина. Пребывание солдат в заточении 216

Глава четвертая

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 28. ОПИСАНИЕ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

План крепости XVIII века. Описание крепости по гравюре Галтионова 1823 г. и по рисункам из альбома Маслова. Секретный дом и «номерные казармы». Башни крепости 222

§ 29. ВОЖДЬ ВОССТАНИЯ БАШКИР БАТЫРША

Восстание башкир. Причины восстания. Показания Батырши. Его смерть в Шлиссельбургской крепости 226

§ 30. ИМПЕРАТОР ИОАНН АНТОНОВИЧ

Перевод его в Шлиссельбургскую крепость из Холмогорского заточения. Инструкция о его содержании. Режим его содержания. Приговор по делу Мировича 229

§ 31. ЭКОНОМИСТ И АЛХИМИК БЕЛИКОВ 233

§ 32. ПИСАТЕЛЬ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НОВИКОВ
В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Издательская работа Новикова. Его сатиры. Переход его в ма-
сонство. Обыск у него и допросы. Заточение в Шлиссельбургскую кре-
пость. Архивное дело о пребывании Новикова в крепости. Рапорт ко-
менданта. Донесения ревизоров. Список узников. План секретной
тюрьмы. Описание камеры № 5 секретной тюрьмы. Донесения реви-
зоров 1794 и 1796 гг. Донесение ревизора 1797 г. Положение заклю-
ченных разных классов. Цена на продукты в Шлиссельбургской кре-
пости в 1792 г. 235

§ 33. ПИСАТЕЛЬ ФЕДОР КРЕЧЕТОВ

Следственное дело о нем 1793 г. Неопубликованные сочинения
Кречетова и мысль его об ограничении самодержавия. Приговор. За-
точение в Алексеевский рavelин. Перевод его в Шлиссельбургскую
крепость 245

§ 34. ИНСТРУКЦИЯ ПО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Инструкция о содержании Рогова 1775 г. Инструкция о со-
держании Сирского 248

§ 35. УЗНИКИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Кирилл Разумовский (1807 г.). Арестант № 1 (1812—1816 гг.).
Записки о расходах на питание узников. Ремонт Секретного дома. Спи-
сок заключенных 1821 г. Экзекуция в крепости. Русский Фауст. Спи-
сок 1823 г. Заключение 253

Глава пятая

МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ

§ 36. ТЮРЬМА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Определение монастырской тюрьмы. Исследование Колчина. Опи-
сание стен, башен и казематов в них. Другие места заточения. Устрой-
ство арестантских помещений в 1797 г. Список заключенных 1796 г.

Стенные цепи. Инструкция о содержании безумных арестантов в Со-
ловецком монастыре. Издательства архимандритов над арестантами.
Заключенный Жуков. Новое его преступление в 1775 г. Последний
кошевой Сечи Запорожской Кальнишевский. Поход на Сечь. Режим
для заключенных. Лобное место в Соловках. Статистика узников
1806—1825 гг. Кладбище заключенных 266

§ 37. ТЮРЬМА СУЗДАЛЬСКОГО СПАСО-ЕВФИМЬЕВСКОГО
МОНАСТЫРЯ

Описание стен и башен. Указ о содержании здесь душевнобольных
колодников. Инструкция 1766 г. Ревизия 1777 г. Список заключен-
ных этого года. Узники тюрьмы недружелюбных. Списки узников
1829 г. и 1801—1835 гг. Социальный состав заключенных. Кандалы
и шейные цепи в монастыре 280

§ 38. ТЮРЬМА КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ . . . 236

§ 39. ТЮРЬМЫ В ЖЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ

Салтычиха в Ивановском монастыре. Помещица Лопухина в Воз-
несенском монастыре. Разумовская в Новодевичьем монастыре. Ин-
струкция 1750 г. о доставке узников в монастырские тюрьмы 289

Глава шестая

ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ

§ 40. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Внешний вид тюрем. Внутреннее устройство их. Влияние тюрем-
ной архитектуры XVII века на устройство тюрем в XVIII веке. Тер-
минология второй половины XVIII века и первой четверти XIX века
для обозначения мест лишения свободы. Положение 1775 г. о губер-
ниях и строение тюрем. Описание Говардом тюрем. Описание Кокса.
Колодки и кандалы в описаниях Говарда и Кокса. Тюрьма в Рогер-
вике. Состояние тюрем в Москве в 1767 г. Нужда в тюремных поме-
щениях во время процесса Пугачева. Описание поэтом Державиным
тюрем в Тамбове. Городничие о тюрьмах Черниговской губернии. Тю-
ремный замок в Москве, выстроенный архитектором Казаковым в
1800 г. 293

§ 41. ТЮРЬМЫ В МОСКВЕ, КАЛУГЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ
В 1817—1818 ГОДАХ

Указ 13 декабря 1817 г. Официальное описание тюрем в Москве
и Калуге. Их описание в периодической печати. Милостыня и палачи.
Доклады по разным губерниям о состоянии тюрем. Частная бла-
готворительность при содержании арестантов. Замалчивание прави-
тельством вопроса о состоянии тюрем 320

§ 42. СОСТОЯНИЕ РАЗНЫХ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ
В ПЕРИОД СОЗДАНИЯ «ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО
О ТЮРЬМАХ ОБЩЕСТВА»

Записки Венинга. Образование Попечительного о тюрьмах обще-
ства в 1819 г. Отчеты общества. Попытки общества расширить свою
деятельность и противодействие этому царя. Достигнутые результаты.
Строительство. Отпуск средств. Тюремный режим. Образцы литера-
туры, раздававшейся арестантам. Оценка работы общества в письме
к Аракчееву. Заграничные поездки членов общества 329

§ 43. РОГАТКИ, СТУЛЬЯ, КОЛОДКИ, ЦЕПИ

Описание рогаток, стульев и колодок. Распространение их. Введение новых оков в 1822 г. Борьба за сохранение колодок. Запрещение в 1828 г. стульев и рогаток. Протесты арестантов против цепей. Секретное дело министерства внутренних дел об употреблении колодок, стульев, цепей и пр. Таблица применения стульев, шейных цепей и пр. 339

§ 44. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В 1830 ГОДУ

Отчеты ревизоров о состоянии тюрем в разных уездных и губернских городах. Наши выводы 347

§ 45. ЦИФРОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТЮРЕМНОМ НАСЕЛЕНИИ
ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ XVIII ВЕКА И НАЧАЛО XIX ВЕКА

Случайный характер цифр о тюремном населении второй половины XVIII века. Попытки регулярного собирания сведений о движении тюремного населения в Москве в 1802 и 1806 гг. Циркуляр 23 сентября 1820 г. о тюремной статистике. Архивные материалы с первыми отчетами по тюремной статистике за 1820 г. Наша обработка их. Статистика арестованных по преступлениям за 1829 г. Число крепостных, задержанных по воле помещиков. Паспортные преступления. Преступления на почве рекрутчины и военной службы. Иллюстрация к цифрам из архивных дел. Заключение 352

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 369

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 371

Гернет Михаил Николаевич
«ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ»
Том I

Редактор *Т. А. Пomyкаева*
Художник-оформитель *Е. Б. Бельская* и *В. И. Бельский*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *А. Н. Макарова*
Корректоры *Н. П. Визина*, *Л. И. Ушанова*

Сдано в набор 26/IV 1960 г. Подписано к печати 30/VIII 1960 г. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆.
Объем: физ. печ. л. 25,38 (в том числе вклеек 1,38), условн. печ. л. 25,38, 25,38 учетно-изд.
л. 25,63 (в том числе вклеек). Тираж 18 000. А-09024.
Цена 14 р. 55к.— С 1/1 1961г.—1р. 46 к. Заказ № 480

Госиздат, Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38—40

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского совнархоза.
Москва, Ж—54, Валуевая, 28

